

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

И. Е.
ЗАБЕЛИН

Домашний быт
русских царей
в XVI и XVII
столетиях

Книга первая
Государев двор,
или дворец

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ДОКУМЕНТЫ

И.Е.
ЗАБЕЛИН

Домашний быт
русского народа
в XVI и XVII
столетиях

В трёх книгах

МОСКВА
·КНИГА·
1990

И.Е.
ЗАБЕЛИН

Домашний быт
русских царей
в XVI и XVII
столетиях

Книга первая

Государев двор,
или дворец

МОСКВА
·КНИГА·
1990

Составление, вступительная статья и примечания
А. Н. Сахарова, доктора исторических наук

Художественное оформление
Б. А. Лаврова

Текст печатается по изданию: Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. в 2 т. 4-е изд. М., 1918. Т. I, ч. I. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.

Забелин И. Е.

З-12 Государев двор, или дворец. — М.: Книга, 1990.
416 с. (Историко-литературный архив).

ISBN 5—212—00284—2
5—212—00541—8 (кн. 1)

Книга открывает переиздание фундаментального труда «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.», созданного выдающимся русским историком Иваном Егоровичем Забелиным (1820—1908). Читатель познакомится с историей возникновения, постройки и перестройки государева дворца, узнает о внешнем виде и внутреннем убранстве древних хором, о всем дворцовом великолепии.

Для всех, интересующихся русской историей.

З $\frac{4702010101-071}{002(01)-90}$ 37—90

ББК 84Р1—4

© Составление, вступительная статья, примечания, художественное оформление издательства «Книга», 1990

"Светлый русский ум"

Семьдесят с лишним лет прошло с тех пор, как в России в 1918 г. в последний раз была опубликована эта книга. Вышла она уже в советское время, но в типографии А. Ф. Ступина — частное предпринимательство заканчивало свою жизнь — и называлась так, как и называл ее сам автор, замечательный русский историк Иван Егорович Забелин: «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях». В 2-х т. Т. 1, ч. 1—2. «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях».

Книга вышла уже четвертым изданием с предисловием самого Ивана Егоровича, написанным им еще к третьему изданию книги в 1895 г. К этому времени автора уже не было в живых — он умер в 1908 г., но слава его, обаяние его исторического пера еще действовали с неумолимой последовательностью. Набранная книга как бы по инерции вышла в свет, хотя в стране произошла Октябрьская революция, разгоралась гражданская война, рушился старый мир, и в нем, казалось, уже не было места тем идеалам и привязанностям, которыми жил старый историк. И действительно, выход книги остался незамеченным, се основной тираж оказался нераспроданным. Да и кого в те годы интересовал быт России XVI—XVII вв., да еще быт царей, царской семьи, отпрыски которой, последние Романовы, были расстреляны в том же 1918 г. революционным отрядом в Екатеринбурге.

С тех пор имя Забелина было предано забвению. И еще в 1984 г. в первой при советской власти обстоятельной книге о нем А. А. Формозов с горечью и скрытой надеждой писал в заключение своего сочинения: «Лучшие произведения Забелина открывают для нас что-то очень сокровенное и вместе с тем безусловно важное в ушедшем в небытие средневековом «домашнем быте русского народа». Прочсть эти книги, написанные восемьдесят, сто, а то и сто тридцать лет назад, интересно и сейчас. К ним еще долго будут обращаться новые поколения историков и все, кто интересуется прошлым нашей Родины»¹.

Но пройдут еще и еще годы, прежде чем в обществе созреет настоятельная необходимость вновь сделать достоянием своей живой культуры книги И. Е. Забелина, — равно как и труды Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, яркие и оригинальные произведения русских философов, естествоиспытателей конца XIX — начала XX в., которые когда-то в совокупности с другими явлениями русской куль-

¹ Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. С. 233.

туры составляли ее неотъемлемую суть и которые после революции были насильно отлучены от этой культуры, от народа.

Десятилетиями не публиковались труды И. Е. Забелина. В советской исторической науке было создано идеологизированное клише об историке как о буржуазном ученом консервативного направления, как о чуть ли не великодержавном шовинисте. Имя Забелина-историка, Забелина-мыслителя прочно вытравлялось из сознания народа. Исчезло имя Забелина из названия одной из городских библиотек Москвы, одной из московских улиц. После революции не возобновилась премия его имени за исследование по истории Москвы. Но главное — лежали неизданными подготовленные им труды, пылились на дальних полках фундаментальных библиотек его, некогда любимые широкими читательскими кругами, книги. Некоторые из них вообще не поступали в открытые фонды. На том экземпляре книги, с которым мне довелось работать, готовя ее к переизданию, стоял штамп 1935 г.: «Проверено».

И все же могучее творчество Ивана Егоровича Забелина невозможно было вовсе вычеркнуть из исторической науки. Забелин продолжал жить, продолжал светить, хотя и неярким, отраженным и порой вовсе не своим светом.

О нем бегло упомянул М. Н. Покровский в 20-е гг. в работе «Историческая наука и борьба классов». Упомянул, естественно, весьма критически. В 1941 г. Н. Л. Рубинштейн в своей «Русской историографии» в разделе «Археологическое направление. История быта» посвятил творчеству И. Е. Забелина полторы страницы, подчеркнув, что ученый был представителем историко-бытового и историко-археологического направления в русской историографии, что он делал попытки восстановить старину в ее бытовой, повседневной конкретности. Названы были впервые — и в этом несомненная заслуга Н. Л. Рубинштейна — основные книги историка: «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях», «История города Москвы». Но о быте царей и цариц было, естественно, не сказано ни слова. Отмечено также, что Забелин «выходил за рамки историко-бытового описания, обращаясь к общим проблемам общественного строя», участвовал в полемике между западниками и славянофилами. Но историограф, видимо, не посмел развернуть эти свои наблюдения, ограничившись лишь замечанием, что эти проблемы оставались у Забелина на уровне социологической эклектики, смешения понятий славнофильства и государственно-юридической школы. Быт — вот то главное, что все-таки, по мнению Н. Л. Рубинштейна, составляло исследовательскую силу Забелина¹.

Через два года, в период тяжелейших испытаний советского народа в борьбе против фашистской Германии, в «Историческом журнале» наряду с публикацией приказа Верховного Главнокомандующего, с патристическими статьями о героической обороне Сталинграда, об адмирале Ф. Ф. Ушакове, о древнерусском полководце Данииле Галицком неожиданно для многих появилась статья Е. Звягинцева «Историограф великого города — И. Е. Забелин». В ней наконец-то была признана огромная исследовательская работа Забелина по воссозданию исторического облика русской столицы. Но Забелин возвращался в науку лишь одной частью своего многообразного творчества. В его трудах подчеркивалось лишь патристическое начало, что было особенно важно в условиях кровопролитной войны. Скромное возвращение стало благом, благом и потому,

¹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 418—420.

что Е. Звягинцев сказал в общем плане о жизненном пути и творчестве Забелина¹, но политизация научного облика ученого лишь отдаляла подлинную оценку, а значит, и подлинное признание.

И все же молчание было нарушено, и, когда наступил 1945 г., среди громовых раскатов победы едва слышно, но прозвучал тихий голос 125-летнего юбилея И. Е. Забелина. Юбилей отмечался в Историческом музее, бессменным руководителем которого ученый являлся почти со дня его основания и вплоть до своей кончины. Известный советский археолог А. В. Арциховский сделал доклад об археологических исследованиях Забелина, и через три года этот доклад был опубликован в «Историко-археологическом сборнике»². И вновь не все творчество И. Е. Забелина, а лишь часть его исследовательских усилий оказалась в центре внимания и этого материала. Забвение преодолевалось с трудом. Об основных работах Забелина вновь не было сказано ни слова.

Казалось, что эта недоговоренность стала основным ориентиром в подходе к творчеству ученого. В 50—60-е гг. имя Забелина упоминается в обобщающих историографических работах — «Очерках истории исторической науки в СССР», ряде общих курсов. И снова стыдливые умолчания, сомнительно расставленные акценты характерны и для этих трудов. В 1-м томе «Очерков» отмечены археологические заслуги Забелина³, а также его вклад в изучение отечественной промышленности, хотя никогда очерки о металлургическом производстве в России и развитии «финифтяного и ценинного дела» не являлись основными в творчестве ученого⁴.

Позднее, в пору политической оттепели конца 50 — начала 60-х гг., появилась возможность более широко и непредвзято подойти к наследию И. Е. Забелина, но, увы, эта возможность не была использована. Во 2-м томе «Очерков» И. Е. Забелину были посвящены три страницы, где говорилось о его археологических изысканиях, работе в Археологической комиссии и Историческом музее. Он упомянут как создатель труда по истории Москвы и не забыт в разделе «нумизматика»⁵. В «Курсе лекций по русской историографии» В. И. Астахов отмечает заслуга Забелина в изучении античной истории юга России⁶.

Но в исторической науке, как и в обществе в целом, дули уже другие ветры, и на то, на что не решались авторы «Очерков» и В. И. Астахов, решился опять же Н. Л. Рубинштейн, написавший в начале 60-х гг. статью о Забелине. Однако ей не суждено было появиться при жизни ученого, что еще раз подчеркнуло всю сложность возвращения из забвения великих культурных и научных достояний прошлого, придавленных идеологическими стереотипами. Она появилась в журнале «История СССР» лишь в 1965 г. уже после смерти автора и стала по существу первым серьезным научным исследованием творчества Забелина. Н. Л. Рубинштейн, сам работавший долгие годы в Историческом музее — детище И. Е. Забелина, получил доступ к архивам ученого, ввел впервые в научный оборот его дневниковые записи, воссоздал в основных чертах биографию

¹ Звягинцев Е. Историограф великого города — И. Е. Забелин (1820—1908) // Ист. журн. 1943. Кн. 3/4. С. 61—67.

² См. ст.: Арциховский А. В. Забелин — археолог // Ист.-археол. сб. М., 1948. С. 5—11.

³ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1953. Т. 1. С. 533.

⁴ Там же. Т. 1. С. 584.

⁵ Там же. 1960. Т. 2. С. 614—617, 656, 674.

⁶ Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1966. С. 321.

Забелина, рассказал о главных направлениях, его научной деятельности. Он первым снял табу с известных в прошлом работ Забелина: «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях», «Мянин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время» и других. Отметим автор и то, что проблемы народа, общества выдвинулись в исследованиях И. Е. Забелина на первый план уже с 60-х гг. XIX в. Но висевшее над Забелиным долголетнее идеологическое проклятие не позволило Н. Л. Рубинштейну дать всестороннюю научную оценку работам историка, автор нарочито подчеркнул прозападнические и антиславянофильские тенденции в творчестве ученого, что было Забелину совершенно чуждо. Обошел он и серию историко-теоретических, концепционных работ ученого, опубликованных в 50—60-е гг. прошлого века, чем значительно обеднил свой анализ. Прозвучали и знакомые упреки в позитивизме и идеализме без точного раскрытия смысла этих тенденций в творчестве Забелина¹.

После статьи Н. Л. Рубинштейна вновь наступил почти двадцатилетний перерыв; о Забелине кратко упоминалось в энциклопедических, историографических, источниковедческих изданиях. То слово правды, которое хотя и сдержанно, но произнес об ученом Н. Л. Рубинштейн, не получило своего развития².

Новый этап обращения к личности и творчеству И. Е. Забелина связан уже с серединой 80-х гг., когда в обществе все более и более настоятельно стала ощущаться объективная потребность истинного исторического научного прозрения, освобождения от давящих мертвых идеологических догм. К этому времени относится еще одна попытка вернуть Забелина своему народу. Я имею в виду уже упомянутую книгу А. А. Формозова «Историк Москвы И. Е. Забелин». Однако старые ограничители не были ликвидированы. Монографию о Забелине, видимо, можно было писать лишь как об историке Москвы, т. е. касаться снова одной стороны творчества ученого, что было уже привычно, начиная со статьи Е. Звягинцева. И тем не менее в этих заранее зауженных тематических рамках А. А. Формозов сумел создать взволнованную и полноценную работу о жизни и творчестве И. Е. Забелина, которую не сможет обойти уже ни один последующий историограф.

Автор продолжил исследовательскую линию Н. Л. Рубинштейна, во многом опираясь на его опыт изучения жизни и творчества И. Е. Забелина, следом за ним двинулся в забелинские архивы и подчеркнул в них много новых интересных материалов, продолжил освоение забелинских дневников, расширил наши представления о биографии ученого, очертил основные направления его научной деятельности, дав подробную характеристику каждому из забелинских направлений. А. А. Формозов стремился выйти из того заколдованного круга оценки Забелина, который был очерчен в работах 50—начала 60-х гг. и который первым пытался разомкнуть Н. Л. Рубинштейн в своей посмертной статье 1965 г. А. А. Формозов старался показать самостоятельность и оригинальность суждений Забелина, его независимость в известном споре между западниками и славя-

¹ См. ст.: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин: Ист. воззрения и науч. деятельность (1820—1908)//История СССР. 1965. № 1. С. 51—74. Далее ссылки на эту работу обозначаются: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин... (страницы).

² См., например: *Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции*/Под ред. В. Е. Илларицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1974. С. 207; *Забелин Иван Егорович*//БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Т. 9. Стб. 772—773.

нофилами, дал обстоятельный разбор всех его основных работ, включая историко-теоретические статьи начала 60-х гг. XIX в. Для первой половины 80-х гг. это было невероятно много. Усилиями Н. Л. Рубинштейна и А. А. Формозова к И. Е. Забелину медленно, но верно возвращался присущий ему человеческий и научный облик. Но сила традиций была такова, что и этому автору не удалось оторваться от ряда прежних оценок ученого, полностью отрешиться от старых стереотипов, определяемых нашей общественно-научной мыслью прошедших десятилетий, и воспринять Забелина с позиций логики развития ученого в условиях общественной и культурной жизни России второй половины XIX в. В книге Формозова мы встречаемся с прежними упреками в адрес Забелина по поводу его позитивизма и идеализма, его привязанности к идеям Гегеля и Капта, увлеченности государственно-юридическими концепциями К. Д. Кавелина, словно историк того времени мог перешагнуть свой век и встать вровень с веком будущим. Но ведь закономерно поставить вопрос — а может быть, следование Гегелю в подходе к человеческой истории в ту пору говорило как раз об удивительном научном чутье и вкусе русского историка, о его живом диалектическом уме, о его историко-философских высотах? Не избежал автор и традиционной оценки И. Е. Забелина как историка-фактолога. «Этим он и дорог нам», — писал А. А. Формозов. Возможно, только этим он был дорог нам вчера, но сегодня...

Отрадным было то, что, заключая свою книгу, А. А. Формозов уже смог поставить вопрос о крайней необходимости издания трудов Забелина. В 1984 г. этот голос остался еще одиноким. Необходимость обращения к Забелину с большой силой подчеркнул в предисловии к книге А. А. Формозова доктор исторических наук С. О. Шмидт, заметивший, что в наше время без работ Забелина не могут обойтись ни писатель, ни художник, ни режиссер, ни композитор, стремящиеся познакомиться с бытом старой России, с образом жизни русских людей XV—XVII вв. И, как бы уходя от уже знакомого детища — «бытовизма» Забелина, С. О. Шмидт определил то значение, которое имел исследователь для русской и советской науки: с его именем связаны целые направления в отечественном обществоведении — история материальной культуры, народного быта, средневекового города, — он был видным археологом, историком Москвы, исследование которой оставалось для него на всю жизнь главной темой, первой и единственной любовью. А творчество Забелина характеризовалось как «культурный феномен», закономерно связанный с корнями народной культуры.

И все же, несмотря на глубоко сочувственное отношение к творчеству историка со стороны современных советских исследователей, оставалась в этих оценках какая-то недоговоренность, чувствовалось стремление привязать его исследовательское кредо лишь к историко-бытовым сюжетам, вынести на первый план факт как таковой, хотя, действительно, владение Забелиным источником, знание им фактической стороны русской истории XVI—XVII вв. было совершенно уникальным.

Сегодня мы можем уже с завоеванных позиций еще раз возвратиться к жизни и творчеству И. Е. Забелина, возвратиться не с платоническими призывами вернуть его труды обществу, а имея в руках уже вышедшую в свет его едва ли не основную работу, первая часть которой публикуется под названием «Государев двор».

Как мы пытаемся порой уложить взгляды обществоведов прошлого в прокрустово ложе схем, сколько для этого придумано дефиниций, какой грандиозный понятийный аппарат создан, с какой виртуозностью мы оперируем многочисленными цитатами классиков марксизма, которые писали, как известно, не цитатами, а создавали цельные законченные политические, идеологические, экономические произведения, определяемые конкретной исторической обстановкой, конкретным историческим материалом. И. С. Тургенев же сказал об И. Е. Забелине очень просто: «Светлый русский ум и живая ясность взгляда»¹. В этих непритязательных словах, на мой взгляд, содержится самая верная оценка личности и творчества замечательного русского историка второй половины XIX в. В них разгадка его потрясающего читательского успеха, его влияния на русскую культуру. Да и все взгляды Забелина, теоретические размышления, отдельные замечания мы поймем правильно, если будем помнить эту тургеневскую характеристику. ...Наверное, идеалист, наверное, позитивист, наверное, радикал в молодости и консерватор на склоне лет, но это в том случае, если непременно стремиться дать ученому определение в нашем старом «добром» социологическом духе, если с усмешкой и недоумением воспринимать личностные, чисто человеческие характеристики. Тургеневу это было не нужно. Я убежден, что это не нужно сегодня и нам. Это вовсе не значит, что Забелин не занимал какого-то определенного места в общественном и культурном движении своего времени, но место это, по-видимому, определялось не только тем или иным его высказыванием в то или иное время, а всей его жизненной позицией, всей совокупностью его взглядов, реакцией на окружающий мир. И все это намного сложнее, глубже, богаче, индивидуальней, нежели сухое социологическое отнесение историка к тому или иному общественному лагерю.

Интересно, что так же «по-тургеневски» его оценивали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Л. Н. Толстой, Б. Н. Чичерин, И. И. Панаев и многие другие деятели русской культуры, литературы XIX в., ученые, общественные деятели. Так, Панаев, один из редакторов «Современника», писал И. Е. Забелину, своему тогдашнему автору, по поводу статьи «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия»: «Некрасов, Тургенев, моя жена, я, Анненков — мы увивались, читая Вашу хронику»²; Н. Г. Чернышевский так оценивал первые опыты И. Е. Забелина по истории русского старинного быта: «Хорошо было бы, если бы у нас являлось больше таких людей, как г. Забелин и г. Чичерин, являлось больше ученых, столь даровитых и живых»³.

О книге, которую мы представляем сегодня читателям, тот же И. С. Тургенев писал в одном из своих писем ее автору: «Я убежден, что Ваша книга будет истинным подарком для всего русского... Ни у кого не нахожу я той ясной простоты изложения и того русского духа (в хорошем смысле этого слова), которые мне так нравятся в Ваших вещах»⁴.

Творчество Забелина высоко оценивали Т. Н. Грановский, М. С. Щепкин, В. И. Суриков, братья Васнецовы, К. С. Станиславский — люди разных поколений, общественных направлений, разных

¹ См.: *Формозов А. А.* Указ. соч. С. 59.

² Там же. С. 90—91.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 89.

вкусов и исторических симпатий. Мне думается, их притягивали именно забелинский «русский ум», реальность и жизненная трезвость его исторических наблюдений и оценок, его природное умение увидеть подлинный смысл того или иного факта, события, личности в истории, независимо от господствовавших тогда общественных оценок, то есть все то, чего во многом лишилась наша историческая наука в последние десятилетия и что сегодня мы с таким трудом, с такими колебаниями, страхом и оговорками начинаем возвращать к жизни.

Понять величие и талант Забелина можно, лишь не только анализируя выборочно ту или иную его работу, акцентируя внимание на том или ином высказывании или обратившись к наиболее значительным вехам в его жизни, но оценив все, что формировало его «русский ум», и все то, что этим умом было создано. И порой при таком подходе особую значительность приобретают вовсе не дежурные факты биографии (сказать о них, конечно, следует для общего понимания творчества ученого), но и некоторые на первый взгляд незначительные детали, отдельные замечания, оказывающиеся на поверку совсем не такими мелкими и случайными.

В жизни И. Е. Забелина есть странницы и есть мотивы, которые во многом определили становление его личности и творческого credo, дали в итоге тот культурный феномен, который ярко проявился в создании труда «Домашний быт русского народа». Основной доминантой в этом смысле, на мой взгляд, является сочетание таких качеств его жизни, как невероятная бедность и ущемленность в детстве и юности, которая в известной мере затронула его зрелые годы, и таких качеств его натуры, как невероятная одаренность, «светлый ум», здравый смысл в подходе к жизни, к событиям истории, большая впечатлительность. Такие сочетания, как правило, приводят к самым неожиданным последствиям. Все зависит от характера человека. Если человек обладает твердым характером, сильной волей, он старается в труднейших жизненных условиях реализовать те благодатные качества, которые ему отпущены природой. И чем больше трудностей и дискриминации встречает он на своем пути, тем упорней его усилия, тем ярче проявляется стремление взять у общества своеобразный социальный реванш. Но и здесь человек может необузданно, любым способом стремиться наверх, а может, спокойно контролируя и взвешивая свои истинные возможности и способности, идти единственным предначертанным ему путем. Если сил и характера недостает, человек может быстро сложить крылья, обидеться на весь мир, замкнуться; в этом случае не исключены и трагические исходы; слабая воля не выдерживает груза большого дарования. Думается, что как человек и ученый И. Е. Забелин силой обстоятельств, силой своей натуры, природной сбалансированностью ума и страстей шел всю жизнь первым путем без его крайностей и больших жизненных коллизий, хотя раскаты грома порой раздавались на этом пути, лишь потрясая, но не разрушая прочно создаваемого им жизненного фундамента.

Внешне жизнь и творчество Ивана Егоровича складывались на первый взгляд стереотипно: трудное начало, длинный нелегкий разбег, а потом медленное, но верное восхождение к очень большим чиновным, научным, общественным высотам.

Но это лишь внешне. Жизнь и творчество его были в реальности весьма драматичны, и лишь «светлый ум» позволил Забелину постоянно держаться раз взятого в жизни курса.

И. Е. Забелин родился в 1820 г. в Твери в семье бедного чинов-

ника — коллежского регистратора Георгия Степановича Забелина. Жалкая квартирка на окраине города, постоянная нужда, нехватки — с этого началась жизнь Ивана Егоровича. А в семь лет он потерял отца, и жить стало еще труднее. Мать с двумя детьми перебирается в Москву, устраивается экономкой с проживанием в чужой дом; но условием этой работы было оставление детей за его пределами. Будущего историка отдали на проживание отдельно. По существу, с тех пор он стал жить сам по себе, скитался по московским углам, подвалам, бродил по городу, прислуживал в приходских церквях¹.

В 1832 г. в возрасте двенадцати лет он оказался в Преображенском сиротском училище или, как тогда говорили, в богаделенном доме.

После пятилетнего пребывания в училище Забелина определили в Оружейную палату Московского Кремля в качестве служащего второго разряда. Так началась для Ивана Егоровича новая жизнь.

Уже в эти первые детские и юношеские годы ряд обстоятельств не мог не повлиять на формирование его личности. Бедно жили многие, но не многие обладали таким любознательным умом, такой впечатлительной, поэтической натурой, как Забелин. В своих записках он вспоминал позднее, что писал в отроческие годы стихи; в сиротском училище он увлекся прекрасным и грозным миром прошлого, с упоением читал Плутарха, Карамзина, Вальтера Скотта, русские исторические романы Вельтмана, Лажечникова, Загоскина, приобщался к высотам тогдашней русской литературы — к Пушкину, Баратынскому, Ф. Глинке, Ершову, Языкову. А вокруг свирепствовали дикие нравы, постоянное насилие над личностью, избиение старшими младших, окружал типично бурсацкий мир. Мир прошлого, прекрасный мир литературы вступали в его душе в противоречие с ужасами жизни, что не могло не потрясти его. И еще: в шестилетнем возрасте, еще в то время, когда семья была вместе, Иван Егорович вместе с матерью уехал в имение князей Вадбольских в с. Ботня, близ Алексина, Тверской губернии. Там мать служила экономкой, а сын жил при ней. Прекрасная природа средней Руси, прекрасное имение, красивая утонченная жизнь местной аристократии и униженное положение матери, собственное пребывание там на задворках — и это при незаурядном уме, при впечатлительной натуре! Какие чувства могла зародить в душе мальчика такая жизнь — озлобление, зависть, приниженность, бунтарство, обидчивость — да любое из них, но во всех случаях здесь, в первые детские годы с их нестройствами, бедностью и унижениями со стороны большого и богатого мира, следует искать объяснение многих последующих настроений, привязанностей и антипатий И. Е. Забелина, в том числе интерес к быту размеренному, ухоженному, надежному — будь то давняя жизнь предков или своя собственная жизнь.

Во всяком случае, с юных лет он оставался быстро и глубоко ранимым человеком, воспитал в себе чувство прочного и глубокого недоброжелательства и недоверия к сильным мира сего. И еще он понял, что в его положении надо терпеть, чтобы вырваться из круга нищеты и унижений.

Но были и светлые, радостные переживания. Трудная борьба за жизнь не подорвала возникшую еще в училище и крепнущую с каждым днем страсть к истории, не загасила все усиливавшуюся любовь к Москве, которую уже тогда, в юности, он увидел не толь-

¹ Формозов А. А. Указ. соч. С. 181.

ко во всей красе своих храмов и дворцов, но и в неприглядной трогательности неустроенного быта, в неповторимой заброшенности и убогости московской бедноты. Все это — и звучащая в его душе история, и полифония московской действительности — входило в его плоть и кровь, чтобы с годами выплеснуться наружу в самопожертвенной преданности московской старине, в независимости и демократизме суждений, в упрямой неприязни к власти как таковой, к силе, насилию, откуда бы они ни исходили, когда бы ни существовали.

Направление на службу в Оружейную палату оказалось не случайностью, а, пожалуй, единственным и неповторимым шансом, который он, безродный и бездомный юнец, обеспечил себе сам, добился своим глубоким интересом к истории, своей эрудицией, уже накопленными в училище знаниями. Его попечитель Д. М. Львов уловил в молодом Забелине эту разгорающуюся искру знания и творчества и помог определить в Кремль. Это было чудо. И сведение об этом чуде стало первой в жизни дневниковой записью И. Е. Забелина. В то время ему было семнадцать лет.

С тех пор его прочно, на всю жизнь окружил мир московской старины. Оружейная палата была уже в то время не только музеем, первой сокровищницей России, но и великолепным архивохранилищем, где содержались документы жизни царского двора минувших столетий, его приказов — Большой казны, Каменного и других. Сотни и тысячи их лежали с давних времен, никем не учтенные и никем не обработанные. Покинутая с начала XVIII в. властями, старая столица как бы застыла в этих документах в своей московской первозданной старине, рубежом которой стал XVII в., сокрыла для посторонних глаз свое великое прошлое; ветер века с тех пор шумел совсем в другой стороне, а Кремль, царский дворец ветшали, приходили в запустение. Правда, И. Е. Забелин пришел в Оружейную палату в те годы, когда Москва, казалось, всколыхнулась после 1812 г., пробудила к себе всеобщий интерес. И этот общественный подъем старой столицы не мог не пройти мимо пытливого ума начинающего ученого.

Три года провел Забелин на новой службе, и в 1840 г. он написал свою первую научную статью о выездах царской семьи на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Тема ее была узка и конкретна, но выбор ее был неожиданным и оригинальным. Уже этот его первый опыт, получивший выход на страницы печати («Московские губернские ведомости») в 1842 г., показал направленность интересов молодого ученого: опора на архив, на точный исторический факт, образность мышления, стремление увидеть в отдельном, пусть небольшом и ординарном, событии большой исторический полет.

Затем последовали новые публикации по истории Московской Руси XVI—XVII вв., которые сделали его имя заметным в научном мире. И. Е. Забелина отличил видный в то время архивист и публикатор русских древностей П. М. Строев, к нему проявил интерес тогдашний историк Москвы, известный ученый В. Л. Снегирев. Кажется, жизнь налаживалась: Забелин получил казенную квартиру, взял к себе мать, женился. И все же прошлое тяжким грузом придавливало его едва определившееся будущее. Он никак не мог выбиться из круга мелких забот и мелких людей. Радостью становились ничтожные случайные приработки, радостью стал и тот факт, что он наконец расплатился за казенную одежду с сиротским училищем, его жена, М. П. Андропова, была такой же беднячкой, как и сам Иван Егорович.

Начинающему ученому не хватало систематического образования, широты кругозора. В своем дневнике он записал в те годы: «Хотелось знания, хотелось учиться»¹.

Но жизнь шла. И. Е. Забелин продолжал вгрызаться в архивы; теперь почти ежегодно выходили его новые статьи, публикации редких архивных документов; старомосковский быт все шире развешивался перед изумленными взорами читателей. Уже в 40-е гг. Забелин начал работу над своим фундаментальным трудом «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях»; постепенно определяется еще одна главная тема его научного творчества — история Москвы, проявляется интерес к археологическим древностям. В молодом тогда человеке, — а первая публикация Забелина вышла в свет, когда ему было лишь 22 года, — удивляет широта научных замыслов, масштабы задуманного, стремление к мобилизации такого количества архивных материалов, которые сегодня под силу лишь солидным научным коллективам.

Вот эта масштабность работы, смелость в постановке глобальных конкретно-исторических и теоретических тем стали уже давно своеобразным знаком качества больших русских ученых-историков. Поражает грандиозность замысла и яркость, виртуозность исследовательского исполнения Н. М. Карамзиным «Истории государства Российского». Затем эстафету принимает почти сверстник Забелина С. М. Соловьев, — воплощением будет монументальная «История России». И в эти же годы свою идею — написать историю русского народного быта — вынашивает Иван Егорович Забелин. Все трое не сумели закончить всего задуманного: груз замыслов оказался непосильным для этих талантливых одиночек, но каждый из них привнес в их исполнение и самопожертвование, и научную страсть, и свой талант до последней капли, оказав неизгладимое влияние на интеллектуальную жизнь России как в те годы, так и в годы грядущие.

К концу 40-х гг. в возрасте 30 лет И. Е. Забелин имел уже около 40 опубликованных работ. Его научное слово звучало все уверенней, теперь с ним считались все, кто занимался средневековой Россией.

В 1842 г. это признание было оформлено избранием его членом-соревнователем Общества истории и древностей российских. Молодого ученого поддерживал глава этого общества, попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов. В «Чтениях» Общества Забелин продолжил публикацию архивных документов по истории Москвы и Подмосковья XVI—XVII вв.

В 1848 г. он был назначен помощником архивариуса Московской дворцовой конторы, а в 1855 г. стал кремлевским архиварием. К этому времени у И. Е. Забелина появилось больше времени для научной работы, меньше стало мелких обременительных чиновничьих забот. Вокруг него группируется кружок любителей русской старины. Именно к 40—50-м гг. относятся «походы» Забелина по территории Кремля, тщательные осмотры кремлевских соборов, церквей, монастырей, подворий, подмосковных боярских дворцов. Известны пешие походы Забелина с друзьями в Троице-Сергиеву лавру, Новый Иерусалим, Ростов Великий, а по пути — бесконечные заходы в окрестные села, старинные монастыри, осмотр древних построек, курганов, городищ. Не теоретически, не умоглядно, а, что называется, собственными ногами и руками изучал И. Е. Забелин русские древности.

¹ Формозов А. А. Указ. соч. С. 34.

В 50-е гг. он продолжает активную научную работу, количество его печатных трудов увеличивается с каждым месяцем. Он много сотрудничает в погодинском «Москвитянине», публикует там заготовки к своему основному труду «Домашний быт русского народа», в частности статью «Дворец московских царей до Петра Великого». Диапазон его научных интересов постоянно расширяется. Создается впечатление, что, окунувшись в архивные богатства, молодой ученый самозабвенно выпускает в свет все, что ни попадается ему под руку, и печатается везде, где придется. Он выпускает статьи о металлургическом производстве в России и о финифтяном деле и получает за них премии Археологического общества, затем публикует материал об установлении неизвестных захоронений в кремлевском Архангельском соборе; в «Журнале садоводства» выходит его эссе о московских садах XVII—XVIII вв.; в «Журнале охоты» — заметки об охотничьем дневнике царя Алексея Михайловича. В эти же годы он принимается за исследование о положении женщины в русском средневековье¹. Однако все эти материалы концентрируются вокруг главных его тем — русского быта и истории Москвы, и любая, даже самая незначительная на первый взгляд, публикация помогает своими уникальными деталями их разработке.

Наконец, с 1851 г. в «Отечественных записках» и в течение ряда лет И. Е. Забелин начинает публикацию первой книги «Домашнего быта русского народа», той самой, которая сегодня преподносится советскому читателю. Она вызвала восторг интеллигентных современников. Книгой зачитываются Грановский и Тургенев, Щепкин и Чернышевский, Чичерин и Кавелин. Кажется, ее не обошли своим вниманием представители всех тогдашних общественных лагерей — революционеры и консерваторы, западники и славянофилы, официальные высшие круги России и университетские преподаватели, студенты. И. С. Тургенев начинает хлопоты об издании «Домашнего быта» отдельной книгой.

Но эти успехи одновременно лишь подчеркивают неравноправное положение И. Е. Забелина и как ученого, и как человека. Его бедняцкое происхождение, положение человека без связей и покровителей, материальная необеспеченность, отсутствие систематического образования тяготеют над ним. В это же время многие его сверстники идут совсем другим путем — гимназия, университет, магистерские и докторские диссертации, обучение за границей — в Париже, Берлине, Гейдельберге, получение высоких профессорских званий и кафедр в Московском, Петербургском, Киевском университетах. Именно такой путь проделал С. М. Соловьев, что не могло не вызывать у И. Е. Забелина чувства глубокого разочарования — нет, не по поводу продвижения таких ученых, как Соловьев, а по поводу своей дискриминации и униженного положения.

А. А. Формозов справедливо заметил, что Строев, Снегирев, а также заместитель попечителя Московского учебного округа Голыхвастов по существу эксплуатировали исследовательский талант историка, требовали для своих собственных сочинений все новых и новых архивных материалов, знатоком которых зарекомендовал себя Забелин к этому времени, и он до поры до времени безропотно подчиняется «сильному миру сего».

Попытки продолжить образование кончаются ничем: для этого нет ни средств, ни времени; лишь мечтой остается поступление в Московский университет. И. Е. Забелин так и остался уникаль-

¹ См. подробнее в кн.: Формозов А. А. Указ. соч. С. 82 и след.

ным человеком: стал известным ученым, имея за плечами лишь пять классов сиротского училища.

Особенно задевало ученого полное небрежение по отношению к нему профессуры Московского университета: став со временем одним из ведущих знатоков Московской Руси, он так и не удосужился приглашения преподавать в университете. Правда, ему предложили прочитать курс лекций по межевому делу в России в Константиновском межевом институте, и это лишь подчеркнуло необоснованный снобизм университетских специалистов. В дальнейшем он стал доктором наук: это звание присвоил ему Киевский университет без защиты диссертации по совокупности опубликованных работ, но Московский университет молчал.

Со временем появилась и протекция, но временная, нестабильная. Кавелин организовал встречу Забелина с известной меценаткой, вдовой и брата царя, великой княгиней Еленой Павловной; дважды Забелин встречался с высокой особой, но заметных следов в его научной карьере эти встречи не оставили. Более того, через несколько лет Забелину отказали в должности помощника директора Оружейной палаты, и не нашлось сил отстоять его кандидатуру перед лицом московских чиновников. Несмотря на это, в душе ученого все более росло ощущение своей исследовательской и общественной значимости, самоуважения, основанного на огромном знании, на колоссальном и кропотливом труде, результаты которого с большим интересом встречала вся читающая Россия. И не случайно в тридцать пять лет И. Е. Забелин делает первые наброски к своей автобиографии. Для него уже в это время был поразителен взлет полубеспризорного московского мальчишки к высотам русской исторической науки, и ему, видимо, хотелось осмыслить этот необычный путь, понять его истоки, сформулировать для себя свои собственные достоинства, позволившие ему круто изменить, казалось, уготованную ему незавидную судьбу.

В эти годы он сближается с кружком Т. Н. Грановского и с самим Грановским. В дом лидера тогдашних русских западников, видного демократа, Забелина привел весь опыт его предшествовавшей жизни. Со времени своего появления в Оружейной палате он общался с демократической молодежью, увлекался статьями В. Г. Белинского. Его знакомство с Грановским поэтому было логичным и естественным. У Грановского на дому он прослушал курс его лекций, и это было единственным в жизни Забелина систематическим обучением. Сблизился И. Е. Забелин и с видным историком М. П. Погодиным. А. А. Формозов предполагает, что в его доме, собиравшем тогда демократически настроенную интеллигенцию, И. Е. Забелин мог встречаться с Н. В. Гоголем; именно там он познакомился и подружился с М. С. Щепкиным, встречался с А. Н. Островским, братьями Киреевскими. «Отечественные записки» и «Современник» стали близкими ему органами печати¹.

Позднее, уже после смерти Т. Н. Грановского, И. Е. Забелин сблизился с кружком А. В. Станкевича; в его доме встречался с видными московскими историками-правоведами К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичериным, основоположниками теории государственно-юридической школы, с С. М. Соловьевым, применившим их теорию в практике изучения России, с врачом С. П. Воткиным. Это были недостающие ему «университеты».

Московские либералы активно выступали против реакционных

¹ Там же. С. 52—53.

теорий Каткова, следили за передовыми идеями Запада. Имена Л. Фейербаха, П. Прудона, К. Маркса были им не чужды, как не чужды они были И. Е. Забелину, жадно впитывавшему все новое, мыслящее, передовое.

В преддверии реформ и в период самих реформ 60-х годов он вопреки ретроградкам приветствует их проведение. О манифесте 19 февраля 1861 г. он записал в своем дневнике: «От души порадовался и умплился было до слез»¹.

Еще вчера мы бы сурово осудили эту «идеализацию» реформы 1861 г.; для нас был приемлем лишь клич радикалов: «К топору зовите Русь!». Но ведь не все в то время стремились братья за топор и тем не менее оставались людьми честными, порядочными, демократически мыслящими, полагающими, что освобождение крестьян от крепостной неволи было определенным благом. К этим людям относился и И. Е. Забелин. Эту оценку подтверждает и то, что он с сочувствием следил за студенческими волнениями, осудил подавление восстания крестьян в с. Бездна Казанской губернии. Именно в то время он писал в своем дневнике: «Крутая, тупая, бессмысленная власть всегда воспитывает элемент протестации, который в том или ином виде явится мстителем ей; Иван Грозный и братия воспитали Смутное время, самозванщину, Николай — нигилизм и нигилистов всех сортов»².

Его биограф считает, что вскоре И. Е. Забелин повернул вправо, т. е. стал опираться в исторических оценках на свою концепцию патриархальности русского народа, на понимание того, что образ жизни народа и возникновение и развитие в России монархического строя взаимно связаны. Причина этого «поворота» видится в реакции на польское восстание 1863 г., в начавшемся «хождении в народ», в покушениях на царя, в расшатывании «устоев». Но мне кажется, что связи здесь нет никакой. Концепция соответствия образа жизни народа и власти, этим народом управляющей, складывалась у Забелина постепенно, и в этой концепции, как я постараюсь показать ниже, было столько же реакционного, сколько и в чаадаевских или тургеневских оценках исторического пути России. Это было его, забелинское, видение, его понимание, его объяснение исторического развития страны. Это понимание он подробно, детально, вариативно аргументировал во многих своих сочинениях, и было бы наивно связывать эту его научную, жизненную концепцию с тем или иным политическим поворотом. И еще раз о власти. В те же годы он писал в дневнике: «Московский кнут — царь. Представляется, что он поработил народ и сделал его действительно рабом. Но так ли это? Примучивая к понятию единства (речь идет о централизации страны. — А. С.), он действительно стегал кнутом встречного и поперечного, но ведь кто ж и кого тогда не стегал. Власть, в чьих руках она ни была, всюду она была дика, груба, эгонстична»³. Надо просто подумать над тем, как подобные характеристики, прямо «по Чернышевскому», укладывались в теорию русской патриархальности.

В 1859 г. И. Е. Забелин стал членом Археологической комиссии. Закончилась служба в Оружейной палате, которая принесла ему не только радостные, волнующие часы, дни, месяцы общения к первоклассному источниковому материалу, способствовала становлению его как ученого, но и разочарования, связанные с тяжелой борьбой

¹ Там же. С. 119—121.

² Там же. С. 122.

³ См.: *Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин...* С. 58.

за жизнь против чиновной рутины, которая стремилась приостановить его научный рост, поставить его талант на службу своим утилитарным интересам.

Теперь начался новый этап его научной деятельности, связанный с обращением к глубокой древности, к праславянским временам. Он предпринял ряд археологических экспедиций на юг России, провел интенсивные раскопки скифских курганов в Поднепровье, работал на Таманском полуострове. Несколько сезонов проработал И. Е. Забелин в экспедициях, многого добился. Именно он возглавил экспедицию, раскопавшую знаменитый Чертомлыцкий курган, полный скифскими и греческими древностями; исследовал он археологически и территорию греческой Ольвии, вел раскопки боспорских древностей.

В ходе этих экспедиций И. Е. Забелин собрал огромный материал для новых книг и статей; самым ценным для него, судя по его археологическим наблюдениям, была возможность, опираясь на материальные свидетельства жизни древних народов на территории России, выйти на генезис славянства, воссоздать историю русского народа в целом от доисторических глубин до современного ему периода. Он стремился реализовать свой замысел в таких фундаментальных работах, как «Древности Геродотовой Скифии» (1872), «История русской жизни с древнейших времен» в 2 частях (1876, 1879), в статье «В чем заключаются основные задачи археологии как науки» (1878), в серии докладов о действиях Археологической комиссии в том или ином году, в материалах к «Археологическому словарю» и других.

Как археолог Забелин оставил заметный след в отечественной науке. Сегодня, конечно, можно говорить о несовершенстве его научных методов, но то было время зарождения отечественной археологии, и прав был А. В. Арциховский, говоря, что для своего времени уровень Забелина — это уровень передового исследователя. Археологические работы укрепили известность И. Е. Забелина, принесли ему лавры археолога, продвинули по служебной лестнице в табели о рангах от IX до VI чина, увеличили его материальный достаток. И все же полного удовлетворения эта работа ему не дала. Возвращаясь домой, он вновь обращался к тем колоссальным источниковым пластам, которыми сумел овладеть за годы работы в Оружейной палате, продолжал настойчивое исследование России XVI—XVII вв.

В 1876 г. он ушел в отставку в чине действительного статского советника. В ту пору И. Е. Забелину было пятьдесят шесть лет.

Существует мнение, что и здесь от него требовали многого из того, что несовместимо с наукой, — новых сенсационных материалов, находок золотых вещей для Эрмитажа. Возможно, это нервировало маститого ученого. Но, думается, что дело было главным образом не в этом. Он слишком любил то, что слишком хорошо знал. Юг, Поднепровье, скифские курганы были не его стихией. Его первой и всепоглощающей научной любовью оставалась Москва, Подмосковье, Великороссия. Как раз в годы особенно интенсивных археологических исследований, с конца 50 — по середину 70-х гг., в свет вышли практически все основные исследования И. Е. Забелина: программные теоретические статьи «Размышления о современных задачах русской истории и древностей» (1860), «Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы» (1863), «Современные взгляды и направления в русской истории» (1863), «Черты

самобытности в древнерусском зодчестве» (1878), монографии «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях»: т. 1 — «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» (1862); т. 2 — «Домашний быт русских царц в XVI и XVII столетиях» (1872); в журнальном варианте он опубликовал монографии «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII век)» (1871), «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время» (1872), работа вышла первым отдельным изданием в 1883 г., другие многочисленные труды. В 1872—1873 гг. в типографии В. Грачева и К^о был опубликован двухтомник его трудов, куда вошли принципиальные теоретические статьи историка и другие исследования малых форм. Этот двухтомник И. Е. Забелин назвал «Опыт изучения русских древностей и истории». А это значит, что все время, свободное от полевых раскопок в осенние, зимние и весенние месяцы, он проводил за письменным столом, погружаясь в основном в мир России XVI—XVII вв., завершая уже начатые исследования, вынашивая новые замыслы, готовя свои работы к печати.

На покой И. Е. Забелин удалился с пенсионом в 1200 р. в год, в звании доктора наук, которое в 1871 г. ему присвоил Киевский университет, в ореоле всероссийской научной славы. Впереди еще были долгие годы жизни, новые научные труды, большая организационная работа. Уход на пенсию стал для него своеобразной передышкой перед новым научным взлетом.

С 1872 г. он возглавил Общество истории и древностей российских вместо умершего С. М. Соловьева. С 1873 г. И. Е. Забелин вошел в состав действительных членов Исторического музея, открытого в 1872 г. В обществе он проработал до 1888 г., а затем сосредоточился на работе в музее.

С 1885 г. он был назначен товарищем председателя музея, т. е. стал его фактическим директором. Он переехал в здание музея, где и оставался жить вплоть до своей кончины.

Это было счастливое время. Материально независимый, получивший широкую известность как историк и археолог, И. Е. Забелин с головой ушел в новую для него работу. Он значительно увеличивает коллекция Исторического музея, активно привлекает к этой деятельности известных меценатов, обладателей больших исторических ценностей, к нему за советом обращаются В. Суриков, А. Васнецов, Л. Толстой, Н. Рерих, другие деятели литературы и искусства. В 80-е гг. наконец-то приходит признание официальной науки — И. Е. Забелина избирают почетным доктором Московского и Петербургского университетов, членом-корреспондентом Академии наук.

С конца 70—начала 80-х гг. в жизни И. Е. Забелина происходит еще один поворот: он становится официальным историографом Москвы, соглашается, по предложению московской Городской думы, возглавить комиссию по созданию истории Москвы.

Городская дума прекрасно понимала, кому она доверяет историю города — к этому времени Забелин был наиболее авторитетный знаток московских древностей. Но отцы города не учли максималистской научной натуры Ивана Егоровича. Его программа создания истории русской столицы до сих пор удивляет всех, кто знакомится с ней. Мне еще придется сказать об этом ниже, но охват этот поистине невероятен. Он удивляет не столько хронологически — от археологических глубин до XIX в., сколько тематически — едва ли существовала какая-либо область общественной жизни Москвы, которую бы не намеревался изучить и представить читателю И. Е. Забелин.

С самого начала проект был обречен на неудачу: небольшой группе ученых, даже усердных и талантливых, не суждено было поднять этот научный груз. Но работа энтузиастов началась; в ее водопорот были брошены колоссальные архивные фонды. Начали выходить первые тома материалов, но до самой истории города, о которой мечтали думские деятели, было далеко. И тем не менее в 1884 г. вышла первая часть «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы», которая была посвящена истории, археологии и статистике московских церквей; в 1891 г. вышла вторая часть этих материалов, а подготовительной работе не было видно конца.

В это время Ивану Егоровичу шел уже семьдесят первый год. Он продолжал активную научную деятельность. Ежегодно выходили его новые статьи, заметки, рецензии, он перендавал свои прежние работы, и в первую очередь «Домашний быт русского народа», «Минин и Пожарский». Новых идей было уже немного — по существу, его концепционный теоретический корпус сформировался в 60-е гг., и теперь в отдельных работах, предисловиях к своим старым трудам он лишь оттачивал свои взгляды, связывал их в единую прочную цепь, обнимая ими всю русскую историю.

В последний раз он обратился к своей концепции понимания исторического процесса в созданной наконец «Истории города Москвы». Первая ее часть вышла в 1902 г., потом она была перендана в 1905 г.; вторая же часть труда в виде рукописи была И. Е. Забелиным подготовлена к печати, но так и не увидела свет: у престарелого автора уже не было сил закончить начатое.

От конца XIX в. до нас дошел портрет Ивана Егоровича Забелина работы В. И. Сурикова. От этого лица невозможно отвести взгляд. Таким можно представить себе Нестора: седая грипа прекрасных волос, окладистая, совершенно белая борода, суровый, чисто летописный, излом бровей, в котором, казалось, отразились все страсти, муки, победы, радости, трагедии народа. И взгляд, исполненный ума, сострадания и величия. Суриков, казалось, уловил то главное, что составляло суть натуры Забелина: он пропустил через свой ум, через свое сердце историю народа, и эта история оставила в его душе неизгладимый след.

В 1908 г. вышла в свет последняя прижизненная работа И. Е. Забелина — небольшая заметка «Трон и царское место Грозного в Кремле». Кремлем Забелин начал свой путь в исторической науке, Кремлем и закончил его. В этом же году он умер, оставив после себя около 200 печатных работ, в том числе 10 фундаментальных монографий. По завещанию большую часть личных средств, богатейшую библиотеку он оставлял Историческому музею.

Это была подлинная утрата для России, ушел из жизни человек, который любил ее, старался понять, старался, чтобы ее поняли другие. Общественность высоко чтит память видного историка. В различных газетах и журналах было опубликовано около 20 некрологов; среди их авторов были и известные, маститые ученые (А. А. Кизеветтер, Д. И. Иловайский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков), и молодые талантливые светила, некоторые из них стали потом известными советскими учеными¹, тем самым как бы сомкнув цепь поколений, связав век XIX и век XX.

¹ См.: Иван Егорович Забелин: Библиогр. указ./Сост. О. Ф. Бойкова. М., 1988.

Представляя читателю настоящую книгу, сразу же следует огорчиться: все ортодоксальные критики послереволюционной поры с негодованием писали или подразумевали, что она посвящена образу жизни царского двора XVI—XVII вв. А раз так, значит, Забелин — монархист, консерватор, шовинист и т. п. И никто из писавших и молчавших не обратил внимания на другое: ведь книга называется «Домашний быт русского народа». Народ! И лишь сквозь призму этого понимания она посвящена государеву двору. Вот в этой прямой связи, в этом сопоставлении жизни народа и жизни царского двора и заключается смысл работы И. Е. Забелина.

Более того, народ, а не царь, не образ жизни царя и царской семьи неизменно оказывается у И. Е. Забелина в центре внимания всех его сочинений — монографий, статей, рецензий, заметок. По моему убеждению, ни один из русских историков не уделял проблеме народа столько внимания, сколько И. Е. Забелин. Он был воистину народным историком не только по своему происхождению, образу жизни, но и по своим убеждениям, историческим взглядам. И тем не менее в возбудженном классовом мозгу последующих, уже послереволюционных адептов народа Забелин получил уничтожающие идеологические оценки. И здесь мы подходим к главному в понимании научного творчества И. Е. Забелина — к тому, как он рассматривал народ и как этот народ рассматривали его будущие идеологические оппоненты. Заранее хочу сказать: взгляд на народ, его историю, его образ жизни у И. Е. Забелина был более реален и правдив, нежели наше недавнее понимание истории трудящихся классов, за которым терялся обычный живой человек, единственный человек, индивидуальность, а именно она стояла в центре исторических воззрений И. Е. Забелина.

В предисловии к первой части «Домашнего быта русского народа» он писал: «Домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий»¹. Не царя, не царицу, не царевичей, а человека, русского человека он стремился понять, «внутреннее народное развитие», а это возможно, по мнению историка, лишь в том случае, если мы сможем понять «частные типы» народной жизни². Можно, конечно, спорить с забелинским пониманием этих типов, но трудно, наверное, возражать против того, что народ состоит не только из тех, кому мы симпатизируем с точки зрения классовых интересов, но и из тех, кто является в истории нашими идеологическими антиподами. Под понятием «народ» в течение долгих десятилетий мы имели в виду лишь «низы», трудящиеся массы. Между тем как в реальности все обстояло сложнее. В понятие народ входили и входят все его составные части, нравятся они нам или нет, все его структуры, которые составляют общество, определяют общественную жизнь. И. Е. Забелин не имел тех классовых, догматических ограничителей, которые имели мы, поэтому для него народ представлял собой хотя и пестрое, но единое целое снизу доверху и сверху донизу. Но он предпочитал вести отсчет сверху. Так первым «народным типом» для него был «государь, или государь», не государь в политическом смысле слова, огова-

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1918. Т. 1, ч. 1. С. 9. (Далее в ссылках на это издание приводится только вторая часть названия).

² Там же. С. 13.

ривается Забелин, а в чисто житейском, в смысле «собственника и владельца, хозяина». К этой господарской среде он относит и лица княжеского, позднее царского происхождения, и дружинников, позднее бояр, детей боярских, дворян. (Мы бы сегодня сказали, что это тип феодального собственника.) И в домашнем быте русских царей он видел «верховное значение этого типа», считал, что в образе жизни царского двора XVI—XVII вв. как бы аккумуляровались наиболее характерные черты этого типа, его образа жизни. (Мы бы сказали сегодня, что здесь аккумуляровались наиболее ярко материальные условия жизни господствовавшего класса феодальной России.) По существу, Забелин интуитивно совершенно верно определяет то, что с такой научной обоснованностью и обстоятельностью сформулировали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Другим типом И. Е. Забелин считает «земца-кормителя», в состав которого, по его мнению, входит все трудовое население; следующим типом — «казачество». В этой градации находят свое место тип «церковника», тип «слуги» и другие. Но, предупреждает Забелин, «нельзя забывать их связи, которая по законам жизни сливает их в одно целое»¹. А это целое и раскрывает нам «общий тип народной жизни».

В этой градации, естественно, отсутствуют понятия эксплуатации человека человеком, классовой борьбы, что составляет суть марксизма и до чего мировое обществоведение дошло лишь по мере распространения идей марксизма в конце XIX и в XX в. Но в этой политике разделения общества на типы есть здравая мысль, есть живая реальность, есть основа для изучения быта России, который, по мнению Забелина, является главным «для уразумения идей и идеалов».

Замечу, что опять же интуитивно Забелин в обрисовке типов «земца» и других низов весьма откровенно пишет о народных страданиях, о задавленности трудовых масс, насилиях над ними власти, сильных мира сего. Так что, не владея классовыми дефинициями, историк силой своего ума, проницательности, знания документов приходит к пониманию сложности и противоречивости народного организма, к диалектическому пониманию его существования. И трудно спорить с тем, что именно быт во многом определяет человеческое сознание, настроение людей, общественные тенденции.

Эти основополагающие для Забелина мысли, высказанные в 1895 г. в предисловии к третьему изданию «Домашнего быта русского народа», по существу, были для него итоговыми. С особой тщательностью и обоснованностью он разрабатывал их прежде. Как раз они-то во многом остались незамеченными и недостаточно оцененными. Читатели, даже такие, как И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой, восхищались удивительным проникновением Забелина в старый русский быт, оставляя в стороне вопрос — а для чего же потребовались историку эта виртуозность и этот колоссальный изнуряющий труд.

Еще в 1860 г. в одной из первых своих теоретических статей И. Е. Забелин на первый план в истории выдвинул народ, который он рассматривал как своеобразный общественный организм. «Идея организма есть идея самой жизни, — писал он, — и идея народности как идея органическая «становится действующим началом исторической жизни»². История, замечает он далее, не берет эту идею

¹ Там же. С. 14—16.

² Забелин И. Е. Размышления о современных задачах русской истории и древностей/Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 13. В дальнейшем ссылки на это издание обозначаются: Забелин И. Е. Размышления...

у естествознания, «а находит ее сама в себе, потому что история — такая же естественная наука, как и другие... Ее предмет — живой организм человеческий»¹.

Эти положения И. Е. Забелина впоследствии породили в его адрес упреки в позитивизме, кантианстве, гегельянстве. Особенную критику вызывал его тезис о том, что «идея руководит историей»². Однако важно ведь, что понимал автор под этой формулой, — а понимал он вовсе не то, что ему порой приписывалось. Основная его мысль о народе как живом организме, причем организме особом, историческом, законы развития которого ни в коем случае нельзя отождествлять с законами естествознания, вряд ли сегодня может вызвать возражения здравомыслящего человека. А именно такое здравомыслие, основанное на тщательном изучении исторических источников, и привело И. Е. Забелина к пониманию проблемы народа в целом. На этом основании он продолжает формулировать свое понимание истории, задачи исторической науки. Предмет истории, подчеркивает он, «живой организм человеческого духа». На первый взгляд от этой формулы вновь веет глубоким идеализмом. Но посмотрим, как Забелин развивает эту мысль: «Жизнь общества заключается в организации идей и дел, совершаемых человеком... Жизнь в человеческом смысле есть именно духовная деятельность человека»³. Вот эта деятельность, под которой Забелин понимает все то, что создано разумом человека, и составляет предмет истории. «Как личность отдельного человека есть духовное целое, духовный организм, живущий и развивающийся, так и народ — высшая личность — есть такой же духовный организм, по тем же законам живущий и развивающийся»⁴. И против этого здравого подхода к предмету возразить, конечно, трудно, особенно если учесть известное и уже цитированное суждение Забелина о том, что духовная жизнь людей, общества, его идеи определяются бытом, то есть условиями материальной жизни.

Далее автор дает свое понимание общества как такового: «Гражданское общество, народ, есть живая совокупность умственных и нравственных сил, которые, как органические силы природы, находятся в постоянном неуловимом движении, как все органическое в природе». Если Забелин таким образом интерпретировал идеи Гегеля и применил их для объяснения русской истории, то в этом, на мой взгляд, следует видеть не недостатки, а большое преимущество его исторической концепции, потому что она позволяла подойти к пониманию истории, во-первых, учитывая роль народных масс, а во-вторых, их постоянное развитие, движение, что не может не импонировать сторонникам исторического материализма.

И. Е. Забелин выступил против того, чтобы превращать историю в сводку «громких» и «казистых» дел, распределяемых по видам: дела военные, гражданские, церковные и т. п. В таком подходе, утверждал историк, утрачивается «личность» народа; нужно выявлять живую историческую действительность, а не заниматься «разного рода раскраскою истории».

Воссоздавая путь народа, писал он, необходим «микроскоп исторический», а не только изучение «громких, но жалких дел» чингисханов и тамерланов.

¹ Там же. С. 3.

² См. вкн.: *Формозов А. А.* Указ. соч. С. 66 и след.

³ *Забелин И. Е.* Размышления... С. 4.

⁴ Там же. С. 5.

Историк пришел к твердому убеждению, что целью и смыслом развития общества является развитие «индивидуальной личности, как основы существования силы общественного союза», «в полном, всестороннем развитии человека, в полном освобождении его природы от всяких стеснений, возникших из первобытной непосредственности, или от исторической искусственности, нажитой совершенным забвением, или даже пренебрежением именно этой цели человеческого существования»¹. У нас же, с иронией отмечает Забелин, не история, а «сборная биография неугомонных лиц»². Без лиц, конечно, нет истории, продолжает он, без единичной жизни нет общей жизни, «но не ставьте же эти лица, эту единичную жизнь на то же место, которое по праву принадлежит лицу народа»³.

Что же имеет в виду И. Е. Забелин под народной жизнью, «лицом народа»? Здесь все просится на страницы истории, говорит он, «народная песня, поверья и предания, обряд и обычай, домашняя обстановка со всеми мелочами быта и система понятий и убеждений эпохи»⁴, необходимо изучать и законы, по которым живет сложный народный организм. Это требует сосредоточения внимания исследователей на целом комплексе материалов, которые дают наиболее «типические черты» «народной личности», и среди них не только летописи, но и иные пласты источников — юридические акты, челобитные, сыские дела, рассказывающие о повседневной жизни народа.

Причем Забелин выступает за то, чтобы этот принцип претворялся в жизнь при подходе и к самым древним, археологическим периодам отечественной истории. Одной из задач археологии как науки он считал, в частности, изучение того, «как жил, каков был человек в ту или другую эпоху, — вот существенные и прямые ее вопросы»⁵.

И в других своих сочинениях той поры И. Е. Забелин настойчиво выступает против «внешних фактов» истории, истории войн, поражений и побед. Эта его попытка направлена непосредственно против «Истории России» С. М. Соловьева, видится здесь и неприятие «истории лиц» Н. М. Карамзина. Он вновь и вновь повторяет: «Мы должны узнать прежде всего внутренний быт народа во всех его частностях, тогда события и громкие, и незаметные оденены будут несравненно вернее, ближе к истине»⁶. Как видим, Забелин не отрицает эти «громкие дела», «неугомонные лица», но он совершенно справедливо указывает на односторонность и ущербность подобного изображения истории, и в этом — по сути дела одним из главных компонентов — он категорически расходится со сторонниками государственно-юридической школы, в которую его определили позднейшие критики.

Народ — «высшая личность», «разгадка всего», — любил говорить И. Е. Забелин. С позиций народного бытия он оценивал и все «громкие дела» русской истории.

Так он отводил решающую роль народу в истории складывания Русского централизованного государства: «В создании независимого Русского государства участвовал и работал сам народ, еще

¹ Там же. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 10, 12, 16.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ См. ст.: *Рубинштейн Н. Л.* Иван Егорович Забелин... С. 58.

сильнее и больше, чем московские государи, которым исключительно приписывают этот подвиг истории. Сам народ, по необходимости переносивший крутую неволю от собственных властей, никогда и нигде не выносил чужой неволи — татарской, немецкой, литовской¹. Здесь И. Е. Забелин проводит весьма любопытную мысль о диалектическом сочетании борьбы классово-общественного интереса в годы тяжких народных испытаний и на определенном этапе истории России, в период борьбы за независимость, за единое государство, отдает пальму первенства интересам общенародным, общечеловеческим.

С этих же позиций оценивает Забелин реформы Петра I. Он рассматривает эти реформы как проявление русских начал, народной стихии, действие сил, давших народу «простор». Анализируя смысл реформ, форму их проведения, в статье «Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы» (1863) он приходит к выводу, что «реформа была вполне делом самого народа, деянием лучших и наиболее здоровых его элементов, что Петр в действительности является только провозвестником, исполнителем великих народных стремлений». Замысленная «в немецком стиле» реформа русской жизни была проведена «совершенно по-русски».

Так же подходит он и к другому поворотному пункту русской истории — времени Смуты, «именно со стороны истории народа»², «сироты-народа», который определяет историческое движение страны. Оставляя в стороне острейшие социальные коллизии, он считает, что заводчиками Смуты оказались верхи общества, корни Смуты уходят в царский дворец, в ход борьбы единодержавия с теми, кто «нес землю розно». На удар Грозного по боярству оно нанесло ответный удар по единодержавию уже после смерти Ивана IV. В ходе борьбы честолюбцев за власть она утратила «нравственное значение», «общество, государство зашаталось... банкротом оказался не народ, а правительство». Что касается народа, то сначала он «долго стоял перед домом покойника, и все видел, и все слышал, что там творилось, и прямо называл все это дело воровством, а всех заводчиков Смуты — ворами». И лишь позднее народ, «богомольцы», «сироты посадские» взялись за дело воссоздания государственного устройства и действовали при этом по своему, по мирскому совету, по уму. Сначала народ смешался с «холопским делом» Болотникова (и здесь Забелин отдал должное одному из самых значительных событий Смуты — движению казацко-крестьянских, холопских низов), а затем пришел к созданию Второго ополчения³. В то время как «бояре продавали отечество за боярские почести и корысти», народ и выразители его интересов Минин и Пожарский стали истинными героями времени⁴.

В 1863 г. в трех февральских номерах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» И. Е. Забелин опубликовал статью «Современные взгляды и направления в русской истории». В этой статье свое понимание роли народа в истории он попытался приложить к современной ему жизни, оценить тогдашний этап в истории России. Только что была проведена реформа, отменившая крепостное со-

¹ Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетунский стан: Ист. воспоминания: М., 1873. С. 71.

² Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883. С. 1.

³ Там же. С. 7—8, 12.

⁴ Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 234.

стояние крестьян, разрабатывались и проводились в жизнь другие реформы в различных областях общественной жизни. Старинная дремотная русская рутинная была буквально взорвана властным вторжением новых буржуазных отношений. Старый мир рушился, новый обрисовывался еще невятно. Именно в это время разгорелись жаркие споры о настоящих и будущих судьбах России между западниками и славянофилами, вернее их уже пореформенными преемниками. В споре активно участвовали консервативное крыло, либералы, мощно звучал голос радикального направления, воспитанного на идеях Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Бакунина, оформлялось будущее народничество. И каждая из общественных групп в своей аргументации апеллировала к истории. Вот эту особенность общественной борьбы того времени и отмечает И. Е. Забелин. Вслушиваясь и вдумываясь в смысл гремящей вокруг него полемики, он приходит к грустному убеждению, что «наука история в большинстве случаев служит для современности как средство для всевозможных доказательств, оправданий и порицаний»¹. А потому говорить сегодня об истории — значит говорить о современных направлениях и стремлениях в общественной борьбе?

Это сказано более ста двадцати лет назад, но звучит свежо и в нынешние времена. Более того, Забелин стремится вообще вскрыть смысл исторического мироощущения, характер общественного мышления в переломные исторические эпохи, какой являлась эпоха 60-х гг. XIX в. Его рассуждения могут и сегодня, в период наших реформ, произвести ошеломляющее впечатление. Забелин полагает, что мышление личности, сформированное в условиях застойного периода истории, входит в резкое противоречие с начавшейся перестройкой народной жизни. Результаты этого противоречия бывают весьма драматичными. «Усвоивши по началам собственного развития известный взгляд на вещи, более или менее определенный и построенный довольно логично, установивши точку воззрения твердо и самостоятельно, единичный ум очень часто так и умирает в ясном и спокойном созерцании своей силы и правды. Это всегда случается в эпохи стоячей жизни, когда в житейском море, в силу каких-либо обстоятельств, настает штиль, тишь и гладь. Но в эпохи поворотные, когда все теряет свои прежние места, трудненько сохранить это спокойствие, убеждение в собственной единичной правде. Такие эпохи тем особенно и отличаются, что прежняя иная правда вдруг оказывается ложью. Долгая и морозная зима вдруг оказывается весною и возбуждает совсем иные представления о Божьем мире»². Все это и неспособен понять «единичный ум», «крепко и плотно завернувшийся в тот или другой кокончик понимания правды». Для такого ума, такого человека эпоха переворота предстает исключительно в виде наступающего хаоса, анархии; возникают мысли о всеобщей гибели, распаде общества. Но «весь этот мутный водоворот, — продолжает И. Е. Забелин, — представляет только живое воплощение руководящей идеи века», и задача

¹ Забелин И. Е. Современные взгляды и направления в русской истории // Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 301. В дальнейшем ссылки на это издание обозначаются: Забелин И. Е. Современные взгляды... (страницы).

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 304.

истории — выявить «ход раскрытия этой идеи в жизни»¹. Эту идею и ее реализацию люди понимают «в соответствии со своими правами и умами». И здесь Забелин вновь выходит на проблему народа, который накладывает свою печать на все содержание переломной эпохи. В действительности же кажущийся хаос — лишь проявление закономерностей эпохи, которые по-разному понимаются различными направлениями общественной мысли. «Застарелые фрунтовики мысли гневаются, когда настает подобный хаос, и даже ругаются, почитая себя все-таки умнее общего жизненного движения и вовсе не замечая, что в этом движении обнаруживается очень здоровая сторона общества, которая в это время, несмотря на неизбежные заблуждения, шире и многообразнее, чем прежде, раскрывает свои сознательные силы»². В это время «жизнь общества раскрывает себя без всякой застенчивости, раскрывает всю подноготную»³. Все, что тлело, скрывалось под слудом «ветхой личины», «изношенного символа», неумолимо пробивает себе дорогу. Общественные деятели в такие эпохи должны четко отвечать на вопрос «кто ты и что ты?» без «вливания, двуличности и двусмысленности». Эти-то вопросы, размышляет Забелин, «и смущают людей, которые вовсе не готовились, вовсе не желали бы отвечать на них», скрывая свои истинные намерения и убеждения⁴.

Эти рассуждения историк применяет при анализе таких поворотных эпох, как 60-е гг. XIX в. и Петровские реформы, и дает оценку той отчаянной общественной борьбе, которая разворачивалась вокруг судеб России в XVIII в., но особенно во второй половине XIX в. И снова, как и в XVIII в., схлестнулись две основные полемические линии — «русифильство» и «западничество». «Светоч русифильства», — отмечает Забелин, — неизменно возгорался сильнее, «как скоро жизнь делала поворот к собственному обновлению». Так было в петровские времена, в период реформ Екатерины и позднее — Александра I. И всякий раз «русифилы» стремились равняться на русские «корни», где, по мысли Забелина, господствовали лишь отсталость и косность, «Русифилы» и прежде и теперь смотрят, по мнению Забелина, «в день вчерашний», стремясь найти там себе исторические образцы; «западники» же вглядываются лишь «в даль будущего», отрываясь от реальной русской действительности, «они мало дорожат прошлым». И те и другие как раз и демонстрируют две стороны понимания действительности, проявляя недовольство существующим положением вещей, и стремятся использовать историю «как самое эластичное вещество»⁵.

Эти прозорливые и горькие размышления И. Е. Забелина, казалось, не были замечены современниками, скрестившими мечи в яростной полемике. Одиночка, стоящий над враждующими группами, над запальчивыми спорами, полными односторонней аргументацией, был никому не нужен. Оба лагеря как бы на деле продемонстрировали по отношению к Забелину действие принципа — «кто не с нами, тот против нас». В те дни Забелин оказался объективным и вдумчивым историком, во многом верно оценившим психологию людей переломной поры.

¹ Там же. С. 305.

² Там же. С. 306.

³ Там же. С. 307.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 339—340, 346, 349.

Касаясь в других своих работах значения переломных эпох в жизни России, он постоянно обращается к состоянию народа. Именно это состояние во многом определяет успех любых реформ, корректирует задуманный смысл любых перемен. Реформатор замышляет одно, а народ лепит свой образ текущей и грядущей жизни. Все чужеродное, противное себе народный организм либо отвергает, либо подстраивает под себя. Примером этого Забелин считает не только Петровские реформы, но и введение христианства на Руси, когда народ формально подчинился нововведениям, а на деле создал совершенно особый и неповторимый религиозный симбиоз — двоеверие¹. «Народ ведь не тесто, которое можно смять как угодно и испечь из него каких угодно пирогов», — заключает Забелин, вступая в полемику с идеологами государственно-юридической школы, любившими повторять кавелинскую фразу, что народ — это «калужское тесто», которое государство может месить как угодно. «Никакая крутая реформа, даже петровская, не в силах переделать народный организм, по своей мерке изменить сущность его жизненных сил»². «Все несродное организму будет отринуту и будет принято только то, что наиболее соответствует степени его развития». И совершенно прав был А. А. Формозов, заметивший, что «историк напоминал реформаторам о многовековых традициях страны, об ее отсталости, огромной силе инерции, предсказывал, что, как ни старайся, изменится далеко не все»³.

Понятно, что эти предостережения относились не только к реформаторам, но и ко всем любителям общественных потрясений, которые, следуя той или иной идеологической догме, стремились как можно скорее переделать народ, круто изменить жизнь страны, не обращая внимания на реальное состояние, психологию, образ жизни, традиции, привычки, обычаи и т. д. Думается, если бы члены «Земли и воли» внимательно ознакомились с размышлениями И. Е. Забелина, то воздержались бы от своей наивно-утопической попытки «хождения в народ» как совершенно бессмысленной в тех условиях, не отвечающей именно состоянию народа; да и последующие строители новой России, наверное, могли бы просчитать с опорой на состояние народа все то, что может получиться из реализации ультрарадикальной революционной теории в условиях российской действительности.

Во второй половине XIX в. Забелин спокойно и деловито писал: «Наши поступки есть стиль XVI—XVII веков», «народ в своей громаде и доселе во многом живет еще идеями и идеалами XVII столетия»⁴.

Занимаясь почти всю жизнь историей России XVI—XVII столетий, создавая впечатляющую картину быта той поры, Забелин тем не менее весьма скептически относится к русской средневековой действительности. Можно с полным основанием утверждать, что он, будучи влюбленным в быт, в предмет своего исследования, вовсе не был влюблен в Россию той эпохи. Ведь это ему принадлежат слова: «Жизнь допетровского общества не представляет собой ничего такого, что могло пленить наше воображение. На той же почве родовых и семейных отношений напрасно станем искать тех сочных плодов общественности, которыми так богата жизнь

¹ Забелин И. Е. Размышления... С. 48—49.

² Там же. С. 52.

³ Формозов А. А. Указ. соч. С. 131.

⁴ См. кн.: Формозов А. А. Указ. соч. С. 64, 230.

других народов»¹. Уклад народной жизни менялся медленно, тяжелые природные условия, лютые морозы, краткое, небогатое лето не давали возможности народу к быстрому всестороннему развитию заложенных в нем способностей. Запад же развивался в условиях благодатной природы и стал заметно обгонять Россию во всех отношениях.

Еще вчера мы с возмущением отвергли бы этот во многом географический подход к русской истории, а сегодня, вспоминая, что об этом же писали Карамзин, Соловьев, Ключевский — исследователи весьма вдумчивые и наблюдательные, мы можем благодарно подтвердить, что Забелин совершенно справедливо указал на один из важнейших факторов развития страны в условиях, когда природа оказывала весьма сильное воздействие на человеческое общество, когда человек был менее защищен от природных условий, чем нынче, и, естественно, не так агрессивен по отношению к ней, как последующие поколения.

Забелин никак не мог согласиться с призывами славянофилов возродить незамутненный Петровскими реформами образ России; уж он-то очень хорошо понимал, что представляла Русь того времени. «Тоска о предании — пустошь... — писал он в своих дневниках, — впереди, а не позади наше спасение», «Петр тем велик, что он разорвал предание, осмеял его, освободил мысль, чувства... Славянофилы и Костомаров стоят за предание, ищут в старом хламе начало жизни»².

Эту же мысль он блестяще аргументирует в статье «Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы» (1863). Говоря о времени Алексея Михайловича, которое он знал великолепно, Забелин пришел к грустному выводу, что Россия тогда переживала «еще первобытный древнейший период своего развития», «период наивного детства», «суеверия» и «суесловия». Отсутствие системы образования, засилье обветшалых догм, примитивный образ мышления — такой предстала Россия XVII в. перед исследователем русского быта. Свои соображения Забелин подтверждает блестящим очерком о духовном складе человека XVII в., описывает все присущие этому веку особенности³. И в основе этого понимания был, как это ни прискорбно признать, образ народа в целом.

Конечно, сегодня мы можем с возмущением указать, что Забелин не видел мощных социально-экономических, политических, культурных процессов в стране, он даже не приблизился к пониманию того, что мы называем сегодня генезисом капитализма в России, зарождением всероссийского рынка, параллельным развитием как феодально-крепостнических, так и буржуазных отношений, складыванием абсолютной монархии со всеми присущими ей признаками и русскими особенностями⁴.

Но И. Е. Забелин пишет совсем о другом: его оценки идут со стороны анализа образа жизни, быта народа, которые опосредованно, конечно, должны были отразить основные социально-экономические, политические и культурные процессы в стране. Так вот,

¹ Там же. С. 54.

² См. ст.: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин... С. 62.

³ Забелин И. Е. Русская личность и русское общество накануне Петровской реформы//Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 1. С. 88—89.

⁴ См., напр., последнюю дискуссию по этим вопросам: Милов Л. В. О российском типе генезиса капитализма в России//Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 78—95; Преображенский А. А. XVII столетие и генезис капиталистических отношений в России//Там же. 1989. № 2. С. 108—117.

согласно наблюдениям Забелина, XVII в. все еще представлял собой старую, дремотную Русь. Наиболее ярко эти наблюдения нашли отражение как раз в его основном труде «Домашний быт русского народа». Не случайно К. С. Аксаков возмущался: «Можно писать, но зачем писать в таком виде». Не случайно один из идеологов самодержавия XIX в. С. П. Шевырев заметил: «Автор... плюет на гроб отцов... он человек неблагонамеренный»¹. А И. Е. Забелин писал то, что он увидел в многочисленных источниках и что он свел в единую систему образа жизни народа, он просто писал правду, отказываясь играть как в славянофильские, так и в западнические игры.

Ярко провел И. Е. Забелин идею о решающей роли народа в истории в своем исследовании о городе Москве. Историю города он рассматривал как историю политического и культурного центра русского народа. Не великие князья, цари и царицы интересовали его здесь в первую очередь, хотя и им он уделил определенное внимание как народному типу, а эволюция народной жизни, народного быта. «Школа Москвы, — писал он, — есть школа великих бедствий, великих ужасов и несчастий, которые, падая на даровитую почву, возбуждали только еще больше сил и стремлений»². Историк сдерживал идеологический флер квазипатриотов и стремился показать историю города такой, какой она была в реальной действительности. Он касается известной концепции XVI в. Москва — Третий Рим и говорит: «Эту легенду придумали сами москвичи, вдохновляемые своею невежественною гордынею»³. В его же задачу входит не обращение к «легендам», а показ «во всем объеме его (города. — А. С.) бытия и быта политического и религиозного, умственного и нравственного, общественного и домашнего, торгового и промыслового, ремесленного и художественного, экономического, или хозяйственного и материального, или строительного»⁴. На девяти страницах книги изложено содержание всего труда. Здесь и история топографического распространения города, и история городского населения всех слоев и групп «с их занятиями, нравами, обычаями, мыслями, чувствами, с устройством и уставом их городского быта и управления во всех его видах и потребностях»⁵. Здесь не забыта даже хроника воровства, мошенничества, разбоев, а также хроника бедствий города — пожаров, бурь, наводнений, моровых язв, голода, «нашествия иноплемennых». Часть этой грандиозной программы была выполнена в первой части опубликованного труда, остальная еще ждет выхода в свет.

С позиций влияния народа на судьбы страны оценивает И. Е. Забелин и становление русского искусства, особенно зодчества. Он включается в спор о русской архитектуре и выступает против тех, кто считал ее прямым заимствованием со стороны. Основным предметом спора стал известный собор Василия Блаженного — храм Покрова св. Богородицы. И. Е. Забелин не согласился с тем, что он создан под влиянием татарской архитектуры или под прямым влиянием готики, он не согласился с тем, что здесь видно смешение разных стилей — «мавританского, готического, ломбардского, индийского и византийского» (Снегирев). «О русском ни слова, — с горечью пишет Забелин в 1878 г., — по той простой

¹ Цит. по: *Формозов А. А.* Указ. соч. С. 542.

² *Забелин И. Е.* Размышления... С. 62.

³ *Забелин И. Е.* История города Москвы, М., 1905, ч. 1. С. 47.

⁴ Там же. С. X.

⁵ Там же. С. XI—XII.

причине, что этого и сказать было невозможно ввиду всеобщего убеждения, что русский народ всегда находился под тем или другим влиянием и никогда ничего своего самобытного не производил¹. И здесь, кстати, ложилась непреодолимая грань, отделявшая Забелина от западников. Он неизменно выступал против национального нигилизма, ему было свойственно чувство любви к народу, его прошлому. Наиболее ярко его исторический патриотизм проявился в оценке фигур Минина и Пожарского, подвига народа в 1612 г.

И. Е. Забелин считает, что не случайно полемические страсти съестнулись вокруг храма Покрова, поскольку он является «типичною чертой самой Москвы» и для русской архитектуры имеет такое же принципиальное значение, как Кельнский собор для древнего германского зодчества.

По мысли И. Е. Забелина, храм Покрова как раз является «образцом русской архитектуры», так как в основе его лежит идея древнерусских деревянных хором, теремных дворов. А сами русские хоромы выросли из крестьянских изб, клетей. Рассматривая элемент за элементом храма Покрова, Забелин показывает, что его «красивый беспорядок» в действительности является типом «крестчатых и круглых соборных деревянных церквей». В таком же стиле выстроен ранее храм Вознесения в Коломенском, его шатер похож на основной шатер храма Покрова. Сама же столпообразная форма храма Покрова восходит к XII в. и идет еще дальше к языческим капищам.

Особое место в системе воззрений И. Е. Забелина занимает соотношение народа и государства, народа и самодержавия, народа и царя. Собственно, на понимании этого соотношения построена и вся концепция труда «Домашний быт русского народа» в части, касающейся быта царского двора.

Будучи сторонником теории К. Д. Кавелина о примате родовых патриархальных отношений в Древней Руси и их постепенном вытеснении началами государственными, Забелин основной акцент в противовес «государственникам» делает не на роли государства в создании общества, а на роли народа, его патриархального быта в создании государства. Государство у Забелина является вторичным по отношению к народу, однотипным с ним, глубоко родственным. Советская историография упрекала историка за непризнание социальных функций государства, его классовых основ. Верно, И. Е. Забелин не пишет об этом, он, естественно, не владеет методологией исторического материализма. Но и цель у него иная: его интересует нравственно-психологическая сторона дела, общность между образом, укладом жизни народа и обликом государственной машины. Кто будет спорить с тем, что психология, темперамент, традиции, привычки, культурный уровень народа и другие характерные черты накладывают свою печать на общественное развитие и, естественно, на формирование государства. Одни лишь классовый подход не может объяснить нам многое из того, что происходило и происходит в стране. Поэтому опыт Забелина (при всей его односторонности, известной ограниченности) может сказать о многом.

Послушаем, что же говорит сам Забелин по этому поводу. «Людское общежитие, — пишет он во второй части первого тома

¹ Забелин И. Е. Русское искусство: Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900. С. 21—22.

«Домашнего быта русского народа», — устраняется всегда по господствующему началу народной жизни, всегда носит в себе те же элементы, которыми управляется народная мысль, определяется сфера насущной действительности», а уж государство «вызывает к жизни общество... Там, где нет понятия о государственности, не существует понятий и об общественной»¹. До Петра на Руси доминировали, считает Забелин, родовые начала — родовое старшинство в семье; звание людей по отчеству, по родству, люди в первую очередь гордились отчиною и дединою, родовым, отчинным старшинством. Отсюда во всем, повсюду господствовало патриархальное родительское начало, начало рутинны, Домостроя; семейно-родовой быт с двором в качестве основной ячейки и хозяином, господином, господарем был основным фундаментом всего общественного бытия. На этом общественном фундаменте и возрастает государство как «результат, произведение народного сознания», «внешний механизм народной жизни». Оно вырастает из «дома», «в строе дома»; здесь кроются семена и политического развития. По этому же принципу патриархальности, семейного замкнутого уклада строится государство, строится общество². Государь становится владыкой в родовом, семейном понимании, таким же владыкой становятся и города, скажем Новгород³, «государь из единичного типа с органической постепенностью переходит в тип политический»⁴. Вот откуда происходит его выделение в качестве одного из основных типов русского народа (тип «господаря», «государя»), вот почему систему домашнего быта народа Забелин начинает с обрисовки царского двора и посвящает этому первый том «Домашнего быта русского народа». А далее мне хочется привести положения И. Е. Забелина, ставшие для него как бы программными: «Не должно забывать, что никакой другой оболочки не может создать себе народный дух, как именно такую, какая у него существует и какая, следовательно, отвечает требованиям его природы и свойству его сил»⁵, «Каково государство, таков и народ, и каков народ, таково и государство»⁶.

Что касается XVI—XVII вв., то государство этого времени отражало, по мнению Забелина, облик народа, народа, глубоко патриархального, рутинного в своих традициях, обычаях, психологии, оно «носило, по словам историка, еще во многом прапрадедовский кафтан»⁷. И, создавая свою историю города Москвы, И. Е. Забелин исходит из той же генеральной мысли, что в старой древней допетровской Москве ничего другого нельзя было и заметить, как ее царя-хозяина, ее вотчинника, да и сама Москва до поры до времени была просто-напросто царской вотчиной⁸. Понятно, что становление московского «единодержавия» И. Е. Забелин связывает с народно-патриархальными истоками, стремится выявить общность интересов народа и великих московских князей, а потом царей в борьбе за единство страны, за ее независимость от Золотой Орды, в борьбе против крамольного, сепаратистского боярства.

¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1915. Т. 1, ч. 2. С. 344, 349.

² Забелин И. Е. Размышления... С. 41.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1915. Т. 1, ч. 2. С. 351.

⁷ См.: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин...

В великом князе, царе он видит носителя национального единства, несколько не идеализируя насильственного характера власти на Руси, как мы это показывали выше.

В своем дневнике он записывал: «Самодержавие потому, что в народе лежали такие элементы. Следовательно, народ в том виноват, а не кто другой, ни черт ни дьявол»¹.

В течение долгих десятилетий мы расценивали эти воззрения как монархические, словно не могло быть общих интересов у различных слоев народа, в том числе низов и власти, в решающие, ключевые периоды истории страны, какими являлась борьба за единство русских земель, борьба за независимость против татаро-монгольского ига. И хотя мы понимаем социальную ограниченность воззрений Забелина на перерастание родового общества в государство (социальный механизм создания государства был, как известно, совсем иным), однако чисто бытовой, психологический подтекст этого перехода вряд ли может быть поставлен под сомнение. Во всяком случае, упорное сохранение монархических корней в народной среде, влияющие патриархального уклада давало себя знать еще очень долго, да и последующий феномен культа личности уже в условиях советского времени, обнимающий все ячейки советского общества, заставляет по-забелински внимательно еще и еще раз всмотреться в уровень культуры народа, его облик, образ жизни, в народную психологию той послереволюционной поры, в традиции и обычаи революционного быта. И тезис «каково государство, таков и народ, и каков народ, таково и государство» не кажется отнюдь таким уж наивным.

На этих постулатах патриархальности и покоится концепция «Домашнего быта русского народа». Царь как хозяин, как «господарь», «вотчинник» к XVII в., к последним дням «домашней и общественной старины», «на волос не удалился от народных корней». Он вполне остался народным типом хозяина, главы дома, типичным явлением всего строя древнерусской жизни². В царском дворце господствовали, как показывает Забелин, те же понятия, привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, суеверья, что и в народной среде. И даже уровень образования во многом равнял царя и царскую семью не только с боярством, но и с крестьянством. Да, различия были, и главным образом в уровне богатства, но это «наряд жизни», ее форма, говорит Забелин, суть же ее во многом была сходной. Царь по существу являлся помещиком «с широкими царственными размерами жизни», хотя полнотический смысл царской власти был совсем иной, чем в прежние века, — становление абсолютизма. А быт был простой, деревенский, следовательно, чисто русский. И Москва XVI—XVII вв. выглядела типичной помещицкой усадьбой, где в центре находился княжеский двор, а вокруг — села, слободы, многие из которых обслуживали хозяйский, т. е. царский центр.

С этих позиций и рассматривает Забелин развитие Москвы, складывание государева двора — от Ивана Калиты (первая четверть XIV в.) и далее вплоть до времени Алексея Михайловича и Федора Алексеевича (70—80-е гг. XVII в.). Постепенно богатящаяся вотчина перерастает в государство, идет распространение «земского», политического значения Москвы, но ее прежняя патриархально-вотчинная суть меняется медленно.

¹ Цит. по: Формозов А. А. Указ. соч. С. 68.

² Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях М., 1915. Т. 1, ч. 2. С. 20.

Раскрывая поэтапное строительство и расширение Москвы, рассказывая о формировании ее районов, Забелин смотрит, и порой весьма оправданно, на этот процесс сквозь призму расширения непосредственно царского хозяйства: формирование многих ремесленных слобод, многих московских ремесленных улиц было связано с запросами царского двора.

История всех помещений княжеского, позднее царского, двора в Московском Кремле, как это вполне обоснованно аргументирует Забелин, также оказалась связанной с хозяйским, чисто русским бытом, который, по мнению автора, с X—XII вв. мало изменился (и крестьянский, и великокняжеский, и царский). Россия, деревянная, лесная страна, передавала свой строительный опыт из поколения в поколение сначала в плотничьем деле, потом в искусстве каменных дел мастеров, соорудивших из камня, кирпича слепки деревянной архитектуры.

Виртуозно показывает Забелин, как крестьянская изба, клеть, затем хоромы, терем стали принципиальной основой кремлевских царских покоев, как весь быт, уклад царской семьи с его восьмигранными комнатами, с палатами, скроенными по типу древних гринниц, с «мыленками»-банями, со слюдяными оконцами, изразцовыми печами, со скамьями и лавками, наивными «парсунами» по существу отразил весь мир русского средневековья, когда Россия стала катастрофически отставать от Запада «не по дням, а по часам», консервируя свое прошлое. Причине этого Забелин видит в ее изоляции от влияния античного мира, какое испытала Западная Европа. Сегодня мы называем это отсутствием синтезных явлений и рассматриваем как одну из тормозящих причин развития нашего отечества.

А на этом чисто народном фоне под сочным пером Забелина расцветало все, что составляло «наряд жизни» — специфику царского дворца, все эти печи с удивительными изразцами, пруды, сады, отделка стен тканями, комнатная живопись, водопроводы, мебель, система освещения, зеркала, часы, книги, географические карты, музыкальные инструменты, игры, «курения» и благовоения, предметы комнатного обихода, посуда, украшения, комнатные птицы и многое, многое другое. Порой Забелин просто поражает нас деталями: так, он рассказывает, как делалась замаска — из мела, медвежьего сала и деревянного масла, повествует, как лудились английским оловом швы свищевых поддонов в «мыленках», какими шурупами крепились деревянные изделия, мебель; описаны даже колодочки, на которых клалась поклоны.

Раскрывая движение дворцовой жизни, Забелин постепенно стремится показать, что в основе многих перемен в Кремле, возведения или сноса строений, ремонтов зданий, перестроек, появления во дворце тех или иных предметов лежали события внутри- и внешнеполитические. Дворец наполнен событиями. Так, строительный взлет в Кремле в конце XV в. Забелин закономерно связывает с новым содержанием великокняжеской власти, созданием единого Русского государства, упадок и разорение дворца в начале XVII в. — со Смутой, попытку обособления в отдельных помещениях различных колен царской семьи в конце XVII в. — с отчаянной борьбой за власть; и даже в устройстве царевны Софьи в женской половине комнаты, где «сидеть с бояры», он справедливо усматривает властный политический почерк претендентки на русский трон. Здесь живут и действуют Иван III, Иван Грозный,

Фюрис Годунов, Лжедмитрий I, Алексей Михайлович и другие, и у каждого свои привычки, вкусы, пристрастия.

А вокруг трона, в комнатах, на сенях, в переходах дворца, в кремлевских соборах, на крыльцах толкуются многочисленные люди — бояре, дворяне, стоит стрельческая охрана, «слышится скрытый говор царедворцев». Здесь плетутся интриги, идет борьба за место под солнцем, происходит образование придворных кланов, разгораются ссоры, драки с увечьем, звучит «матерный лай», идут бесконечные разборательства, сыски «о безчестьи».

Вторая часть «Домашнего быта русских царей в XVI и XVII столетиях» посвящена описанию обычаев, родня и крестны, вопросам воспитания, начального учения детей, дворцовым забавам, увеселениям, зрелищам, царскому столу, одежде. И снова под пером Забелина русские люди живут традиционной жизнью русского общества, и снова патриархальное большое хозяйство видится нам за дворцовыми кремлевскими стенами.

С опорой на патриархальные порядки раскрывает И. Е. Забелин и жизнь женской половины дворца, чему посвящен 2-й том «Домашнего быта русского народа», который называется «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях». Первым изданием книга вышла в 1872 г., но задолго до ее выхода в свет Забелин упорно разрабатывал тему о положении женщины в допетровской Руси. Появился его очерк «Женщина по понятиям старинных книжников» (1857), печатались отдельные главы будущего труда.

В условиях патриархальщины женщина занимала в доме место лишь в качестве жены, матери, невесты; ее общественный статус был практически сведен к нулю; она становилась приложением к личности домовладыки, хозяина. И это касалось всех русских женщин от крестьянок до цариц; их рабская зависимость, Домострой были характерными чертами русской жизни XVI—XVII вв. И снова — не царицы, а именно русская женщина, ее положение в обществе, в семье прежде всего привлекает внимание историка.

Первые главы книги так и называются: «Женская личность в допетровском обществе», «Главные черты женской личности в допетровское время», «Женская личность в положении царицы». И лишь последующие части книги посвящены непосредственно «обряду царицыной жизни — комнатной и выходной», быту русских царей.

И. Е. Забелин выводит на страницах тома череду ярких женских образов, женщин, которые бились и страдали в тенетах патриархального уклада жизни в Древней Руси. Это Янка — сестра Владимира Мономаха, боярыня Морозова, царевна Софья и многие другие. И все эти очерки основаны на полнокровных архивных материалах, на уникальных документальных свидетельствах.

И. Е. Забелин писал историю народа, одновременно он писал историю личностей; через личности он показывал народ, а характеризую народ, шел к обрисовке характера личности. «Без лиц нет истории, — писал Забелин, — без единичной жизни нет общей жизни. Но не ставьте же эти лица, эту единичную жизнь на то же место, которое по праву принадлежит лицу народа¹. Личность и народ, по мысли историка, находятся в удивительной гармонии. «Всякая личность есть создание известной умственной и нравственной среды, известной эпохи или известного времени². У каждого на-

¹ Забелин И. Е. Размышления... С. 18.

² Там же. С. 1.

родного типа, считал Забелин, свой герой, как и у каждого времени. Личность является выразителем потребностей времени. Но это случается не часто, а когда происходит, то становится праздником в исторической жизни народа. Как правило, такая гармония наблюдается в поворотные эпохи. В «будни» же открывается «широкое поле личности по преимуществу эгоистической... господству случайных, мелких людей, созданных мелким эгоизмом». На самом повороте от будней к общественным потрясениям может возникнуть вакуум, общество в решающий момент остается без вождя, выразителя истинных народных интересов, и тогда «первый наглец приобретает успех». Эгоистическая личность, прикрываясь народной тогой, вступает в реальное противоречие с обществом, и задача историка заключается в том, чтобы «строго разобрать пошлый хлам истории и напасть на эти потаенные пути народной жизни»¹.

Так задолго до русских марксистов, в первую очередь Г. В. Плеханова, И. Е. Забелин высказал весьма глубокие, здравые мысли о соотношении народа и личности, а его психологические точные замечания, думаю, вполне могут и сегодня быть использованы нашими обществоведами.

Эти размышления не были для историка абстракциями. Он внимательно вдумывался в факты появления на русском политическом небосклоне звезд первой величины, старался объяснить их возникновение. Так борьба за власть в конце XVI в. выдвинула наверх Бориса Годунова. Годуновых было много, замечает Забелин, но он одолел своих соперников потому, что наиболее полно выразил «тип» тогдашнего властолюбца. Народное движение, народные интересы выдвинули адекватные фигуры Минина и Пожарского, хотя близко к ним подходили и другие, так и не сумев полностью ответить народным чувствам².

Своими размышлениями о роли личности в истории Забелин как бы завершает тему «народа».

И последнее, о чем хотелось бы сказать. Советская историография традиционно считала, что «бытовика» Забелина мало волновали народные беды, что он предпочитал умалчивать о народных восстаниях, крестьянских войнах, об их вождях. Действительно, между описанием быта государева двора и порядками, скажем, коломенского лагеря Болотникова дистанция огромного размера. Но было бы странно, если бы Забелин, создавая свои народные «типы», приступил к тем описаниям, которые от него позднее требовали марксисты.

Между тем народная борьба с насильем власть имущих, осуждение этих насильств по отношению к простым людям, глубокое сочувствие народным тяготам и бедам проходят красной нитью через все сочинения Забелина. Он ненавидел боярство, он ненавидел дворянство и чиновничество, он ненавидел крепостнические порядки старой Руси и не мог не отразить этого в своих трудах. Он писал о произволе и пытках в России XVI—XVII вв., говорил о старой Москве как о «столице крепостников, где обитали праздность и роскошь»³. Он первым в историографии показал бедственное положение крестьянства в крупной вотчине XVII в. — в работе «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве». «Кормилец-земец должен был оплачивать каждое свое движение»; иной раз крестья-

¹ Цит. по ст.: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин... С. 64.

² Забелин И. Е. Минин и Пожарский... С. 2, 32—33, 55—56.

³ См. кн.: Формозов А. А. Указ. соч. С. 19.

янская почва не выдерживала этой тяжести, этих «опустошений» и «колебала даже самое государство»¹. В своих трудах он утверждал не только ценность народа, ценность простого человека — крестьянина, ремесленника, мелкого торговца, но и мощь народных движений, их влияние в истории. Поразительно следующее его дневниковое наблюдение: «Куликово поле — движение народное. Смутное время — народное движение. Отсюда ряд событий, бунтов до Пугачева и 14 декабря. Все народ»². Конечно, можно говорить об эклектичности и дробности его социальных делений³, об отказе от рассмотрения социального процесса⁴, но нельзя не отдать должное удивительной исторической интуиции ученого, сумевшего почувствовать родственность, казалось бы, столь разных общественных явлений, как общественная борьба с врагом, народная ярость крестьянской войны и самоотверженность революционного дворянства, выявить их общую основу — интересы народа.

Все это богатство воззрений, ярких обобщений, уникальных фактов, потрясающих мелких деталей, сплетающихся в красочный узор старинной русской жизни, И. Е. Забелин создал, опираясь на исторический документ, на архивы. Это был тяжкий, порой неблагодарный труд, который был рассчитан не только на поколения современных Забелину читателей и исследователей, но и на поколения будущие. Он создавал крепкую основу русской истории. «Работа над источником, — писал историк в 1883 г., — тяжелая, мелочная, до крайности скучная, в которой сохнет ум, вянет воображение, но зато вырастает достоверность»⁵. Иван Егорович понимал огромное значение этого своего труда, гордился им. И вновь хочется вспомнить забелинские слова: «Сознание собственной силы, сознание того, что я делаю прочное дело, что я кладу те неуклюжие, но твердые камни, которые хотя и будут скрыты глубоко в земле, но составят основание будущего здания, — такое сознание и может двигать человека на медленный и неблагодарный, черновой первичный труд, истинная оценка которого большею частью лежит в будущем»⁶. В этих словах весь Забелин, и, смею надеяться, что по мере выхода уже в наши дни его основных трудов, так необходимых обществу своей правдой, своим спокойствием, своей научной компетентностью, будет приближаться время и истинного прочтения, и истинного величия замечательного русского историка, будет приближаться то будущее, о котором он мечтал.

А. Н. Сахаров
доктор исторических наук

¹ Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве (XVII век)//Вестн. Европы. 1871. Т. 1. С. 12, 28.

² Цит. по ст.: Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин... С. 61.

³ Там же.

⁴ Звягинцев Е. Указ. соч.

⁵ Забелин И. Е. Мнния и Пожарский... С. 18.

⁶ Забелин И. Е. Современные взгляды... С. 356.

Предисловие к третьему изданию

В настоящее время излишне говорить о том, какое важное значение, при теперешнем направлении исторических работ, получает изучение домашнего быта, *жизня-бытья* отживших поколений. Выводы науки, даже события современной жизни с каждым днем все больше раскрывают истину, что домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех, так называемых, великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни, общественной и политической, или государственной. Это в собственном смысле *историческая природа* человека, столько же сильная и столько же разнообразная в своих действиях и явлениях, как и природа его физического существования. Ее естественная, непосредственная сила не раз обнаруживалась и постоянно обнаруживается во всех случаях, когда думают действовать на нее путем внешнего, механического принуждения. Государственные и административные реформы, политические опыты в перестройке народного быта никогда не удавались, если в них не было ничего сродного и соответственного требованиям и потребностям этой природы. В этом отношении мало помогали не только жестокие принудительные меры, но даже и время; по крайней мере, в иных случаях целые столетия проходили почти без всякого успеха для настойчивости реформ, и дело если и не оставалось в прежнем положении в силу жизненной изменчивости, то принимало совершенно неожиданный исход, вовсе не отвечавший предположенным целям и намерениям. Наша история представляет самое убедительное доказательство необыкновенной силы и живучести непосредственных народных элементов жизни и даже самых форм, в которых эти элементы выразились. Так, более полутора столетия мы находимся под влиянием непрерывных реформ; очень многим,

и к добру, мы воспользовались в течение этих неутомимых перестроек; многое вошло в нашу плоть и кровь; но неизмеримо больше остается еще в прежнем положении, и очень часто ваши мысли, поступки и действия, и внизу и вверху, обличают в нас людей XVI и XVII ст., так что если всмотреться и вдуматься поглубже, то нельзя будет отчаиваться в сохранности нашей родной старины даже и тем мнениям, которые убеждены, что с реформой Петра все старое погибло и что поэтому развитие наше идет будто бы криво.

Народная жизнь не поддается механическим тискам; она отвергает все, что несродно и несвойственно ее природе; путь, по которому она усваивает себе хорошее и дурное, есть путь физиологический, а не механический. Сила народного быта есть сила самой природы, и, чтобы с успехом руководить ею, направлять в ту или другую сторону ход ее развития, чтоб с успехом служить ей, как обыкновенно говорят, для ее счастья и блага, необходимо прежде хорошо и подробно узнать ее свойства, внимательно прислушаться к ее требованиям, узнать непосредственные родники ее жизни, всегда глубоко скрытые в мелочных и многообразных бытовых условиях. Конечно, удовлетворить таким запросам очень трудно и тем более, что наука не слишком давно обратила надлежащее внимание на эти запросы и не успела еще подготовить достаточно материала для их разрешения. Здесь требуются самые мелочные и копотливые, в полном смысле микроскопические, наблюдения и исследования, которые в большинстве случаев не представляют никакого блеска, а следовательно, и благодарности в своих выводах и результатах. Но предмет так важен, что за трудностью и неблагодарностью работы нельзя откладывать его разъяснения. Мы полагаем, что от его обработки вполне зависит не только правильное понимание своей истории, но и самый способ ее изложения. У нас особенно настоятельна обработка бытовой истории, истории внутреннего развития, домашних дел и отношений народа, словом, истории народного житья-бытья, потому что наша история, по случаю слабого, почти ничтожного развития исторической личности, представляет самый наглядный пример народного развития из непосредственных, природных или, вернее сказать, первобытных начал жизни. Интерес нашей политической истории слаб и бледен, и потому, может быть, очень часто возбуждает незаслуженные, впрочем, упреки и нарекания работам наших историков. Как ни

стараются в иных случаях подогреть его взятыми напрокат идеями западной истории, дело вперед не подвигается и распространяет только в обществе ложные и обманчивые понятия и представления о нашей древности.

Интерес нашей истории заключается по преимуществу, как мы сказали, в непосредственном физиологическом росте нашей цивилизации, в отсутствии именно тех элементов, которые двигали развитие на Западе, и в присутствии таких, которые сближают нас больше с Востоком, т. е. вообще с народами, не касавшимися в своем развитии того богатого наследства древней образованности, каким воспользовались народы западные. Мы не получили этого наследства, не попали в эту цивилизующую школу веками выработанных начал и умственного и общественного развития. Мы, напротив, очень долго росли, как цвет сельный, на степной воле, оставленные самим себе, как тот любимый герой наших, сказок, обойденный, загнанный братьями, обделенный отцовским наследством, в лице которого народ инстинктивно рисует собственную долю. Собственными силами и разумом самой жизни, медленно и тяжело, мы создали свою самостоятельность. Нам отказала в помощи даже сама природа, и в то время, как европейские народы, двигаясь поступательно к западу, всюду встречали не только богатство естественных условий, но даже, как, напр., среди племен Америки, значительную долю гражданского развития, — мы, принужденные двигаться по глубокому северу на восток, встречали на пути те же непроходимые леса, неоглядные тундры и степи и скудные начатки цивилизации, перед которыми первенствовало даже наше слишком молодое еще развитие. Сколько же внутренней силы и жизненности народного духа нужно было для того, чтобы выйти непобежденными из таких враждебных условий жизни, чтобы наконец стать твердо и мужественно среди народов, более счастливых и несравненно более богатых и дарами естественных условий и дарами человеческого развития. В этой-то силе и жизненности и заключается смысл нашей истории. Но раскрыть этот смысл одною политической стороною нашего прошедшего невозможно, ибо, кроме того, что это все-таки одна только сторона, у нас вдобавок она еще сторона слишком бледная. Для подробного уяснения и сознательного понимания своей исторической доли нам необходимо с особенным вниманием углубиться в изучение внутреннего народного развития, которое в своих последовательных ступенях пред-

ставит несравненно больше интереса и несравненно правдивее расскажет нам нашу родную быль.

Само собою разумеется, что в истории внутреннего развития домашний быт народа составляет основной узел; по крайней мере, в его уставах, порядках, в его нравственных началах кроются основы всего общественного строя земли, не исключая и политической формы. В его среде воспитывается каждый деятель земли и мало-помалу создаются те силы, которые потом управляют ходом истории. Поэтому домашний народный быт становится ближайшим предметом в изучении бытовой истории и по необходимости занимает в ней начальное место.

Какой же наиболее верный способ обрабатывать историю домашнего народного быта? Предмет до чрезвычайности обширен, разнообразен, мелочен и дробен. Требуется особенное внимание и страшно копотливая работа только для того, чтобы собрать в одно место необходимый материал... Но еще труднее дать этому материалу научную форму, по крайней мере, настолько, чтоб облегчить последующие работы, т. е. разобрать, распределить этот материал, связать в одно научное целое, чтоб сам он, помимо наших указаний и толкований, выговорил заключительное слово, т. е. научный вывод, результат исследования.

Все это представляет невероятные трудности особенно по той причине, что, как ни велико множество материалов этого рода, оно все-таки отличается замечательною неполнотою. Вы ежеминутно встречаете пробелы, самые мелочные, но, однако ж, такие, которые затрудняют дело до невероятности. Добросовестное отношение к фактам не позволяет вам двинуться с места по случаю таких пробелов, и работа при всем вашем усилии не достигает этого желанного заключительного слова.

Обыкновенный способ обработки бытовой истории заключается в том, что разновременные, разноместные и разносословные бытовые факты сводят под известное оглавление и таким образом составляют рассказ о той или другой стороне быта, о том или другом порядке жизни. При первоначальных работах такой способ почти миновать нельзя. Но должно сознаться, что он грешит излишним обобщением фактов, из которых каждый представляет или должен представлять как бы общую черту, не выясняя, однако ж, того или другого общего типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа в известный период времени, иногда очень значительного объема.

Нам кажется, что этим способом мы едва ли получим надлежащее, истинное понятие о свойствах и типическом характере прожитой жизни, что исследования наши мы начинаем с конца, а не с начала, ибо составляем характеристику общего типа в то время, когда нам вовсе не известны типы частные, к которым всегда относится самая наибольшая часть собираемых нами фактов, и *общее* которых, одно оно, только и может характеризовать общий тип народной жизни. Поэтому, нам кажется, мы должны остановить свое внимание прежде всего на изучении этих частных типов, мы должны непременно раскрыть их, если бы и не были они заметны на первый поверхностный взгляд, ибо жизнь, как ни разнообразна до бесчисленности ее формы и явления, и в физическом и в нравственном мире, всегда складывается или выражает себя в известных типах. В естествознании это роды и виды органической жизни. Подобные роды и виды существуют в нравственном человеческом мире под именем типов. Задача искусства в том именно и заключается, чтобы пластически выразить в одном типе все то, что, разбросанное и как бы разрозненное, вращается в жизни отдельных лиц, принадлежащих, однако ж, по свойству своей нравственной природы, к одному и тому же роду или виду. Наука, с своей стороны, помогает искусству и собирает материал для художественного воплощения в одно целое разрозненных и, по-видимому, чуждых друг другу атомов нравственной жизни. В этом случае необходимо совершается естественный процесс человеческого творчества: возводить знание в акт сознания, к чему ведет и конечная цель самой истории.

Обращаясь к нашему предмету, мы, даже и на первый взгляд, можем указать несколько точек, около которых по преимуществу должно бы сосредоточиваться изучение домашнего народного быта, по крайней мере, в пределах времени, назначенных для предлагающих разысканий. Так, наиболее заметный, передовой тип нашей истории есть *«государь, или господарь»*, не в тесном смысле государя политического, а в смысле общем, как собственника и владельца, хозяина, который и в общей жизни именовался тем же словом и впоследствии уже выделял из себя политическое явление, о чем мы подробнее говорим во вступлении к этой книге. Несмотря на огромную, по-видимому, разницу между политическим значением этого типа и частным домашним его значением, в нем всегда остается и везде сохраняется существенный смысл

его жизненной роли, этот владеющий, властный смысл. Само собой разумеется, что преобладающее значение этого типа в жизни всегда остается за тем разрядом лиц, который в первобытном обществе играет главную, передовую роль, именно за разрядом лиц военного звания или сословия, какова, напр., в нашей истории была княжеская дружина. Таким образом, тип господаря, кроме его общего владельческого, и так сказать хозяйского, значения, с течением времени сосредоточивает свои основные черты не на одних только лицах княжеского происхождения, но столько же на сословии дружинников-бояр с дробным его видоизменением детей боярских и вообще так называемого дворянства. Это была среда, в которой элементы государского типа составляли существенное ее свойство. Здесь форма быта, а след., и его начала, основы были во всех видоизменениях одни и те же. Поэтому и изучение этого типа должно обнимать жизнь боярства или дворянства вообще со всеми его служебными подразделениями и жизненными видоизменениями. Можно только для удобства в обработке предмета, а главное, для большей определенности исследований, рассматривать этот тип в трех его главных и общих видах, именно: быт лучших людей, быт средних людей и быт младших людей того же типа, как всегда очень верно распределяли бытовые отношения наши здравомыслящие предки. В древнем домашнем быте царей мы раскрываем верховное значение этого типа и потом постепенно придем к младшей его ветви — к детям боярским, этой рядовой княжеской дружине.

Тем же путем можно изучать тип *«земца-кормителя»* во всех его видоизменениях, какие усложнялись тою или другою отраслюю занятий, и точно так же с разделением быта на лучшую, среднюю и младшую среду. Земледелие, торговля, разного рода промышленность, ремесленность и всякое художество, которое доставляло средства существования земским людям и в то же время определяло характеристику самого человека и его бытовых отношений, представляют более или менее значительные вариации одного и того же земского быта или вообще земства. Здесь наиболее видным лицом становится по естественной причине капиталист — гость, этот господарь-хозяин в собственном смысле. Младшие ветви этого типа теряются в посадских и чернослободских *«сиротах»*, которым трудолюбие, оборотливость, *«промысл»* — в смысле дарований ума и опытности — всегда открывали широ-

кую и свободную дорогу в первые ряды земства.

Далее, «казачество» есть также совсем особый порядок отношений, особая стихия жизни, требующая, как особый ее тип, отдельного независимого исследования. Не ограничивая его значения одною какою-либо местностью или историческим периодом, необходимо рассмотреть существенные стороны этого типа в общем его явлении. Казачество — сначала, как отрицание земских условий жизни, а потом как своеобразно сложившееся земство, — в нашей истории имеет особенное значение. Жизненная сила его была так велика, что оно сплотилось было в политический тип, постепенное разложение которого и окончательное исчезновение совершилось не столько от обстоятельств, не благоприятствовавших его развитию, сколько вообще от направления общеисторических идей времени.

Вот общие, главнейшие разделы изучения домашнего народного быта. Мы не упоминаем о посредствующих звеньях более или менее также замечательных, хотя и не имеющих такого широкого значения. Тип церковника, тип дьяка и подьячего, тип дворового слуги, холопа вообще и т. д. — должны сопровождаться не меньшим вниманием в изучении положений, сил и форм древней жизни. При этом, так сказать, внешнем распределении типов, нельзя забывать внутренней их связи, которая по законам жизни сливает их в одно целое; ставит их в неразрывную зависимость друг от друга, так что раздельное их изучение есть только неизбежный путь научных исследований.

Когда таким способом обработки будут раскрыты частные типы, то общий тип народной жизни не замедлит раскрыться сам собою, и только тогда будут возможны полные и верные характеристики не только частных, но и общественных форм народного быта.

Само собою разумеется, что такой план изучения требует самой мелочной кропотливой работы и совершенно новых материалов, о существовании которых мало даже подозревают, но которые, как всегда, непременно явятся из архивной пыли на свет, как скоро наука займется разрешением возбужденных ею вопросов.

В настоящем сочинении о древнем домашнем быте царей мы предлагаем опыт подобной обработки предмета, далеко не удовлетворяющий всем нашим требованиям и в существенном значении представляющий только собрание материалов, частью обработанных больше

или меньше, а частью даже в сыром виде. На первый раз, думаем, и это бесполезно. Мы вообще утешаемся тою мыслью, что, во всяком случае, труд наш значительно облегчит дальнейшую разработку предмета. Мы давно уже обратили внимание на это дело, но по обстоятельствам не могли посвятить достаточно времени и труда, чтобы повести работы с желаемым успехом. Первые опыты мы печатали в «Московских ведомостях» 1846—1847 гг., затем продолжали труды в «Отечественных записках» 1851—1858 гг. Издавая после того в 1862-м и в 1872 гг. особою книгой прежние наши работы, мы местами значительно увеличили их объем новыми материалами и разысканиями, иные страницы совсем переделали, исправили ошибки и неточности, какие встречались, и в дополнение присоветовали отдел материалов в сыром виде, заключающий в себе собрание официальных записок и выписок из расходных, строильных, подрядных, описных и разных других книг и документов старого дворцового делопроизводства, которое и составляет главнейший источник наших работ и остатки которого, в столбцах и книгах, сохраняются в бывших архивах Оружейной палаты и Московской Дворцовой конторы. Все это служит подтверждением или пояснением наших разысканий, а во многих случаях значительно дополняет их, представляя новые подробности, которыми мы не успели вовремя воспользоваться. Питая вообще мало доверия к голословным рассказам и описаниям, мы старались каждый мелочный предмет старого быта объяснить и подтвердить современным ему текстом.

Большая часть собранных в этой книге материалов касается способов постройки, указания местности разных частей старого государева дворца и разнообразных предметов внутреннего убранства, или наряда, старинных царских хором. Особенного любопытства заслуживают описи старинных дворцов и записки подрядов на постройки, в которых мы знакомимся с богатством старинных строительных, или плотничьих, и разных ремесленных терминов, а вместе с тем с подробностями устройства и расположения древних русских жилищ. Описание Коломенского дворца с прилагаемыми планами и фасадами и вместе с описанием дворца Измайловского дает довольно полное и отчетливое понятие об устройстве такого жилища в самом обширном и наиболее роскошном виде, жилища царского. Для сравнения

и в подтверждение наших замечаний по этому предмету мы помещаем, рядом с этими описаниями, описи нескольких боярских и помещичьих хором, которые по времени хотя и относятся к началу XVIII ст., но тем не менее во многом сохраняют еще допетровскую старину. С тою же целью к фасадам Коломенского дворца мы присоединяем фасад старинных Строгановских хором, существовавших в Сольвычегодске и разобранных в 1798 году. По свидетельству надписи на оригинальном рисунке, который сообщен нам графом С. Г. Строгановым, хоромы Строгановых стояли 233 года и были построены в 1563 году. Хотя и нельзя принимать этого фамильного предания в точном смысле, ибо в этом случае год постройки должен обозначать собственно время первоначальной селитьбы Строгановых на том месте, но все-таки это памятник той же старины, о которой мы ведем наши разыскания. Он очень любопытен, и мы им особенно дорожим в том отношении, что это, сколько известно, почти единственный свидетель, наглядно изображающий нам наиболее отдаленную старину русской частной жизни и разрешающий некоторые наши недоумения о составе и архитектурной форме древних хормных построек.

Мелкие выписки, собранные нами в отделе материалов, могут, пожалуй, показаться иному читателю чересчур мелочными и во многих случаях бесполезными; по крайней мере, существует еще, даже в самой науке, мнение, не дающее почти никакой цены такому роду материалов. Мы спорить не станем и заметим только, что, по нашему мнению, в мелочах яснее и полнее раскрываются свойства каждого предмета, а тем более, если дело идет о характеристике человеческого быта, о характеристике нравов, обычаев, домашних положений и условий жизни. Как в настоящем сочинении, так и в последующих работах о домашнем народном быте мы постоянно будем особенно дорожить подобными мелочами, с тою целью, чтобы собранием этих мелочей в одно место подготовить необходимый материал для исследований по этому предмету, вообще подготовить научные средства и тем самым доставить более прочную возможность восстановить историю старого быта во всех подробностях, с самою документальною точностью. Руководясь такою мыслию, может быть, в иных случаях, мы и, действительно, погрешили излишеством и даже повторением некоторых данных; но в начальной

обработке предмета мы и это почитаем необходимым, ибо для того, чтобы наука могла утвердить окончательно какой-либо вывод, нужно много и долго вникать в подробности, хотя бы и слишком однообразные и однородные. Кроме того, мы убеждены, что мелкие мелочи старой жизни кладут краски и тени в наших представлениях об историческом быте народа, образуют, если можно сказать, колорит в исторической картине; и, во всяком случае, ничто так не способствует образованию наиболее верного, правильного взгляда на прошедшее, как эти мелочи, которые иногда одною чертою рассказывают несравненно больше, чем целое исследование. Мы надеемся, что и в нашей книге читатель гораздо больше прочтет между строками, как это всегда бывает при чтении сборника бытовых фактов.

Особенная наша забота заключалась даже в том, чтобы собираемые материалы переданы были верно и точно с сохранением всех особенностей подлинника, заслуживающих внимание науки. Мы сокращали только излишние подробности титулов и разных приказных формальностей.

Дробность и разнообразие предметов, входящих в описание древнего быта, заставляет нас присовокупить к настоящему труду подробный объяснительный указатель, или словарь, который и будет издан в заключение этих разысканий о древнем домашнем быте царей.

При настоящем, третьем издании этой книги мы следовали той же общей задаче нашего труда, о которой сейчас было говорено и которая, главным образом, состоит в том, чтобы каждому, даже и очень мелочному, предмету старого быта, особенно со стороны внешней обстановки, дать самый подробный и, следовательно, наиболее полный облик, в котором такой предмет существовал в известное время.

Мы убеждены, что изучение материальной стороны древнего быта всегда дает прочные и верные основы для уразумения и самых его идей и идеалов; что и художественное его воспроизведение — венец всяких изучений — на страницах ли ученой истории или в свободной области поэтического творчества (во всех родах искусства, словесного и изобразительного) всегда будет очень зависеть именно от того, насколько полно объяснены его материальные подробности. Для художника,

как скоро его творчество останавливается на предметах жизни, отошедшей в область истории, очень важно знать всякую мелочь в точной реальности. Здесь-то он и встречается по большей части несолимые затруднения, особенно со стороны всяких форм. Художнику бывает очень надобно иной раз подробно и точно знать даже и о том, каким, например, гвоздем была обита старинная мебель, и т. п.; так же как для ученого бывает столько же необходимо знакомство со всякою, даже и очень мелкою, цифрою, которая усчитывает старые положения жизни.

Имея в виду подобные потребности художнических и научных изысканий о старой жизни, мы желали возможно более пополнять каждое издание предлежащей книги. С этой целью в отделе *Материалов* во втором издании внесено описание царского Измайловского дворца 1687 г. со всем его хозяйством, извлеченное из двух современных рукописей, принадлежащих библиотеке Имп. Моск. Общества сельского хозяйства, пользоваться которыми была доставлена нам полная возможность покойным И. И. Масловым. Современное же описание дома кн. В. В. Голицына и Зимового патриаршего двора в Астрахани, как и другие дополнительные сведения, извлечены из книг и столбцов Моск. Архива Министерства юстиции. В настоящем издании к делам о нарушении части государева двора мы присовокупили новое дело этого рода, любезно сообщенное нам А. Н. Зерцаловым, архивариусом упомянутого Архива.

В настоящем издании мы значительно дополнили описание стенописи в Золотой и Грановитой палатах на основании современной ее описи, напечатанной в собранных и изданных нами по поручению Московской Городской думы «*Материалах* для истории, археологии и статистики города Москвы» (часть 1, М., 1884); дополнили также и отдел *Материалов** различного рода записями о предметах устройства царского дворца и царского обихода. [...]

* Отдел *Материалов* (в тексте обозначен М.) в первом издании опущен. См: Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. 4-е изд. М., 1918. Т. 1, ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Чертежи и рисунки старинных царских и боярских хором по техническим причинам в настоящем издании не воспроизводятся. — *Примеч. ред.*

ГЛАВА I

Государев двор, или дворец

Вступление. Общее понятие о князем дворе в Древней Руси. Двор первых московских князей. Общий обзор древних хоромных построек в Великой Руси. Способы построек, или плотничное дело. Состав деревянного государева дворца. Каменный дворец, воздвигнутый в конце XV века. Его расположение в начале XVI века. История дворца при Иване Васильевиче Грозном и его преемниках. Дворцовые здания в Смутное время, или в Московскую Разруху. Обновление дворца и новые постройки при Михаиле Федоровиче. Новые украшения дворца при Алексее Михайловиче. Распространение и украшение дворца при Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи. Расположение дворца и его состав в конце XVII ст. Запустение и постепенное разрушение дворцовых зданий в XVIII ст.

Старый русский домашний быт и особенно быт русского великого государя со всеми своими уставами, положениями, формами, со всею порядливостью, чинностью и чтивостью наиболее полно выразился к концу XVII ст. Это была эпоха последних дней для нашей домашней и общественной старины, когда все, чем была сильна и богата эта старина, высказалось и закончилось в такие образы и формы, с которыми, по тому же пути, дальше идти было невозможно. Москва, сильнейшая из жизненных сил старой Руси, в эту замечательную и любопытную эпоху отживала свой век при полном господстве исторического начала, которое ею было выработано и водворение которого в жизни стоило стольких жертв и такой долгой и упорной борьбы. *Политическое единство* Русской земли, к которому неизбежно вели московские стремления и предания, являлось уже неоспоримым и несомненным делом и в умах самого народа и для всех соседей, когда-либо протягивавших руку за нашими землями. Представитель этого единства, московский великий государь, самодержец всея Руси, стал в отношении к земству на недостижимую высоту, о которой едва ли и помышляли наши далекие предки. Ничего соответ-

вующего этому «пресветлому царскому величеству» в древней нашей жизни мы не видим. Правда, идея царя была хорошо знакома нам еще с первых веков нашей истории, особенно когда деятельны были наши связи с Византиею. Царь греческий представлялся для нас типом самодержавной, ничем не ограниченной власти, типом высокого и великого сана, к которому доступ сопровождался изумительною для простых глаз торжественностью и обстановкою несказанного блеска и великолепия. Обо всем этом достаточное понятие мы получили еще со времени варяжских походов на Царьград. Понятие это не угасало и в последующие века, распространяемое особенно духовенством, греческим и русским, по случаю частых его сношений с Царьградом. Книжные люди тех веков, обыкновенно тоже церковники, изредка приписывали этот титул и русским князьям из желания наиболее возвысить их сан и значение, по крайней мере, в собственных глазах, из желания сказать наиболее усердного и раболепного в похвалу доброму князю. Позднее, тем же титулом стали мы величать царя Ордынского, потому что как же иначе, т. е. понятнее для всех, могли мы обозначить характер ханской власти и характер его господства над нашею землею. Новое явление мы назвали соответственным ему именем, которое, как представление, давно уже существовало в умах, с которым с давнего уже времени соединялось довольно определенное и знакомое всем понятие. У себя дома, среди своих князей, мы не находили ничего соответственного этому имени. И если иногда обзывали их так, то, как мы упомянули, единственно из особой угодливости и подобострастия, которыми большею частию руководилась в своих похвальных словах наша старинная книжность.

Тип *великого* князя Древней Руси не был очерчен резко, определенно. Он терялся среди собственного княжеского племени, среди дружинников и вечевых городов, пользовавшихся почти равною самостоятельностью голоса, власти и действий. Черты этого типа пропадают в общем строе земли. Он не вдруг приобретает даже имя *великого* и просто именуется «*князем*» с прибавлением изредка титула «*господина*», что показывало только вообще властное его значение. Книжники, вспоминая апостольское писание, присваивают ему иногда значение «*божьего слуги*», который «*не напрасно меч носят, но в месть злодеям, в похвалу же добродеем*». Именуют его «*главою земли*»; но это были представления отвлече-

ченные, собственно книжные; в действительной жизни им мало внимали. С именем князя повседневные понятия времени соединяли только значение главного судьи и воєводы, хранителя правды и первого воина земли. Как скоро правда была нарушена поступками князя, он терял доверие, лишался княжества, а иногда и самой жизни. Вообще он был «стражем Русской земли» от врагов внутренних, домашних, и от врагов иноплеменных. За то земля его *кормила*, и он сам не простирает своих видов дальше права на это *кормление*. Кормление вместе с тем обуславливало общее владение землею в княжеском племени и, следовательно, личную зависимость князя, хотя бы и великого, не только от родичей, но даже и от дружинников, потому что и те были участниками кормления и общинного владения землею, участниками в оберегании правды и в защите земли от врагов. Понятно, почему великий князь и для земства становился не более как кормленщиком, не главою земли, а главою таких же кормленщиков, вождем дружины; понятно, почему и отношения его к земству были так непосредственны и просты. В те простодушные века очень часто слышались на вечевых сходах оживленные речи и споры, в которых люди веча и князь высказывают какие-то братские, совершенно равные отношения. Не станем говорить о том, насколько в этих оживленных беседах обнаруживается сознательно выработанных определений жизни. Может быть, здесь в большей мере высказывается лишь простодушное и прямодушное наивное детство общественного развития, каким отличается вообще первое время в жизни всех исторических народов.

«А мы тебе кланяемся, княже, а по-твоему не хотим» — вот стереотипная фраза, которою выражалось несогласие с княжескими требованиями и притязаниями, выражалось вообще самостоятельное, независимое решение дела. «Тобе ся, княже, кланяем» значило то же, что «ты себе, а мы себе», что по-твоему не делается. Князя с своей стороны людей веча не называют ребятами, а обращаются к ним с обыкновенным народным приветом: *братья! братья моя милая!* — *взывает к новгородцам древний Ярослав, прося помощи на Святополка; братья володимерцы!* — *взывает князь Юрий, прося защиты у владимирцев; братья мужи псковичи!* *кто стар, то отец, кто млад, той брат!* — *воскликает Домонт псковский, призывая псковичей на защиту отечества.* Все это речи, характеризующие древнейший склад

княжеских отношений к земству, выясняющие тип древнего князя, каким он являлся в действительности, в народных понятиях и представлениях.

Какое неизмеримое различие этого типа от другого, который именовался впоследствии великим государем и к концу XVII ст. принужден был запретить земле, под страхом великой опалы, писать ему в челобитных: «Умилосердися, яко Бог» или: «Работаю я холоп ваш вам великим государем, яко Богу». Много нужно было времени, а еще более гнетущих обстоятельств, чтобы жизнь привела понятия массы к такому принижению. Новый тип создался постепенно, шаг за шагом, под гнетом событий, под влиянием новых жизненных начал и книжных учений, его распространявших и утверждавших.

Несмотря, однако ж, на расстояние, которое отделило каждого земца от «пресветлого царского величества», несмотря на порядки быта, по-видимому, столько различные и чуждые преданиям древности, великий государь, при всей высоте политического значения, на волос не удалился от народных корней. В своей жизни, в своем домашнем быту он останется вполне народным типом хозяина, главы дома, типическим явлением того строя жизни, который служит основой экономического, хозяйского быта во всем народе. Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы — вот что равняло быт государя не только с боярским, но и вообще с крестьянским бытом. Различие обнаруживалось только в большем просторе, в большей прохладе, с которою проходила жизнь во дворце, а главное, только в богатстве, в количестве золота и всяких драгоценностей, всяких *цат*, в которых, по мнению века, несравненно достойнее представлялся всякий сан, а тем более сан государя. Но это был только *наряд* жизни, нисколько не изменявший существенных ее сторон, существенных ее уставов и положений и не только в нравственной, но и в материальной среде. Изба крестьянская, срубленная во дворце, для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась *избою* в своем устройстве, с теми же лавками, коником, передним углом, с тою же мерою в полтретьи сажени, сохраняя даже общенародное имя избы. Стало быть, жизнь во дворце, по существу потребностей, нисколько не была шире жизни в крестьянской избе; стало быть, тамошние начала жизни находили себе впол-

не соответственный, наиболее удобный приют в той же избе.

Самый титул царя: *великий государь* — может отчасти раскрыть, что новый тип политической власти вырос «на старом кореню». Первоначальное значение слова «государь» затемнено было, особенно в позднейшую эпоху, неимоверным распространением этого значения в политическом смысле, а вместе с тем заученными понятиями и представлениями о государстве и государе как отвлеченных теоретических идеях, о которых древняя наша действительность, почти до самой реформы, очень мало или и вовсе не мыслила. Только во второй половине XVII ст. мелькает мысль о *вопчем народе*, как говорил царь Алексей, все еще считавший Московское государство своею вотчиною.

Прежде всего должно заметить, что в древнее время титулов в собственном смысле не существовало. Все теперешние титулы есть собственно археологические достопамятности, сохраняющие только память о давнишней действительности, смысл которой трудно воскресить и научным образом. Между тем в древности каждое имя заключало в себе живой, действующий смысл. Так, слово *князь*, которым земля именовала каждое лицо, принадлежавшее Рюрикову племени, было словом, вполне и точно определявшим истинный, живой смысл, какой возникал из характера княжеских отношений к земле. Права, достоинство князя как известного общественного типа были достоянием только лиц княжеского же рода и никому другому принадлежать не могли. Как скоро племя расплодилось и простое обычное достоинство князя потребовалось возвысить для лиц, стоявших почему-либо впереди и, следовательно, выше других, тотчас же к имени — князь — стали прибавлять прилагательное: великий, что значило старший, большак. Этим титулом жизнь обозначила, что достоинство князя, от раздробления на мелкие части, утратило прежнее значение, измельчало, изнашивалось и что, след., наступила новая фаза в развитии княжеских отношений. Тем же путем прошел и титул *великого князя*. Сначала он обозначал только старшего во всем племени, а позже — старшего в своей волости, так что к концу фазы почти все самостоятельно владеющие князья стали именоваться великими. Таким образом снова обнаружилось измельчание великокняжеского достоинства. К XV веку не только тверский или рязанский, но даже и *пронский* князь именуется уже себя

великим князем, и именно в то время, когда поступает в подручники, в *службу* господину *осподарю* (Витовту). Это новое имя явилось на смену прежнего, отжившего имени и начало новую фазу развития земских понятий о достоинстве князя. Понятие: осподарь, государь, развилось уже на туземной почве, из элементов, которые были выработаны самою жизнью. Оно, по свойству своих жизненных сил, в самом уже начале показывало, что стремится совсем упразднить первоначальное общее и притом пришлое достоинство князя, упразднить самое понятие об этом достоинстве, что в точности и случилось, когда эта фаза достигла полного развития. В XVII ст. многие князья Рюрикова племени смешались с земством и навеки забыли о своем княжеском происхождении. Таким образом тип древнего князя, переходя в своем развитии из фазы в фазу, к концу пути вовсе разложился, угас, оставив по себе одно имя как археологическую редкость и достопамятность.

В древнейших жизненных отношениях, рядом с именем князь, существовало другое, такое же типическое имя: *государь*. Вначале оно служило типом частной, домашней жизни, типом хозяина-собственника и, само собою разумеется, отца семейства, главы дома. Еще в «Русской правде» словом *государь*, *осподарь* обозначается, вместе с словом *господин*, *хозяин собственности*, *домовладыка*, *вотчинник*, вообще *сам*, как часто теперь выражаются о хозяине и как в древности выражались о князьях, *державших* независимо свою волость, именуя их *самодержцами*. *Осподою* называлась семья в смысле независимого, самостоятельного хозяйства, которое и до сих пор на юге носит название *осподы*, *господарства*. *Господою* называется самый Новгород в смысле правительственной, судной власти; *осподою* назывались собирательно судьи, начальство и вообще господская власть. *Господарь*, след., было лицо, совмещавшее в своем значении понятия о главе дома, о непосредственном правителе, судье, владельце и распорядителе своего хозяйства. Домострой XVI века для наименования хозяина и хозяйки не знает другого слова, как *государь*, *государыня* (изредка также *господарь*, *господарыня*). Свадебные песни величают государем батюшку, государынею — матушку. В том же смысле московские удельные князья именуют своего отца и свою мать, не придавая еще этого титула великому князю и чествуя его только именем *господина*.

Приводя эти указания, мы желаем только напомнить, что именем «государь» обозначался известный тип жизненных отношений, именно властный, оборотная сторона которого выставляла противоположный тип раба, холопа или вообще слуги. Осподарь был не мыслим без холопа, так как и холоп не был бы понятен без осподаря. Как тип частного, собственно домашнего строя жизни, он существовал везде, во всех народностях и во все времена, существует повсюду и в наши дни, более или менее смягченный распространением гуманного, то есть христианского просвещения. Почти везде этот тип пережил другие общественные формы быта и стал во главе политического устройства земли как исключительное, единственное жизненное начало. Естественная его сила всегда сохранялась в народных корнях, в господстве того же типа в частной, домашней жизни, в понятиях и представлениях народной массы. Изменялось свойство этих корней, изменялся в своем виде и характер и этот тип.

Когда, в древнекняжеских отношениях, общее владение землею и частый передел этого общего владения отжили свое время, а между тем земство не успело выработать себе прочной политической формы, которая могла бы, как твердыня, защищать его от княжеских захватов и отчинных притязаний, князья, мало-помалу, по праву наследства, стали делаться полными собственниками своих наследственных волостей, а вместе с тем, по естественной причине, стали приобретать и новый титул, обозначавший очень верно существо самого дела, т. е. их новое отношение к земле. Земля вместо изветшавшего, только почетного уже титула, — господина, — начала обзывать их *государями*, т. е. не временными только, а полными и независимыми хозяевами своей собственности. Прежний титул господина, сделавшийся выражением обыкновенной вежливости и почтения, имел и в самом начале довольно общее значение, по крайней мере, более обширное, чем слово государь, которое, в отношении к слову господин, точно так же обнаруживало новую фазу в развитии господина, т. е. вообще лица властвующего, и в первое время не было даже и титулом. Оно очень определенно и точно обозначало известный всем предмет, известный склад жизни, известный разряд людей, пользовавшихся самостоятельным исключительным значением, и потому с такою разборчивостью различалось собственно от титула — господина, особенно

в то время, когда в политических земских отношениях это различие сделалось слишком очевидным, именно в борьбе Новгорода с Москвою. Если господином наша древность называла князя и вообще всякое почетное и почему-либо высшее лицо, то государем она обозначала по преимуществу только лицо владеющее, самовластительное и самодержавное в отношении его хозяйства, его семьи и собственности. Вот почему к имени *осподарь* стали прибавлять и титул *господина*: *господин государь* Новгород Великий, *господин государь* князь великий Московский. В частной сфере каждый хозяин дома был таким осподарем — самовластителем, и против этого не только никто не спорил, но всякий старался, помощью предания и книжного учения, поддерживать и распространять такое значение владыки дома. Когда же это господарское начало явилось действующим и в сфере общих земских отношений, его не поняли или, вернее, не желали понимать. Отсюда-то и выходила борьба отдельных вотчинников — князей, отдельных самостоятельных волостей, или земель, борьба, более или менее продолжительная и суровая, смотря по тому, где она возникала, т. е. где памятнее и крепче была вечевая или господарская старина.

В замене прежнего выражения: *княжить*, которым обозначали свойство, характер княжеских отношений к земле, явилось новое слово: *государить*, выражавшее совсем иной смысл, иной характер этих отношений. Точно так же и слово *княжество*, определявшее деятельность, строй и порядок тех же отношений, а вместе с тем и самую землю, по которой распространялась эта деятельность, заменено было новым выражением: *государство*, имевшим новый смысл, весьма различный от прежнего. Дальнейшее политическое развитие присвоило этому последнему слову гораздо обширнейшее знаменование, упразднив в его значении все *личное*, частное, так сказать *местное*, именно то понятие, с каким вел. кн. Иван Васильевич вопрошал новгородцев — какого они хотят государства?

Как только идея государства распространилась по всей земле и все самостоятельные князья-вотчинники стали именоваться государями, когда даже и самому Новгороду присвоивался уже титул господина-государя, тотчас же потребовалось отличить первенствующего государя от остальных, на которых этот первенствующий имел отчинные права и смотрел как на подчиненных.

Подобно тому, как в прежнее время старший из князей приобретал, в отличие от младших, титул *великого*, так и старший, главный государь, государь в государях, стал именоваться *великим* государем, также великим государем *земским*, когда хотели его отличить от других государей, имевших частное значение, каковы, напр., были митрополиты и архиепископы, которым, выработавшиеся в том же направлении понятия народа, также присвоивали титул государей и осподарей; наконец, великим государем русским, *всяя Руси*.

Значение такого государя в государях приобрел, как известно, государь Московский. Но, как ни было высоко это политическое уже значение титула, существенный его смысл нисколько не изменился и оставался долго тем же, чем был вначале, т. е. чем был в частном домашнем быту народа. Великий государь Московский, с распространением своего политического могущества, присоединивши к прежним еще новые, более соответственные своему значению, титулы царя и самодержца, — на деле, в действительности, оставался все тем же государем, осподарем. Мы хотим сказать, что, в простом и удобопонятном, а главное, наиболее точном и верном смысле, это был помещик с широкими царственными размерами жизни, которые явились почти незаметно, сами собою, как необходимое, совершенно неизбежное условие новых политических отношений и потребностей. При этом нельзя забывать, что новые потребности и отношения развились по преимуществу на почве иноземных сношений, на почве жизни с соседями. Дóма, в отношении к земле, они никогда не могли бы вырасти с такою силою и в таком просторе. Здесь, как всегда и во всем, большом и малом, выразилось простое повседневное стремление жизни *казаться* перед другими в большем достоинстве и славе. Лишь для чужих только нужно было представлять это необыкновенное величие сана, обставлять азиатскими декорациями, торжественностью, блеском каждый шаг, особенно в приемах и проходах иноземных послов и гостей. Только пред чужими нужно было выситься, являть свое могущество, неисчислимое богатство, одним словом, являть себя с достоинством, которое возвышало бы значение, силу и славу земли. Действительно, царственная обстановка московского государя, царственные формы и порядки его быта, как и высота его сана, вырастают постепенно, по мере того, как усложняются, развиваются наши заграничные сно-

шения, по мере встреч, знакомств и столкновений в общей политике иноземных государств, а особенно наших соседей, перед которыми Москва никогда не думала оставаться в худых. Ее задачей было во что бы ни стало перегнуть этих соседей, разумеется, на первый раз, хотя внешним величием, внешним могуществом, ибо о могуществе внутреннего развития тогда и соседи еще мало помышляли. Отличительная черта ее политики в том именно и заключается, что она привыкла во всех трудных обстоятельствах надеяться более на себя, на собственные силы и средства, не отыскивая опоры где-нибудь по сторонам. Этим-то путем и было достигнуто политическое могущество и первенство.

Но как ни были широки и царственны размеры быта, усвоенные по этому пути московским государем, в общих чертах, в общих положениях быта и даже в мелких частностях, они нисколько не удалились от обычных исконных, типических очертаний русской жизни. Московский государь оставался тем же князем-вотчинником, с значением которого, почти за четыреста лет до реформы, он начал свой исторический подвиг.

Вотчинный тип отражался на всех мелочах и порядках его домашней жизни и домашнего хозяйства. Это был простой деревенский, след., чисто русский быт, нисколько не отличавшийся, в основных чертах, от быта крестьянского, сохранявший свято все обычаи и предания, весь строй и все начала древней русской жизни в той ее форме, какая была выработана веками для отдельного, единичного, частного хозяйства и домоводства, для отдельного, независимого существования русской семьи, более или менее достаточной, зажиточной и домовитой. Сквозь великолепные по-азиатски, ослеплявшие блеском и богатством декорации царственного сана виднелась до крайности простая и наивная, общая всему народу, действительность, равнявшая, в этом смысле, особу государя с последним *сиротою* его государства, т. е. со всяким хозяином-домовладыкой из посадских слобод и крестьянских деревень, не говоря уже о помещиках и вотчинниках из служилого сословия, где тип государя-хозяина являлся преимущественным определением жизни и всех условий быта. Иначе, впрочем, и не могло быть, ибо начала, истоки жизни были по всей Русской земле одни и те же; и там и здесь, на севере, как и на юге, ничем существенно не различались и потому складывались в один и тот же строй и порядок, в одну и ту же форму.

Спешим оговориться и напомнить, что здесь мы говорим не об общественных политических началах жизни, а только о домашних, о началах жизни единичной, а не общей; только *о доме, о дворе*, а не *о земле*.

Самая так называемая государственная служба, в простом смысле, представляла только вид службы вотчиннику, службы лицу, а не отвлеченному понятию отечества или государства. Быстрое развитие вотчинного типа на московской почве втянуло в себя и древнее дружинное начало, пользовавшееся до того времени равным правом самобытности и самостоятельности. Друзья-товарищи походов и думы очень скоро обратились в *слуг*, и имя *слуги* сделалось самою высшею наградою за службу вообще. Древнее выражение: *страдать за Русскую землю*, заменилось новым: *служить* Государю.

Таким образом, то, что в древнее время представляло только условие частной домашней жизни, условие, не имевшее никакого особенного значения для земства, именно *служба* лицу, это самое с развитием вотчинности, или господарства, приобретает, вместе с лицом самого господаря, общее политическое значение. Княжедворцы, княжие слуги, вытесняют дружинников, становятся впереди, потому что впереди всей земли становится и тип вотчинника-господаря, не признававший, по существу своих стремлений, никаких других, совместных его лицу, прав и преимуществ; смотревший на все с точки зрения полного самовластительного владыки и хозяина. Дружинное начало, за которое так держались древние князья-дружинники, так чествовали и берегли его, видя в нем почти единственную опору для своих отношений к земле, князь-вотчинник признает чуждою, непонятною и враждебною формою жизни и употребляет отчаянные усилия, чтоб искоренить и самую память о нем. Он чествует и бережет только верных, *прямых* своих *слуг* и вносит в ветхую уже среду славной и сильной некогда дружины имя *слуги* как высшую почесть. Торжество господарских идей вполне выразилось в понятиях, поступках и убеждениях грозного царя Ивана Васильевича, характер которого будет еще понятнее, если мы представим его обыкновенным вотчинником-господарем, каких и в его время и в гораздо позднею эпоху было немало в Русской земле. Он не слишком понятен для нас лишь по размеру, в котором обнаружались господарские стремления, требования и поступки. Его приснопамятная челобитная к *великому князю всея Руси Сн-*

меону Бекбулатовичу, в которой он именуется себя *Иванцом Васильевым Московским*, раскрывает до очевидности господарский взгляд и на служилое сословие земли. Этот Иванец бьет челом, просит милости *освободить* его перебрать людишек бояр и дворян, и детей боярских, и дворовых людишек: чтоб иных прочь отослать, а иных оставить... *освободить* его выбирать и принимать *изо всяких людей*... Просит указать, как ему своих мелких людишек держати, просто, без крепостных записей, «или велишь на них *полные* (кабалы) имати», заключает челобитчик, выражая тем в полной мере свой господарский крепостнический взгляд на боярство.

Действительно, служба бояр и вообще сановников существенно была тем же, чем служба домовных людей. Они были обязаны служить до последней физической возможности, обязаны были каждый день с утра рано являться во дворец, челом ударить государю, и запоздалый их приезд, без причины, всегда влек за собою гнев и немилость государя. Без спроса у государя они не смели выехать из Москвы даже в ближайшие свои подгородные села и дачи, хотя бы на один только день, для гулянья или для какого дела. «Да не токмо для гулянья своего отпрашиваются, — присовокупляет Котошихин, — но когда прилучится им которого дни другу у друга быти в гостях, на свадьбе, или на крестинах, или на имянинах, и они отпрашиваются по такому же обычаю». Царь Алексей Михайлович в своей *потешной* челобитной к боярам, зовя их на медведя, залегшего в селе Озерцеком, и прося непременно приехать на охоту, делает в шутках каждому попреки, кого чем одолжал: «А я всем вам поступался, кто о чем бил челом», и, обращаясь между прочим к князю Куракину, замечает: «А ты, боярин князь Федор Семенович, бивал челом *по часту* в деревню, и я тебя всегда жаловал, отпускал... и вы попомните все скорую мою милость к себе...»¹

Некоторые свадебные чины XVI ст. указывают, что без спроса у государя бояре едва ли могли жениться, женить своих сыновей и выдавать замуж дочерей. По крайней мере, они также строго соблюдали обычай являться к государю на другой день свадьбы со всем свадебным поездом. Узрев государя, сидевшего в шапке, все кланялись в землю. Государь спрашивал про женихово и про невестино здоровье, причем жених опять кла-

¹ Зап. Рус. Археолог. о-ва. Новая сер. 1896. Т. 9, вып. 1. Тр. отд. славян. и рус. археологии. Кн. 2. С. 371, 711.

нялся в землю. Царь благословлял молодых иконами, наделял их дарами и угощал весь поезд романеей и медом.

В свои именины каждый боярин ехал к государю челом ударить и подносил ему именной свой калач. С такими же калачами он обходил все царское семейство, подносил царице, царевичам и царевнам. То же самое делали жены и дочери бояр на царицыной половине. Бояре и все сановники вменяли себе в особую честь и почесть получать каждый день с царского стола, от обеда и от ужина, *поденную подачу* и ставили себе в большое бесчестье, когда эта подача, по ошибке или по другой какой причине, до них не доходила, размышляя, что ни царского гнева над собой, ни вины за собою не ведают, а в подаче перед своею братьею обесчещены. Строгость наказаний (батоги, тюрьма) за подобные неисправности в рассылке подач указывает, как важно было значение их для боярской чести и спеси. Все это черты обыкновенного повседневного вотчинного быта, которые, по глухим местам, сохраняются даже и теперь и которые идут из глубокой древности, из первобытных патриархальных отношений господаря-домовладыки к своим домочадцам.

Вотчиннический, господарский тип московских князей обозначился даже в самом устройстве их стольного города Москвы. В сущности это была помещичья усадьба, обширный вотчинников двор, стоявший среди деревень и слобод, которые почти все имели какое-либо служебное назначение в вотчинниковом хозяйстве, в потребностях его дома и домашнего обихода. Некоторые иностранцы, бывавшие в Москве в XVI и XVII ст., вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за царский дворец, говоря, что он обнесен каменной стеною. Действительно, первую основу Кремля, а стало быть всей Москвы, был *княжий двор* или, в самое древнее время, *княжий стан* с необходимыми хоромами, или клетями, на случай приезда. Когда князья переехали в эту усадьбу совсем на житье, она стала мало-помалу обстраиваться и распространяться. Подле двора построена была церковь (Благовещения на Сенях), как было в Древней Руси у всякого княжеского двора и как впоследствии было почти у всякого вотчинникова двора, сколько-нибудь достаточного. Вблизи двора, в разных местах, находились *службы* и дома дворовых людей также с службами. Вот первоначальная Москва, основной камень ее рас-

пространения и устройства. Условия древней нашей общности, особенно при владычестве татар, были таковы, что без стены или какого-либо тына — острога — вокруг подобной усадьбы покойно и безопасно жить было нельзя. Страшны были не только иноплеменные, но еще больше свои одноплеменные враги. Известно, что в Древней Руси даже каждый монастырь обнесен был стеною, хотя деревянною. Сначала, без сомнения, и Москва была обнесена тыном. Но уже в 1156 г. вел. кн. Юрий Долгорукий закладывает Москву — *град* на устье Неглинны, выше реки Яузы. Град, *город* в древнем смысле означает стены, след., первые московские городские стены были построены в 1156 г. Первый, значительно разбогатевший, московский вотчинник Иван Данилович Калита рубит на месте погоревшей новую дубовую стену города (1339 г.), которой остатки, толстые дубовые бревна, найдены были в земле еще недавно, при последних перестройках кремлевских зданий, со стороны Неглинной. Внук Калиты, еще более разбогатевший и усилившийся, закладывает стену из белого камня (1367 г.). Но богатство, сила и хозяйство растет, ширится, привлекает население. У стены возникают торговые и ремесленные слободы, возникает целый посад на берегу реки, пониже княжеского двора, ибо снизу идет и торговая дорога судоходством по реке. Между тем через сто лет каменные стены уже обветшали и самая черта города для раздвинутой жизни стала тесноватою. Великий князь Иван Васильевич строит новый город, т. е. собственно стены, и строит не по прежней основе, а с прибавкою, т. е. расширяет место и сверх того укрепляет город бойницами, стрельницами, тайниками, башнями. Такие постройки очень ясно выразили, что сила московского вотчинника стала не только крепкою, но и *грозною*. Он и сам прозывается уже *грозным*.

Вообще история Москвы, как города, в том отношении особенно и любопытна, что она, так сказать, по пятам идет за развитием московского господства, с его зарождения, как частного, особого, *собинного* княжеского хозяйства и до его окончательного распространения на всю землю, когда это хозяйство — государство приобретает уже общее земское, политическое значение, становится формою политического быта земли.

По мере распространения земского значения Москвы, само собою разумеется, она все более и более тянет к себе и земские общие элементы жизни: торговлю, про-

мышленность, всякого рода службу. Посады и слободы растут; слободы образуют в разных местах новые особые малые посады, так что старый посад, в отличие от новых, именуется уже *Великим посадом* и в 1535—1538 гг. обносится также каменными стенами с названием *Китай-город*, который назывался также *Красною стеною*¹. Приобретаемая крепость и стойкость самодержавных идей постоянно влечет за собою и материальную крепость города, гнезда этих идей. В XVI веке Москва делается в действительности сердцем почти всего северо-востока Европы, все к ней тянет, как к жизненному центру. Население возрастает, можно сказать, не по дням, а по часам, чему в значительной степени способствует и ненавистная всей земле *московская волокита* и *проеть*, приказное, подклетное², т. е. чисто вотчинное управление землею, которое немилосердно волочит людей к этому центру, заставляя их ходить — волочиться за своими делами — целые месяцы и годы. Около стен Кремля и Китая скоро образуется новый большой посад с сплошным населением. Сначала он укрепляется земляным валом и называется *Земляным городом*, а в 1586—1593 гг. обносится также белокаменными стенами и называется *Белым Царевым городом*, царевым, может быть, потому, что в этих стенах население состояло по преимуществу из служилого и дворового сословий; или же потому, что здесь жило население свободное, собственно государево, в отличие от загородного, среди которого были целые деревни и слободы крепостные, принадлежавшие боярам и духовенству. В то же время и вокруг Царева города устраиваются сплошные посады из упомянутых деревень и новых слобод. Для защиты и безопасности этих посадов и особенно в страхе от нового нашествия крымского хана срублены в 1591—1592 гг. стены деревянные с башнями и воротами весьма красивыми, стоившие, по словам Маскевича, многих трудов и времени. Все пространство, которое было обнесено такими стенами, называлось *Скородомом*, может быть, по мелкости здешних домов, собственно изб, и скорости, с какою они ставились после пожаров и других опустошений, ибо такие избы продавались всегда готовые, срубам, в лесных рядах. Вероятно

¹ Объяснение слова *Китай* см. в наших «Опытах изучения русских древностей и истории». М., 1873 Ч. 2. С. 155.

² Известно, что московское управление сначала сосредоточивалось в избах и подклетах государева двора. Эти избы и подклеты получали наименование от тех областей, которыми управляли. В начале XVII ст. упоминаются: *Московская изба*, *Казанская изба*, *Володимирский подклет*, *Дмитровский подклет*, *Рязанский подклет*. См. Разряды 1601 г.

также, что настоящее прозвание Скородома могло быть *Скородум*, в значении стен, скоро выстроенных (вокруг всего города в один год) или скоро задуманных к постройке, как это и случилось по поводу нашествия в 1591 г. крымского хана. На некоторых иностранных планах Москвы XVII ст. он прямо и обозначается: *Scodum*. В Московскую *Разруху*, во время междуцарствия, стены Скородома сгорели. Вместо них царь Михаил, в 1637—1640-х гг., насыпал высокий земляной вал, отчего Скородом стал называться уже *Земляным городом* и даже *Земляным валом* и сохранил это название до сих пор.

Несмотря, однако ж, на такое быстрое распространение города, особенно в течение XVI ст., он несколько не изменял своему первоначальному, чисто вотчинному типу. Он все-таки оставался большою усадьбою великого господаря-вотчинника, так что и самое его распространение условливалось распространением потребностей и нужд этой усадьбы. Целые слободы и улицы существовали, как домовные дворовые службы, удовлетворявшие только этим потребностям. Из таких слобод и улиц состояла почти вся западная часть города, именно та часть, которую отделял для своей *опричнины* царь Иван Васильевич, — все улицы от Москвы-реки до Никитской. Здесь подле реки находилось *Остожье* с обширными лугами под Новодевичьим монастырем, где паслись табуны государевых лошадей и на Остоженном дворе (улица Остоженка) заготавливалось в стогах сено на зиму. Здесь же в Земляном городе были *запасные конюшни* и слобода Конюшенная с населением конюшенных служителей (улица Староконюшенная), а в Белом городе *аргачьи конюшни* и Колымажный двор (подле Каменного моста). У Дорогомилова перевоза, впоследствии моста, на берегу реки находился государев *дрвяной двор*, готовивший запасы дров (ц. Николы на Щепях). Под Новинским стояла слобода *кречетников*, *сокольников* и других государевых охотников (ц. Иоанна Предтечи в Кречетниках). Пресненские пруды издавна служили садками для царской рыбы. За ними, на Новом Ваганькове, стоял потешный *царенный двор*, перенесенный сюда с Старого Ваганькова, находившегося подле Кремля, недалеко от Боровицких ворот. Улица Поварская с переулками — Столовым, Хлебным, Скатертным и т. п. — населена была приспешниками и служителями царского стола. Улица Никитская, или Царицына, с Кисловскими

переулками (прежде слобода Кисловка) была населена *чином*, или штатом служителей и служительниц царицы: постельницами, мастерицами (швеями), детьми боярскими и т. д. Огромная и самая богатая из старинных московских слобод Кадашево (ц. Воскресенья в Кадашах, против Кремля, за рекою) потому и богатела, что занималась только, с большими льготами, *хамовным делом*, изготовлением про царский обиход так называемой *белой казны*, т. е. полотен, скатертей и т. п. Тем же занималась и слобода *хамовников* (ц. Никола в Хамовниках). Против Кремля и Китая, на той стороне реки, поселены были *садовники*, готовившие про царский обиход всякий овощ; а на этой стороне, где теперь Воспитательный Дом, находился Васильевский дворцовый сад. Воронцово (ц. Ильи Пророка на Воронцовом поле) издревле было загородною государевою дачею. Но мы утомим читателя, если станем подробно перечислять все бывшие слободы Москвы и особые дворы, которые тянули только к государеву дворцу и в точном смысле составляли его *службы*. Повторим снова, что жизненным центром Москвы был государев вотчинников двор, обстроенный деревнями, слободами и посадами, столько же на удовлетворение его собственных нужд и потребностей, сколько вследствие сосредоточения подле этого двора всякой власти и, стало быть, сосредоточения потребностей и нужд народа. Самый план Москвы (похожий, вообще, на паутину), расположение ее улиц и переулков, из которых первые, как радиусы, бегут к центру — Кремлю, а другие постоянно огибают этот центр, может наглядно свидетельствовать, куда тянула жизнь и что управляло даже общим расположением городских построек.

Двор московского князя-вотчинника первоначально был построен на высокой крутой горе, при впадении в Москву-реку речки Неглинны. Крутой угол этой горы, опускавшийся к Неглинной, теперь не существует: его несколько раз сравнивали и срывали и в последнее время привели в теперешний довольно отлогий вид; в первые годы нынешнего столетия еще трудно было и въезжать и всходить на эту гору, а в прежнее время, без сомнения, она была с этой стороны еще круче. С горы открывался обширный и живописный вид на Заречье, один из тех, которыми так богаты вообще берега рек Московской области, и в особенности берега Москвы-реки.

В то время, как князья стали здесь строиться, гора была покрыта боровым лесом, чему свидетелями служат остающиеся до сих пор названия *Боровицких* ворот и дворцовой церкви Спаса *на Бору*. Здесь же против ворот стояла другая церковь, сломанная при постройке нового дворца, Рождества Иоанна Предтечи *на Бору*, о которой летописец рассказывает, что она в том бору была и срублена и была первою древнейшею церковью Москвы и первым ее соборным храмом при Петре митрополите, который вначале и жил возле нее. Есть также свидетельство, что это место было заселено еще в глубокой древности. При постройке здания теперешней Оружейной палаты, примыкающего к Боровицким воротам, были найдены на материке два серебряных витых обруча (гривны) и две серьги, принадлежащие еще языческой эпохе и весьма сходные с подобными же вещами, находимыми в курганах Московской области. Нельзя забыть также и мнения Ходаковского о древнеславянских городищах и городках, которые он считает богослужебными языческими капищами и которые устраивались именно на таких горах, при слиянии двух рек, с отлогим восходом с восточной стороны, как все и существует на этой Кремлевской горе. Во всяком случае, место было очень удобно, если не для языческого капища, то для обыкновенного поселения.

Если церковь Иоанна Предтечи была первою в древнем *городке* Москвы, то и первый княжий дворец мы должны отыскивать возле этой же церкви, и притом с западной ее стороны, так что его местоположение придется еще ближе к Боровицким воротам или же вообще ближе к острому углу бывшего здесь некогда берегового *ост-рога*, или косогора, теперь, как мы упомянули, значительно скрытого. После, быть может, уже в XIII в., когда население распространилось и княжеский двор по тесноте места должен был отодвинуться дальше к востоку, где и устроился на месте нынешнего Большого дворца пред новою церковью Благовещения на княжих Сених. По легендам, постройка этой церкви относится к 1291 г.

Как бы ни было, но первое, древнейшее заселение Кремля сосредоточивалось у Боровицких ворот, на бору, или в бору, на высоком *ост-роге* речки Неглинны и Москвы-реки.

Русские князья, делая свои *пути* в эту лесную землю, без сомнения, становились там, где уже было жилье.

Москва лежала на одном из таких путей, и по-видимому самом главном, так что при проезде с юга в Суздальскую землю ее миновать было нельзя. По всему вероятно, с первых же княжеских походов в эту землю Москва сделалась их становищем, может быть, очень любимым за красоту места, а также по тем выгодам, какие доставляла в здешних местах охота. По крайней мере, первое летописное известие о ней есть в то же время известие о пире, об *обеде сильном*, которым в 1147 г. угощал князь Суздальский Юрий Владимирович Долгорукий князя Северского Святослава, ходившего тогда воевать Смоленскую область по реке Протве. Выбор места для *сильного обеда* указывает, что Москва и в то уже время представляла необходимые усадебные удобства для княжеского пиროвания. При этом должно заметить, что дело было раннею весною, 5 апреля, в Похвальную субботу, след., пир не мог происходить в шатрах, как часто случалось у князей в летнюю пору, и, без сомнения, происходил в избах и клетях на княжем становом дворе. Таким образом, заселение князьями Москвы мы можем отнести ко времени их первых походов и *путей* в Суздальскую землю.

К сожалению, о древнейшем московском *князем дворе* почти нет никаких известий ни в летописях, ни в современных им актах. В первое время своей жизни, до половины XIV века, Москва не имела собственных летописцев: все ее события этого времени записаны летописцами других городов, напр. новгородскими, суздальскими и др., которые, внося в свои сборники известия о Москве, большею частью случайно, мимоходом, нисколько не касались частных, домашних дел этой небольшой великокняжеской вотчины, еще мало обращавшей на себя внимание. Притом и все более или менее значительные события того времени сосредоточивались преимущественно около Владимира, Новгорода, Рязани и других сильнейших городов; Москва же оставалась в глуши своих лесов малозаметною деревенькою; поэтому не только о князем московском дворе, но даже и о самом городе мы не встречаем в летописях XIII и XIV ст. никаких особенных подробностей. Впрочем, это обстоятельство едва ли может затруднять нас в настоящем случае: общее понятие о древнейшем дворе московских великих князей мы можем составить себе из летописных известий X, XI и XII столетий, где *княжий двор*, нося общие черты на севере и на юге, изображается с достаточными по-

дробностями, по крайней мере, в отношении своих частей. Мы знаем, напр., что еще при Ольге в Киеве, кроме княжего двора в городе был еще загородный *теремный двор*, над горою, называвшийся так от каменного терема: «бе бо ту терем камен»¹. На этом-то дворе, по свидетельству Нестора, совершилось мщение Ольги над древлянами за смерть Игоря; здесь погибли лучшие мужи древлян «в яме великой и глубокой», нарочно для этого ископанной. Может быть, здесь же была и та *истопка*, мовница, баня, в которой другие мужи древлянские, по замыслу Ольги, «творили мовь», т. е. парились, по древнему русскому обычаю, и потом были сожжены. На этом же теремном дворе при Владимире погиб и брат его Ярополк². В 980 г. Владимир, еще язычник, поставил на том же холму, вне этого *отняго* теремного двора, кумиры своих богов: Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога и пр. После крещения, при княжих дворах ставились уже *божницы*, православные храмы.

Впрочем, этот каменный терем, упоминаемый почти на первых страницах нашей древнейшей летописи, был, конечно, большою редкостью в то время, потому что все тогдашние постройки были по преимуществу деревянные; но, как имя, этот *терем* дает понятие, что и в то время, в первой половине десятого века, состав княжего двора был такой же, какой существовал и в позднейшее время. Терем составлял только увенчание здания, верхний ярус *хором*, как общим именем прозывались остальные ярусы и вся совокупность строений.

Нет сомнения, что основой и первообразом древнейшего русского жилища была *клеть* — связь бревен на четыре угла, строение, уцелевшее в своей первобытной простоте и до наших дней. В таких клетях летом жил и св. Владимир в своем любимом селе Берестове, где в тех клетях и скончался.

Клеть зимняя, приспособленная для тепла, отапливаемая посредством печи, в отличие от холодной клетки именовалась *истъбою*, также *истопкою*, что и заставляет предполагать, что из этой истопки образовалось и самое слово изба, от глагола топить, истопить; по крайней мере, такой смысл этого слова держится в показаниях наших летописей, и южных, и северных, в которых, при описании событий XI и XII ст., находим: *истопку*, *истопь-*

¹ Полное собрание русских летописей, Спб., 1846. Т. I. С. 23 (далее ПСРЛ).

² Там же. С. 33.

ку, истобъку, истбу, истьбу, истебу, избу теплу¹.

Удаляясь к первобытным временам, когда люди еще не умели строить клетей и жили в кущах, в шалашах и лачугах, конечно, только в южных теплых странах можно находить для слова *изба* корень в общем индоевропейском: *стоба*, *стаба*, *стуба*, по-русски *стопа*, в значении той *стопки*, какую устраивал себе первобытный человек для сохранения от непогоды и для тепла в виде конусообразного, округленного шалаша, обмазанного глиной. *Stabulum* (лат.) и *Stafmos* (греч.), обозначающие жилища первобытного устройства, указывают также на этот корень.

Как бы ни было, но в историческое уже время в русских понятиях *изба*, *истопка* разумелась вообще клеть, отапливаемая печью, как она и теперь этим именем отличается от простой, холодной клетки. Это была постройка, повсеместно распространенная в нашей более или менее лесной равнине, от Новгорода до Киева, составлявшая коренную типическую форму русского жилища как в простонародном крестьянском быту, так точно и в княжеском, а потом до конца XVII ст. и в царском. *Истопка*, *истьба*, *изба* постоянно упоминается в летописях: как скоро речь идет о жилищах княжеского двора. В составе княжеского двора упоминается также *горенка* (1152 г.), обозначающая *горний*, то есть верхний ярус постройки, и вновь свидетельствующая, что древний состав двора неизменно сохранялся и в позднем его устройстве. Но от других, боярских и вообще богатых дворов, княжий двор отличался тем, что в его составе всегда находилась обширная клеть, носившая в то время именование *гридницы* (в песнях *гридня*) от имени *гридь*, *гридьба*, как прозывался особый отряд княжеской дружины, главным образом в Новгороде. В областном языке *гриднею* называется и простая *изба*.

В *гриднице* Владимир давал по воскресеньям пиры боярам, *гридем*, сотским, десятским и «нарочитым мужам», следовательно, она служила приемною и была самым обширным покоем княжеского дворца. В «Слове о полку Игореве» упоминается о *Святославли гриднице* в Киеве; в древних песнях *гридница* носит эпитет *светлой*, и в ней обыкновенно стоят столы дубовые. В позднейшее время ей соответствовала, по своему значению,

¹ Там же. Годы: 945, 1074, 1093, 1095, 1097, 1102, 1116, 1216. В 1095 г. «Пристрон Ратибор отроки в оружъ истобку (истьбу, избу) пристава истопки им...»

повалуша, Столовая изба, также горница, а по способу постройки — светлица. Другие клетки получали свои имена соответственно их назначению в княжеском обиходе, каковы были *ложница* или *одрина* — спальня, от слова *одр* — постелья. *Божницею* назывался домовый храм князей, в котором они слушали церковные службы, почти всегда на *полатах*, то есть на хорах, соединявшихся с княжеским дворцом *переходами*. «Володимир (Галицкий в 1152 г.) поиде к *божници* к святому Спасу на вечернюю и якоже бы на *переходех* до божницы, и ту виде Петра (посла Изяславова) едуща, и поругая ему: поеха мужь Руский, обьимав вся волости, — и то рек иде на полати (на хоры)»¹. Впоследствии местоположение княжеских домовых церквей обозначается большею частью выражением: *что на сенях*.

Общая характерная черта в устройстве древнего княжеского двора, как и всех других богатых и достаточных дворов того времени, заключалась в том, что хоромины, избы, клетки ставились, хотя и по две, по три в одной связи, но всегда в отдельности, отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек во дворе именовалась собирательно *хоромами*. Княжеский дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как теперь, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких отдельных помещений служили *сени* и *переходы*. Сени составляли вообще крытое, более или менее обширное пространство между отдельными клетями, избами, горницами, как в верхнем, так и в нижнем ярусах всех построек.

Из всех мест летописи, где упоминается о сенях, видно, что они были в верхнем ярусе, где, следовательно, находились и все покои, в которых жили князья. Так как сени представляли важное и притом неизбежное условие в расположении хором, то и самый дворец княжеский в древнейшее время именовался вообще *сенями, сenniцею*. «Си же (людье в 1067 г.) придоша на княж двор. Изяславу же *седящу на сенех* с дружиною своею... князю же из *оконця* зрящу и дружине стоящи у князя... (в 1095 г.) Итлареви в ту ночь лежащую у Ратибора на дворе с дружиною своею — на *сenniци*... — И седшим всей братьи у Всеволода на *сенех*, и рече им Всево-

¹ Там же, Спб., 1843, т. 2, с. 72.

лод... — В то же время Борис пьшет в Белгороде, на сеньници, с дружиною своею и с попы с Белгородьски-ми... — Петр же поеха в град и приеха на княжь двор, и ту снидоша противу ему с сеной слугы княжи вси в черних мятлих... и яже *взиде на сени*, и види Ярослава, сеядя на *отни месте* в черни мятли и в клобуце, такоже и вси мужи его, и поставища Петрови *столец*, и сяде...»¹.

В этом же значении должно принимать и выражение: у *государя на сенях*, весьма употребительное в XVI и XVII столетиях.

Мы упоминали уже, что князья, как потом и цари, занимали всегда верхние ярусы дворца, который от этого в XVI и XVII ст. назывался вообще *Верхом*; выражение: у *государя в Верху* — значило то же, что во дворце. В нижних этажах древних княжеских хором, под клетями, находились *порубы*. В позднейших редакциях летописей поруб заменяется словом *подклет*². В этих-то подклетях и вообще в нижних этажах жили княжи слуги, отроки, детские и все лица, составлявшие княжий двор и называвшиеся поэтому *дворянами*. К хозяйственным постройкам княжего двора принадлежали *погреб*, *медуша* — погреб с вареными медами; *бретьяница* — погреб с бортевым медом; *скотница* — кладовая со всякою казною.

Некоторые из древнейших княжих дворов, по красоте своей, а может быть, и по красивому местоположению, назывались *красными*³, а двор великого князя Юрья Долгорукого в Киеве, за Днепром, именовался даже *раем*. В отношении наружного вида дворцов мы имеем свидетельство «Слова о полку Игореве», где упоминается о *златоверхом* тереме великого князя Киевского Святослава.

Вот те краткие известия о древнейшем княжем дворе, которые находим в летописных свидетельствах X, XI и XII столетий. Несмотря, однако ж, на эту краткость и отрывочность первоначальных указаний о княжем домовителстве, мы видим, что древнейший княжеский быт в этом отношении очень мало изменился и в последующих веках, а что еще важнее, он был таким же и на севере, как на юге, ибо на севере жило то же княжеское племя, которое в те времена переходило туда с юга, пе-

¹ Там же. Т. 1. С. 73, 97; Т. 2. С. 21, 56, 72.

² Там же. Т. 1. С. 73; Т. 2. С. 24; 28; Т. 3. С. 2. Царственный летописец., Спб., 1772. С. 57.

³ ПСРЛ. Т. 1. С. 99; Т. 2. С. 81.

ренося с собою все условия, потребности и порядки своей жизни. Без всякого сомнения, дворец первых московских князей заключал в себе много сходного со всеми другими княжескими дворцами того времени: по крайней мере, в состав его входили те же самые части, какие указаны нами выше. Это вполне подтверждают известия последующих столетий. *Златоверхий Набережный терем* и *Набережные сени* (в смысле целого дворца) Дмитрия Донского, указывая на местоположение великокняжеских хором в Москве, объясняют вместе с тем и их сходство с древнейшими постройками того же рода. «Повесть о Мамаевом побойще» рассказывает, между прочим, что весть о приближении Мамаевых сил застала великого князя за пиром в *набережных теремах*: пил он чашу за брата своего Владимира Андреевича. Далее, когда московская рать двинулась с князем в поход, повесть описывает плач его супруги: «Княгиня ж великая Евдокия вниде в *златоверхий терем* в *набережный*, в *свои сени* и сяде под стекольчатым окном на одре... слезы проливающе...» По другим спискам: «...сяде под южными окны... вниде в *набережные сени* и седоша о рундуце (стул) под стеклянним оконцем...»¹

Несмотря на то, что сказание о побойще и, след., эти известия о княжем дворце относятся к более позднему времени, все-таки они дороги для нас как свидетельства, обозначающие хотя одною общею чертою сходство московского княжеского двора с древними. Этот *Набережный терем* находился подле самой церкви Благовещения, которая была первым домовым храмом московских князей. По красоте местоположения и московский княжеский двор мог также называться *раем*. А что действительно он был построен обширно и с великолепием, какое соответствовало вкусам времени и богатству сильнейшего русского князя, так об этом могут свидетельствовать чудные *часы*, может быть, единственные в то время во всей Русской земле, которые поставлены были в этом дворце в 1404 г. Летописец потому только и сохранил об них известие, что они, выходя из ряда обыкновенных предметов, очень удивляли современников. Он описывает их следующим образом: «Князь великий (Василий Дмитриевич) замысли *часник* и постави (его) на своем дворе за церковью, за св. Благовещеньем. Сий же *часник* наречется *часомерье*; на всякий же час ударяет молотом в коло-

¹ Русский ист. сб. 1838. Т. 3, кн. 1. С. 24; см. также: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5, Стб. 70, 85.

кол, размеряя и разсчитая часы *нощные* и *дневные*; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако; створено есть человеческою хитростию, преизмечтано и преухищено»¹. Другой летописец присовокупляет, что часы были «*чудны велми и с луною...*»² или с *лунным течением*, как выражались о подобных часах позднее. Мастером и художником этих знаменитых часов был чернец Лазарь, родом серб, пришедший в Москву с Афонской горы. Часы стали более полутора ста рублей на тогдашние деньги: сумма по тому времени весьма значительная. Необходимо упомянуть, что Василий Дмитриевич около того же времени выстроил и самую церковь Благовещения, каменную, вероятно, на месте прежней деревянной, которой постройка приписывается великому князю Андрею Александровичу в 1291 г. Очень немудрено, что вместе с этими сооружениями церкви и часов великий князь вообще обновил свой дворец, украсив его, может быть, новыми зданиями, по обычаю, деревянными, о чем летописец не рассказывает ни слова по той причине, что подобные постройки, как дело весьма обыкновенное в княжеском быту, не заслуживали упоминания. Летописи конца XV века и современные им записки упоминают, к случаю, *среднюю горницу*, в которой великий князь Иван Васильевич, в 1479 г., по случаю торжественного освящения нового Успенского собора и перенесения в этот собор мощей московских чудотворцев, давал стол митрополиту и духовным властям. Упоминают еще *набережную горницу* великого князя (1488 г.), *набережный сенник*, также *среднюю повалушу* великой княгини Софьи Фоминичны, где представлялся ей посол цесарский Юрий Делатор, в 1490 г., и *столовую грядню* и *повалушу* великого князя, записанные летописцем по случаю заключения в 1492 г. несчастного угличского князя Андрея Васильевича³. Здесь одна только *повалуша* не упоминается первоначальными летописцами, что, однако ж, не дает основания заключать, что повалуши не было в древнейших наших постройках, что ее не было и на княжих дворах. В других памятниках старинной письменности, относящихся даже к XII в., упоминается и *повалуша* и вдобавок с обозначением, что она бывала расписываема, т. е.

¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 5. Стб. 249.

² ПСРЛ. Спб., 1859. Т. 8. С. 77.

³ Памятники дипломатических сношений... I, 10, 30, 34; Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 48, 103 и 347; Летописец (Устюжский). М., 1781. С. 170.

украшаема живописью. «Ты, — обращается одно учительное слово к богатому, — живя в доме, *повалуши исписав*, а убогий не знает, где главы подклонити!»¹.

Ни один летописец не оставил нам подробного описания древнего русского жилища, такого описания, которое по типичности своей могло бы заменить нам полнейший свод всех известных по этому предмету; летописцы не имели в виду нашего любопытства и нисколько не занимались современным им домашним бытом по той, единственно, причине, что этот быт был так близок к ним, так известен всем, что его не стоило и описывать. Но насколько это может затруднять наши разыскания? Неужели во всех случаях мы должны раболепствовать пред данным фактом, не стараясь другими путями достигнуть истины? Археология, в некотором отношении, включает в себе много сходного с палеонтологиею, которая по одной части включает о целом, по одному позвонку какого-либо животного воссоздает целый его организм. То же самое можно сказать и об археологических изысканиях, хотя здесь достижение истины несравненно труднее, и заключения и выводы должны предлагаться с большею осторожностью. Впрочем, и здесь есть такие предметы, о которых разыскания решаются без всякого затруднения. Напр., в настоящем случае, мы знаем, что в древнейшем периоде нашей истории летописцы, упоминая о дворе, о тереме, о клетях, дверях и пр., ни слова не говорят о воротах, о заборе, о крышах, крыльцах, окнах, лавках и т. д.; следует ли заключать из этого, что в древнейших русских жилищах не было окон, лавок и т. п., а при дворах — ворот и заборов? И нужно ли говорить исследователю, по поводу первого летописного упоминания о дверях, что-де у древнейших наших жилищ были и *двери*, — и говорить об этом в то время, когда о других, неизбежно подразумеваемых частях жилища, не сказано ни слова?.. Таким образом, несмотря на то, что летописцы оставили нам весьма мало подробностей о старинном нашем домостроительстве, мы можем безошибочно пополнить краткие их указания известиями позднейшего времени. Это тем более возможно, что народный быт Древней Руси, особенно в отношении образа жизни, нелегко поддавался посторонним влияниям, нелегко изменялся и даже до настоящего времени сохранил основные черты своего характера. Все согласятся,

¹ Изв. Акад. наук по отд. рус. яз. и словесности, 1863, Т. 10, вып. 5, Стб. 650.

мы думаем, что теперешний крестьянский двор Великой Руси точно так же ставится, как ставился, может быть, за триста, четыреста и даже за тысячу лет. Притом до Петра Великого все население Московского государства не различалось так резко ни в образе жизни, ни в обычаях; следовательно, и домоустройство всех сословий отличалось повсеместным однообразием, сходством, которое сохраняется даже теперь по великорусским деревням.

Мы уже сказали, что первообразом древнего русского жилища была *клеть*, из которой потом образовалась *изба*, до сих пор почти единственное жилище нашего крестьянина. Изба и клеть составляли, так сказать, основу его двора. Обыкновенно изба была *поземная* и *черная*, то есть курная, срубленная прямо на *пошве* или на *подзавалье*, с волоковыми окнами, от 6 до 8 вершков длины и 4 вершка ширины, которые располагались почти под потолком, для пропуска в них дыма, и походили более на щели, нежели на окна. Волоковыми они называются потому, что их не затворяли, а задвигали, или заволакивали, особою закрешкою или доскою. У некоторых изб были *дымницы* или *дымники*¹, вероятно, деревянные трубы, какие нередко встречаются и теперь; впрочем, эти дымницы составляли, кажется, принадлежность белых изб, о которых мы еще будем говорить. Против избы у семьянистых и зажиточных людей ставилась *клеть* — летний холодный покой, также с волоковыми окнами. Место под общею кровлею, между клетью и избею, называлось *сеньми*. Под клетью, которая в иных местах называлась *повалушею* и даже горницею, почти всегда был *глухой подклет*, называвшийся нередко *мшаником*, в котором помещался домашний скот или кладовая. Поэтому клеть в отношении к избе стояла всегда выше, отчего, вероятно, и носила название горницы. Вот жилище простолюдина. Мы берем только главные черты, не упоминая о разных подробностях крестьянской избы и клетки, о принадлежностях крестьянского двора, собственно о *дворище*, как в древнее время называлась вся совокупность таких принадлежностей, вообще о *дворовом* и *огородном строении*, потому что все это с незапамятных времен и донныне существует почти без изменений.

У людей других сословий, у богатых гостей, дворян и, наконец, у бояр, постройка и расположение хором изменялись по мере потребностей, какие уставляла жизнь

¹ ПСРЛ. Слб., 1841. Т. 3, С. 160, 164.

каждого лица, хотя в главных чертах они и сохраняли первобытный тип избы и клетки простолюдина. Вместо черной, поземной избы, здесь ставилась *изба белая*, также поземная, но с тою только разницею, что дым из нее проходил в трубу, *дымницу*, а не в дверь и не в волоковые дымовые окна, как бывает в избе курной. Впрочем, большею частью такая изба строилась на *подклете*, почему и называлась *горницею*, как верхний, *горний* покой в отношении к подклету; в этом случае она была всегда с *красными*¹, косячатыми окнами, при которых, однако ж, допускались и малые *волоковые*, располагаемые обыкновенно по сторонам красных, но чаще в боковых и задних стенах горницы. Сверх того, горница отличалась от избы печью, которая здесь была изразцовая, муравленая, круглая или четырехугольная, вроде голландской, совершенно отличная от избной, так называемой русской печи. Горница и самая изба разделялась нередко перегородками на несколько *комнат*. Нередко две-три или четыре клетки, или горницы, ставились в одной связи и назывались собирательно *двойнями*, *тройнями*, *четвернями*, смотря по количеству связанных таким образом клеток, вообще *хорбами* в собственном смысле, а каждая такая клеть отдельно — *комнатою* и горницею.

Что же касается до подклетов, то это были нижние этажи древних хором; они носили разные наименования, смотря по своему назначению: в них помещались людские, кладовые или *казенки*, в которых хранилась казна, то есть имущество, и пр. В первом случае они были *жилые* с волоковыми окнами и с печами, во втором — *глухие*, т. е. нежилые, иногда без окон и даже без дверей, потому что ход в них бывал только из верхнего этажа.

В больших хорамах обширные сени соединяли горницу или комнаты с *повалушею* или *повалышею*, которая всегда ставилась особняком от жилых хором, с передней их стороны, также на жилом или глухом подклете, в два или в три яруса. Это был обширный летний, т. е. холодный, покой, соответствовавший клетям в крестьянском дворе и служивший большею частью в качестве столовой или вообще приемной комнаты. В иных случаях повалыша служила также для сохранения разной домашней рухляди. В богатых и особенно в государевых хорамах

¹ Значение прилагательного *красный* более или менее известно. Красными, в смысле «красных», назывались большие окна с колодами и оконницами, или рамами, в отличие от малых, волоковых, не имевших оконниц и колод.

она соответствовала древней *гридне*, а впоследствии *столовой*, т. е. парадной комнате, в которой давались праздники и пиры, принимались гости. С этою, может быть, целью повалуша и ставилась подалее от жилого помещения и всегда против передней комнаты, так что не имела сообщения с задними клетями.

Кроме горницы и повалуши, в состав старинных хором входили еще *светлица* и *сенник*. Светлица — та же горница, с одними только красными косячатыми окнами, которых в ней было больше, нежели в горнице, и которые, разумеется, давали более свету, нежели окна горницы и всякого другого покоя. В светлице окна прорубались во всех четырех стенах или, по крайней мере, в трех, между тем как горница имела красные окна только с лица или с двух сторон, если была угловая. Светлицы ставились по большей части только на женской половине и всегда служили рабочими комнатами для женских рукоделий, особенно для вышивания шелками, золотом и для белого шитья. Вообще, светлица была комнатою, назначаемою для работ разного рода и для всяких занятий. Сенник, от слова *сени*, — также холодный покой, без печи, с немногими волоковыми окнами, служивший летом спальнею; от теплых хором он отличался особенно тем, что на дощатом или бревенчатом его потолке, как и на потолке сеней, никогда не насыпалась земля, что необходимо было при устройстве теплого покоя. От этого сенник получал весьма важное значение во время свадьбы: в нем обыкновенно устраивалась брачная постель; а древние обычаи не допускали, чтоб у новобрачных над головами была земля, как такой предмет, который, среди радостей жизни, во время «веселия», как называли самую свадьбу, мог подать повод к размышлению о смерти; по крайней мере, так объясняет этот обычай англичанин Коллинс, посещавший Москву при царе Алексее Михайловиче. Сенником и сенницею назывался также и сарай для сена, сеновал. Мы упоминали уже о значении сеней в древних постройках; этим словом называли все части хором, расположенные пред входом в жилые и нежилые покои и соединявшие все отдельные *хоромины*, то есть горницы, повалуши, клетки, светлицы и т. д. В богатых и государевых постройках, на женской половине хором, *сени* приобретали значение теперешней залы и потому устроивались обширнее, чем в других частях хором. Здесь сени служили местом для девичьих веселостей и игр. Сени, находившиеся вне общей кровли, непо-

крытые или покрытые одним навесом, назывались *переходами* и *крыльцом*, если при них была лестница со двора. В горницах и повалушах, преимущественно же в сенях, устраивались *чуланы* и *каморки*; в горницах они служили спальнями, а в сенях — кладовыми. Где-нибудь позади к сеням прирубались *задцы* или *придельцы* для необходимого назначения. Над сенями иногда делался *верх*, или *вышка*, светелка, а внизу *подсенье*. Верхний этаж древних хором составляли светлые *чердаки*, известные также под именем *теремов* и *вышек*. Они устраивались под самой кровлей здания, были со всех сторон открыты, почему и пользовались обширным видом; к ним пристраивались иногда *смотрильни* — небольшие башенки, с которых смотрели на окрестность. Отличительною чертою теремов, или чердаков, были красные, нередко двойные окна, прорубленные на все четыре стороны терема. В древних народных песнях терем носит эпитет *высокого*, каким он всегда и был. Около теремов, или чердаков, почти всегда устраивались *гульбища*, парапеты или балконы, огороженные перилами или решетками.

Таким образом, древние наши хоромы состояли преимущественно из трех этажей: внизу подклеты, в среднем *житье*, или ярусе, — горницы, повалуши, светлицы; сверху — чердаки, терема, вышки¹.

В заключение этого обзора древних деревянных хором нужно упомянуть, что в больших хорамах расположение частей не было подчинено никакому особенному, общепринятому плану: они ставились совершенно произвольно, смотря по удобству и различным требованиям, которые условливались значением строившего лица, многочисленностью его семьи и т. д. Впрочем, как бы ни были обширны хоромы, они всегда сохраняли в своем составе общий тип клетки и избы с их подклетами².

Способ постройки деревянных изб, клеток и всяких хоромин, вообще плотничное дело, с незапамятных времен и до настоящих дней, едва ли потерпело какие изменения. Конечно, в настоящее время при других потребностях общества, оно уже не пользуется тем значением,

¹ Сравни другой наш очерк хоромного состава в нашей статье: «Черты самобытности в древнерусском зодчестве» (Древняя и новая Россия. 1878, № 8. С. 193 и след.). (Статья эта в отдельном издании (М., 1900) озаглавлена: «Русское искусство. Черты самобытности...» — Ред.). [Здесь и далее: Ред. — примеч. редактора издания 1918 г.]

² Считаем не лишним, в подтверждение наших слов, привести в Отделе Материалов (А) подлинные описания некоторых дворов XVI и XVII ст., которые любопытны и в том отношении, что знакомят нас с полным составом дворовых построек каждого отдельного домохозяйства, царского и боярского, зажиточного и бедного, городского, посадского, слободского и сельского.

какое видела в нем старина, любившая жить исключительно только в хоромах деревянных. Может быть, по тем же причинам оно утратило некоторую долю искусства, каким славилось в те времена, выстраивая скоро и прочно огромные дворцы, высокие церкви, обширные городские стены с башнями, раскатами и т. п. Теперь всего этого стало не нужно, и каменные постройки все больше и больше вытесняют, по крайней мере из городов, зодчество деревянное. Но в старину плотничное дело процветало в полной силе.

Припомним, что вся Великая Русь была по преимуществу *земля лесная*, как ее постоянно и называют южные князья, в которой, след., лесной материал был нипочем и по своей дешевизне оставался надолго почти единственным строительным материалом. Это самое служило немалым препятствием распространению и улучшению кирпичного производства, нужда в котором была очень незначительна. Деревянные постройки ставились так скоро, были так удобны, сообразны обычаям и потребностям времени, и так были дешевы, что, несмотря на беспрестанные пожары, опустошавшие в несколько часов целые посады и даже большие города, кирпичное производство не принималось до тех пор, пока не стал ощутительно дорожать лесной материал. В конце XV века итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, призванный строить в Москве Успенский собор, именно по случаю окончательной несостоятельности в этом деле русского каменного зодчества, нашел, что мы не совсем хорошо делали кирпич. С того времени, благодаря ему и другим итальянцам, научившим нас этому производству или, по крайней мере, указавшим лучшие его способы, можно было ожидать, что оно утвердится хотя в самой Москве, где требования на каменные здания стали с каждым годом увеличиваться. Однако в начале XVII ст. мы принуждены были опять вызвать кирпичного мастера из Голландии и снова учиться тому, чему были выучены почти за полтора столетия назад. Так могущественны были не одни только старые обычаи, а именно выгоды, доставляемые дешевизною обычного строительного материала, — дешевизною, неимоверным удобством и скоростью, с которыми строились деревянные здания. Само собою разумеется, что в таких обстоятельствах процветание плотничного дела было вполне обеспечено. Из простого домашнего мастерства с первобытными приемами, которое так знакомо было почти каждому селянину, оно сделалось в не-

котором смысле художеством; создало высокие и обширные церкви о *тринадцати* верхах, какова, напр., была София Новгородская еще в начале X века, о *двадцати стенах*, какова была Успенская церковь в Устюге (1492 г.), о *двадцати пяти углах*, какова была церковь св. Николы, вельми преудивленная и чудная во всей Псковской волости¹; строило еще более обширные городские стены с башнями и воротами, весьма красивыми, по отзыву Маскевича, о московских деревянных стенах, и с тем же искусством выстраивало огромные дворцы и хоромы государевы.

Подобные постройки, конечно, требовали немалой опытности и знания не одной только техники мастерства, но и искусства архитекторского, знания разных механических условий, без которых невозможно было возводить столь обширные постройки.

Доморощенные наши архитекторы того времени и вместе с тем начальники плотничных артелей назывались *плотничьими старостами*; плотники же назывались иногда и *рублениками*, от главного занятия в их мастерстве — *рубить*. Замечательным памятником их искусства, о котором мы можем иметь понятие, хотя по сохранившимся рисункам, служит деревянный Коломенский дворец XVII ст. Заброшенный и оставленный еще с первых лет XVIII ст., он стоял почти без всякой поддержки более 60 лет и был разобран только в 1768 г. Представим несколько подробностей, характеризующих старинное плотничное дело и вообще способы построек.

Клеть, как первообраз и основа всякой хоромины, какое бы название она ни носила и как бы обширна ни была, ставилась обыкновенно в четыре стены, из бревен или, при достаточном хозяйстве, из брусьев, т. е. бревен, тесанных со всех четырех сторон. Бревна на углах стен связывались или срубались *в обло* и *в присек*, *в лапу* и *в замок*, как обыкновенно рубились избы в деревнях; *в ус*, как вообще рубились хоромы, особенно брусяные: *в ус*, *в брус*, также *в косяк*, *в угол*. Связанные таким образом по углам, четыре бревна или бруса составляли *венец*, *ряд*; количеством венцов, или рядов, друг на друга положенных, определялась часто, смотря по толщине бревен, и высота клетки или ее стен: говорили, напр., вышиною на пятом венце. *Окладывались*, т. е. ставились клетки или прямо на *пошве*, т. е. на земле, или же, как бывало, в хо-

¹ Летописец (Устюжский). С. 169, 171; ПСРЛ. Спб., 1848. Т. 4. С. 240.

ромных постройках, на *столбах* и *режах* или *обрубах*, что называлось *подрубать режь*. Режи и обрубы составляли как бы фундамент и рубились клетками, или *избицами*, иногда, для большей крепости, в две стены. Избы и клетки иногда даже и в царских хоромах рубились *во мху*, т. е. перекладывались по каждому венцу мохом. Хоромы зажиточных людей и царские конопатились обыкновенно плохим льном, пенькою или паклею; сверх того, потолки и стены обивали иногда белыми полстьми и войлоками.

Мост, или пол, мостили на *кладях*, или *лежнях*, половыми досками в *причерт* с *вытесом*, т. е. ровно и гладко, также в *закрой* и всегда выверстывали. В подклетах клали мост *пластинный* или бревенчатый. *Подволоку*, или потолок, утверждали на *матицах*, настилая брусьями или накатывая бревнами, которые также, снутри клетки, почти всегда вытесывались в *брус*, или клались в *подтес*, в *закрой*. Большие хоромы всегда укрепляли связным железом *скобами*, *наугольниками*, *подставами*, *веретенными гвоздями* и т. п.

Нарядить нутро — значило отделать клеть начисто внутри, т. е. вырубить и околотить окна красные и волоковые, сколько понадобится: покласть у стен *лавки* с *опушками*, на *стамиках*; *устроить*, где следовало, *коник*; навесить двери, сделать *опечек*, или место для печи, и т. д. К тому же наряду относилась и окончательная уборка стен и потолка. Стены, особенно если они были бревенчатые, внутри и снаружи *обишались* красным тесом в *закрой*; брусяные же отделявались в *скобель* или *выскабливались в лас*. Потолок точно так же *подшивался* тесом или липовыми досками в *закрой*. В жилых клетях потолок сверху вымазывали глиною и по просушке насыпали просеянную землю — *черноземом*, *наволакивали* землю.

Связь обыкновенной двускатной кровли состояла из *князя*, иначе *князька*, также *коня* и *конька*, верхнего продольного бруса, от которого вниз с обеих сторон протягивались *курицы*, или деревья с *закрючинами*, на конях клались *застрехи*, нижние продольные брусья кровли, составлявшие ее свесь. С лица клетки эти деревья, или *курицы*, закрывались узорочно вырезанными *причелинами*, которые спускались по сторонам *очелья* (фронтон), закрывавшего чердак, или верхнюю подкровельную часть клетки. Затем кровля решетилась *латоками*, или продольными решетинами, и *подстрелинами*. Связь хоромных

кровель, которые большею частию крылись *по-полатному*, т. е. со скатами на все четыре стороны, также состояла из *князя*, который опирался на подстрелины и *быки*, связанные *решетинами*.

На хоромах кровли крыли *в два теса со скалою*, т. е. с берестою, которою перекладывали тес, чтобы не проходила теча, что называлось *поскалить*; иногда крыли драницами со скалою же. Кроме того, тесовые кровли делались в нижней части почти всегда с *полицами*, т. е. небольшими переломами или отводами вроде полок, предупреждавшими сильный сток воды. Это было необходимо в том отношении, что кровли устраивались очень круто. Под полицы клали желоба большие *охлупные* и малые; устраивали также *водяные скаты*. По полицам нередко ставили балясы, а самый свес украшали *подзоринами*. Наверху по князю ставили резной гребень, с маковицами по краям. В таких кровлях устраивали нередко *выпускные*, или *выводные*, окна, освещавшие чердак; а чаще *чердашные слухи*, окна слуховые.

Вообще, кровли в старину служили немалым украшением зданий, особенно в больших, обширных постройках. Они устраивались высокими шатрами в виде башен, сводились в виде *бочек*, в виде *кубов*, причем то и другое соединялось нередко вместе, т. е. *шатры* стояли на *бочках*. Шатры, кубы и бочки искусно *кожушились* мелкими решетинами и покрывались большею частью гонтом (лемехом) в *чешую*. Кроме того, верхи хором украшались чердаками, или теремами, род бельведеров, с красными, иногда двойными, окнами на все стороны. Около таких чердаков устраивались *гульбища*, балконы, огороженные *балясами*, или *перилами*, *гудками* (род балясника). Самые верхние чердаки, или собственно бельведеры, строились или на четыре угла, или же в виде *шестерика* и *осмерика*. Верхи чердаков, шатров, бочек, кубов украшались *прапорцами*, *флюгерами*, а бочки, сверх того, резными гребнями.

Само собою разумеется, что верхние *жила*, т. е. чердаки и терема, строились легче нижних ярусов и обыкновенно ставились на стойках или столбах, забирались брусьями или нетолстыми бревнами и обшивались тесом *в закрой*, или *в косяк*.

Тем же почти способом устраивались и сени. Они ставились также на *стойках*, или *подставках*, и обвязывались тесом с брусьями. Двухъярусные сени ставились на *лежнях на подборе бревнами*; *подбирать* — значило ста-

вить бревна в стену стоймя, что также называлось *забирать в столбы*; так обыкновенно устраивались сени *исподние*, или *подсень*; верхний ярус забирался досками в косяк. Чуланы в сенях забирались тесом в закрой. Крыльцо в малых клетях устраивалось на *выпускных* бревнах; в больших — на *подрубках*. Лестницы клали на *тетивах*, в которых вставлялись *ступени*, обшиваемые тесом. Смотря по высоте клетки лестницу всегда *переламывали*, т. е. делали с отдыхами и по сторонам почти всегда *опериливали*, т. е. делали *поручни*, или перила, с балюсадами, или решетками. В больших хоромах перед лестницею *взрубали рундук* на один, на два и на три *всхода*, о трех или более ступенях. Рундук почти всегда покрывался *шатриком* на точеных столбах, который подбирался тесом в косяк.

Около двора заматывали *замет* или *заплот*, т. е. забор. В достаточных дворах забор рубили из бревен в лапу и в замок, скоблили на оба лица, приводили *в черту*, чтоб щелей и в углах дыр не было. Забор красился воротами, которые устраивались на столбах, или *столбцах*, и связывались в один *щит*, а в достаточном хозяйстве делались створчатые из двух щитов, с калиткою; а нередко и *тройные*, т. е. с двумя калитками, *обшивочные*, т. е. обшитые тесом. Почти всегда ворота покрывались тесовой кровлею с полицами, а на князьке украшались резным гребнем или же небольшими бочками и шатриками. По уборке и отделке ворот всегда можно было судить о достаточности хозяина, ибо двор красился воротами, изба — углами, т. е. внутренним нарядом, хоромы — теремом.

Этих подробностей, которые все, до слова, заимствованы нами из строильных записок XVII ст. (начиная с 1614 г.), весьма достаточно для того, чтоб дать понятие о старинном плотничном деле, а главное о том, что оно и до сих пор держится на тех же способах и приемах, какие, без сомнения, употреблялись еще в первые века нашей истории. Все плотничные термины сохраняются до сих пор; их почти вовсе не коснулась немецкая, вообще иноземная техника, и самое производство существует без всяких пособий со стороны ученых архитекторов, которые, в отношении языка техники, если б захотели, многое могли бы заимствовать из этого родного и, след., наиболее для всех понятного источника родных же слов и названий.

Выше мы представили общие, типические черты ста-

ринных деревянных построек вообще в Древней Руси, и особенно в Московской стороне. Эти же самые черты, только в более широких размерах, повторяются и в хороммах Московского великого князя. Мы упоминали уже о набережном тереме, средней горнице, столовой, гридне и повалушах. По этим названиям можно судить и о прочих частях великокняжеских хором: они были совершенно сходны с описанными выше. Уклонения от общего характера были весьма незначительны и обуславливались теми требованиями, которые вытекали собственно из жизни великого князя, как государя всея Руси. Вообще великокняжеские хоромы как древнейшие, так и строенные во времена царей, сообразно назначению их в домашнем быту государя, можно рассматривать как три особые отделения. Во-первых, хоромы *постельные*, собственно жилые, или, как называли их в XVII веке, *покоевые*. Они были не обширны: три, много — четыре комнаты, в одной связи, служили весьма достаточным помещением для государя; одна из этих комнат, обыкновенно самая дальняя, служила постельною, опочивальною, ложницею; подле нее устроивалась *крестовая*, или моленная; другая имела значение теперешнего кабинета и называлась собственно *комнатою*, и, наконец, первая по входе именовалась *переднею*, но не в таком смысле, в каком употребляется это слово теперь: эта передняя была собственно приемною; нынешней же передней в древности соответствовали *сени*, которые в государевых хороммах почти всегда были теплые. Эти сени перед переднею назывались обыкновенно *передними сенями*. Точно такие постельные хоромы были, например, у царя Ивана Васильевича; они находились позади Средней Золотой палаты в связи с нею и заключали в себе *передние сени*, *переднюю* и *две комнаты* с прозванием: *что слыл чердак* (терем) *Государыни Царицы Настасьи Романовны*, потому что наверху их высился ее терем¹. Порядок, в каком комнаты следовали одна за другою, бывал различен; но обыкновенно они располагались так: передние сени, передняя, крестовая, комната, четвертая (считая от передней), или задняя; наконец, сени задние. Иногда за переднею следовала комната, потом третья, четвертая, как было, напр., в каменном Кремлевском Терему. Когда хоромы были в две комнаты, то за переднею следовала комната и потом комнатные, или задние, сени. Если

¹ Дворцовые разряды... Сиб., 1850. Т. I. С. 1152.

в хоромах было более комнат, нежели сколько мы здесь поименовали, что, впрочем, случалось редко, то все эти комнаты не носили никаких особенных названий; их просто называли: *третья, четвертая, пятая* и т. д., или, смотря по местоположению, *средняя, задняя, сторонняя* и т. п. Иногда в комнатах устраивались *чуланы*, собственно для спальни, имевшие поэтому значение алькова. Вообще же чуланы и каморки, устроиваемые в комнатах и особенно в сенях, составляли, вместе с подклетами, обыкновенные принадлежности постельных хором. *Сенник* и *мыльня*, принадлежавшие также к постельным хоромам, соединялись с ними сенями или переходами; мыльня же часто помещалась в подклете. Верхний этаж таких хором составляли светлые чердаки, или терема, с частыми окнами, с гульбищами в кругом всего здания, украшенные башенками, прорезными гребнями и маковицами.

Княгинина половина, хоромы государевых детей и родственников ставились отдельно от жилых хором государя и, с небольшими изменениями, во всем походили на последние.

Ко второму отделению государева дворца мы относим хоромы *непокоевые*, назначенные собственно для торжественных собраний. В них государь, следуя тогдашним обычаям, являлся только в важных торжественных случаях среди бояр и духовных властей. В них происходили духовные и земские соборы, приемы послов, давались праздничные и свадебные государевы столы — одним словом, это были в деревянных хоромах парадные залы, которым соответствовали разные палаты выстроенного впоследствии каменного дворца. Сообразно такому назначению, хоромы этого отделения были обширнее прочих и стояли впереди хором постельных, которые помещались обыкновенно в глубине двора. Что же касается до названий, то эти хоромы не носили особенных имен, за исключением разве *гридни*, а были известны под общими именами *Столовой избы, горницы* и *повалуши*.

К третьему отделению принадлежали все хозяйственные дворцовые постройки, службы, располагаемые почти всегда особыми дворами, или дворцами, которым и давались названия, смотря по их значению в дворцовом обиходе государя. Известны дворцы *Конюшенный, Житный, Кормовой, или Поваренный, Хлебный, Сытный* и пр. Что же касается до великокняжеской казны, заключавшейся обыкновенно в серебряных и золотых сосудах, дорогих мехах, дорогих тканях и тому подобных предметах,

то великий князь, следуя весьма древнему обычаю, сохранял эту казну большею частию в споях и подвалах, или подклетах, каменных церквей. Так, из летописей узнаем, что казна вел. кн. Ивана Васильевича хранилась прежде в церкви Рождества Богородицы и св. Лазаря, а казна его супруги, великой княгини Софьи Фоминичны, под церковью Иоанна Предтечи на Бору, у Боровицких ворот¹.

Мы уже сказали, что правильного, симметричного плана в древних больших постройках не было, почему и дворец великокняжеский, в своем расположении, представлял огромную массу зданий, раскиданных без всякого соответствия в частях. Довольно полное и наглядное понятие о характере древних великокняжеских и царских жилых построек, или хором, дают описания загородных дворцов XVII ст. Из них особенно любопытно описание Коломенского дворца, потому именно, что сохранились его фасады и план, которые во многом могут пояснить описание. В отделе *Материалов* мы помещаем историю постройки этого дворца и современное описание его хором, а здесь считаем не лишним упомянуть о нем как о типическом памятнике древних деревянных построек. План обнаруживает, что дворец заключал в себе несколько отделений, или особых хором, соединенных между собою переходами и частью сенями; что постройка этих отделений происходила в разное время, смотря по надобности; что постепенно к старым пристраивались новые клетки, избы, избышки, сени, крыльца, переходы, так что целое лишено всякой симметрии и того порядка в соответствии частей, к которому приучены теперешние вкусы строителей. Хоромы, крыльца, переходы разбросаны с мыслию не о правильности плана или о его красоте, а об удобствах, какие представлялись местом постройки или отношением и зависимостью этой постройки от других отделений дворца.

В лице всех построек, с восточной их стороны, стояли *передние* хоромы государевы, заключавшие пять комнат жилых, с отдельными сенями при каждом выходе: именно две впереди, в лице, *передняя* и *комната*, и три, составлявшие как бы особое отделение, назад, глубже во двор. Противоположно *передней*, дальше к северу, стояла обширная *столовая*. Она соединялась с комнатами посредством весьма обширных *столовых сеней*, над которыми в три яруса возвышались светлые *чердаки*, или

¹ Летописец, содержащий российскую историю от 6714(1206) лета до 7042(1534) лета... М., 1784. С. 297; Русский временник. М.; 1790. Ч. 2. С. 169.

терема, с открытыми галереями, или *гульбищами*, со всех четырех сторон. Кровля столовой была устроена *кубом* четверугольным и на вершине украшена *глобусом* с изображением орла промежду льва и единорога, или *инрога*. Кровля двух передних комнат крыта *бочкою* с резным *гребнем* наверху и *прапорцами*, или флюгерами. Задние комнаты с принадлежащими к ним сенями покрыты четырехскатною кровлею; над четвертою и пятою был светлый чердак — терем и шатровая кровля, дававшая строению вид башни, тем более, что вершина ее была украшена двуглавым орлом. Над рундуками, или отдыхами, площадками крыльца и над сенями возвышались также стройные *шатры*. Все кровли крыты гонтинами *в чешую*. Высота этих шатровых строений, или башен, простиралась от 7 до 15 сажен. Нижний этаж хором занимали подклеты, в которых помещались кладовые, жилье для дворовых людей и для стрелецких караулов, находившихся — один подле крыльца, под передними комнатами; другой подле ворот, под столовою.

Еще глубже во двор, за комнатами государя, стояли хоромы царевича с двумя комнатами и с теремами наверху, крытые двумя шатровыми кровлями в виде башен, соединенных в верхних чердаках *переходцами*. Далее, за хоромами царевича стояла государева *мыленка*, а за нею *Оружейная* и *Стряпущие избы*. Из мыленки шла лестница вверх на сени царицыных хором, которые стояли лицо к северу, позади хором государевых, и заключали в себе три комнаты с обширными теремами наверху, крытые *бочкою*; и одну комнату также с теремами, крытую шатром в виде башни. Обширные передние сени этих хором были покрыты также шатром, а крыльцо — шатром с бочками.

Взади дворца, с западной стороны, размещены были четыре отделения хором *больших* и *меньших* царевен, каждое из трех комнат, с теремами наверху, с мыленками, стряпущими избышками и другими принадлежностями старого быта, — крытые также шатровыми кровлями наподобие башен. Нижний этаж всех хором также состоял из подклетов, которые служили помещением для дворовых людей, для кладовых и для стрелецких караулов.

Хоромы царевен соединялись длинными крытыми переходами с хоромами царицы и с церковью. Точно так же переходами соединялись и другие отделения коломенских хором.

Несмотря на то, что Коломенский дворец построен

в половине XVII ст., он сохранил неизменно, и в плане и в фасадах, все типические черты древнейших построек и потому, как мы упомянули, может служить характеристикою как древних, так и современных ему деревянных построек. В этом убеждают также планы и фасады и других царских и боярских хором, изданные в особом *Сборнике* при «*Записках* Археол. общества. Отд. русской и слав. археологии», т. 2. Нет никакого сомнения, что таков, по крайней мере, в общих и главных чертах, был и первоначальный Кремлевский дворец. Да и самые подробности не могли слишком уклоняться от общего типа, а тем более резко изменяться. Вкусы и потребности жизни в допетровской Руси в течение целых столетий были одни. Основною мыслью было жить так, как жили отцы и деды, по старине и по *пошлине*, что пошло истари, как было при отцах, при дедах и при прадедах. И если прапрадедовский кафтан, переходя к праправнуку, несколько не изменял своего покроя, то в отношении жилищ, в их постройке и устройстве, еще неизменнее сохранились старые привычные порядки и предания, тем более, что неизменны были потребности и общий склад жизни и быта, от которых вполне зависели и все материальные их формы.

Мы увидим, что и каменный дворец, построенный на месте деревянного итальянскими архитекторами в конце XV века, несколько не уклонился от заветного типа. Вместо деревянных, были построены те же, только более обширные, *клет*, *грядни*, *горницы*, названные *палатами*. *Клеть*, *изба* и здесь послужила неизменным типом, который не допустил связать в одно целое, в один общий цельный план особые комнаты нового дворца, каковы, напр., *приемные парадные* и *жилые покои*. По-прежнему они были размещены, придерживаясь, без сомнения, старому основанию хором, отдельно, как размещались во дворах *избы* и *клет*, смотря по местному удобству и по неизменным требованиям и условиям тогдашнего быта, которые уже заранее указывали места для той или другой постройки. Старое оставалось даже и в названиях: так, нижние этажи каменных зданий по-прежнему именовались *подклетами*, хотя были всегда со сводами и только по своей местности соответствовали *подклетам* деревянных хором. *Крыльца* и при каменных *палатах* сохранили свое древнее значение — *хоромного крыла* и ставились с совершенным подобием *крыльцам* деревянным, каково, напр., было *крыльцо* и при *Грановитой*

палате, названное Красным. Но что особенно напоминало древний характер хоромных строений — это *переходы* или открытые сени, которые и в каменном дворце, по отдельности разных палат и зданий, составляли такую же необходимость, как и в хоромных деревянных.

Мы сказали, что в конце XV века, на месте великокняжеского деревянного дворца, воздвигнут дворец каменный. Мысль построить каменный дворец возникла вследствие новых потребностей, вызванных новым политическим положением московского государя. В конце XV века великий князь Московский сделался самодержцем всея Руси; к Москве стали постепенно присоединяться разные области Древней Руси, жившие дотоле независимо, самобытно. Мысль о самодержавии московского государя с каждым днем приобретала более силы, более сознательности, а с этим вместе совершенно другое значение получал и государев дворец в Москве. Прежние формы, прежние *обряды* быта великокняжеского становились уже недостаточными в жизни государя-самодержца. Сверх того, это новое, государственное направление, только что возникшее в Москве естественным ходом ее истории, было приведено в полную сознательность и определенность с приездом в Москву греческой царевны Софьи Палеолог, с которою великий князь Иван Васильевич вступил в супружество. Последствия этого брака, имевшие важное значение в государственном отношении, не менее важны были и в частном быту московского государя: его двор и дворец с этого времени стали постепенно преобразовываться, заимствуя многое от угаснувшей Византии. Притом этот брак завязал самые тесные сношения Москвы с европейскими государствами; начались частые приезды иноземных послов, прием которых, при новых политических отношениях московского государя, требовал бóльшей церемониальности, бóльшего великолепия; поэтому новый дворец, более обширный и более соответственный новым потребностям, был необходим. Вообще исход XV века составляет блестящую эпоху не только в истории государева дворца, но и в истории всего Кремля, который, по мнению некоторых иностранных путешественников XV и XVI веков, составлял собственно дворцовую крепость. Никогда, ни прежде, ни после, не было в Кремле такой напряженной деятельности в поновлениях и постройках. Соборы и церкви, палаты государевы, городские ворота, стены, стрельницы, башни с тайниками — все это быстро воздвигалось при

помощи итальянских зодчих, нарочно для того вызванных, и не более как в 20 лет наружность Кремля совершенно изменилась. На месте прежних деревянных зданий были уже новые, каменные, более обширные, красивые и более прочные. Зубчатые стены с стрельницами, окруженные глубокими рвами, придавали Кремлю грозный, величественный и красивый вид, который еще с большою яркостью обрисовывался на темном грунте деревянных построек тогдашней Москвы и на зелени ее многочисленных садов, или, правильнее, огородов, находившихся почти при каждом доме.

Великий князь Иван Васильевич начал постройку нового каменного дворца с церкви Благовещения, что на Сенях, воздвигнутой еще при великом князе Василии Дмитриевиче. В 1484 г., разрушив дедовскую постройку, он заложил новую, на каменном подклете, который обложил *казною*, то есть палатами для своей казны. Сверх того, с восточной стороны этой церкви, между нею и Архангельским собором, заложил кирпичную палату также с *казнами* и с большим белокаменным погребом, известную впоследствии под именем Казенного двора. Таким образом, не нарушая древнего обычая, великий князь и в каменном дворце устроил свою казну подле церкви. Почти в то же время, в 1487 г., с западной стороны Благовещенского собора, на великокняжеском дворе, вероятно, на том месте, где был набережный златоверхий терем при Дмитриии Донском, — Фрязин Марко Руф заложил каменную палату, которая, быть может, относительно Большой Грановитой называлась *Малою*, а также *Набережною*¹. В августе 1489 г. Благовещенская церковь на государевых Сенях была уже освящена. Между тем постройка каменных зданий на дворе великого князя продолжалась. В 1491 г. Марко Руф и Петр Антоний выстроили *на площади большую палату*, которая сохранилась до нашего времени под именем Грановитой. Эта палата, как передний приемный покой дворца, заменила

¹ Карамзин отнес 1487 г. к заложению Грановитой палаты, которая была окончена постройкою в 1491 г. Последующие описатели кремлевских древностей повторяли слова историкографа. Но в летописи под 1487 г. сказано, что Марко Фрязин заложил палату *на дворе великого князя, где терем стоял*, а под 1491 г. упомянуто о совершении *большой палаты на площади*. Основываясь на этой разнице местности *на дворе* и *на площади* и припоминая древний Набережный Терем, мы должны были отнести 1487 г. к заложению не Грановитой, а Набережной палаты. Выражение *большая палата* указывает, что существовала *малая*. *Малая палата*, именно *Набережная*, упоминается в 1490 г. по случаю приема царского посла Юрия Деллатора; след. еще до совершения Грановитой она служила уже приемною. В первое время Грановитая палата именовалась только *Большою*. (Памятники дипломатических сношений..., I, 26; Карамзин Н. М. Указ, соч. Т. 10, Стб. III).

древнюю *грядню*, а в царском быту получила значение главной церемониальной залы. В 1492 г. апреля 5-го великий князь, переехав со всем семейством из своего старого двора в новые хоромы князя Ивана Юрьевича Патрикеева, стоявшие против церкви Иоанна Предтечи на Бору, повелел свой «старый деревянный двор разобрать и нача ставити каменный двор». Между тем в то же время он велел поставить себе свой собственный двор за Архангельским собором, деревянный, в котором временно намеревался поселиться. Но это начало постройки каменного дворца было не совсем благополучно. 28 июня 1493 г., в воскресенье утром, случился один из тех страшных, опустошительных пожаров, которые бывали довольно часто в древней столице и которые истребляли деревянные ее постройки почти каждый раз с конца в конец. Загорелось за Москвою-рекою, и при ужаснейшей буре в один миг «нечислено нача горети во мнозех местех». В Кремле прежде всего загорелся новый деревянный двор великого князя (Патрикеевский) у Боровицких ворот, в котором он только что поселился. Потом занялись житницы под горою, на подоле Кремля; оттуда новый двор великого князя за Архангельским собором; и все это место с другими близлежащими частями Кремля выгорело дотла. Летопись, описывая этот пожар, говорит в заключение, что «по летописцам и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар не бывал». Великий князь выехал из опустошенного Кремля на Язу, к Николе Подкопаеву; поселился на *крестьянских дворах* и стоял там до ноября, когда и переехал в Кремль, в новые хоромы, выстроенные для него на пожарище. Опустошение, произведенное этим пожаром, было чувствуемо долго. В несколько часов Москва превратилась в огромное пепелище; жители остались без имущества, без крова; более двухсот человек погибло в пламени. При таких обстоятельствах великому князю вовсе нельзя было думать о сооружении нового каменного дворца: нужно было прежде всего обстроить город, помочь его жителям, которые все, более или менее, пострадали от пожара... Точно так и было. Летописи этого времени не говорят ни о каких значительных постройках, ни в самом Кремле, ни на дворе великого князя. Напротив, в них находим известие об одних только распоряжениях великого князя, касавшихся более городского благоустройства. Еще после пожара, случившегося в Кремле в этот же 1493 год весною, великий князь велел очистить от строений и цер-

квей Занеглименье, близость деревянных построек которого всегда угрожала Кремлю и на этот раз, вероятно, была причиною его опустошения. Несмотря на жалобы и неудовольствия некоторых лиц, все хоромы и церкви отнесены были от Кремлевской стены на расстояние ста десяти сажен. После июльского пожара, который начался за Москвою-рекою, великий князь велел также очистить от строений часть Замоскворечья, лежавшую против Кремля, и в 1495 г. развел там сад, называвшийся в XVII ст. государевым Красным садом и Царицыным лугом.

К сооружению каменного дворца приступили не прежде как через шесть лет после описанного пожара. В 1499 г. великий князь снова заложил¹ «двор свой камен, полаты каменные и кирпичные, а под ними погребы и ледники, да и стену каменную от двора до Боровицких ворот». Постройка поручена была новому итальянскому водчому, «Фрязину Алевизу, от града Медиолама». Но великий князь не дождался окончания этих палат, на которые положил столько горячих забот и трудов; в 1505 г. он умер. Дворец был готов через три года после его смерти, и, в мае 1508 г., сын его Василий переехал на житье в эти новые хоромы. Достойный преемник всех начинаний своего отца, особенно в отношении новых построек, великий князь Василий Иванович, довершив неоконченный дворец, великолепно украсил его вместе с церковью Благовещения на Сенях, которую «повелел (в 1508 г.) подписати золотом, иконы все: деисус, праздники и пророки, обложити серебром и златом и бисером, и верх церковный покрыть и позлатить». Сверх того, он воздвиг на старых местах две новые каменные церкви, одну в 1514 г., во имя Рождества Богородицы на Сенях, с приделом св. Лазаря², и другую в 1527 г., во имя Спаса Преображения, на дворце, то есть посреди своего двора, также с приделами. В 1516 г. великий князь, распространяя хозяйственные постройки, выкопал по течению Неглинной, за Боровицкими воротами, пруды и поставил каменную мельницу³.

Расположение каменного первоначального дворца

¹ На поле рабочего экземпляра против этих слов добавлено: «я старом месте». — *Ред.*

² Каменная церковь Рождества Богородицы построена в 1393 г. супругою Дмитрия Донского, великой княгиней Евдокнею, на месте малой деревянной церкви св. Лазаря, которая вошла в новопостроенную как ее придел (Карамзин Н. М. Указ, соч. Т. 6. Стб. 254).

³ ПСРЛ. Т. 3, С. 198.

весьма трудно определить с тою точностью, которая могла бы удовлетворить наше любопытство. Немного мимоходных кратких указаний на разные палаты этого дворца дают весьма сбивчивое понятие о его составе. Более всего в этом отношении замечательна и в высшей степени любопытна дополнительная статья к свадебному разряду великого князя Василия, бывшему в 1526 г., то есть спустя восемнадцать лет после постройки дворца¹. Вникнув хорошенько в этот акт, можно положительно сказать, что первоначальный каменный дворец начала XVI века, несмотря на пожары и беспрестанные перестройки и переделки, в главных чертах своих нисколько не изменился в течение двух с половиною веков и, покинутый царями в начале XVIII столетия, устоял, хотя и в развалинах, до времен императрицы Елисаветы Петровны и даже до начала нынешнего столетия. Руководствуясь сведениями, предлагаемыми этим любопытным актом, мы постараемся, сколько будет возможно, указать местность, по крайней мере, главных частей этого первоначального дворца.

Передний фасад дворцовых зданий или, вернее сказать, лицо дворца обращено было на площадь, между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами и церковью Иоанна Лествичника, что под Колоколы, на месте которой в XVII веке воздвигнут «Иван Великий». На эту площадь выходили две дворцовые палаты — *Большая*, стоявшая на самой площади, ныне Грановитая, и *Средняя*, находившаяся между Большою и Благовещенским собором, к западу от них, на дворце, или на дворе великокняжеском. Перед Среднею палатою было *Красное*, иначе *Верхнее крыльцо*, или *Передние переходы*, на которые с площади вели три лестницы: одна была, как и теперь, у стены Большой, или Грановитой, палаты, — это та, которую теперь неправильно называют Красным крыльцом; другая — Средняя лестница, теперь не существующая; третья — Благовещенская паперть. Между лестницею подле Грановитой палаты и Среднею были ворота, которые, посредством проезда под Красным крыльцом и Среднею палатою, вели с дворца, то есть со внутреннего двора, на площадь. Средняя лестница прямо, через крыльцо, вела в сени Средней палаты, которая почти с этого же времени (1517 г.) называется Среднею Золотою и просто Золотою, потому что

¹ Дополнения к Актам историческим... СПб., 1846. Т. 1. № 24 (Далее — ДАН). *Роспись, кому где быти по крыльцам и в дверях.*

была расписана внутри золотом. Из этих же сеней двери вели в *Столовую избу*, которая стояла позади Средней палаты против алтарей церкви Спаса на Бору. Подле Столовой избы была лестница вниз, на двор, к Спасу; крыльцо перед этою избою, служившее продолжением Передних переходов, соединяло ее с Набережною палатою, стоявшею против западных дверей Благовещенского собора. Далее к западу от этой палаты по линии Кремлевской горы, к Москве-реке, стояли *чердаки*, или терема. Посреди государева двора стоял, как мы уже упоминали, Спасский Преображенский собор. Постельные, или жилые, хоромы великого князя и *Постельная изба, княгинина половина*, примыкавшая к церкви Рождества Богородицы, находились на том самом месте, где теперь Теремный дворец. В то время существовали только два нижние этажа этого здания, построенные Алевизом на белокаменных подклетах и погребках, в одно время с другими палатами. Над этими-то этажами стояли деревянные Постельные хоромы великого князя и великой княгини, или собственно княгинина половина. Здесь же, у церкви Лазаря Святого, находилась каменная приемная палата великой княгини, называвшаяся, как можно о ней предполагать, *Западною* и *Заднею* (1547 г.) в отношении к Передним переходам дворца, т. е. к Красному крыльцу, а также *палатою, что у Лазаря Святого*¹ — *Лазаревскою* (1535 г.), когда вел. кн. Елена принимала царицу Казанскую. Двери из этой палаты вели на *Постельное крыльцо*, которое примыкало также к сеням Грановитой палаты и соединялось дверью, между этих сеней и сеней Средней палаты, с Передними переходами, или Красным крыльцом. С восточной стороны это здание оканчивалось *Наугольною палатою*, что от Пречистой (Успенского собора), в которой впоследствии была устроена Царицына Золотая палата². Лестница с Постельного крыльца вела на двор, к Спасу. Поваренный дворец стоял позади Рождественской церкви и хором великой княгини, соединяясь с этими хорами Задним крыльцом с лестницею. По береговой линии дворец простирался до церкви Иоанна Предтечи на Бору, где в палате, что на дворце, в 1537 г. скончался в заклю-

¹ Царственная книга... Спб., 1769. С. 57; ДАИ. Т. 1. № 24; Древняя российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 13. С. 39.

² Древняя российская вивлиофика. Ч. 13. С. 13. Подробности о постройке и устройстве Теремного дворца см. в нашем описании этого здания в ст. «Теремной дворец в Московском Кремле» (Памятники древнего русского водчества... М., 1853, Тетр. 3. Л. 10—13).

чении, в нужде, страдальческой смертью кн. Андрей Иванович Старицкий.

Вот в кратком очерке расположение каменного дворца, заложенного великим князем Иваном Васильевичем. Воздвигнутый итальянцами по мысли, или, по крайней мере, при сильном влиянии супруги великого князя, Софьи Фоминичны Палеолог, этот дворец не мог, конечно, во всем подчиниться русским вкусам и потребностям; архитектура его, по современным же свидетельствам, как и следовало ожидать, носила характер итальянский. Что касается его внутренних украшений, то можно также полагать, что вкус великой княгини Софьи, воспитанной в Италии среди родственников и единоплеменников греков, и вкус довершителя дворца великого князя Василия, воспитанного Софьею, внесли в новый дворец много таких вещей, которых не знала простая жизнь прежних великих князей и которые были необходимы при новом значении московского великого князя как царя. Впрочем, нельзя сказать, чтобы каменный дворец московских государей был совершенною новостью в тогдашнее время; потому что в Новгороде, гораздо прежде, мы находим обширный *владычный двор*, с особенным великолепием устроенный после пожара в 1432 г., архиепископом Евфимием, который выстроил там каменные *комнаты*, большие каменные палаты и разные другие здания для своего обихода. Некоторые палаты и сени были им *подписаны*, то есть украшены стенописью; одна из больших палат, название которой нам неизвестно, была о *тридцати дверях*! Все эти постройки воздвигнуты были немецкими зодчими, из-за моря, при помощи новгородских мастеров¹. Может быть, новгородский владычный двор послужил отчасти образцом или примером и для московского дворца. Великий князь Иван Васильевич, побывав под Новгородом, установив там «правду московскую», без всякого сомнения, видел и то благолепие, среди которого жил новгородский владыка и перед которым нельзя было оставаться хладнокровным зрителем московскому самодержцу. По крайней мере, после присоединения Новгорода к Москве начинаются все преобразования не только в отношении дворца, но и в отношении самой Москвы, например, Кремля. С этого же времени появляются в Москве каменные здания и у частных лиц, например, палата на четырех каменных подклетах, выст-

¹ ПСРЛ, т. 3. С. 111—114.

роенная митрополитом Геронтием, каменные палаты у Ховрина и Василия Образца и т. д.

При царе Иване Васильевиче, в 1547 г., 21 июня, московский дворец сделался жертвою нового, ужаснейшего пожара, который равным образом истребил и всю Москву. «Загореся храм Воздвижения Честнаго Креста, — говорит летописец, — за Неглинной, на Арбатской улице, на Острове, и бысть буря велика, и потече огонь якож молния, и пожар силен промче во един час Занеглименье. И обратится буря на град большой (Кремль)»¹. Здесь, на царском дворе, вспыхнули кровли на палатах и деревянные избы государя. Потом занялись и каменные палаты, украшенные золотом; сгорели также Казенный двор с царскою казною, Оружничья палата с воинским оружием, Постельная палата, царская конюшня и даже в погребах под палатами выгорело все, что только было в них деревянного. Не устояла и церковь Благовещения Златоверхая. В ней погибли навсегда деисус письма знаменитого иконописца Андрея Рублева, обложенный золотом, и все иконы греческого письма древних великих князей, собранные *от многих лет* и украшенные также золотом и бисером многоценным, то есть дорогими камнями. Летописец снова замечает, что «таков пожар не бывал на Москве, как она стала именоватися великими князьями, славна и честна быти по государству их». Опустошив весь Кремль, пожар перешел и в другие части города и свирепствовал с такою силою, что, по выражению летописца, «железо яко олово разливашеся и мед яко вода растаяваше». Государь выехал в село Воробьево и жил там все время, пока в Кремле ставили для него новые деревянные хоромы и возобновляли распавшиеся от огня палаты. Для украшения Благовещенского собора иконами и царских палат стенописанием собраны были из Новгорода, Пскова и других городов иконописцы, которые и восстановили прежнее благолепие царского дворца.

Возобновив дворец, царь увеличил его впоследствии новою пристройкою. В 1560 г. он повелел устроить для своих детей «особный двор и хоромы позади большой Набережной полаты, *на взрубсе*», с храмом Сретения Господня. Потом, в 1565 г., учреждая опричнину, царь задумал было свой *особый Опричный* дворец выстроить позади дворцовой церкви Рождества Богородицы, там

¹ Царственная книга... С. 137.

где были хоромы великой княгини и где стоял Поваренный дворец с разными приспешными палатами, с погребями и ледниками, по самые Куретные ворота, которые вели на Поваренный дворец. Но предположение это осталось предположением потому, вероятно, что не совсем согласовалось с духом опричнины, который требовал совершенного удаления от старого порядка, между тем как предполагаемый дворец должен был стоять подле кремлевских палат, оставленных за земщиною. По крайней мере известно, что царь повелел выстроить себе дворец вне Кремля, за Неглинною, на Воздвиженке, против кремлевских Ризположенских (ныне Троицких) ворот, на месте, где был двор князя Михаила Темрюковича Черкасского. В этот дворец он и переехал 12 января 1567 г.¹, но жил в нем недолго, потому что любимым его местопребыванием с этого времени была Александрова слобода, откуда он приезжал только для приема иноземных послов и весьма редко для других каких-либо дел. Покинутый царем, этот Опричный дворец вскоре сгорел, именно во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея, истребившего Москву ужаснейшим пожаром, жертвою которого был также и дворец Кремлевский. Это было в мае 1571 г. Летопись с прежними сетованиями описывает страшные бедствия этого пожара; его испугался даже сам Девлет-Гирей и удалился в село Коломенское. Для нас любопытны известия собственно о Кремлевском дворце. Летописец говорит, что «в Грановитой, и в Проходной, и в Набережной, и в иных полатах прутье железное толстое что кладено крепости для, на связки, перегорело и переломалось от жару». Само собою разумеется, что царский дворец не оставался в таком положении и вскоре был возобновлен, хотя об этом не говорят ни летописи, ни акты, доселе известные. За остальные годы царствования Ивана Васильевича Грозного о дворце имеем мало сведений. Из известий уже XVII ст. узнаем только, что его хоромы стояли позади Средней Золотой палаты и заключали в себе, как мы упоминали, передние сени, переднюю и две комнаты.

При царе Федоре Ивановиче, судя по отзывам иностранных путешественников, дворец был в цветущем со-

¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 9. Стб. 31, 137—138, 268. Наши предположения о местоположении этого Опричного дворца см.: Забелин И. Е. Опричный дворец Ивана Васильевича//Архив. изв. и заметки, 1893. № 11. С. 399—416.

стоянии; все приемные палаты в это время были великолепно украшены стенописью. При царе Федоре устроена¹, вероятно, и приемная Золотая палата для его супруги, царицы Ирины, отчего эта палата и называлась *Палатою царицы Ирины*, Золотою *Царицыною палатою* и *Меньшею Золотою*, в отличие от *Большой Грановитой* и *Средней Золотой*. Прежде она именовалась просто *Наугольною* от Пречистой, т. е. со стороны Успенского собора.

Царь Борис Федорович Годунов, во время голода, бывшего в 1601 и 1602 гг., повелел, «чтобы людем питатися», воздвигнуть большие каменные палаты *на взруб*², «где были царя Ивана хоромы», построенные им для детей. Это было здание Запасного двора, фасад которого опускался по взруб под гору и над которым в XVII ст. находим уже Набережный Красный сад. Здесь же, кажется, были и деревянные жилые хоромы царя Бориса, сломанные по повелению Самозванца.

При Самозванце больших перемен в составе дворца не могло произойти по его кратковременному пребыванию в царских палатах. Известно только, что он выстроил для себя новые хоромы, вероятно, на месте годуновских, весьма красивые, по свидетельству современников, в польском вкусе; они находились возле Сретенского собора, на верху упомянутого здания Запасного двора, и лицом обращены были к Москве-реке³. О постройке этих хором современник и очевидец их Исаак Масса рассказывает следующее: «Над большою Кремлевскою стеною (т. е. над зданием Запасного двора) Лжедмитрий велел построить великолепное здание, откуда была видна вся Москва. Оно было построено на высокой горе, под которою протекала река Москва, и состояло из двух строений, расположенных одно подле другого и сходящихся под углом. Одно предназначалось для будущей царицы, а другое для царя. (Следует изображение дворца.) Так стоял дворец на верху высоких тройных стен⁴. В этом дворце Дмитрий велел позолотить очень дорогие балдахины, стены обить дорогою парчою и рытым бархатом; все гвозди, крюки, цепи и петли дверные по-

¹ Это здание построено Иваном III.

² Летопись о многих мятежах... 2-е изд. М., 1788. С. 64.

³ Чтения в О-ве истории и древностей российских. 1847. № 9. С. 25; Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II. Стб. 131, 402, 552; Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Спб., 1832. Ч. 3. С. 143; 1834, Ч. 4. С. 23, 164.

⁴ Со стороны Москвы реки Кремль был обнесен двумя рядами стен; третья стена, о которой здесь говорится, был фасад здания Запасного двора, представлявшего на Замоскворечья тоже в виде стены.

крыть очень толстым слоем позолоты; внутри сделать превосходные печи и украсить их разнообразными произведениями искусства (по дневнику Марины, печи были зеленые и некоторые обведены серебряными решетками); занавесы у окон сделать из отличной ткани алого цвета. Он приказал выстроить роскошные бани, красивые башни и конюшню рядом со своим дворцом, хотя в нем уже была одна большая конюшня. В вышеописанном дворце царь велел устроить множество потаенных дверей и ходов...»¹

Из этого дворца Самозванец любовался не только видами Москвы, но и разными потехами, которые зимою устраивал на льду Москвы-реки.

Тот же Исаак Масса рассказывает, что «Лжедмитрий, любя воинские упражнения, приказывал строить крепости для осады и обстреливания их пушками и однажды велел сделать для образца крепость, двигавшуюся на колесах, с несколькими небольшими пушками и разного рода огнестрельными снарядами. Он хотел употребить эту подвижную крепость против татар и этим *испугать* как их самих, так и их лошадей. И действительно, это изобретение было очень остроумно. Зимою Дмитрий приказал для пробы выставить на льду реки Москвы эту крепость, и рота польских всадников должна была ее осаждать и брать приступом. Это зрелище царь мог отлично видеть сверху, из своего дворца, и ему казалось, что крепость вполне удовлетворяет его желанию. Она была прекрасно сделана и вся *раскрашена*: на дверях были изображены *слоны*, на окнах — *вход в ад*, извергавший пламя; в нижней части на небольших окнах, *имевших вид чертовых голов*, были поставлены маленькие орудия». Наивный Масса верил, что от такого остроумно придуманного изобретения татары тотчас пришли бы в замешательство и обратились бы в бегство! «Москвитяне, — оканчивает он, — называли эту крепость *адским чудовищем*, и после смерти Дмитрия, которого они называли чародеем, говорили, что он на время запер там черта, впоследствии сожженного вместе с этой крепостью (и с трупом Самозванца)».

Эта замысловатая крепость была не что иное, как небольших размеров *Гуляй-город*, весьма употребительный в то время в наших военных действиях. Изобретательность Самозванца заключалась только в том, что

¹ Масса И. Геркман Э. Сказанья Массы и Геркмана о Смутном времени в России. Спб., 1874. С. 166, 169—170.

он расписал красками этот городок в образе апокалипсического треглавого ада, для чего, вероятно, верх городка был устроен в виде трех башен в соответствии адовым головам¹.

Описание Массы значительно пополняется и современным русским рассказом об этом аде: «И сотвори себе (Самозванец) в маловременной сей жизни потеху, а в будущей — знамение преевечного своего домовища, его же в Российском государстве, ни во иных, кроме подземного, никто же его на земли виде — *ад* превелик зело, имеюще у себя *три главы*; и содела обоюду челюсти его от меди бряцало велие. Егда же разверзет челюсти своя, извну его яко пламя предстоящим ту является и велие бряцание исходит из гортани его; зубы же ему имеюще ослаблени и ногти его, яко готови на ухапленне; и изо ушью якож пламению распалившуся. И постави его проклятый он прямо себе, на Москве-реце, себе во обличение; даже ему из превысочайших обиталищ своих зрети нань всегда и готову быти, в некончаемый век, в онь на вселение и с прочими единомышленники своими»². Из описанных выше хором Самозванец, преследуемый по всем комнатам разъяренною толпою, выскочил в окно и упал на *Житный двор*, который расположен был под горою Кремля, под самым дворцом Самозванца. За несколько часов прежде, по тому же самому пути, отправлен был смелый обличитель его, дьяк Тимофей Осипов: изрубленный немецкою стражею на сених Лжедмитриевых хором, он был свержен оттуда вниз, где стояли житницы³.

Царю Василью Ивановичу Шуйскому некогда было заниматься дворцом: он выстроил только для себя и для своей царицы новые брусяные хоромы, потому что жить в опальном дворце Лжедмитрия было неприлично новому, законному государю.

После Шуйского настает Московская *Разруха*, кото-

¹ Следуя за Карамзиным (Т. II. Стб. 131), мы, в прежних изданиях нашего труда, ошибочно говорили об этом городке, как об огромном медном Цербере, стоявшем на сених, перед хоромами Самозванца. Сказание Массы вполне разъяснило, какого рода был этот Цербер и где он стоял.

² Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II. Стб. 131, 403. См. также хронографы, которые свидетельствуют притом, что в этом аду сожжено было и тело Самозванца, «на месте, нарицаемом Котле, от града яко семь поприщ, за курганам»; по другим, в Садовниках, за Московью-рекою: «я ростригну тело, в соделанном его *аде*, за Московью-рекою в Верхних Садовниках сожгоша и приятелей его поляков поставиша около *ада* смотрити, дабы в Польше сказали, яко рострига царствует во *аде*». См. нашу заметку: «Важный хронограф особого состава» (Арх. ист.-юр. св. сведений, относящихся до России. 1850. Кн. 1, отд. 6. С. 32—42).

³ Чтения в О-ве истории и древностей российских. 1847, № 9; Сказание и повесть, еже содеяся.

рая не истребила царских палат страшным пожаром, как было прежде, при великом князе Иване Васильевиче и при внуке его, Грозном; но зато опустошила их так, что, при вступлении на престол царя Михаила Федоровича, дворец представлял самую грустную картину: от прежнего великолепия, которому так дивились посещавшие нас иностранцы, остались только голые стены, в самом точном смысле этого слова. «На царском дворе, говорит рукопись Филарета, во святых Божиих церквах, и в полатах, и по погребам — все стояху Литва и Немцы и все свое скаредие творяху». Так, например, в Грановитой палате стоял известный Маскевич, оставивший нам такую живую картину московских происшествий этого времени. Следы пребывания поляков в царских палатах оставались до царя Михаила Федоровича. При вступлении его на престол, все палаты и хоромы были без кровель, без полов и лавок, без окончин и дверей, так что новому царю негде было поселиться¹. Отправившись в Москву, в конце апреля 1613 г., он повелел Земскому совету изготовить к своему приезду Золотую палату царицы Ирины Федоровны, супруги царя Федора, с проходными сенями; еще другую палату с сенями же и все так называемые «Мастерские палаты», стоявшие между Золотою и церковью Рождества Богородицы, которые впоследствии составили нижний этаж каменных хором, существующих доньше под именем Теремного дворца. Для своей матери, инокини Марфы Ивановны, царь велел устроить деревянные хоромы супруги царя Василия Шуйского. На исправление этих палат и хором употреблены были, за недостатком леса, брусяные хоромы царя Василия. Между тем, еще до царского указа, Земский совет приготовил для государя палаты: Среднюю Золотую, Грановитую и старые хоромы, в которых жила царь Иван Васильевич, что слыл чердак (терем) первой супруги его, Настасьи Романовны. Все это, разумеется, делалось наскоро, при недостатке денег, плотников и леса, нужного для этих поделок. Но, несмотря на такие затруднения, дворец был приведен в возможное устройство, и молодой царь поселился в нем с матерью в конце апреля 1613 г. Трудно было царю Михаилу восстановить прежнее благолепие дворца. Московское государство, которого он был избранником, в течение десяти лет постоянно тратило свои силы и к

¹ Дворцовые разряды... Т. I. С. 1154.

концу было вовсе разорено, так что в начале его царствования не давало средств к восстановлению прежнего порядка не только в государстве, но и в самой Москве, которая, как представительница русской жизни, в то время была так же или дотла выжжена, или разграблена до нитки... Предки наши очень верно прозвали эту несчастную эпоху в истории Москвы — *Московскою Разрухою*.

Постепенно, по мере средств, которые были еще незначительны, царь восстанавливал Москву, причем и дворец также постепенно возобновлялся и устраивался. В 1615 г. иконописцы, Ивашка да Ондрюшка Моисеевы, расписывали уже в *новые* большие государевы хоромы, выстроенные еще в 1614 г., *подволоки*, или плафоны. В 1616 г. в тех же хоромах *Серебряной палаты* сторож Михалка Андреев делал *литу ю вислю ю подволоку* (потолок, плафон), которая была им же и вызолочена¹. В январе того же года государь справлял новоселье в этих хоромах и наградил, вероятно, за постройку, плотников Первова Исаева, Салмана Пантелеева, Бажена Родионова. Потом над Золотою Меньшею, или Царицыною, и над Проходною палатами и на Постельном крыльце устроены новые кровли, деланные котельными мастерами, что и заставляет думать, что кровли были медные. 1619 г., февраля 14-го, в царских хоромах случился пожар, последствия которого неизвестны; но можно догадываться, что царские деревянные хоромы были истреблены, потому что в 1620 г. дворцовый плотничий староста, Первой Исаев, выстроил для государя *новые хоромы, новую Столовую избу и Постельную комнату*, которые на другой год были украшены *знаменьем и письмом*, т. е. иконописью, или живописью в иконном стиле, известнейшими в то время иконописцами: Прокопьем Чириным, Назарьем Савиным, Иваном Пансениным, Осипом Поспеевым, *травником* Лукою Трофимовым и другими². В конце ноября того же года справлено в *Столовой* новоселье. В 1624 г. государь прибавил к своим хоромам *две мыленки, избушку и сенничек*, а в 1625 г. возобновил церковь Рождества Богородицы на Сениях с приделом св. Лазаря. В том же году, за двор-

¹ Расходные книги Казенного приказа 7124 г., № 898 и дела этого приказа в столбцах в Арх. Оружейной палаты.

² На поле рабочего экземпляра автором замечено: «Доп. Д. Р. мон. 278». См.: Дополнения к Дворцовым разрядам... собранные... Иваном Забелиным. Ч. 1; Чтения в Имп. о-ве истории и древностей российских. 1882, Кн. 1. С. 277—278. — *Ред.*

цом построены были каменные ледники и пивоварни, а над дворцовыми Куретными воротами *светлица — палата* мастерицам, золотым и белым швеям, для которых подле этой палаты выстроено было также несколько деревянных светлиц на подклетах¹. Но только что дворец приведен был в надлежащее устройство, как снова пожар опустошил его в 1626 г., 3 мая. В Кремле, кроме монастырей Вознесенского и Чудова, «двор государев и патриарший и в приказах каменных всякие дела погореша, и казна, и конюшни, и житницы все, и все *жила* государевы погореша». Но в то же лето, после пожара, дворцовый плотничий староста (так звали наших старинных архитекторов), тот же Первуша Исаев поставил государю новые жилые Постельные хоромы, в которых 17 сентября царь справлял уже новоселье в новой *Передней избе*. Потом в 1627 и 1628 гг. тот же Первуша Исаев выстроил новую Брусную *Столовую избу*. 23 ноября 1628 г. в ней, по обычаю, было также новоселье: царь угощал бояр обедом, а они, на новоселье, били ему челом, хлебом да солью, да парюю или даже целым сороком собольих мехов, смотря по достатку². Между тем как русский плотничий староста рубил государю новые деревянные хоромы, иностранный архитектор, палатный мастер Джон Талер, в 1627 г., возобновлял Сретенский собор и строил на сенях царицы новую каменную церковь во имя великомученицы Екатерины, на месте прежней деревянной, построенной в 1586 г. и сгоревшей в пожаре, о котором мы упоминали выше³. Вообще после этого пожара каменные постройки следуют одна за другою непрерывно. По указу государя, собраны были в это время из Ростова, Суздаля, с Белоозера и других мест все каменщики и кирпичники «для многих церковных, дворцовых и полатных каменных дел»; вызван был также «Голандския земли немчин, кирпичный мастер Рудирик Мартыс», который в кирпичных сараях под Даниловскою слободою «делал кирпичную ожигальную печь и над печью деревянный шатер, по своему немецкому образцу, и кирпич де-

¹ Расходные книги Казенного приказа в Арх. Оружейной палаты. № 898, 905, 909, 916, 921, 923 и Расходные книги Мастерской Царицыной палаты. № 738.

² Дворцовые разряды... Спб., 1850; Разрядная книга библиотеки П. Ф. Корабанова, разряды 7135--7137 годов; Расходная книга Казенного приказа в Арх. Оружейной палаты. № 912.

³ Впоследствии на верху этой церкви был устроен новый храм во имя св. Евдокии, освященный в 1681 г. во имя Словущего Воскресения.

дал»¹. В 1613 г. каменных дел подмастерья Антипа Константинов да Трефил Шарутин выстроили на Кормовом дворце каменную поварню, на которую вода проведена была с Москвы-реки посредством водоподъемной машины. В 1633 г. часового и водовзводного дел мастер Христофор Галовой взвел воду с Москвы-реки в Свиблову башню, «а из башни тою воду привел на государев Сытный и на Кормовой Дворец в поварни». С этого времени башня стала называться Водовзводною, от *водяного взвода*, или машины, в ней устроенной и с таким удобством доставляющей тогда еще чистую и здоровую москворецкую воду на царский обиход. Ниже мы увидим, что, посредством этой машины, во дворце была устроена целая система водопроводов и водовзводов.

В 1635—1636 гг. государь выстроил для себя и для детей жилые, или покоевые, хоромы *каменные*, — что в царском быту, для того времени, было новостью, потому что собственно для жилья всегда предпочитались хоромы деревянные, которым старые привычки не изменяли и впоследствии. Может быть, пожар 1626 г. погубил, среди деревянных построек, хотя одно жилье сделать более безопасным. Эти каменные хоромы были воздвигнуты на стенах старого здания, выстроенного еще Алевизом, именно над *Мастерскою палатою* и над палатами подклетными, которых ряд тянулся далее к церкви Рождества Богородицы. Прежде над этим подклетным этажом алевизовской постройки, между упомянутых двух приемных царицыных палат, Задней и Наугольной, т. е. Золотой Царицыной, стояли Постельные деревянные хоромы, на месте которых и возведены теперь *три новых* этажа, подлицо с царицыными приемными палатами, с теремом наверху. Верхний этаж с теремом назначен был для малолетних царевичей Алексея и Ивана, что значится и в надписи, сохранившейся над входом донныне. Терем в то время назывался *Чердаком* и *Каменным Теремом*, а в начале XVIII века *Золотым теремком*, отчего и теперь все это здание называется Теремным дворцом. Все здание, таким образом, сохранило тип деревянных жилых хором и служит любопытным и единственным в своем роде памятником древнего русского гражданского зодчества. В его фасаде и даже в некоторых подробностях внешних украшений остается еще многое, что напоминает характер древ-

¹ Расходные книги Казенного приказа в Арх. Оружейной палаты. № 930, 1069.

них деревянных построек. Таковы, напр., каменные *ростески* и *рези* в наличных украшениях окон; по рисунку они вполне напоминают резьбу из дерева. Но яснее всего характер деревянных построек, имевший такое влияние и на каменные, раскрывается во внутреннем устройстве здания. Почти все его комнаты, во всех этажах, одинаковой меры, каждая с тремя окнами, что совершенно напоминает великорусскую избу, до сих пор сохранившую это число окон. Таким образом, Теремный дворец представляет несколько изб, поставленных рядом, одна подле другой, в одной связи и в несколько ярусов, с чердаком, или теремом, наверху. Сила потребностей и неизменных условий быта, среди которых жили наши предки, подчинила своим целям и каменное, довольно обширное, строение, которое давало полные средства устроиться по плану более просторному и более удобному для жизни, по крайней мере, по теперешним понятиям. Но само собою разумеется, что оно вполне отвечало тогдашним требованиям удобства и уютности, и мы будем несправедливы, если только со своей точки зрения станем рассматривать и осуждать наш старый быт и все формы, в которых он обнаруживал свои требования и положения. В 1637 г. эти новые каменные хоромы были отделаны окончательно: какой-то конюх Иван Осипов, по ремеслу златописец, наводил уже в это время сусальным золотом, серебром и разными красками на кровлю релы «да в теж хоромы, во все окна (опроче чердака, т. е. терема) делал слюденые окончины». В то же время, как строились эти хоромы (1635—1636 гг.), с восточной их стороны, над Золотою Меньшею палатою цариц, сооружен был особый домовый храм во имя Нерукотворенного Спасова образа с приделом Иоанна Белоградского, тезоименитого царевичу Ивану. В древности, как мы видели, такие храмы, обозначающиеся выражением: *что на сенях*, составляли одно из необходимейших условий каждого отдельного помещения в царском быту. *Сенные, верховые* храмы находились и на царицыной половине, также у царевен и у царевичей, почему и постройка нового храма в этой части дворца вызвана была единственно только новым отдельным помещением государевых детей. Площадка между Теремом и новою церковью образовала *Передний каменный двор*, с которого лестница вниз вела на Постельное крыльцо и запиралась впоследствии *золотою решеткою*, отчего и церковь Спаса обозначалась:

что за Золотую решеткою. Необходимо упомянуть, что и Теремный дворец и церковь Спаса — строили русские каменных дел подмастерья, по-нынешнему архитекторы, Бажен Огурцов, Антип Константинов, Трефил Шарутин, Ларя Ушаков. В одно время с описанными постройками, те же подмастерья выстроили над Куретными дворцовыми воротами новую каменную *Светлицу*, в которой должны были работать царицны мастерицы, золотшвен и белошвен, со своими ученицами. В последние три года своего царствования Михаил выстроил еще какие-то дворцовые палаты и устроил новые хоромы на Цареборисовском дворе для датского королевича Вoldemара, за которого хотел выдать дочь свою Ирину¹.

Таким образом, царь Михаил в течение тридцати двух лет своего царствования успел не только восстановить старый дворец, но и увеличил его новыми каменными и деревянными постройками, выроставшими по мере размножения царской семьи и развития потребностей быта, который, несмотря на силу предания, мало-помалу все-таки двигался далее, вперед, предвзяя в некоторых, хотя и мелочных, отношениях приближавшуюся реформу. Его сыну, царю Алексею Михайловичу, оставалось немного дела в отношении основных сооружений. И действительно, в его царствование мы не встречаем особенно значительных построек на царском дворе. Он возобновлял большею частию старое, переделывал и украшал по своей мысли здания, построенные предками или его отцом. В первое время, когда ему было всего 17 лет, в 1646 г., то есть спустя год по смерти отца, он построил себе новые *Потешные хоромы*, которые тогда срубил дворцовый плотник Васька Романов. Из других построек упомянем о более значительных. Так, в 1660 г. была возобновлена дворцовая палата, построенная, может быть, при Михаиле, в которой помещался Аптекарский приказ и Аптека. Каменных дел подмастерье Вавилка Савельев делал в ней окна и двери и под старые своды подводил новые своды, а знаменщик, т. е. рисовальщик, Ивашка Соловей писал стенное письмо. Палата эта стояла недалеко от церкви Рождества Богородицы². В 1661 г. вместо старой Столовой избы государь выстроил новую и великолепно украсил ее резьбою, золоченьем и живописью в новом

¹ Там же. № 756, 792, 930, 957—958, 979, 986, 1073, 1089.

² Расходные книги в Арх. Оружейной палаты № 1015, 7168 г.; См. так же в отделе *Материалов* № 28.

заморском вкусе, по *вымыслу* инженера и полковника Густава Декенпина, который под именем *вымышленника* выехал к нам в 1658 г.¹ Резные, золотильные и живописные работы исполняли уже в 1662 г. также иноземные мастера, большею частью поляки, призванные в Москву во время польской войны, именно резчики, вырезавшие окна, двери и подволоку (плафон): Степан Зиновьев, Иван Мировской с учениками, Степан Иванов и живописцы: Степан Петров, Андрей Павлов, Юрий Иванов. В том же 1662 г., апреля 1-го, на именины царицы государь справил широкое новоселье в этой Столовой². Подобным же образом была украшена и новая Столовая царевича Алексея Алексеевича, построенная в 1667 г. В 1668 г. ее расписывали живописцы: Федор Свидерский, Иван Артемьев, Дорофей Ермолин, Станислав Куткеев, Андрей Павлов; а резали ученики упомянутых выше мастеров, из которых Иван Мировский размеривал для резьбы и живописи подволоку³. Так же, впоследствии, украшены были и новые Постельные хоромы, выстроенные царем в 1674 г. На трех плафонах этих хором государь велел написать *притчи пророка Ионы, Моисея и о Эсфири*. В 1663 г. каменных дел подмастерье Никита Шарутин починил на дворце, в Верху у государя, *соборную* церковь Спаса Нерукотворенного Образа и трапезу сделал наново. Без сомнения, трапеза была распространена против прежней, потому что домовый храм Спаса, при царе Алексее, жившем в теремных покоях, стал соборным и в этом значении заменил для царского двора древние соборы Спасо-Преображенский, Благовещенский и Сретенский. Около того же времени, вероятно, произведены были переделки и возобновления в теремном здании. В 1670 г. Передний Верхний двор, или площадка, находившаяся между этими покоями и церковью Спаса, была украшена медною вызолоченною решеткою, запиравшею вход с лестницы, которая вела в Терем с Постельного крыльца. Любопытно, что эта прекрасная решетка, сохранившаяся и донныне, была перелита из медных *денег*, выпущенных перед тем в народ и наделавших столько неудовольствий, убытков, смут и казней⁴.

¹ Расходные книги в Арх. Оружейной палаты № 1013, 7166 г.; № 1082 и 1020.

² Дополнения к тому 3 Дворцовых разрядов. Спб., 1854. С. 327.

³ См.: Расходные книги в Арх. Оружейной палаты. № 382, 384.

⁴ См. в столбцах Арх. Оружейной палаты: память о присылке плавильщиков медного дела, Ивашки Казаринова с товарищи, для плавления медных денег к государеву хоромному делу на медные решетки, 15 ноября 7178 г.

В 1672 г. над приказом Аптекарской палаты в палатах был устроен театр, в котором с осени того же года *магистр Яган Годффрид* исправлял *комедию*, или *комидейное действо*, с своею труппою, которую составляли 26 человек комедиантов, мещанских детей¹. С этого времени делается известным *Потешный дворец*, как новое особое отделение царского дворца, заменившее упомянутые *Потешные хоромы* и в особенности *Потешную палату*, существовавшую до того времени в государевых каменных хоромах именно в подклетном этаже теремного здания, под переднюю, третью и четвертую². Основанием этому дворцу, по всему вероятно, послужили палаты Аптекарского приказа, стоявшие, как мы упомянули, неподалеку от церкви Рождества Богородицы. По смерти царского тестя Ильи Даниловича Милославского, в 1668 г., его двор с домовым храмом Похвалы Богородицы, находившийся рядом с Коношенным государевым дворцом и подле этих палат, поступил также в число царских хором и был соединен с ними от Рождественской сенной церкви деревянными переходами, устроенными в 1669 г. Этот двор вместе с Аптекарскими палатами составил дворец Потешный, на который в 1671 г. перекинуты были еще новые переходы от Оружейной палаты³. Ко времени царя Алексея Михайловича можно отнести и постройку церкви Спаса Нерукотворенного Образа, на сенях у царевен, сестер государя, Ирины, Анны и Татьяны, хоромы которых стояли позади дворца, у Куретных ворот, находившихся со стороны Троицкого подворья и Троицких кремлевских ворот. Церковь эта существовала уже в 1669 г., когда по случаю смерти царицы Марьи Ильичны государь подал в нее сорокоуст для поминовения царицы. Она именовалась в это время: Спас, что слово Новая церковь; Спас Новая церковь, что у Троицкого подворья; также Спас у царевен на Сенях. После стали ее

¹ Временник Моск. о-ва истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. Материалы.

² Расходные записки приказа Тайных дел 1670 г.

³ Местность этих последних переходов указывается следующей запискою Расходной книги Оружейного приказа 1679 г. Там, между прочим, сказано: «Мастеровые люди делали и гесали кирпич дубовый в проходных сенях (что меж Оружейною Палатою и Выборною и что ходят на Потешный Двор), на пол, для государского шествия» (Расходные книги в Арх. Оружейной палаты. № 248). Позднейшие известия прямо указывают, что *Аптека* помещалась подле упомянутых переходов. В журнале Оружейной палаты 1727 г. ноября 13-го записано между прочим: «В Москве Потешный двор и на дворце, начав от переходов, палаты, в которых прежде бывали *Аптека*, Оружейная и прочие все рядом перевезть в иные места».

обозначать: что у Куретных ворот, что над Куретными воротами.

В истории государева дворца царствование Алексея Михайловича замечательно более потому, что с этого времени в царский дворец вошло много разных улучшений, которые дотоле или весьма мало, или даже вовсе не были известны. Важные последствия в этом отношении принесла польская война 1654—1667 гг., когда царь сам лично «поволил итти на недруга своего и супостата, польского и литовского короля Яна Казимера, за его многие неправды и за крестопреступление». Счастлирое начало этой войны довольно известно. Войска, воодушевляемые личным присутствием царя, взяли — кроме многих других, менее значительных городов — Смоленск, Витебск, Могилев, Полоцк, Вильно, Ковно, Гродно; пребывание царя в некоторых из этих городов, и особенно в Вильно и Полоцке, познакомило его с образом жизни совершенно новым. По свидетельству Коллинса, царь с этого времени стал преобразовывать двор, завел даже театр, как мы упоминали. Вызвав из всех посещенных им городов многих ремесленников и художников, он употребил их искусство и труды особенно на украшение своего дворца, для чего и причислил их всех к замечательному в то время дворцовому художественному и ремесленному заведению, известному более под именем Оружейной палаты, из которой они получали весьма достаточное содержание. Сверх того, государь отдал им в науку русских учеников, которых они должны были выучить всему, что сами знают. С этого времени характер украшений дворца во многом изменился. Внутри дворца появились обои (золотые кожи) и разного рода мебель на немецкий и польский образец. Характер резьбы по дереву, столько употребительный во всех внутренних и внешних украшениях дворца, также изменился. Обыкновенную русскую резьбу, по одной только поверхности дерева, — заменила фигурная немецкая резьба во вкусе немецкого рококо, как можно судить по дошедшим до нас памятникам из домашней утвари того времени.

По смерти Алексея Михайловича, продолжателем всех его начинаний, в отношении устройства и украшения дворца в новом характере, был сын его, царь Федор, который в недолгое царствование, продолжавшееся с небольшим шесть лет, по выражению надписи на его портрете, *преизрядно обновил дворец и расширил но-*

выми постройками. Новые отделения во дворце были необходимы. Царь Алексей Михайлович оставил после себя многочисленное семейство, которое еще при нем требовало более обширного помещения. По вступлении же на престол сына его, Федора, занявшего жилище своего отца, потребовалось отделить особые хоромы для вдовствующей царицы Натальи Кирилловны с малолетним ее сыном, царевичем Петром. Поэтому замыслили, по проискам сторонников царевны Софьи и родичей дома Милославских, выселить царицу с царевичем Петром из старого ее помещения, находившегося возле Теремного дворца с северной его стороны, на внутреннем, или Заднем, дворе дворцовых зданий. 26 октября 1677 г. уже последовал царский указ построить царице и царевичу новые хоромы на месте двора боярина Семена Лукьяновича Стрешнева¹. Этот двор, занимавший 104 сажени в окружности, находился подле Конюшенного Патриаршего двора и примыкал с одной стороны к Троицкому подворью, а с другой — к житницам, стоявшим на Хлебенном государевом дворце. Он был удален от Теремного дворца более чем на 50 саж. Однако царица не согласилась на переселение и осталась на своем старом месте. Крекшин рассказывает, что царевич Петр сам ходил к царю-брату жаловаться на нового Годунова, боярина Языкова, который старался устроить это переселение². После того на стрешневском месте были выстроены сначала деревянные, а потом каменные хоромы для царевен, а затем и для вдовствующей супруги царя Феодора Марфы Матвеевны. Новые хоромы, построенные на этом месте, примкнув к Патриаршему двору, соединили санные церкви Екатерининскую и Евдокеинскую и вообще нынешний Терем с хоромами царевен возле Троицкого подворья. Потом, в 1680 г., государь как для себя и своей супруги (М. № 20, 21, 30), так и для своих сестер, *меньших* и *больших* царевен, выстроил новые деревянные хоромы вместо старых, которые были разобраны. Государевы хоромы стояли у Терема подле западной стены Евдокеинской теремной церкви; сюда же перенесены были и хоромы царицы и перед хоромами был разведен комнатный

¹ 186 г. (1677 г.) октября в 26 д. по указу в. г. царя и в. к. Феодора Алексеевича (т.) велено построить хоромы государыни царицы и в. к. Натальи Кирилловны и г. царевича и в. к. Петра Алексеевича — на дворе, что был двор боярина Семена Лукьяновича Стрешнева. (Книги приемные лесным запасам.)

² См.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. I. С. 48—49.

сад, а дальше, как упомянуто, тянулся ряд хором царевниных тоже с садом. На сених у царевен, кроме перестройки их хором, государь возобновил церковь Спасова Нерукотворенного Образа и построил над ее трапезою новый храм во имя Успения Богоматери, освященный в день Успения, 15 августа 1680 г. В 1681 г. государь выстроил для своего брата Ивана Алексеевича также новые деревянные хоромы, любопытное описание которых, знакомящее отчасти и с техникою старинного плотничного дела, мы помещаем в Материалах № 36, 37.

В то же время (с 1677 г.) царь Федор Алексеевич обновил и свой *Каменный верхний Терем*, со всеми церквями, которые находятся на сених этих хором в связи с собором Спаса Нерукотворенного. Возобновлен был также и этот собор (М. № 19, 26) и расписан снаружи, со стороны алтарей, *аспидом розными цветами* (под мрамор). Над приделом Иоанна Белоградского (ныне Иоанна Предтечи) он надстроил небольшой придел в честь Распятия, украсив его медным вызолоченным иконостасом. Потом, в 1679 г., среди верховых церквей, между храмом св. Евдокии (который в 1681 г. освящен был во имя Живоносного Воскресения) и между придела во имя Иоанна Белоградского, государь повелел устроить *Голгофу*, где быть *Страстям Господним*. В узком коридоре, который разделяет эти церкви, живописец Дорофей Ермолаев сделал алебастровый свод, или пещеру, которую ученики его расписали *черепашиным аспидом*, то есть под мрамор. В этой пещере, на каменной горе, расписанной также красками, поставлено было, на большом белом камне, кипарисное Распятие, сохранившееся, кажется, и доньше и вырезанное рельефно старцем Ипполитом, искуснейшим резчиком того времени. Пещера эта была украшена алебастровыми колоннами, на тумбах и наверху с гзымзом; посреди этих колонн, против Голгофной горы, поставлена была плащаница, или Гроб Господень, над которым висели на проволоках шестьдесят алебастровых херувимов, расписанных красками *по подобию*, с золочеными по гунфарбе *нетленными венцами* и крыльями (240 крыл). Около Гроба Господня висели также 12 стеклянных лампад, а у стен стояли живописные картины, изображавшие евангельские притчи: Сошествие во ад, Воскресение, Вознесение и «Христос явился Марии Магдалине». Эти картины, писанные на полотнах живописцем Ив. Салтановым, вышиною были по 3 аршина, шириною

в свету по $1\frac{3}{4}$ аршина. В 1681 г., 12 декабря, государь повелел устроить, между новою церковью Распятія и своих *деревянных комнат* в особой небольшой каменной палатке, *Вертоград* с Господним Гробом. Своды и стены этого Вертограда поручено было обделать мастеру Степану Заруцкому «из алебастрового камня, цветные, с разными краски». Окончить это дело государь назначил к 10 апреля 1682 г.: почему, для поспешенья, работали даже по ночам, но тяжкая болезнь и потом преждевременная смерть царя (27 апреля), вероятно, остановили и, может быть, совсем прекратили постройку этого Вертограда, потому что в последующее время о нем уже вовсе не упоминается. Церковь Распятія возвышалась в уровень с кровлею Грановитой палаты, так что к ее алтарю был ход с этой кровли.

С другой стороны теремов в 1681 г. перед *четвертою* теремною комнатою было устроено такое же крыльцо, какое находилось перед Переднею на Каменном дворе. Перед крыльцом была выровнена площадь и на ней поставлены для государя брусяные хоромы в длину 7 саж., поперек 6 саж., на каменных стенках, вместо подклетов, вышиною в 4 арш. Под четвертою же комнатою в подклете была устроена *мыленка* (М. № 32). Затем перестроена была церковь Рождества Богородицы (М. №. 11, 31, 64). К ней приделали новую трапезу; собрали с нее главы и по сводам *вывертали* площадь наравне с площадью, которая находилась у терема под новыми хорами; на этой площади, устроенной таким образом над церковью и над трапезою, построили новый пятиглавый храм, во имя Сошествия Св. Духа, с небольшим приделом с северной стороны. В этой же местности были произведены и другие перестройки (М. № 10, 63). В 1679 г. государь возобновил также церковь Похвалы Богородицы на *новом Потешном дворе*, здание которого, сохранившееся донныне, было построено в это же время.

Из больших палат, в 1681 г., были возобновлены две Набережные, *Ответная* и *Панихидная*; последнюю, в которой оказались трещины, связали с лица кругом железными связями; внутри также положили проемные связи; внизу, где тогда же устроивался из старогр новый Набережный Нижний Красный сад на особом каменном здании, к этому зданию со стороны Тайницких ворот, для подкрепления Панихидной палаты, подведен был каменный *бык*, или контрфорс (М. № 18). Столо-

вая изба и при ней сад, между Средней Золотой и алтарями Спасо-Преображенского собора, были разобраны, и на их месте выровнена площадь (М. № 8, 25). Столовая была перенесена в возобновленную Панихидную палату, которая и именовалась с этого времени Столовою. Между церковью Иоанна Предтечи и *Колымажными* дворцовыми воротами, в двух палатах, где были Резные и Столярные палаты, перенесенные в другое место, помещена царская Аптека. Потом возобновлены были все палаты Сытного, Кормового и Хлебного дворцов, по линии от *Колымажных* до *Куретных* дворцовых ворот, где теперь Кавалерские корпуса, и построены новые портомойни в длину на 11 саж., поперек на 3 саж. (М. № 13—14, 75).

По смерти Федора Алексеевича, в ноябре 26-го числа 1682 г., часть обновленного им дворца, примыкавшая ко двору патриарха, сделалась жертвою пожара: сгорели деревянные хоромы царя Петра Алексеевича и хоромы царевен; потом занялся и Успенский собор, на котором сгорела кровля и в главах оконницы, так что все значительные иконы и мощи чудотворцев вынесены были в это время, на случай опасности, в Архангельский собор¹. В 1683 г., на месте погоревших хором, выстроены были для царя Петра и его матери царицы Натальи Кирилловны деревянные хоромы (М. № 83, 87, 88), а для царевен: Софьи, Екатерины, Федосьи и др., живших после пожара на Потешном дворе, каменные палаты (М. № 79, 82) о трех житьях, то есть этажах, из которых в нижнем была устроена комната, где сидеть с бояры — слушать всяких дел: явление, по тому времени, не совсем обыкновенное на женской половине царского дворца, и особенно на половине царевен, но весьма понятное, если мы скажем, что эта думная комната устроена была по назначению царевны Софьи Алексеевны. В одно время с этими палатами, в 1684 г., построена на Кормовом дворце, возле новых хором царя Петра² и его Верхнего Красного сада, новая цер-

¹ Древняя российская вивлиофика. 1775. Ч. 10. С. 94. По случаю этого пожара для временного помещения царевен и вдовствующей царицы Марфы Матвеевны были выстроены деревянные хоромы с теремом наверху на Потешном дворе, где они и жили до постройки их новых хором на старом месте.

² На поле рабочего экземпляра автором замечено: «Матер. Москв. 1, 1013». См. «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... собр. и изд. рукоюд. и трудами Ивана Забелина» (М., 1884. Ч. 1. С. 1013), где указывается, что «св. патриарх ходил к царю Петру Алекс. и царице Натальи Кирилловне «на новоселья в новые деревянные хоромы» 5 апреля 194 (1686) года. — *Ред.*

ковь во имя св. апостол Петра и Павла¹, тезоименитых царю. В июне того же года велено было написать в эту церковь местные пророческие и праотеческие иконы и сделать иконостас, позолотив его сусальным золотом.

В 1682 г., на площадке между теремами и церковью Сошествия Св. Духа, выстроены для царей новые Брусные хоромы, а в 1683 г. сделаны Брусные хоромы и две избышки для царевен больших (М. № 63, 67—68, 70—73). В 1683 г. в Меньшей Золотой палате, для укрепления Верхоспасского собора, под своды подведены были крестообразно каменные *перететивья*, которые хотя и обезобразили эту древнюю палату, но зато спасли ее от неминуемого разрушения; потом в палатах Грановитой, Золотой Средней, Ответной и других исправлены все ветхости и возобновлено также Красное крыльцо. О многих других незначительных поновлениях и постройках не станем здесь упоминать, потому что это относится уже к полной истории дворца и не может войти в тесные пределы, назначенные для нашего очерка. Подробности о некоторых, указанных выше перестройках и поделках помещены в отделе Материалов.

В конце XVII ст., пред единодержавием Петра, дворец достиг самого цветущего состояния, до какого не достигал он ни в одно из предыдущих царствований. В это время его обширность и относительное великолепие вполне выразили характер древней царской жизни, во всем ее блеске и царственном просторе, и с этого же времени начинается постепенное его запустение и разрушение. В год смерти последнего старинного московского царя Ивана Алексеевича, в то время, как Петр работал под Азовом, 6 июня 1696 г., на дворце сгорели государевы хоромы: выгорело все без остатка, по свидетельству Желябужского. В 1701 г., 19 июня, новый пожар опустошил весь Кремль. В тот день, как записал один современник, «в 11 часов в последней четверти волею Божиею учинился пожар в Кремле-городе, загорелись кельи на Новоспасском подворье, что против задних ворот Вознесенского монастыря. И разошелся огонь по всему Кремлю, и выгорел Царев двор весь без остатку: деревянные хоромы и в каменных все нутры,

¹ На поле рабочего экземпляра автором замечено: «Тетрад. иконоп. 192 г., 3». На что указывает эта ссылка, к сожалению, определить не удалось. — *Ред.*

и в подклетах и в погребках запасы и в ледниках питья и льду много растаяло от великого пожара, ни в едином леднике человеку стоять было невозможно; и в каменных сушилах всякие запасы... и Ружейная Полата с ружьем; и Мастерские Государевы полаты... святые церкви, кои были построены вверху и внизу в государеве доме, кресты и кровли и внутри иконостасы, и всякое деревянное строение сгорело без остатку... И набережные государевы полаты, и верхние и нижние, кои построены в Верхнем Саду, выгорели... И все государевы Приказы и многие дела и всякая казна погорела... Кто ни был живущие в Кремле, все без остатку погорели...» Старина истреблялась старым же ее губителем — пожаром, от которого теперь особенно пострадал Задний государев двор, большею частью жилые и служебные постройки, именно Теремный дворец, каменные хоромы царевен и все здания, прилегавшие к Патриаршему двору и к Троицкому подворью; также деревянные хоромы, стоявшие подле Терема, и большой корпус с дворцами Сытным, Кормовым и Хлебным. Хотя каменные здания и были возобновлены, но погорелые их стены не были уже столько прочны, так что через столетие пришли в совершенную ветхость и были разрушены по необходимости прежде других старинных зданий. Живые следы этого пожара в дворцовых зданиях оставались еще и в 1722 г.

Расположение дворца, сохранив первоначальные древнейшие черты, получило в XVII столетии, при увеличении царского семейства, более широкие размеры. Мы уже имели случай заметить, что все здания государева дворца, соответственно их назначению, составляли три особые отделения: постельные, или жилые, хоромы, палаты, или парадные залы, и, наконец, все здания, в которых помещались различные заведения царского хозяйства. Во второй половине XVII столетия, жилые летние покои государя находились в нынешнем Теремном дворце, а зимние — в деревянных хоромах, стоявших подле Терема, одни у церкви Рождества Богородицы, другие у церкви Живоносного Воскресения; с этой же восточной стороны Терема в разных местах стояли деревянные хоромы цариц и царевичей и больших и меньших царевен. Большие палаты, Грановитая, Золотая и др., примыкали к площади между соборами, а все хозяйст-

венные здания расположены были в разных местах вокруг дворца, так что весь юго-западный угол Кремля, от Тайницких и до Троицких ворот, занят был дворцовыми строениями. Точное определение местности различных зданий царского дворца представляет величайшие затруднения по недостатку древних чертежей. Чертежи, хотя и деланные обыкновенно от руки, по глазомеру, составлялись и в то время, по случаю каждой постройки, а тем более значительной, каковы были каменные палаты и другие подобные здания. Есть свидетельство, что в 1686 г. составлялся общий чертеж всему дворцу, «всем государским хоромам, полатам и всяким зданиям, которые в Кремле на их государском дворе» (М., № 89). К сожалению, этот чертеж не сохранился или, по крайней мере, неизвестен нам. Недавно мы получили возможность воспользоваться копиями с чертежей, составленных в 1751 г. Эти копии, не имеющие, однако, подробной описи, принадлежат ныне Историческому музею и представляют драгоценнейший памятник кремлевской дворцовой старины, который во многом с точностью выясняет, отчасти исправляет, отчасти подтверждает, прежние наши разыскания по этому предмету.

Пользуясь этими чертежами, а также напечатанными нами в первом томе «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы» (М., 1884) описями дворцовых зданий XVIII ст., мы можем представить теперь более обстоятельное обозрение старинного расположения зданий дворца во всем их составе, но, как и прежде, ограничимся указанием только главных частей. Как и прежде было сказано, лицевая сторона дворца выходила на площадь между соборами, которая, подобно площади Китай-города, также иногда именовалась *Красною* (Дв. Разр. III, 973). На эту действительно замечательную площадь дворец выдвигался самую большую и красивую из своих палат, Грановитую палату, с лестницею возле нее, которая вела на *Красное крыльцо и Передние переходы*, простиравшиеся от угла Грановитой палаты до паперти Благовещенского собора. В глубине, между палатою и собором, на середине переходов, стояла *Золотая Средняя палата*, к которой прямо к дверям ее сеней вела с площади другая лестница, *Средняя*, известная в конце XVI ст. под именем *Золотой лестницы и Золотой решетки*. (Дв. Разр. I, 99. 639. III, 17, 85). Третья лестница, приво-

дившая на те же переходы Красного крыльца, находилась в паперти Благовещенского собора и прозывалась *Благовещенскою*.

Неподалеку от Благовещенской лестницы, между соборами Благовещенским и Архангельским, стоял особняком *Казенный двор*, сохранявший государеву *казну* — серебро и золото в разных вещах, большею частью в посуде, которою украшались почётные царские столы; также дорогие золотые, серебряные и шелковые ткани; огромный запас сукон и других шерстяных и бумажных тканей; огромный запас *мягкой рухляди*: дорогих собольих, также куньих, белчих и других легких мехов, которые употреблялись в то время на одежду. Для обделки мехов во дворе, в местности с южной стороны Архангельского собора, находилась *Скорняшная палата*, к которой был и особый ход за собором. Вообще на Казенном дворе сохранялась всякая домовая казна, которая употреблялась на обиход государев, а также в раздачу годового жалованья и в награду за службы. Здесь же в *Образовой палате* хранилось множество икон, крестов, ковчегов со св. мощами и разной другой *святыни*. Казенный двор соединялся с дворцом переходами с западной стороны Благовещенского собора и особыми палатами, которые примыкали к собору с южной стороны.

Войдем в старый дворец по главной лестнице у Грановитой палаты. Эта лестница состояла из 32 ступеней и была вымощена *ступенным* белым камнем, а поверх его железными плитами. Она делилась на четыре доли тремя рундуками, или площадками, отдыхами, и простиралась по длине, с ступенями и площадками, на 11½ саж., а в ширину на 3 саж. По левой стороне от восхода она была ограждена каменными украшенными резьбою перилами, покрытыми каменною лещедью. У каждой площадки на этих перилах был помещен каменный вызолоченный лев, всего три. Вся лестница была покрыта медною кровлею, которая над двумя нижними площадками была устроена в виде красивых шатров сорлами наверху, а верхняя площадка была покрыта *бочкою*, как это видно на картинах избрания на царство царя Михаила. Шатер над нижним рундуком, или площадкою, основан был на резных каменных столбах, сомкнутых вверху сводами в виде портика, над которыми красовались золоченые резные орлы. В пожар 1696 г. шагры погорели и с того времени уже бо-

лее не устроивались. Вся лестница осталась открытою, и из-под нижнего шатра сохранились только каменные столбы со сводами, которые в последнее время были возобновлены по старым рисункам, но, собственно, в том же разрушенном виде без необходимой шатровой кровли. Само собою разумеется, что древние кровельные шатры лестницы должны были скрывать от всенародных очей торжественные царские выходы из дворца, почему и устройство древнего покрытия лестницы оставлено как излишнее. Эта лестница еще со времен царя Федора Ивановича именовалась *Золотою*, вероятно, потому, что была расписана золотом и красками и имела золоченую кровлю, особенно в шатрах. В XVII ст. ее называли, кроме того, *Большою* и *Красною*. У входа она запиралась железною решеткою, покрытою также красками и золотом.

По лестнице всходили прежде всего на *Красное крыльцо*, как в собственном смысле называлась небольшая площадь перед входом в Грановитую палату, которая простиралась в длину (несколько дальше угла сеней Грановитой палаты) на $6\frac{1}{2}$ саж., а в ширину на 3 саж., какой ширины была и самая лестница. Крыльцо (или эта площадь) было покрыто особою кровлею в виде двух шатров по тесу белым железом.

От этого крыльца влево к Благовещенскому собору до Набережной Столовой палаты протягивалась площадь *Передних переходов*, именуемых также *Красным крыльцом*, длиною 17 саж., шир. 11 арш., обнесенная со стороны Соборной площади каменными резными перилами. Эти *Передние переходы* и теперь существуют почти на том же месте.

С этих переходов, прямо против дверей Золотой палаты, вниз на Соборную площадь вела, как упомянуто, каменная лестница, что слово *Золотая решетка*, длиною 7 саж., шириною между перил $1\frac{1}{2}$ саж. Внизу лестница запиралась железною створчатою решеткою, вышиною в 2 саж., шир. $1\frac{1}{2}$ арш., которая была вызолочена, почему и называлась *Золотою*.

С площадки Красного крыльца одни двери вели на обширную заднюю площадь Постельного крыльца. Это были *Красные* двери, створчатые, обитые жемчугом и по жести расписанные золотом и красками, вышиною $3\frac{1}{4}$ арш., шириною 2 арш. Они находились между углом сеней Грановитой палаты и углом Шатерной. Другие двери вели в сени Грановитой палаты.

Сени были длиною 23 арш., шириною 13 арш.; в них было 3 окна двойных, выходивших на Постельное крыльцо, и две двери створчатые, обитые белым железом, одни с Постельного крыльца, другие с Красного.

Грановитая палата и по старой мере имела длины от В. к З. 11 саж., ширины 10 саж.; в ней посредине, как и теперь, был столб каменный, шириною 2 $\frac{1}{2}$ арш.; в нижних стенах 12 окошек; у стен со всех 4 сторон взруб брусняной и дощатый; рундуки, т. е. площадки взруба, брусняные; у западной стены к углу стояла печь ценинная вышиною 3 саж., шир. 5 арш.; двери из сеней створчатые, обитые белым железом.

По линии Передних переходов, начиная от Красного крыльца к Благовещенскому собору, стояли следующие палаты:

Палата *Шатерная*, имевшая длины от В. к З., т. е. от Красного крыльца в глубь двора, 12 саж., ширины 3 саж. Это была кладовая, в которой сохранилась шатерная казна, всякого рода походный и хормный наряд и убор, царские *шатры* и ставки, выходные государевы места, род балдахинов и т. п. Окна и двери этой палаты выходили на Постельное крыльцо.

Рядом с Шатерною находились *сени* Золотой Средней палаты дл. 17, шир. 13 арш. В них по сторонам дверей с Красного крыльца было два окна. Другие двери на противоположной стороне вели к Столовой избе, стоявшей на Спасском дворце, позади Золотой палаты. Третьи двери направо в углу вели в Шатерную палату. Вокруг у стен сеней находились обычные лавки.

Из сеней в Золотую палату вели двое дверей, одни парадные створчатые, другие, ближе к дверям в Столовую избу, одинакие.

Золотая палата в длину и в ширину имела 18 арш. У ее стен со всех четырех сторон были устроены брусняные взрубы, как и в Грановитой палате. На Красное крыльцо выходило 3 окна и к Набережной палате также 3 окна. Близ малых дверей стояла ценинная печь, вышиною 6 арш., шир. 4 арш., глубиною 3 арш.

Позади палаты, на Спасском дворце, как упомянуто, стояла *Столовая Брусняная изба* с сенями и с переходами, или крыльцом, которое называлось также *Столвым*. Она была покрыта высокою шатровою кровлею с орлом вверху, которая с Соборной площади была видна над кровлею Золотой палаты. Со стороны Постельного

крыльца, перед избою, находился комнатный *сад*, расположенный над сводами нижнего этажа дворцовых зданий. С другой стороны, через переходы, стояли две Набережные палаты с особыми сенями перед каждой.

Против западных ворот Благовещенского собора, примыкая к его паперти, стояла палата *Сборная*, или *Панихидная*, именованная в конце XVII ст. *Столовою*. Как выше было упомянуто, она построена на месте великокняжеского терема и вначале называлась *Малою* в отличие от *Большой*, т. е. Грановитой. В ней, по древнему обычаю, после царских панихид, бывали сборы большие, или собрания духовенства, которому предлагались здесь царские поминковые обеды, отчего она и получила наименование *Сборной Панихидной*. (Бывал в ней *корм*, ел в палате патриарх и все власти.)

Сени перед палатою были длиною 16, шир. 21 арш., с пятью окнами и створчатою дверью. В них была также печь ценинная, выш. 6, шир. 4, глубиною 3 арш.

Из сеней в палату вели двери, также створчатые. Мерею палата была длиною 29, шир. 21 арш. В ней своды утверждались на одном столпу, как и в Грановитой, но на круглом, толщиною в $1\frac{1}{4}$ арш. У стен со всех четырех сторон был взруб брусной; в нижней части стен находилось 12 окон, в верхней 3 окна малых. Видимо, что она построена по тому же плану, как и Грановитая. В ней стояла печь ценинная, выш. 9 арш., шир. $4\frac{1}{2}$ арш., глубиною $2\frac{3}{4}$ арш.

Далее, по набережной стороне, к западу стояла Ответная Посольская палата, служившая своими стенами продолжением стен Сборной, или Столовой, палаты. Сени перед нею были мерею дл. 12, шир. 15 арш., с 4 окнами и двумя дверями, одни створчатые, другие одинакие, и с печью ценинною, выш. 5, шир. $1\frac{3}{4}$, глубиною 2 арш.

Самая палата была почти той же меры ($11\frac{1}{4}$, $14\frac{1}{4}$ арш.), с 4 окнами, двумя дверями и цепинной печью. В конце XVII ст. пол в ней был *гончарный каменный, набиран узорами* вроде мозаичного. В этой палате происходили совещания и беседы бояр с иноземными послами, которые получали здесь царские *ответы*, или решения посольских дел, отсюда и название палаты *Ответною* и *Посольскою*. Для удобства слушать самому государю эти совещания в палате был устроен *тайник* с особым окном и с круглою потайною лестницею со стороны переходов и крыльца к Спасу во двор.

Эти две Набережные палаты и со своими сенями, как

отдельная постройка, были покрыты особою общею для них кровлею, длиною на 15½, шир. на 11 саж. С набережной стороны возле этих палат был расположен Нижний Красный Набережный сад с круглою башнею на углу к Тайницким воротам.

Таков был лицевой, передний, отдел дворцовых зданий, заключающий в себе одни только приемные палаты.

Дальше по набережной стороне дворцовых зданий, через небольшую площадку, стоял Сретенский собор, за которым следовал особый корпус с разными палатами, простиравшийся до церкви Иоанна Предтечи. Возле Сретенского собора и этого корпуса под горою помещался *Запасный двор*, над каменными палатами которого был расположен обширный *Верхний Набережный сад*.

Жилые помещения государя и его семейства, под именем *Постельных хором*, были расположены в сохранившемся до нашего времени так называемом Теремном дворце, частью в его каменных комнатах, а более всего в деревянных хоромах, находившихся или над самым его зданием, или рядом в соединении с ним особыми переходами. Необходимо заметить, что здание Теремного дворца, протягивающееся на 47 саж. по прямой линии от В. к З., от угла Грановитой палаты к церкви Рождества Богородицы, составляло, так сказать, становой хребет дворцовых зданий, самую середину всего пространства, занятого дворцовыми постройками. Оно делило это пространство на два особые большие двора, из которых один двор, главный, с южной стороны от Терема, был расположен около древней церкви Спаса на Бору, с двумя воротами, передними от Соборной площади и задними к Боровицким кремлевским воротам, называвшимися Колымажными. Другой, собственно хозяйственный, или служебный, Задний двор, с северной стороны Терема, простирался к кремлевским Троицким воротам, с одними воротами — Куретными. Он в свой черед делился на два двора, или дворца, Кормовой и Хлебенный.

С Соборной площади на Спасский двор, как можно его называть, вели, как упомянуто, *Передние проезжие* ворота под сенями Средней Золотой палаты, между Среднею и Грановитою лестницами. В длину этот проезд имел 21 саж., шириною в 2 саж. По своей наружной обделке со стороны Спасского двора эти ворота назывались также *Красными*¹. На дворе они выходили против

¹ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы... М., 1884. Ч. 1. С. 1231.

юго-восточного угла Спасской церкви, или против алтаря ее южного придела.

С этого двора от Спасской церкви по Постельной лестнице в 42 ступени с двумя рундуками, или площадками, входили на *Постельное крыльцо*. Так именовалась обширная площадь, занимавшая угол между зданием Теремного дворца и Грановитой палаты. В длину эта площадь простиралась на 17 саж., в ширину на 12 саж. Почти на самой середине площади возвышалась каменная же большая лестница, по которой всходили к государевым покоям в Теремном дворце. В XVII ст. она прозывалась *Золотою*, также *Золотым крыльцом* и *Золотою* решеткою, потому что вверху была ограждена узоловатою, т. е. узорочной сквозной решеткой, расписанной золотом и красками.

Все обширное пространство площади Постельного крыльца именовалось также *Боярскою площадкою*, потому что здесь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, полковники и вообще служилое дворянство, или все те, которым был дозволен сюда вход.

Здесь, сходя с Верха, из комнат государя, дьяки сказывали во всеуслышание царские указы о назначениях государевой службы. Стольники, здесь собиравшиеся, в отличие от *комнатных*, которые, по близости к царской особе, могли входить в его комнаты, назывались *площадными*.

В 1677 г., прямо против входа на Постельное крыльцо, у деревянной переграды, отделявшей Боярскую площадку от Золотого крыльца, стояла большая картина, писанная по полотну и изображавшая *притчи*, т. е., вероятно, что-либо аллегорически назидательное для собиравшейся здесь дворянской толпы, именно в смысле почтения к месту, которое служило входом в царское жилище. Боярская площадка с лестницею и теперь сохранила свое место у внутреннего входа во дворец от Спасской церкви во Владимирскую залу. Другая часть Постельного крыльца или его площади с местностью Золотого крыльца вошла ныне под ту же Владимирскую залу Нового дворца.

Обширная площадь Постельного крыльца была расположена перед тем ярусом Теремного дворца, который был построен еще Алевизом над подклетами и белокаменными погребями. Этот ярус заключал в себе на протяжении 33 саж. девять палат почти одной меры, каждая

около 6 саж. длиною и 3 саж. шириною. Крайняя палата к востоку, выходящая угол в угол к Грановитой палате и, след., на лицо дворцовых зданий, с XVI ст. становится известною под именем Золотой Царицыной палаты, в которую вход был из ее сеней, называвшихся также *Пролодною палатою*, потому что эти сени вели на Задний внутренний двор Постельных хором, на царицыну половину. В древнее время и в начале XVII ст. эта проходная палата называлась также *Жилецкою*, так как в ней собирались обыкновенно дежурные дворяне-жилцы. Впоследствии это помещение для жильцов было переведено в подклетный этаж, находившийся под площадью Постельного крыльца, где был *старый жилецкий подклет*, в котором иногда стегали дворян батогами за неправильные споры по местничеству и за другие провинности или сажали здесь же под арест в глухую палатку.

Из тех же сеней Царицыной Золотой палаты налево дверь вела в *Мастерскую палату*, как называлось целое дворцовое ведомство, сохранявшее и изготовлявшее все наряды и уборы царской одежды, как равно и одежды царицы и царских детей и всего их постельного обихода. Мастерская палата занимала своими мастерскими и кладовыми ряд комнат, следовавших далее к западу от упомянутых сеней до церкви св. Лазаря, находившейся под церковью Рождества Богородицы. Возле церкви Лазаря, как упомянуто выше, в XVI ст. в этом же этаже Теремного дворца стояла особая палата, *Задняя*, приемная вел. княгини Елены, матери Грозного. В своих стенах она должна сохраняться и до настоящего времени, обращенная в помещение для придворных лиц. Вокруг всех упомянутых палат протягивались *переходы* в 3 арш. шириною, соединявшие все помещения между собою.

В XVI и в XVII ст., до постройки Теремных покоев, над этим алевизовским (вторым) этажом дворца помещались деревянные хоромы государевы у Постельного крыльца и царицыны ближе к церкви Рождества Богородицы, составлявшие третий ярус здания. Нет сомнения, что на месте этих старых деревянных хором царь Михаил Федорович выстроил для своих царевичей Ивана и Алексея новые каменные в три яруса, в которых потом поселились и сами цари. По всему вероятно, и прежние деревянные хоромы состояли также из трех ярусов с обычным теремом-чердаком наверху.

С Постельного крыльца в эти хоромы, как упомянуто, вела Золотая лестница, огражденная у самого входа на

государев *Передний каменный двор* золотою узоловатою решеткою с тремя створчатыми дверями, вышиною в 3, шириною около аршина.

На перилах лестницы, у двух ее площадок, или отдухов, по сторонам помещались золоченые львы-звери, по два на площадке. Передний двор представлял площадь между церковью Спаса за Золотою решеткою и зданием Терема длиною 22, шир. 13 арш. Прямо против входа на этот двор с Постельного крыльца в двери Золотой решетки, у переграды, отделявшей двор от переходов в другие церкви, стояла (с 1677 г.) большая картина, писанная на полотне живописцем Ив. Салтановым и изображавшая *Видение царя Константина, како явился ему крест*.

Возле этой картины налево находилось *каменное переднее Золотое же крыльцо* с лестницею под красивою шатровою кровлею, устроенною над верхнюю его площадкою, которое вело в *Передние проходные сени* (ныне столовая, или трапезная, комната). Из этих сеней входили в *Переднюю палату* (ныне соборную или гостиную), называвшуюся иногда, по старому понятию, *Переднею избою*. Когда в конце XVII ст., вероятно, при царе Иване Алексеевиче, проходные сени переустроены были в *Переднюю*, то и *Передняя* была переименована в *Крестовую*.

Далее следовала *комната*, собственный кабинет государя (ныне престольная), которая при царе Михаиле называлась *Золотою*, а при царе Алексее Мих. известна была по преимуществу под именем *Комнаты*¹; среднее окно этой палаты снаружи было украшено каменною резьбою с изображением львов и розметных трав. С северной стороны перед палатою находились небольшие сени, из которых был вход в верхний Терем и сход в нижний ярус здания.

За комнату находилась последняя комната, *Крестовая*, или *Моленная* (ныне опочивальная), называвшаяся иногда просто *третьею*. В ней была отгорожена небольшая комната, известная под именем *четвертой*, где находилась *опочивальня*, или *почивальня*, вроде алькова, или по-русски *чулан*. (Ср. итальянское *cella* — келья). Возле сеней государевой комнаты и упомянутой четвертой, со стороны Кормового дворца, находились две комнаты, где

¹ Выходы государей царей... М., 1844. С. 581 и др.

ставили с кушаньем, то есть где находился царский буфет.

Верхний пятый ярус этого здания представлял одну обширную залу длиною около 7 саж., шириною около 3 саж., с 13 светлыми окнами со всех четырех сторон. Он назывался *Каменным Чердаком*, или в собственном смысле *Теремом*, по сторонам которого обширные площадки к Спасской и Рождественской церквям и переходы с других двух сторон именовались *Верхним каменным двором*¹. Наружные стены Терема и государевых покоев и до сих пор сохраняют богатые украшения из разноцветных изразцов.

Эти хоромы, сохранившиеся до наших дней, несмотря на то, что были уже каменные, вполне изображают устройство и старинных деревянных хором, а потому служат любопытным и единственным памятником старого царского быта. В них воспитывался и жил царь Алексей Михайлович, а потом его сыновья, царь Федор и царь Иван Алексеевичи; в них до первого своего путешествия за границу останавливался иногда царь Петр Алексеевич; последним обитателем Теремов был царевич Алексей Петрович.

У хором, как следовало в деревянных постройках, был тоже и свой *подклетный* ярус, третий во всем здании, где находились разные служебные и деловые комнаты и где жили некоторые из ближних людей к особе царя. При царе Михаиле, в малолетство царя Алексея, здесь помещалась и *Потешная палата*, занимавшая особую комнату под Теремными покоем. Под *четвертою* комнатою была устроена государева *мыленка*, в которую государь хаживал по *потайной лестнице*, сохранившейся доныне. Небольшая палатка, где помещалась мыленка, вся была выложена и опаяна свинцовыми досками для того, чтобы вода не могла пройти сквозь своды в нижний этаж.

Над тем же подклетным этажом, к Рождественскому собору, на уровне Теремных покоев, находилась площадь, длиною около 10 саж., шириною 8 саж., на которой стояли хоромы придворных *богомольцев*, столько любимых царем Алексеем Михайловичем.

Лицевая сторона Теремных покоев была обращена во двор к собору Спаса Преображения или к набережной стороне дворцовых зданий, к югу.

¹ ДАИ. Т. 5. С. 111; Дворцовые разряды... Т. 3. С. 857. В 175 (1667) году августа в 16 день, вместо стола кушанье было у государя в *Терему*; по другой записке: «в Верху над *Переднею* и над *Комнатою*».

С внутренней, северной стороны Теремного дворца, к нему, именно к государевым покоям и к церкви Спаса за Золотою решеткою, примыкали каменные и деревянные хоромы цариц и царевен, т. е. всей женской половины царского семейства с их домовыми церквами. Они занимали пространство с лишком на 50 саж. в длину к северу и на 40 саж. в ширину, от З. к В., где, с восточной стороны, их линия примыкала к Патриаршему двору. С Теремным дворцом они соединялись многими открытыми площадками и переходами и крытыми сенями, расположенными на уровне площадей и переходов, какие существовали у Теремного дворца, а потому и самые этажи этих хором высились соответственно этажам Терема. Возле Терема, в уровень с его комнатами, на расстоянии от него 10 саж., в конце XVII ст. находились хоромы царицы Натальи Кирилловны с малолетним сыном Петром Алекс., деревянные, построенные на каменных стенах и столбах, среди которых помещались их разные служебные палаты. В прежнее время здесь помещались хоромы государевы и прежних цариц. Эти хоромы и при них церковь находились прямо против Теремов, по направлению к северу, и занимали площадь в длину к северу почти на 20 саж., в ширину с лишком на 13 саж. Нижний ярус хором состоял, как упомянуто, из стен и столбов с находившимися среди их служебными помещениями, и из площадок на уровне каменного Теремного дворца, перед церковью Спаса за Золотою решеткою. В этом ярусе на северо-западном углу стояла церковь Петра и Павла, каменная, занимавшая место в длину и с трапезою с лишком 9 саж. и в ширину около 4 саж. Она высилась над всеми другими зданиями внутреннего двора на уровне с Теремом государя. Церковь была пятиглавая, главы и резные железные кресты были вызолочены, кровля была из кованого железа. В церкви было 17 и в трапезе 6 окон с железными решетками, вышиною $2\frac{3}{4}$ арш., шириною $1\frac{1}{2}$ арш. Полы были дубовые косячатые. Возле церкви находилась палатка с сенями, из которых кверху вела *комнатная* круглая лестница. В церковной трапезе, по всему вероятно, были хоры-полати, примыкавшие одною стороною к деревянным хоромам царицы. Около церкви были переходы. Против алтаря была расположена площадка, длиною в $8\frac{1}{2}$ саж., шириною в одном конце 6 саж., в другом 11 арш., на которой был разведен сад, огороженный балясами, с небольшим прудом. Возле на-

ходила еще площадка *Потешная* царевича Петра. Под хорами царицы в нижнем этаже находилась Мастерская палата царицы и три палаты, в которых жили *государевы богомольцы*, длиною каждая в 6 саж. и шириною в 2 саж., и в каждой было по 2 окна. Размер этих трех палат явно показывает богаделенное их устройство.

Нет никакого сомнения, что это отделение царского дворца, примыкавшее переходами к Теремным покоям и принадлежавшее царице Наталии Кирилловне, было устроено царем Алексеем Михайловичем и для собственного жилища вместе с царицею, почему в нем же помещены были и его любимые старики-богомольцы¹.

В том же направлении, к северу от Теремного дворца, от Золотой Царицыной палаты и стоявшей возле нее церкви св. Екатерины, были расположены к стороне Патриаршего двора хоромы царевен, меньших, дочерей царя Алексея, и больших, старших, их теток, дочерей царя Михаила Федоровича.

Сначала здесь стояли их деревянные хоромы с теремом наверху, который был виден с Соборной площади за главами Успенского собора. В 1684 г. на место деревянных сгоревших были построены для их жилищ каменные корпуса в том же направлении, на пространстве от церкви Екатерины более 40 саж.

От хором царицы Наталии эти корпуса отделялись площадью в 30 саж. длины и около 6 саж. ширины. С этой площади, с одной стороны, особое крыльцо с лестницею вело к хоромам царицы, а с другой — обширное крыльцо с лестницею к хоромам царевен. Крыльцо царевен находилось прямо против церкви Петра и Павла, в 10 саженях от нее.

Возле этого крыльца стояли особым корпусом три палаты *поваренные*, где приспевали кушанье для царевен.

Мимо этих палат площадь уходила дальше к северу, где возвышались церкви Спаса *Новая* и под нею Успения, построенные для моления царевен же, которые жили на этом противоположном Теремному зданию краю дворца.

От Теремного здания хоромы царевен были расположены следующим порядком. Возле церкви св. Екатерины находились хоромы царевны Екатерины Алексеевны, составлявшие особый небольшой корпус, окнами в сад.

¹ Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1, ч. 2. М., 1915. С. 296.

Они заключались в пяти комнатах с сенями и крыльцом. Перед ними обширные переходы, длиною в 10 саж., шириною в 4 арш., вели к Екатерининской церкви и от других царевнинных хором.

В верхнем ярусе этого корпуса находились комнаты царевны Марии Алексеевны, окнами в тот же сад, числом три, из которых вторая была *столовая* и *крестовая* с сенями, и третья, вероятно, *опочивальня*, из которой в крестовую проходила слуховая труба для слушания исполнявшихся молений и служб у Крестов. В первой комнате в 1722 г. еще оставалось «стенное письмо: Христово Воскресение и Вознесение с иными чудесами живописными». Как внизу, так и здесь крытые переходы того же размера вели к церкви Воскресения, находившейся над Екатерининскою церковью.

Далее следовали наугольные комнаты, обращенные к Успенскому собору, в которых, по всему вероятно, жила царевна Софья. Здесь, от этого угла и до другого по лицевой стороне здания, было расположено восемь комнат, все почти одинакового размера как в верхнем ярусе, так и в нижнем.

Комнаты распределялись по отделам для каждой царевны особо, причем перед каждым отделением или особым жильем находились особые сени. В упомянутом угловом отделении было три комнаты с сенями и небольшими сенцами при самой наугольной комнате. Второе отделение состояло также из трех комнат с особыми сенями. Затем следовали, как особое отделение, две комнаты, в которых жила старшая царевна Татьяна Михайловна. Возле ее комнат находилась *мыльня* деревянная, окладенная в каменных стенах.

Такое же почти распределение комнат существовало и в верхнем ярусе хором.

Описанный ряд комнат по линии к Патриаршему двору занимал в длину с лишком 23 саж., в ширину 6 саж. Все комнаты были одной меры, заветной для великорусской крестьянской избы, около 8 арш. в квадрате; каждая рядовая имела по два окна двойных и в угловых по 4 окна, вышиною по 2 арш., в ширину по 1 арш.; двери выш. по 3 арш., шир. по 1½ арш.; печи изразцовые, полы дубовые, косячатые или кирпичные (косяками или прямоугольниками и квадратами). Обширные сени при каждом особом жилье имели значение наших зал и служили для домашних девичьих игр и разных увеселений. Сени соединялись с нижними помещениями посредством круг-

лых лестниц, находившихся в каждом отдельном жилье.

Перед окнами царевен в среднем ярусе их хором был расположен сад, длиною почти 12 саж., шир. с лишком 6 саж., который продолжался и далее на 9 саж., узкою полосой под самыми окнами царевен, быть может, только для устройства цветников. В саду еще в 1722 г. росли яблони, груши, вишни и смородина. В известный пожар 1737 г. в этом саду сгорело яблоневых деревьев 24, грушевых 8.

С угла на угол от этих хором стоял особый небольшой корпус, длиною 11 саж., шириною 5½ саж., в три яруса, в котором в конце XVII ст. жила вдовствующая царица Марфа Матвеевна (Апраксиных). В верхнем ярусе было три комнаты такой же меры, обширные сени и по сторонам их еще две комнаты, из которых одна была спальня; в среднем жилье комната да спальня и сени, из которых лестница круглая вела в верхние комнаты и в нижние подклеты. Возле отдельно стояла мыльня и две палатки, одна из них *Стряпущая*.

Хоромы царицы Марфы Матв. составляли северо-восточный угол всех дворцовых зданий и выходили лицом к Патриаршему двору, а боковую сторону к Троицкому подворью. На этот крайний угол дворцового размещения, после кончины царя Алексея Михайловича, намеревались, как сказано выше, переселить царицу Наталью Кирилловну с ее дорогим сыном Петром.

В расстоянии двух сажен от этих хором в среднем ярусе стояла церковь *Спаса Новая* (во дворце; наименованная так в отличие от Спасского же храма, что за Золотою решеткою), а над нею возвышалась церковь Успения Богородицы. Церковь Спаса занимала пространство в длину на 28 арш., в ширину 12 арш., кроме папертей. С южной ее стороны была устроена небольшая паперть, около двух сажен в квадрате, в которой стояло место царицы Марфы, обитое вишневым сукном. В известные дни, не входя в церковь, царица слушала здесь церковную службу в окно. Для зимнего времени в этой комнатке находилась и печка ценинная.

К верхней Успенской церкви приходом служил верхний ярус царицыных и царевниных хором. Таково было размещение вдовствующей царицы и больших и меньших царевен в верхних ярусах их хором.

Нижний, или подклетный, этаж описанных зданий, начиная от Светличной лестницы, заключал в себе: 1. *Портомойные палаты*, находившиеся возле Куретных

ворот. 2. Переходы от Светличной лестницы к Теремному дворцу. 3. С этих переходов направо под церковь Петра и Павла и под хорами царицы Натальи Кирилловны находилась Мастерская палата царицы, заключавшая в себе сени, приводившие в палату, где сидели судьи и где было место *судейское*, обитое красным сукном; потом палату Мастерскую, палату еще Судейскую и три Казенных палаты, где хранилась царицына казна. В портомойных палатах *портомои* (прачки) мыли царское белье. Над палатами возвышались *портомойные* решетчатые, сквозные *чердаки*, в которых это белье сушилось, украшенные решетками, прописанными *по-стекольчатому*. На Москве-реке у Водовзводной башни был портомойный плот, где полоскали белье, а на берегу стояла портомойная *изба* с разными принадлежностями для этого плота. В Кремлевской стене в этом месте находились особые малые ворота, называвшиеся *портомойными*, потому что через них носили на реку белье.

Не более как на четыре сажени от западной стены церковью Спаса и Успения находились *Куретные* дворцовые *ворота*, отчего и церкви иногда обозначались выражением, «что над Куретными вороты». Над самими воротами стояла большая каменная *Светлица* с большими проходными сенями, а подле нее несколько малых светлиц, в которых работали *мастерицы-белошвей* и *золотошвей* со своими ученицами. Существовавшая здесь у ворот лестница к этим светлицам и к хорам царевен и царицы Марфы называлась *Светлишною*.

Далее к западу от Куретных ворот, на 15 сажнях длины, шел ряд палат *Хлебного* дворца до угла дворцовых зданий, выходившего к Троицким кремлевским воротам.

Затем от этого угла протягивался длинный каменный корпус в три этажа по направлению к церкви Рождества Богородицы и далее до самых Колымажных дворцовых ворот, стоявших к стороне Боровицких кремлевских ворот и вблизи древнейшей церкви Иоанна Предтечи. В этом направлении и теперь стоят так называемые Кавалерские корпуса дворцового ведомства.

Над самым углом указанного корпуса, обращенным, как упомянуто, к Троицким кремлевским воротам, высились как терем особые *Государевы* каменные же *хоромы*, составлявшие самый верхний, четвертый, ярус этого корпуса и расположенные также углом. Они заключали в себе, начиная со стороны Куретных ворот: сени (3×3 саж.,

4 окна), *Переднюю палату* (16×16 арш., 8 окон), подле нее *Комнату Наугольную* (5×5 саж., 8 окон), к которой примыкали опять сени (5×5 саж., 8 окон) к особой Комнате (5×5 саж., 8 окон), имевшей и с другой стороны также сени (5×5 саж., 10 окон). Окна во всех комнатах были большие, вышиною и шириною по 2 арш., с слюдяными оконницами. В 1722 г. эти *Государевы хоромы*, погоревшие во время пожара 1701 г., оставались в полном запустении не покрытые даже и кровлею. Когда именно и для какой царской особы были построены эти хоромы, неизвестно. Они возвышались над дворцовыми зданиями в уровень с существующим доселе государевым Теремом, подобно наугольным же хоромам царицы Марфы Матвеевны.

Под этими угловыми хорами и дальше по направлению к Рождественской церкви, в третьем и во втором этажах того же длинного корпуса были размещены палаты разных художеств и ремесел, составлявшие одно ведомство под именем Оружейной палаты.

Оружейная палата с приказом заведовали всею искусственною частью в домовом обиходе царей, как-то: художеством иконописным или живописным, к которому относилось и золотарное дело по дереву; золотым и серебряным делом; резным и токарным делом из дерева и кости; столярным делом; бронным, наводным, резным железным делом и т. д. Некоторые производства, по своей обширности или особому значению, составляли отдельные приказы, напр., существовал особый *приказ Ствольный, приказ Золотого и алмазного дела, приказ Серебряный* и др. Каждое производство помещалось в особых *Мастерских палатах и светлицах*, которые находились частью в этом же здании, а частью в других отделениях дворца. В *Иконной палате* работали иконописцы, живописцы, знаменщики (рисовальщики), левкащики, золотари. Для более искусных работ живописных построен был особый *Иконный терем*, стоявший в набережном отделении дворца, отчего и назывался *Набережным*. Там же находились, как было упомянуто, *Резные и Столярные палаты*. В *Золотой палате* работали золотых дел мастера и ювелиры; в *Серебряной палате* — серебряники; в *Ствольном приказе* самопальные мастера, мастера ствольного дела, станочного, замочного, сабельного, лучного, стрельного, пансырного, ножевого и разных других дел. В 1671 г. в ведомстве Оружейной палаты находилось иконописцев, живописцев и других мас-

теров 136 человек; в ведомстве Ствольного приказа 113 чел., в приказе Золотого дела 22 чел., в приказе Серебряного дела 39 чел., — которые все получали по окладам годового жалованья и с поденными кормами с лишком 5676 рублей.

Собственно *Оружейная*, или *Оружничья*, палата была дворцовым государевым арсеналом, где в особых комнатах и кладовых хранилось государево оружие, государев *доспех* и всякая *оружейная броня*, состоявшая из шлемов, или шеломов, шишаков, булатных шапок — мисюрок и ерихонок, стальных и булатных *зерцал*, или лат, кольчуг, юшманов, бахтерцов, наручей, бутурликов, украшенных золотою насечкою, а нередко и дорогими каменьями. Здесь хранились богатые выездные государевы саадаки, т. е. налучи и колчаны, украшенные золотом, серебром, эмалью и дорогими каменьями; булавы, пернаты, шестоперы, мечи, сабли, кинжалы, ножи, щиты, копья, бердыши, топоры или секиры, также пищали (ружья), пистолы, даже пушки и т. д. В числе разного боевого оружия здесь же сохранялся запас оружия церемониального, употреблявшегося во время разных торжеств, именно протазаны, алебарды, копья, кончары (род мечей), польские топоры и т. п. Кроме того, в Оружейной палате хранились и изготовлялись полковые знамена, государевы *великие стяги*, прапоры и вообще разные предметы полкового боевого и церемониального вооружения.

Для помещения драгоценной оружейной брони и другой различной оружейной казны или всяких дорогих предметов в этом здании была отделена особая, более других, обширная палата, которая так и называлась *Казенною*, или палатою *Большой казны*. Она была украшена стенописью, а для размещения сохраняемого оружия в ней по местам стояли *рундуки* (особые поставцы) с *гребнями* (род карнизов) наверху. Здесь первым предметом среди разного оружия был царский скипетр, золотой, украшенный дорогими каменьями и покрытый финифтью разных цветов, превосходной работы, быть может, мастеров Оружейной же палаты. Он сохраняется и до сих пор в этом царском древлехранилище, сохранившем и старое свое имя.

Палата Большой Оружейной казны находилась в середине упомянутого длинного корпуса близ описанных угловых Государевых хором. Далее следовали другие верхние кладовые же палаты, а под ними во втором этаже помещались в палатах разные мастерские, в числе кото-

рых палаты Золотого и Серебряного дела находились вблизи Рождественской церкви, где существовала в особой палате и царская Аптека.

В нижнем ярусе этого корпуса все палаты и под ними погреба были заняты помещениями *Хлебенного* (близ Куретных ворот), *Кормового* (под мастерскими Оружейной палаты) и отчасти *Сытного* дворцов.

Хлебенный дворец изготовлял разного рода печеный и пряженный хлеб, *гладкий*, т. е. обыкновенный и *изразчатый*, т. е. украшенный разными образцами, печеный в формах в виде различных фигур, каковы, напр., были жаворонки, карасы и т. п., и простые: папошники, сайки, калачи, баранки, сухари, перепечи, куличи, караваи, а также пироги разных наименований и *масленичные есты*, т. е. пряники, и *сахары*, или конфекты.

Приспешные палаты и под ними погреба *Хлебенного* дворца, как упомянуто, находились у Куретных дворцовых ворот и заключали в себе *Клюшную*, или *Клюшничью*, палату, в которой сидели степенные ключники — распорядители *Хлебенного* дворцового обихода; палату *Купецкую*, где сидели *купчины*, закупавшие всякие хлебные припасы; *Светлицу*, в которой отпускали хлебные есты; палаты *Хлебные Стряпущие*, в которых, в одной особой пекли про великих государей хлеба *приказные*, т. е. что государи по желанию прикажут; в других припасали всякого рода хлеб обычный; палаты *Мучные* с закромами; палаты и *сушилá*, в которых ссыпали разное зерно, пшеницу, горох, крупу, конопель и пр.; *Бурникову избу*, хотя она была такая же палата, в которой пекли про государя папошники, недомерки, кольца, ситные; далее палату *Овощную*, или *Сахарную*, в которой изготовлялись различные сахара (конфекты), сушеные и обсахаренные фрукты; палату, в которой наливали и сушили яблочные пастилы; разные другие *деловые* палаты и потом под палатами *погреба* и *ледники*, сохранявшие масло коровье, ореховое, конопляное, яйца, сметану, творог и всякие припасы для хлебного печенья.

Кормовой дворец был собственно царскою *поварней*, где *стряпали* (работали) повары, помясы, шесники, куретники, животинники, засыпки и другие.

В числе различных деловых палат, составлявших обиход этого дворца, находились: *Клюшничья*, где сидели распорядители кормового обихода, степенные ключники; палатка, где сидели *подьячие*; *Казенная*, в которой сохранялась столовая золотая, серебряная, оловянная

и всякая другая *посуда*; палата *Скатертная*, где сохранялись скатертные приборы; палата *Проделочная*; палата *Соляная*; мучная; деловые *поваренные* палаты, часть которых находилась и на Потешном дворце у Кремлевской стены близ Троицких ворот¹; палата, в которой изготовляли *кислые щи*; большая палата, что называлась *Сушило*, где провешивали ветчину и рыбу; *Куретная* палата, отпускавшая в стол кур, гусей, уток и всякую другую птицу и надзиравшая за *Куретным двором*, который помещался вблизи задних дворцовых ворот, от того и прозванных *Куретными*. Под палатами находились разные погреба: *масляный*, *сметанный*, два *астраханские*, в которых «солили кабаны»; особый погреб, где ветчину солили. Посреди двора на Кормовом дворце было построено высокое *сушило*, где провешивали ветчину, языки, всякую рыбу и где в нижнем ярусе сохранялись гусиные полотки, икра, снетки, грибы и пр.

Во двор Кормового дворца выходила также стоявшая близ подклетов Теремного дворца *Истопничья палата*, которая заведовала отоплением царских хором и наблюдала за чистотою как в хорамах и сенях, так и на переходах, крыльцах, лестницах, на двориках или площадках и вообще по всему дворцу. Она смотрела также за освещением хором, сеней, крылец и лестниц, для чего заготавливала и хранила фонари, шанданы, подсвечники, ночники и т. п.; заготавливала умывальную посуду, лохани, кунганы, или рукомойники, ковши, тазы и пр. и всякие другие предметы, потребные для царских комнат.

Сытный дворец заведовал хмельным питьем всякого рода, приготавливал и сохранял в особенности различные меды и свое имя, по всему вероятно, получил еще в древние времена, так как *сытою* обозначался самый первоначальный способ приготовления медового питья, которое состояло из воды, насыщенной медом. Сырой мед доставлялся про царский обиход с оброчных и данных *бортевых ухажьев*, конечно, при значительном количестве воска, почему Сытный дворец заведовал также и изготовлением восковых свечей, и для церковных потребностей и для хоромного освещения. Таково было первоначальное дело этого ведомства. Потом это дело распространилось и усложнилось водворением разных других статей питейного обихода, так что Сытный дворец мог с большею точностью называться *Винным* или вообще

¹ С Кормового дворца туда вели особые переходы; там же, на Потешном дворце, находилась палата, в которой делали оловянную посуду.

Питейным дворцом, однако до последних дней сохранял свое первоначальное древнее имя.

По словам Котошихина, Сытный дворец занимал при царе Алексее Михайловиче более тридцати погребов и ледников, кроме обширного «погреба, что с заморскими питьями», или *Фряжского*, который находился под Столовою и Ответною палатами, вблизи Благовещенского собора, отчего и внутреннее крыльцо у этих палат прозывалось также *Фряжским*. Окнами этот погреб выходил в Нижний Набережный сад. В нем в трех обширных помещениях сохранялись *фряжские питья*: алкан, тентин, сек, романея, кинарея, мармазея, мушкатель, бастр красный и белый, ренское, церковное и др., также уксус ренской, уксус новгородский и, кроме того, лимоны и деревянное масло.

Как упомянуто, несколько палат Сытного дворца находилось в местности Кормового дворца, у проезжих ворот с Кормового на Сытный дворец под теремною церковью Рождества Богородицы. Здесь помещалась начальническая ключня, или *Клюшная* палата, где сидели распорядители питейного обихода степенные ключники; также *Казенная*, хранившая золотую, серебряную и иную всякую питейную посуду; *Светлица*, в которой ставились питья для отпуска в хоромы и для раздачи по назначению, и некоторые другие малые палаты.

Подле ключни находились две палатки, в которых отпускали в Верх *водку и вино двойное*; в 1722 г. в них была *печь круглая железная*, свидетельствующая, что и в то уже время входили в употребление железные печи. Здесь же находились: старая *Клюшная изба*, т. е. особая палата со старым наименованием избы; *Водочная* палата, в которой *сидели приказную водку*, т. е. готовили водку по приказу или, так сказать, по заказу, какая желалась, напр., коричную, анисовую и пр.

Но главный, или в собственном значении Сытный, дворец размещен был в подклетных палатах, погребах и ледниках, находившихся под всем зданием Теремного дворца, под палатами приемными и набережными, вокруг всего двора, около церкви Спаса на Бору, так что этот собственно церковный двор обыкновенно именовался *Сытным двором*. И Спасо-Преображенский храм, некогда очень чтимый великокняжеский монастырь, богомолне великих князей и великих княгинь, теперь, в XVI и XVII ст., становится приходским храмом всех служителей внутренних отделений дворца, именно дворов Сыт-

ного, Кормового и Хлебенного. Сюда приходили молиться ключники, стряпчие, сытники, повара и другие приспешники, для которых церковная служба совершалась здесь ранее обыкновенного, — «чтоб, справясь, шли всяк на свой приспех».

Под Рождественскою церковью находилась *Выемочная* палата, что с водою; позади ее *Свечная с воскобойнею*, в которой делали восковые свечи; *Медвяная* палата с государевыми медами и с погребом под нею, который прозывался *кривым*. Далее, под зданием Теремного дворца помещались: погреб *малый государев*, в котором ставили легкие пива и браги, и квасы ячные и овсяные; погреб *малый боярский*; *Сытная* палата, где *медоставы* ставили меды; поварня, в которой варили *приказные пива*, т. е. по приказу, какие были надобны; погреб *мартовский* с мартовскими пивами; погреб *пивной*, погреба *питейные*, погреб *красный* питейный, погреб *запасный*, ледник царицы Марфы Матв. (1722 г.), подсенной погреб и ледник царевны Марии Алексеевны и ее сестер, меньших царевен (1722 г.); погреба *походные*, наряжавшие питье для царских походов; палата, где *сбитень* ставили; палата, где *заливали яблоки в патоку*; палата *Огородной слободы*, где ставили про обиход государский в год всякие *овощи*. В другом отделе Сытного дворца, находившемся между Рождественскою церковью и Колымажными воротами, были размещены разные деловые *избы* — палаты, *пивоварня*, *браговарня*, *квасоварня*, *солодовая* палата и др. У самых ворот находилась (наугольная) *Водовзводная* палата, из которой пропускали воду во дворец, от Водовзводной башни.

В отделе, помещавшемся в подвалах и погребах набережной части дворцовых зданий, начиная от Колымажных ворот, находились палаты *водочного сиденья*, имевшие 21 очаг; палата *укусная* и др.

Затем под Ответною и Столовою палатами, как упомянуто, находились три обширные *фряжские* погреба, называвшиеся также в собственном смысле *винными*. Рядом с ними была и особая *палата* винная, а возле, под Передними переходами, находились *палаты медвяные*, из которых одна прозывалась *глухою*. В передних воротах на Соборную площадь ходили в *кривой* погреб с тремя погребами глухими, в котором также сохранялись меды и вина. Над фряжскими погребами находились две палаты *бочарные* и под Фряжским крыльцом — небольшая палатка, где жили *бочары*.

Вообще на Сытном дворце в ледниках сохранялись, кроме фряжских вин, *пива* поддельные, малиновые, мартовские и иные, и *меды* сыченые и красные и белые, ягодные и яблочные, вишневые, смородинные, можжевельные, малиновые, черемховые, мед с гвоздцы, обарный, приварный, белый паточный, мед боярский, мед княжой и т. д.; браги, квасы яблочные, медвяные, паточные, овсяный, ячный; воды брусничные, гонобобелевые, малиновые; морсы малиновый, черничный и т. п. Кроме питей, на Сытном дворце сохранялись: виноград, арбузные и дынные полосы, яблоки свежие, яблоки в патоке, в сыте, в квасу, дули свежие, дули в сыте, сливы и вишни соленые, груши, анис, хмель, бадьян, кишнец, оливы, трава каприс, смокви, финики, рожки, орехи грецкие и т. п. Чтобы дать понятие о количестве подобных запасов, упомянем, что в 1702 г., по случаю общей переписи всех запасов, на Сытном дворце находилось, напр., 125 бочек вина ренского, 229 бочек церковного, 795 ведр водки приказной и боярской; 20 060 ведр вина двойного и простого, 697 пудов воску, 4909 пудов меду-сырцу, 4068 ведр разных медов, 152 ведра гонобобелю, 102 ведра брусницы, 200 ведр морсу черничного, 82 пуда анису, 45 717 яблок свежих, 1090 в патоке, 1100 в сыте, 7300 дуль свежих, 4000 в сыте, 83 500 слив соленых, 1195 четвертей солоду ячного, 198 пудов хмеля, 4165 ведр пива, 2761 ведро браги, 9320 ведр квасу, 52 920 свеч восковых.

У Троицких кремлевских ворот стояло несколько каменных *житниц* с необходимыми запасами для трех упомянутых дворцов; главный же дворцовый *Житный*, или *Житничный*, двор находился под Кремлевскою горою, у Водовзводной башни. Всех житниц при царском дворце было до трехсот.

Вне Кремля, у Водовзводной башни, при впадении речки Неглинной в Москву-реку, стояла мельница; у Боровицких ворот, у моста, другая; у Троицких кремлевских ворот, или у Старого Каменного моста, третья. На этих трех мельницах молотось также царское жито. Один из прудов, здесь бывших, назывался *Лебединым*, потому что на нем плавали и береглись царские лебеди — первое кушанье того времени. У пруда стоял *Лебединый двор*. Подле этого места один переулочек и теперь носит название Лебязьего.

От теремной церкви Рождества Богородицы до Колымажных ворот верхние и средние палаты того же длинного корпуса занимал приказ Большого дворца. Наруж-

ная лестница к его палатам, выходявшая к Конюшенному дворцу, именовалась *Дворцовой*, также *Каретною*.

Колымажные ворота, прозывавшиеся также и *Красными*, а с конца XVIII ст. *Гербовыми*, или *Гербовою башнею*, по изображению на них разных гербов на изразцах и наверху орла с московским гербом, были построены именно в виде башни и имели в проезде две сажени ширины, 1 саж. в проходной калитке и 4 саж. в длину проезда. В этом проезде пол был настлан дощатый железный *прутчатый*.

Против Колымажных ворот и приказа Большого дворца, вдоль Кремлевской стены, начиная от Боровницких ворот, где ныне здание Оружейной палаты, был расположен Конюшенный дворец, занимавший пространство в длину на 51 сажень. Посредине его корпуса находились ворота во двор и возле них крыльцо. От этого крыльца в верхнем этаже на левую сторону шел ряд палат, числом 6, на 25 саж. в длину и 4 саж. в ширину; и в правую сторону шел также ряд шести палат в длину на 26 саж. при той же ширине. Вдоль палат были переходы в 2 саж. ширины. Под верхними палатами в нижнем этаже на всей длине корпуса расположено было 6 больших палат; в середине их находились упомянутые ворота, над которыми высилась башня.

Далее у Кремлевской же стены был расположен *Потешный дворец*, заключавший в себе рядом с палатами Конюшенного дворца две палаты поперечных (относительно стены) по длине на 14 саж., поперек 7 саж. По всему вероятно, эти две палаты были построены царем Алексеем для театра. Затем вдоль стены на протяжении 54 саж. тянулся ряд палат, числом 5 больших и 1 малая, в 4 саж. ширины.

Еще далее, к самым Троицким кремлевским воротам, у Кремлевской стены стояли три обширные поварни, в которых «приспевали всякое кушанье» для больших званых общих столов. От Хлебного дворца на эти поварни были особые переходы. От Колымажных ворот до Ответной палаты по краю горы протягивалась набережная часть дворцовых зданий. Здесь от церкви Иоанна Предтечи на 30 саж. в длину расположен был каменный корпус в два этажа, в палатах которого в XVII ст. помещались: Старый Денежный двор, Иконный терем, палаты Резных и Столярных дел и некоторые другие дворцовые заведения. Сюда же в конце XVII ст. в одну из палат была переведена царская Аптека.

Далее к востоку от этого корпуса высился Сретенский собор. Он занимал пространство, алтарь и церковь, в длину 7 саж., в ширину 4 саж. В нем было 19 окон с слюдяными вставнями вышиною $2\frac{1}{2}$ арш., шириною $1\frac{1}{2}$ арш.; в пяти его главах окна, также слюдяные, были вышиною $2\frac{1}{2}$ арш., шириною пол-аршина; пол был дубовый косячатый; трои двери железные створчатые, вышиною 4 арш., шир. $1\frac{1}{2}$ арш. Около церкви была крытая паперть, шириною в $1\frac{1}{2}$ саж. с перилами. С южной стороны в соборе находился придел во имя Николая чуд. с особою трапезою. Собор был построен над проездными воротами, которые вели со двора от Спаса на Бору на *Запасный двор*.

Этот Запасный двор, называвшийся в XVIII ст. *Комиссариатским двором*¹, построенный, как упомянуто, царем Борисом Годуновым, в самой Кремлевской береговой горе, *на взрубке*, состоял из двухэтажного каменного корпуса, стоявшего внизу под горою лицом к Кремлевской стене в длину по лицевой стороне на 52 саженьях, по сторонам которого в гору проходили его крылья на 18 саж. длины, примыкавшие к набережной линии дворцовых зданий, где высился Сретенский собор с воротами под ним. Внутри этого лицевого корпуса и его боковых крыльев и устроился особый двор в 40 саж. длины и в 18 саж. ширины.

Наверху этого корпуса при Годунове стояли его деревянные хоромы, сломанные первым Самозванцем, который, вероятно, на том же месте, построил свои хоромы (см. выше). Они на самом этом месте указаны на плане Москвы 1610 г.

Впоследствии, вместо хором, здесь устроен был *Верхний Набережный сад* над лицевою стороною корпуса и над его одним крылом, стоявшим вблизи церкви Иоанна Предтечи и дворцовых Колымажных ворот. Сад таким образом расположен был в виде глаголя в ширину корпуса на 9 саженьях и в длину по лицевой стороне на 40 сажень и по крылу на 26 саж., всего на 66 саж. длины и заключал в своем пространстве 594 квадратных сажени. Боковой задний конец сада выходил, как упомянуто, к церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, от кото-

¹ В это время в нем сохранялись запасы хлеба и соли. В 1750 г., когда на месте Набережного Нижнего сада назначено было выстроить новый дворец, при архитектурском осмотре темных погребов, находившихся под стеной сада, в нижнем «апортаменте», в угольном погребу, что от Гайницких ворот, нашли несколько кулей соли бузуну. После многих справок не могли, однако ж, открыть, какому ведомству принадлежала эта соль и когда была положена в погреба. (Дела Гоф-интенд. конторы.)

рой под садом существовали кривым коленом проезжие ворота на тот же Запасный двор. Над этими воротами и над угловою палатою здания в саду был устроен каменный выложенный свинцом пруд длиною около 5 саж., шириною около 4 саж., глубиною в 2 аршина.

Сад был обнесен каменною оградою, украшенною каменными балясами, в которой было 109 окон, или пролетов.

Возле этого *Верхнего* при царе Федоре Алекс. в 1681 г. был разведен *Нижний Набережный сад*, с набережной стороны Ответной и Столовой палат, простиравшийся в длину на 25 саж. и расположенный также на верху особого здания с круглою башнею на углу, против кремлевских Тайницких ворот. *Нижним* этот сад стал прозываться в отличие от *Верхнего*, потому что был расположен ниже *Верхнего* на целый этаж дворцовых зданий. Он находился в уровень с подклетными этажами дворца. От Сретенского собора в этот сад лестница состояла из 37 ступеней.

На царском дворе, в XVII столетии, было несколько верховых, т. е. хоромных, так сказать, комнатных садов, которые все назывались *красными*, в смысле изящных, красивых, как в отношении цветов и растений, которыми они были насажены, так особенно по внешней их уборке, по обыкновению весьма пестрой и узорочной. В старину сад составлял необходимую принадлежность каждого сколько-нибудь зажиточного или достаточного хозяйственного двора, наравне с другими хозяйственными и домашними статьями. Немудрено, что и в царском быту мы находим *верховой* комнатный сад при каждом особом отделении дворца, или, точнее сказать, у каждого отдельного хозяйства в царской семье. Так, особые сады находились при комнатах государя, старших царевичей и бóльших, т. е. старших, и меньших царевен. Все *верховые* сады были расположены на каменных сводах, над палатами и погребями, почему их можно назвать *висячими*.

Наши сведения о *верховых* садах до конца XVII ст. ограничиваются очень немногими указаниями, не дающими возможности определить, в каких именно местах находились эти сады.

Есть свидетельство, что еще в 1623 г. садовник Назар Иванов, *уряжая* государев сад в *Верху*, т. е. во дворце, выбирал и выискивал по всем садам Москвы лучшие яблони, груши и высадил в этот сад своих собственных «три

яблони большие наливу да грушу царскую». Затем известно, что в 1635 г. садовники Иван Телятевский да Тит Андреев строили сады в Верху и на Цареборисовском дворе, а садовник Никита Родионов в это же время ударил челом, т. е. поднес царю Михаилу и сыну его царевичу Алексею¹ в их сады яблони и груши. Далее, в 1636 г., в марте, в *новый верхний государев сад* обито сукном багрецом червчатым, на хлопчатой бумаге, государево место. Был ли это известный впоследствии набережный сад, возобновленный и перестроенный, или под словом *новый* должно разуместь особый комнатный сад — решить трудно. Известно, что на внутреннем дворе дворца, близ церкви Спаса на Бору, со стороны ее алтарей, находился особый сад, который расположен был возле Столовой избы и против государевой Постельной комнаты. В этом саду в 1643 г., после кровопускания у царя Михаила Фед., хоронили в ямку его царскую руду (кровь) (Акты истор. III, № 228).

По всему вероятно, это был один из самых старых верховых садов и, может быть, существовал еще при царе Иване Вас. Грозном, постельные хоромы которого находились тут же, позади Средней Золотой палаты. Таким образом, иные из вышеприведенных сведений могут относиться и к устройству именно этого сада. Быть может, к этому же саду относится и указ царя Алексея Мих. 15 апреля 1657 г., которым он повелевал «построить в своем государеве верхнем саду всякие розные цветы, дохтуру (а не простому садовнику) против того как построено в Обтекарском саду, не испустя времени»².

В 1674 г. царь Алексей Мих., после всенародного объявления царевича Феодора, торжественно прошел с ним через этот сад в хоромы царицы Натальи Кирилловны мимо Царицыной Золотой палаты³.

В 1681 г. этот сад вместе с Столовою избою был разобран и на том месте была выровнена площадь (М., № 8). Все садовое строение тогда было перенесено на набережное место за Ответную палату, где в тот год с апреля и был разведен новый *Набережный сад*, известный под именем *Нижнего*, потому что он на целый этаж был ниже *Верхнего*.

Собственно *комнатные сады* или *сады, что на сенях*, к которым принадлежал и помянутый старинный сад,

¹ Расходные книги Казенного приказа 7143 г. № 766.

² Материалы для истории меццанья в России. Спб., 1884. Вып. 3. С. 667.

³ Выходы государей царей... С. 682.

устроивались подле самых хором и среди разных построек, которыми загромождены были внутренние части дворца. Мы уже сказали, что при каждом особом отделении был свой особый садик. В 1635 г. для царевича Алексея Михайловича, как упомянуто, разведен был подобный сад, вероятно, где-нибудь подле Каменного Терема, который только что был построен для царевича. В 1664 г. для царевича Алексея Алексеевича, вероятно, также подле его хором, устроен новый сад, в котором тогда расписали красками (суриком преимущественно) решетки. В 1665 г. упоминается *верхний новый сад* государев, может быть, тот же самый, в котором тогда расписывали суриком столбы и в который, в марте 1666 г., велено было сделать «место деревянное точеное и написать (его) разными цветными красками, а на верху сделать орел двоеглавой с коруною и вызолотить, и обить место сукном багрецом червчатым добрым, а на место сделать подушку киндяшную и наслать в ней бумагою хлопчатую». Место расписывал иконописец Фед. Евтифеев. В 1667 г. этот сад называется уже *Красным садом, что на сенях*. В мае этого года в нем висели *соловьевые* клетки, обтянутые зеленым киндяком. В 1668 г. в том же саду поставлено новое царское место, украшенное живописью. В 1673 г. расписаны перила и двери в верхнем саду у царевича Федора Алексеевича. Со вступлением на царство, он в 1679 г. развел себе *новый сад* возле Екатерининской церкви к Патриаршему двору. В 1680 г. в этом *новом* верхнем своем саду он поставил резной деревянный чердак (беседку), расписанный узорочно красками. Доски, украшавшие его, были вырезаны против того, как вырезаны у чердака в Аптекарском саду. Тогда же расписали красками в этот сад 15 решеток, 10 дверей больших с обе стороны, 100 столпов круглых да 100 каптелей; базов и маковиц по сту ж, да у 37 столпов четвероугольных прописали дорожки. В этот *новый деревянный верхний сад* вели из дворца каменные переходы с окнами, в которых вставлены были балясовые станки с косячатыми решетками, также расписанными красками.

От теремной церкви Слоущего Воскресения, возле которой находились и хоромы государя, в этот сад вела особая лестница. Сад был расположен с северной стороны Екатерининской церкви, которая составляла нижний ярус под церковью Слоущего Воскресения. Он существовал и с плодовыми деревьями до половины XVIII столетия.

Неподалеку от этого сада, перед каменными хорами царевен меньших, со стороны Патриаршего двора, в 1681 г. был устроен сад и для царевен. В 1693 г. в нем сделаны были около гряд кружала и ящики для цветов, что возобновлялось почти каждый год.

В 1685 г. упоминается о саде, что на верхних хорах на Потешном дворе, который покрыт был тогда сетями, вероятно, для защиты деревьев от птиц.

Подле хором царицы Натальи Кирилловны и малолетнего царя Петра Алексеевича, как обозначено выше, находился также комнатный сад. В 1682 г., в апреле, этот сад зашивали лубьем (досками) со стороны каменных портомойных палат до *Потешной площадки*, с которой в сад была сделана тогда же лестница. Эта Потешная площадка была устроена у комнат маленького Петра. На ней будущий преобразователь потешался воинскими играми с малыми *ребятками*, которые набраны были ему в товарищи. Здесь стоял *потешный шатер* и *потешная изба*, представлявшие, может быть, воинский стан; здесь же помещался *потешный чулан*, обнесенный балясами. Кроме этих построек, на площадке находился рундук с колодами, на которых ставили *рогатки* и стояли деревянные *пушки* на станках, или лафетах, *полковых* и *волоковых*, расписанных, как и самые пушки, красками и убранных оловянными каймами, клеймами, орлами и другою подобною оправою. Ядра, которыми стреляли из пушек, были обтянуты кожей.

В 1685 г. этот сад перестроен. Он назывался новым *верховым каменным садом* и помещался на каменных сводах, длиною 10 саж., поперек 4 саж. На покрытие площади для сада вышло около 640 пудов свинцу, из которого водовзводного дела мастер Галактион Никитин лил доски, покрывал ими своды и прочно их запаивал. В апреле в это свинцовое вместилище наносили хорошо просеянной земли, глубиною на аршин с четвертью, для рассадки растений; сделали гряды и ящики для цветов; огородили весь сад решеткою с балясами и с прорезною дверью и расписали ее черленью (красною краскою). В 1687 г. сюда проведена была вода посредством свинцовых труб и водовзводных ларей и устроен *прудок*. В это время в саду росли уже *цареградский орех*, *грецкие орехи* и кусты *сереборинников*. К зиме их закрывали *рядными* рогожами и войлоками; орехи сидели в *струбах*, или грунтах.

После этот Красный Верхний сад принадлежал уже

царевичу Алексею Петровичу, который жил здесь же, в отцовских хоробах; в июне 1697 г. в саду вновь поставлен был возобновленный чердак (беседка) царевича столярской работы на брусяном рундуке, расписанный «с лица красным аспидом, столбы цветным аспидом же, дорожки блягилем, гзымз розными краски; внутри лазоревым аспидом». Створные дверцы расписаны были теми же красками. В 1737 г., когда вместе с дворцом этот сад был запущен, в нем еще оставалось 24 яблони и 8 груш, которые и сгорели в известный пожар.

Все вообще верховые сады были разбиты на несколько цветников и гряд, между которыми шли дорожки для прогулок, обложенные не дерном, а досками, так что цветники и гряды находились собственно в ящиках. Кроме того, дорожки между кустами отделялись столбиками, в которые утверждены были *грядки*, то есть жерди, раскрашенные, вместе со столбиками, разными красками. Черная земля во все сады привозилась из замоскворецких Берсеневских садов и даже с *мостов*, то есть с деревянных бревенчатых мостовых тогдашних московских улиц, которые вообще изобиловали грязью и доставляли отличный чернозем. Из цветов здесь росли пионы махроватые и семенные, коруны, тюльпаны, лилии белые и желтые, нарцица белая, розы алые, цветы венцы, мымрис, орлик, гвоздика душистая и репейчатая, филорожи, касатис, калуфер, девичья красота, рута, фиалки лазоревые и желтые, пижма, иссоп и разные другие, которые росли не только в кремлевских, но и в загородных царских садах.

В летнее время во всех верховых садах висели клетки с канарейками, ракетками, соловьями и даже попугаями. Но любимая нашими предками и преимущественно садовая птица была пелепелка (перепелка). В 1667 г., при царе Алексее Михайловиче, в комнатном саду висело несколько клеток с пелепелками; сетки у этих клеток были шелковые. Такие же пелепелочные клетки висели и в Набережных садах.

Набережные сады были устроены на верху особых каменных двухэтажных зданий, стоявших на *взрубке*, то есть в самом откосе Кремлевской береговой горы и опускавшихся своими фасадами на уровень Кремлевского Подола. Когда был впервые разведен *Верхний Набережный сад*, точных сведений мы не имеем. Находившееся под ним здание было построено Годуновым на месте, где были хоромы царя Ивана Вас. Грозного, деревян-

ные, стоявшие, вероятно, на деревянном же *взруб*, взамен которого Годунов выстроил каменный с палатами. По всему вероятно, здесь же, на этом каменном здании, стояли и годуновские хоромы, сломанные Самозванцем, который здесь же построил себе новый дворец, откуда и выбросился на *Житный двор* (стоявший внизу, в углу Кремлевской стены, у Боровицких ворот). Местность была очень привлекательная по обширности и красоте видов на всю Замоскворецкую сторону Москвы.

Прямые, хотя и очень краткие свидетельства об устройстве Верхнего Набережного сада относятся уже к концу XVII ст. Больше сведений сохранилось о Нижнем Набережном саде.

Как упомянуто, он был устроен из старого сада в 1681 г. Каменное здание, над которым стали разводить этот сад, тогда же было укреплено со стороны Тайницких ворот каменным быком (контрфорсом), шириною в 3 саж. и вышиною против такого же быка, каков был у того же сада со стороны Житного двора. Самый сад был огорожен с набережной стороны каменною стеною с окошками, а с внутренней стороны — решеткою. В окна также были вставлены решетки. На углу от Тайницких ворот была построена круглая башня и возле нее четыре палаты. В саду был устроен пруд и водовзводный чердак (род беседки). Для цветников сделаны *творила*, столбики, репья, причелины.

Устройство сада, начатое с особою заботливостью царем Федором Алексеевичем, было остановлено по случаю его кончины 27 апреля 1682 г. и последовавшей затем стрелецкой смуты. Но в следующем году (1683) оно продолжалось без отлагательства, вероятно, по мысли покойного государя. В этом году весь сад был украшен *перспективным письмом*, т. е. различными картинами и другими изображениями, которыми были покрыты стены, чердаки (беседки), столбы, решетки и пр. и которые исполнял в течение всего лета дворцовый живописец иноземец Петр Энглес, получавший за эту работу кормовых денег в каждый месяц по 10 рублей. Можно предполагать, что по его же чертежу раскинут был и самый сад, что он же руководил и декоративною рассадкою растений в том порядке, как требовали его живописные работы. Стоявшие в саду каменные четыре палаты были украшены живописью еще в 1681 г.

В одно время с этим Нижним садом устраивался и украшался и Верхний сад. В 1681 г. в нем устроен был

пруд, длиною около 5, шириною около 4 саж., глубиною в 2 арш., для чего все место для пруда, как равно и под садом, было выложено свинцовыми досками. Вода в пруд была проведена посредством свинцовых же труб из Водовзводной кремлевской башни, для чего в саду был построен *водовзводный чердак*. О местоположении этого пруда и устройстве Верхнего сада мы упоминали выше.

Этот пруд особенно достопамятен потому, что он был, кажется, самым первоначальным поприщем потешного мореходства для малолетнего царя Петра, который плавал здесь в *лодках* и *комягах*, в потешных *карбусах* и *ошняках*. В июне 1682 г. плотники делали на этот пруд лодки и тесали тес на дело *карбуса*, а в 1683 г. сюда же сделаны были два *потешные карбуса* и *потешный ошняк* с *чердаками*, или беседками, узорочно украшенные резьбою и расписанные красками. В 1684 г. эти *потешные* суда были починены и вновь куплены у торговых людей *лодка* и *комяга* (род лодки однодеревной) с веслами, лодка за 2 рубля, комяга за 29 алт. 4 денги. В последующие годы те же потешные *карбусы*, *шняги*, *суды* и *стружки* появились уже в Преображенском на Яузе и в Измайлове на тамошних прудах¹.

В последующие годы Набережные сады всегда поддерживались в должном порядке, заботливо обстроивались и обновлялись. В 1687 г. возобновлена и приведена в лучшее устройство водовзводная часть садоводства, для чего у Верхнего сада была выстроена особая *водовзводная башня*, передававшая воду в сады из Кремлевской башни. Верх ее был украшен часами, а в середине помещалась машина. В 1691 г. оба сада обнесены новыми решетками на столбах с дугами и балясами. Быть может, в эти же годы в садах были построены и ранжерейные палаты, по шести в каждом саду, которые существовали до пожара 1737 г. Они отапливались муравленными изразцовыми печами и в летнее время от птиц защищались медными сетками.

Что касается растений, которыми были насажены оба Набережные сады, то должно заметить вообще, что старинные наши сады по преимуществу были плодовые, а потому и в Набережных садах, кроме цветов и трав, также большею частию полезных для снеди или лекарственных, собственно аптекарских, росли только плодо-

¹ Дела Дворцовых приказов: расход лесных материалов и записки о плотничьих работах. См. в *Материалах*, № 95.

вые деревья и кусты. В 1682 г. здесь рос *виноград* и посеяны были *арбузы*.

Весною 1683 г. (апреля 20-го) в сады потребовались следующие садовничьи предметы, растения и семена: из московских садов велено было взять на выбор 11 яблоней, 40 кустов смородины красной доброй; потребовано 100 кустов гвоздики и семян: 2 фунта анису; гороху гречского и бобов по фунту; полфунта моркови, фунт семени огуречного; шафеи (шалфею), темьяну, марьяну по полуфунту, фунт тыкового семени. Для садовничьих работ требовалось: три лотка да корыто, три ушата, 5 шаек, пучок мочал, 5 лубов москворецких, два заступа, топор, лейка жестяная, две пилы, 10 гривенок вару, 3 фунта воску, 10 метел, веников тож, да переменить 3 лейки. В то же время на крышку всяких трав от птиц взято 10 саж. сетей неводных, а в 1693 г. для покрывки дыней и арбузов употреблено 60 рогож.

Пред самую кончину царя Федора Алексеевича садовники его верхового комнатного сада, работавшие и в Набережных садах, русские люди Давыдко Васильев Смирнов и Дорофейко Дементьев, стали спорить с новым садовником Турченином Степаном Мушаковым, который также был приставлен к дворцовому садоводству. 31 марта 1682 г. они подали государю челобитную, где описывали следующее: «В прошлом, Государь, в 187 (1679) г. марта 21-го взяты мы, холопы твои, по твоему В. Государя имянному указу в твой Государев новой в Красный сад в садовники к садам разводить; а сажали мы всякий овощ, яблони и груши, виноград и серебрянник (шиповник) красной и белой, и смородину, и дыни, и огурцы, и тыквы, и всякие цветы, и сеяли с Немчином с Кондратьем Филиповым да с Петром Гавриловым (Энглесом), а ево Степана Турченина розводу было: арбузы сажал, анис сеял. Да мы же сажали с ним Степаном в Нижнем Саду 12 пучков винограду. А он Степан Турченин, опричь тех арбузов и анису, ничего не знает и иных розных и трав не знает. А он Степан тут же к нашей работе пристаает, а взят он в твой Государев сад только в прошлом в 189 (1681) году». «Милосердный Государь, — оканчивали челобитники, — пожалуй нас, холопей своих, вели Государь нам быть у своей старой работишки, у твоего Государева садового строенья, кои мы сады разводили в твоём новом Красном каменном саду (Нижнем Набережном) и на Денежном Старом Дворе (в Верхнем Набереж-

ном), а с ним Степаном не вели нам быть, и вели Государь ему Степану разводить вновь, что он знает». В тот же день велено было «допросить Турченина: те сады он строит и во всем один надзирать и разводить умеет ли, и силу в деревьях и цветах и травах знает ли?»

Для челобитчиков дело приняло совсем неожиданный оборот. Они заведовали только Нижним Набережным садом и намеревались овладеть заведованием и других двух садов, удалив оттуда Турченина. Но Турченин, наименованный садовником Красного Верхнего и Нижних садов, по допросу сказал, «что ему Набережного сада садовники Давыдко и Дорофейко не надобны, потому что-де они ничего не знают и со всякое огородное дело их не стало б; а он Степан в садах, которые писаны выше сего, всякие дерева и коренья и цветы и семена и иные статьи, которые принадлежат к аптекарским Великого Государя делам, все и силу их знает и во всех садах он Степан *один* может во всем надзирать и разводить. Ему Степану надобно в три сада шесть человек работников добрых, не пьющих, только в лето, и в зиму не надобны».

Так как это дворцовое садоводство находилось в ведении Аптекарского приказа, то начальник его, боярин князь В. Ф. Одоевский, имевший для того должные основания, приказал: у тех садов быть в садовниках Степану Мушакову, а Давыду и Дорофею отказать, и дать ему, Степану, на лето работников 4 человека¹.

По дворцовой отчетности 1702 г. в Верхнем Набережном саду было *садового строения*: сто тридцать яблоней наливу, скруту, аркату; двадцать пять груш сарских, волоских; восемь кустов винограду, один куст байбарису, двадцать три куста серебориннику, красного и белого; четыреста десять кустов смородины красной, шесть кустов пиона красных, девять ящиков гвоздики. В 1737 г., когда дворец был уже оставлен, в известный пожар, в Верхнем Набережном саду сгорело: «дерев яблонных 95, дульных 15, грушных 26, грецкого ореха 1; смородины 285 кустов, крыжовнику 98, байбарису 8, серенья 15, розену красного 20, желтого розену 4, белого розену 24, и сто горшков с разными деревьями и цветами, «которые вынесены были сюда из ранжерей».

В Нижнем саду, в 1702 г., садового строения было:

¹ Материалы для истории медицины в России. Спб., 1885. Вып. 4. С. 1287.

шесть кустов старого винограда, 13 кустов сереборинника красного, 12 кустов белого, 10 кустов красной смородины, малины десять кустов да восемь гряд; 20 кустов смородины черной, тысяча тюльпанов цветных, три тысячи средних и мелких, восемьдесят крон цветных, семьдесят нарсис, восемьдесят два куста лилей желтых, два ящика шалфеи, два ящика руты, шестьдесят кустов зори, ящик красной и белой рожницы, пять ящиков гвоздики. В пожар 1737 г. в этом саду погорело: дерево грецкого ореха и с деревянным срубом, молодых грецких орехов 28, виноградных 24, яблонных 42, дульных 6, грушных 9, сливных 6, вишневых 12, розену брусничного 14, розену белого 48, желтого розену 6, серенья 16, байбарису 12, гвоздики махровой ранжерейной, пересаженной из горшков в гряды, — 85; сверх того, в то же время здесь сгорели «от прошлых годов остаточные сухие травы, которые лежали в башне, что подле саду, маерам, базилик, темьян, чабер, укроп».

В заключение этого обозрения верховых садов должно упомянуть, что цари вообще любили садоводство, которое занимало самое видное место в их домашнем хозяйстве. Здесь неуместно распространяться о разных других садах, существовавших не только в Москве и ее окрестностях, но даже и во многих городах. По переписи 1702 г. царскому обиходу принадлежало 52 сада, огород и набережные Берсеневские и другие сады в Москве. Садового строения во всех этих садах было: 46 694 дерева яблонных, кроме почек, прививков и пеньков; 1565 д. груш; 42 д. дуль; 9 136 д. вишень; 17 кустов винограду; 582 д. слив; 15 гряд клубники; 7 д. орехов грецких, куст кипарису, 23 д. черносливу, 3 куста терну, 8 д. кедру, 2 д. пилты, 2 д. черешнику; и, сверх того, множество кустов и гряд вишен, малины, смородины красной, белой и черной; крыжу, байбарису и серебориннику, или шиповнику, красного или белого. В том числе в одних только московских садах было: 14 545 д. яблонных, 494 груши, 2 994 д. вишен, 72 гряды малины, 14 кустов винограду, 192 сливы, 260 гряд да 252 куста смородины красной, 74 гряды черной. Все садовое *слетье* верховых и аптекарских садов подавалось про государев обиход в кушанье. Из всех остальных садов, московских и городских, часть поступала также на обиход государя, а остальное продавалось.

При обозрении верховых садов мы упоминали о прудах, которые наполнялись водою посредством водо-

взводной машины, устроенной еще при царе Михаиле Фед., в 1633 г. англич. Галовеем в наугольной кремлевской башне, от Боровицких ворот, называвшейся прежде Свибловой, а с того времени получившей название Водовзводной. В нижнем этаже этой башни находился белокаменный колодезь с трубою, проведенною из Москвы-реки, из которого вода поднималась лошадьми в верхний колодезь, выложенный свинцом. Отсюда уже вода проходила свинцовыми трубами в водовзводную палатку, стоявшую подле Старого Денежного двора, у Верхнего Набережного сада. Из палатки вода шла также свинцовыми трубами, лежавшими в земле, по разным направлениям, в верховые сады, на Сытный, Кормовой, Хлебный, Конюшенный и Потешный дворы, на поварни и в разные приспешные палаты, в которых находились особые водоемы, *водовзводные лари*, выложенные также свинцом и опаянные английским оловом. Водовзводная машина, по свидетельству иностранцев, стоила несколько бочонков золота. После пожара в 1737 г. из пруда в Верхнем Набережном саду вынута было обгорелого свинца 176 пудов 10 фунтов. Все водовзводное дело с починкою свинцовых труб и разных снастей отдавалось на подряд за 200 рублей на год. С 1683 г. подрядчиком был водовзводного дела работник Галахтион Никитин¹.

Дополним сведения о дворцах Конюшенном и Потешном:

От Боровицких ворот, возле Кремлевской стены, в гору, как было упомянуто, тянулось здание дворца *Конюшенного*, или *аргамачьих конюшен*, в которых стояли государева седла, аргмаки, жеребцы, лошади, мерины, иноходцы. Здесь же была и *санниковая* конюшня, на которой стояли *санники*, каретные и колымажные *возники*, то есть упряжные лошади, ходившие в санях и колымагах. Число лошадей на этой царской конюшне простиралось до 150. Летом большую часть их отводили в Остожье, или на государев *Остоженный двор*, находившийся недалеко от Зачатьевского монастыря, в Москве. От него осталось теперь только одно название улицы Остоженки. Отсюда лошадей выгоняли каждый день

¹ Он дожил до пожара 1737 г. и рассказал в то время, что «от водовзводной башни до дворца до водовзводной палатки лежит в земле труба свинцовая; да во дворец от водовзводной палатки до поварни, что на Сытном дворец, труба ж свинцовая лежит в земле; да от той же водовзводной палатки труба же лежит в земле свинцовая на Хлебный дворец, до угла, что под церковью Петра и Павла».

на обширные в то время москворецкие луга, под Новодевичьим монастырем, где они и паслись под надзором стадных конюхов. Ворота Конюшенного дворца находились прямо против Красных, или Колымажных, ворот царского дворца. Они были украшены высокою башнею, в которой находились часы, что подтверждается следующим известием: «В 1680 г. токарь Евтюшка Антонов делал и точил к часам на Конюшенный двор векши, к колокольному подъему, что в башне, над вороты». Самые Колымажные ворота названы так потому, что возле них находились сараи с царскими колымагами и разными другими экипажами. Подле Конюшенного дворца стоял дворец Потешный, бывший двор царского тестя И. Д. Милославского, сохранившийся доньше и недавно возобновленный. При нем была церковь Похвалы Богородицы с приделами, мерою и с алтарями длины 5 саж., шир. 6 саж. 1 арш. У ней было три крыльца; кровля была *крыта на шесть шатров медными целыми листами* и клиньями. Кроме «комидейных действий», которые здесь были даны в первый раз¹, о чем мы упоминали, на Потешном дворе устраивались также и старинные русские потехи, напр., *скатные горы*, обыкновенная масленичная потеха. При Петре здесь же в особой палате *бывал съезд к славленью*, на известные потехи во время рождественских праздников. Впрочем, к концу XVII столетия, Потешный дворец приобрел значение собственно дворца, потому что по смерти царя Федора, при разделении царской семьи на несколько особых партий по родству, этот дворец, удаленный от главного помещения фамилии подле Терема, послужил весьма приличным отделением для помещения царевен и вдовствующих царниц. С этою целью он был значительно распространен новыми пристройками и великолепно украшен как внутри, так и снаружи. В XVIII ст., когда все другие здания Кремлевского дворца обветшали, он один только служил наиболее удобным жилищем для императриц Анны и Елисаветы, во время их приездов к коронации, и оставался со значением дворца до конца XVIII ст. В 1806 г. он был отдан для помещения коменданта.

Кстати, сообщим несколько подробностей о башенных *часах*, которые были совершенно необходимы во

¹ Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1, ч. 2. С. 317 в след.

дворце по многочисленности живших и работавших там должностных лиц, крупных и мелких, обязанных или явиться, или приготовить что ко времени, к назначенному часу. Употребление карманных, или *зепных*, часов в то время было весьма незначительно, частью по их редкости и дороговизне, потому что русского часового производства почти не существовало и русские мастера карманных часов были такою же редкостью, как и самые часы русского производства; а к тому же и немецкие часы, которые все-таки достать было легче, хотя и за дорогую цену, по своему разделению времени не соответствовали русским и, следовательно, были неудобны для употребления. Русские часы делили сутки на часы дневные и на часы ночные, следя за восхождением и течением солнца, так что в минуту восхождения на русских часах бил первый час дня, а при закате — первый час ночи, поэтому почти каждые две недели количество часов дневных, а также и ночных, постепенно изменялось следующим образом, как записано в тогдашних святцах:

В начале сентября, с которого начинался тогдашний новый год, именно с 8 числа, било 12 часов дня и 12 часов ночи; с 24 сентября 11 ч. дня и 13 ч. ночи; с 10 октября 10 час. дня и 14 ч. ночи; с 26 октября 9 ч. дня и 15 ч. ночи; с 11 ноября 8 ч. дня и 16 ч. ночи; с 27 ноября 7 ч. дня и 17 ч. ночи. В декабре (12-го числа) был возврат солнцу на лето и потому часы оставались те же. Затем с 1 января било 8 часов дня и 16 ночи; с 17 января 9 ч. дня и 15 ч. ночи; с 2 февраля 10 ч. дня и 14 ч. ночи; с 18 февраля 11 ч. дня и 13 ч. ночи; с 6 марта 12 ч. дня и 12 ч. ночи; с 22 марта 13 ч. дня и 11 ч. ночи; с 7 апреля 14 ч. дня и 10 ч. ночи; с 23 апреля 15 ч. дня и 9 ч. ночи; с 9 мая 16 ч. дня и 8 ч. ночи; с 25 мая 17 ч. дня и 7 ч. ночи. В июне, 12-го числа, возврат солнцу на зиму — часы оставались те же, что и с 25 мая. С 6 июля било 16 ч. дня и 8 ч. ночи; с 22 июля 15 ч. дня и 9 ч. ночи; с 7 августа 14 ч. дня и 10 ч. ночи; с 23 августа 13 ч. дня и 11 ч. ночи.

По такому разделению суток и устраивались наши старинные часы, именно в Московской стороне, потому что существовала, напр., разница между часами московскими и новгородскими, как замечено и летописцем. Так в 1551 г., 9 мая, ночью случился пожар в новгородском Юрьеве монастыре: летописец замечает, что загорелось «в третий час нощи по московским часам

(по теперешнему счету в 11-м часу ночи), а по новгородским часам на шестом часу на nocturno»¹. Новгородские часы по этому свидетельству, по-видимому, делили сутки пополам, на две равные части, по 12 часов в каждой, считая первый час также с восхождения солнца. Однако не ручаемся за верность этого предположения.

За редкостью и дороговизною карманных часов, как мы упомянули, в большом употреблении были часы башенные, составлявшие общее достояние жителей каждого города и почти каждого монастыря, потому что и монастыри, особенно удаленные от городов, всегда строили для себя такие же часы.

Мы уже знаем, что во дворце московских князей часы были поставлены еще в 1404 г. С распространением города и особенно большого посада, впоследствии Китай-города, где сосредоточивалась торговля и всякого рода промышленность и где, следовательно, знать время для всякого было необходимою, — потребовалось устроить часы и на пользу всех обывателей. Вероятно, прежде всего такие, собственно городские, часы были поставлены на Спасских, или Фроловских, воротах, на самом видном месте для торговых и промышленных людей. А так как Кремль построен треугольником, то весьма удобно было и с других двух сторон открыть городу показание времени, тем более, что в этом очень нуждался и дворец государев, назначавший всему час и время, когда приезжать видеть пресветлые очи государевы, когда собираться в думу, на выход, на обед, на потеху и т. д. Кроме того, расположенные таким образом башенные часы с большим удобством показывали время и для всех *служб* и должностей обширного дворца. Действительно, в конце XVI в. в 1585 г. башенные часы стояли уже на трех воротах Кремля, с трех его сторон: на *Фроловских*, или *Спасских*, на *Ризположенских*, ныне *Троицких*, и на *Водяных*, что против *тайника*, или *Тайницких*². Часы стояли в деревянных шатрах или башнях, собственно для этой цели построенных на воротах. При каждом часах находился особый часовник, а при *Ризположенских* даже двое, которые наблюдали за исправностью и починками механики. В начале XVII ст.

¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 154.

² ДАИ. Т. 1. С. 208.

упоминаются часы и на Никольских воротах¹. В 1624 г. *старые боевые часы* Спасских ворот были проданы на вес Спасскому ярославскому монастырю, а вместо их построены новые, в 1625 г., англичанином Христофором Галовеем², который для этих часов тогда же выстроил над воротами, вместо деревянного, высокий каменный шатер в готическом вкусе, украшающий ворота и до сих пор. При этом русский колокольный литец Кирило Самойлов слил к часам 13 колоколов. Часы, след., были с *перечасьем*, или с музыкою. В 1626 г., в пожар, опустошивший даже и дворец государя, часы сгорели; но после снова были устроены тем же Галовеем. В 1668 г. их вываривали в щелоку и починивали (М. № 90). Мейерберг, цесарский посол, оставивший нам изображение этих часов, рассказывает, что другие часы, именно Тайницкие, очень громко били. Часы на Троицких, или Ризположенских, воротах первоначально стояли также в деревянном шатре, или башне, как было на Спасских воротах до постройки каменного шатра Галовеем. В 1685 г. Троицкие ворота также украшены готическим шатром по образцу Спасских, почему прежние часы, сделанные по указу царя Федора Алексеевича в 1683 г. часовником Спасской башни Андреянком Даниловым, были сняты и поставлены в селе Преображенском на воротах тамошнего дворца, а оттуда для кремлевской башни взяты старые, но потом в 1686 г. заказаны были тому же мастеру новые. Когда шли рассуждения о постройке новых часов, часовщики представили свое мнение касательно их постановки и доносили между прочим следующее: «Построена Троицкая башня против (т. е. по образцу) Спасской башни; и на Спасской башне часовой круг поставлен в первом нижнем прясле (ярус), а буде на Троицкой башне поставить часовой указательный круг против Спасской в нижнем прясле, и тот круг из хором великих государей, чрез сушило, будет не виден; также и в даль за всяким полатным строеньем будет не виден же; а будет тот *указательный словесный круг* поставить в другом прясле, повыше, и тот круг из хором великих государей и

¹ Расходные книги Казенного приказа 7122 г., № 890, в Арх. Оружейной палаты.

² Аглинские земля часовой мастер Христофор Христофоров Галовей, или Алавей, приехал к Государю к Могиле служить в 1621 году и жалованье указано ему давать по договору по 60 руб. на год, да поденного корму по 6 алтын 4 деньги на день, да на неделю по возу дров. В 1640 г. за *службы* он получал уже 75 р. в год и удвоенные кормовые. (Материалы для истории медицины в Россiя, Спб., 1881. Вып. 1. С. 95.)

вдаль чрез полатное строение будет виден; и часы в той Троицкой башне довелись поставить против тогож часового словесного указательного круга. А часовой колокол ныне у тех часов в 30 пуд, а можно де быть у тех часов часовому колоколу пуд во сто. А прежние де перечасные колокола у тех часов малых и против большого боевого колокола прибавить в перечасные колокола новые колокола, а большому перечасному колоколу быть бы пуд в 15, а достальным против тогож *в подгослос*». Эти предложения были утверждены, и часовник Андреянко Данилов подрядился сделать новые часы мерою в длину $2\frac{1}{4}$ аршина, ширина $1\frac{1}{2}$ арш., а вышина — как размер укажет; а *перечасье* в восемь колоколов, девятый боевой. Заметим, что на Спасской башне часы были длиною в 3 арш., вышиною $2\frac{3}{4}$ арш., поперек $1\frac{1}{2}$ арш.; колеса, на которых указные слова, в диаметре имели $7\frac{1}{4}$ арш.

Мы не знаем, какой конструкции была механика этих часов. По случаю их переделок упоминаются между прочим следующие их части: *вал ходовой* и при нем колесо с трубкою большою; *ветреник* с зубчатым рельем; *маятник* и при нем колесо; *шестерня*; *подъем перечасный*; боевая пружина и н. др.¹ *Указные*, или *узнатные*, круги или колеса, т. е. циферблаты, устраивались только с двух сторон, одно в Кремль, другое в город, и состояли из дубовых связей, разборных на чеках, укрепленных железными обручами. Каждое колесо весило около 25 пудов. Средина колеса покрывалась голубою краскою, лазорью, а по ней раскидывались золотые и серебряные звезды с двумя изображениями солнца и луны. Очевидно, что это украшение изображало небо. Вокруг в кайме располагались *указные слова*, т. е. славянские цифры, медные, густо вызолоченные, числом 24, а между ними помещались *получасные звезды*, посеребренные. *Указные слова* на Спасских часах были мерою в аршин, а на Троицких в 10 вершков. Так как в этих часах, вместо стрелки, оборачивался самый циферблат, или указное колесо, то вверху утверждался неподвижный *луч*, или *звезда* с лучом вроде стрелки, и притом с изображением солнца, как было на Спасских часах².

Трое кремлевских башенных часов составляли

¹ Дела Дворцовых приказов, в столбцах Арх. Оружейной палаты.

² Расходные книги Казенного приказа 7122, 129 и 134 гг., № 890, 1058 в 922, в Арх. Оружейной палаты.

столько же принадлежность царского дворца, сколько и всей Москвы. К тому же и поддержка их, поправка и починка, равно и содержание часовников производились не из Земского или другого какого приказа, а из царской казны, из Казенного приказа. Существование этих часов устраняло надобность строить часы во дворце, потому что, напр., часы Троицких ворот стояли подле всех служб дворца, где всего чаще представлялась нужда знать время и где, следовательно, без особого затруднения всякий тотчас его узнавал. Впрочем, двое часов находились и в зданиях дворца, одни в башне Набережного сада, другие в башне Конюшенного дворца, о чем мы упоминали.

С XVIII ст. старинные русские часы вышли из употребления. Перестройка их на немецкий лад началась тоже с Спасской башни. В 1705 г. по указу Петра Спасские часы переделаны «против немецкого обыкновения на 12 часов», для чего еще в 1704 г. он выписал из Голландии боевые часы с курантами за 42474 рубля. Часы эти были «с танцами, против манира, каковы в Амстердаме». Ставил их в 1705—1709 гг. часовой мастер Еким Гарнов (Garnault).

Оканчивая краткую историю башенных часов города Кремля, мы должны упомянуть и о *набатах*, или особых набатных колоколах, которые находились на тех же трех башнях, где помещались и часы, и посредством которых делалась тревожная повестка на случай пожара. Особым указом 6 января 1668 г. определен был даже и самый способ, как звонить в эти кремлевские набаты: если загорится в Кремле, указано бить во все три набата в оба края, поскорее; если загорится в Китай-городе — бить в один Спасский набат (у Спасских ворот) в один край, скорее. Для Белого города — бить в Спасский в оба края и в набат, что на Троицком мосту (у Троицких ворот) в оба же края потише. Для Земляного города — бить в набат на Тайницкой башне тихим обычаем, причем указывалось вообще: бить развалом с расстановкою. Башня Спасского, или *Фроловского*, набата, построенная у Спасских ворот на городской стене, сохранилась и доселе. В 1613 г. к этому набатному колоколу, что *на городе* у Фроловских ворот, делали *язык и подпругу*, т. е. привязь.

С наступлением XVIII века Кремлевский дворец был покинут вместе со всею стариною царской жизни.

Петр оставил дворец еще отроком, вскоре после первого бунта стрельцов. Он переселился тогда со своими потехами в Преображенское, которое с того времени сделалось его резиденциею. В Кремль он приезжал редко, большею частию только из необходимости присутствовать при приеме иноземного посла или на царских праздниках и панихидах и при совершении торжественных церковных обрядов, чего неизменно требовало общее мнение века. Впрочем, и эти приезды год от году становились реже. Сначала от старой обрядности Петра отвлекали его потехи, а потом походы из Москвы по корабельному делу и под Азов, а затем путешествие за границу. Во время своих приездов во дворец Петр оставался обыкновенно в старых хоромах своей матери, построенных при царе Федоре, на внутреннем дворе. Там, в домово́й церкви Петра и Павла, он слушал и церковные службы во время празднеств и очень редко делал обычные выходы по соборам.

Точным исполнителем старинных обрядов оставался до своей кончины богомольный брат Петра, царь Иван Алексеевич, живший постоянно в Кремле вместе с царицами и царевнами, которых тогдашние события оставляли еще в покое доживать свой век.

Шведская война, начавшаяся с первых лет XVIII ст., окончательно выселила Петра не только из дворца, но и из самой Москвы. С этого времени дворец был совсем покинут, так что церемониальные выезды царя в Москву, совершаемые в ознаменование славных баталий, направлялись уже не в Кремль, в Спасские ворота, как бы следовало ожидать, а мимо, в новую резиденцию, в село Преображенское, или в *Преображенск*, как иногда называли эту столицу преобразований. Там всегда происходило и *триумфование*, т. е. победные пиры и увеселения. Необходимо заметить, что некоторые писатели, и в том числе историк Петра, Устрялов¹, напрасно отыскивали Преображенский дворец в теперешнем селе Преображенском, за Яузою, на горе, именно подле приходской церкви. В селе, действительно, существовал так называемый *Новый* Преображенский дворец, построенный уже Петром, на самом берегу

¹ История царствования Петра Великого (Т. 1. С. 10. Прим. 20), где автор говорит, что «Преображенское» лежит на *левом* берегу Яузы (за Яузою) и составляет 2-й квартал Покровской (т. е. Лефортовской) части.

Яузы, ближе к Немецкой слободе, при впадении в Яузу речки Хапиловки. Старый же дворец, построенный еще отцом Петра, находился на этой стороне Яузы, недалеко от моста, подле Сокольничьей роши, там именно, где и теперь еще остается колодезь, бывший некогда дворцовым. Здесь же, на небольшом островке Яузы, стояла знаменитая потешная крепостца Презбурх, иначе *Прешпур*, первый городок, взятый малолетним Петром с бою¹.

Впоследствии из Преображенска Петр переселился в Немецкую слободу, в *Слободской дом*, выстроенный сначала для Лефорта, а потом сделавшийся Лефортовским дворцом, против которого на той стороне Яузы, на высоком берегу, стоял дом Головина, послуживший основанием другому дворцу Головинскому (ныне 1-й Кадетский корпус). Эти два дворца в течение всего XVIII столетия составляли местопребывание императорского двора во время «высочайших присутствий» в Москве².

В Кремлевском дворце, в разных его хозяйственных отделах, великий преобразователь разместил некоторые из своих новоучрежденных коллегий. Так в палатах возле Предтеченской церкви, у Боровицких ворот, помещена была *Ратуша*, или *Земская канцелярия*, и Главный Магистрат; в длинном корпусе Кормового и Хлебного дворцов — Камер-коллегия, Соляная контора, Военная коллегия, Мундирная канцелярия, Походная канцелярия. Конюшенный дворец отдан был под склады сукон и *мундира*, амуниции, от Мундирной канцелярии и т. д., всего эти разные ведомства заняли 59 палат. Бывшие приемные палаты и жилые здания дворца оставались не занятыми и мало-помалу ветшали и разрушались. Время от времени в них происходили совсем иные, до того невозможные торжества и обряды. В Грановитой палате, расписанной «бытейским» письмом, вместо прежних торжественных посольских приемов, теперь, как в весьма удобной пустой храмине, устраивались уже *комедии* и *диологии*. В 1702 г. по случаю свадьбы шута

¹ См. план Москвы, изданный в 1739 г. архитектором Ив. Мичуриним. В 1722 г. Петр повелел возобновить этот городок. 8 июня объявлен в Сенате князем графом Головкиным следующий указ государя: «В Преображенском, при реке Яузе, деревянный городок, где прежде сего был, построить вновь тем же манером и на строение деньги отпускать из сбору с возов (которые, въезжая в город, платили за то пошлину)». Подробнее об этом *Прешпуре* см. в нашей брошюре «Преображенское, или Преображенск, Московская столица преобразований и пр.» (М., 1883).

² См.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории... М., 1878. Ч. 2. С. 351 и пр.

Филата (Ивана) Шанского в палате была устроена «Диолегия»¹; а в 1704 г. по случаю свадьбы другого шута Ивана Кокошкина была устроена «Комедия» на счет Монастырского приказа, для чего с Казенного двора было отпущено (в генваре) 150 арш. тафты васьковского цвета. Устроивал комедию Латинских школ префект и философии учитель неромонах Иосиф. Вероятно, при устройстве этих комедий забелена была известью и вся уже ветхая стенопись палаты. Наконец преобразователь обратил внимание на возраставшее запустение дворца и в феврале 1713 г. повелел «на его Государеве Дворе церковное и дворовое и хоромное каменное строение и площади и под ними своды и стены и столпы и где что худо и довелось починить или, разобрав, сделать вновь, — осмотреть и описать архитектору Григорью Устинову с подмастерьями каменных дел».

Осмотр обнаружил, что во многих зданиях, в разных палатах, особенно в погребках и ледниках, а также под переходами и площадками стены и своды и столпы после бывшего пожара местами осыпались или обвалились, в иных местах показались расселины. Все это, однако, требовало только мелочной починки, на которую по смете и было назначено 6618 руб.

Кроме старого собора Спаса на Бору, осмотр не упоминает о подобных ветхостях в жилых государевых помещениях и в приемных больших палатах, из чего можно заключить, что эти отделения дворца в своих стенах еще оставались в добром порядке.

Смета на упомянутые починки была тщательно составлена, и надобная сумма была определена к выдаче, но произведены ли были работы — неизвестно. Повидимому, это дело осталось без исполнения, на что указывает одна незначительная отметка: под площадью меж Золотых палат Царицыной и Государевой, где существовал старый Жилецкий подклет, было навалено много всякого сора, на вычистку которого в 1713 г. за работы назначено 50 р. Та же сумма обозначена была и в 1722 г. по случаю нового осмотра ветхостей для починок и возобновлений. Стало быть, этот сор в течение 10 лет оставался на своем месте нетронутым.

В мае 1722 г. последовал новый указ государя уже из Военной коллегии, по которому «велено в Москве в Кремле городе Его Величества Дом, також и Коню-

¹ Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., Т. I, ч. 2, С. 347.

шенный Двор, осмотря, описать имянно: В начале св. церкви, потом жилые и пустые покои и сколько в том числе жилых и пустых, и сколько целых и пустых полат и погребов, и что обветшалых, и какой починки требуют, — и тое опись подать в Госуд. Военную Коллегию».

На этот раз осмотр производил строитель Цейхгоуса (Арсенала) архитектор Христофор Кондрат с поручиком Ив. Аничковым. Они работали почти целый год и представили опись в декабре того же 1722 г.¹

Опись в подробности засвидетельствовала давнишнее и полнейшее запустение и обветшание всех дворцовых зданий.

Кровли на всех приемных палатах были уже простые тесовые, отчасти гонтовые или драничные, и те все погнили и обвалились. Покои Теремного дворца стояли без дверей, без оконниц, без полов. Как пожар 1701 г. все деревянное опустошил, так все и оставалось, а каменное тоже, напр., резьба, золоченье, стенопись, все было попорчено огнем и частью обвалилось. Повсюду палаты стояли тоже без дверей и оконниц, без полов и без всякого внутреннего наряда, в иных местах с обвалившимися сводами, в иных отделениях совсем не покрытые никакою кровлею, как стояли, напр., государевы покои, находившиеся подле Куретных ворот и Светлицы, над углом длинного корпуса с Кормовым и Хлебным дворцами. Очень немногие помещения были возобновлены для необходимого житья служителям или для сохранения каких-либо казенных вещей и припасов. Весь дворец во всех своих подробностях требовал бесчисленных поделок и возобновлений. Расход на это дело по смете выведен был в 52 899 р. Такую сумму не совсем возможно было достать в то время. Со всех сторон деньги были надобны на прямые и неотложные государственные нужды, а здесь представлялся немалый расход на возобновление теперь никому не надобной обширной ветхости, которая была уже давно осуждена на уничтожение новым порядком русской жизни. Как оказывалось, заботы Петра в этом случае ограничивались только устройством некоторых главнейших зданий для предположенной им коронации императрицы Екатерины. Для этой цели, именованным указом в начале 1723 г. он повелел «к коронации Ее Величества в Москве Грановитую и Столовую, также и Мастерские пала-

¹ См.: Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. С. 1283—1340.

ты (в Теремном дворце) и прочие к тому принадлежащие строения *совсем вычинить и исправить так, чтоб в оном могла великая публика чинно исправиться*. Издержки на это повелено было употребить из сумм, назначенных на строение Цейхгоуса (Арсенала). Тогда покрыты были новыми кровлями Благовещенский и Архангельский соборы и обновлены починкою палаты Грановитая и Столовая для церемоний и Мастерские палаты — для пребывания в них государя и императрицы. В Грановитой палате стены были подмазаны вновь алебастром, около окон и дверей сделаны штукатурною работою кзымзы с клеймами, которые, как и вся каменная резьба, были вызолочены красным золотом; внизу стен сделаны столярные панели с вызолоченными дорожниками. Стены были обиты бархатом и парчами, а *Потайная* палата красным сукном. В окнах поставлены новые рамы, устроены везде новые полы. В том же виде возобновлены Столовая и Мастерские. В Мастерских в окнах расписаны фрукты по золоту, стены обиты камками, карнизы и наличники также расписаны золотом. Вообще золото и краски послужили самым лучшим средством для обновления всех этих помещений. На все поделки было израсходовано около 15 000 р. Как известно, коронавание императрицы совершилось с большим торжеством 7 мая 1724 г. Десять дней продолжались празднества и за Москвою-рекою, против Кремля, на Царицыном лугу, сожигаемы были великолепные фейерверки.

Петр выехал из Москвы 16 июня. Дворец был оставлен по-прежнему на запустение и разрушение. Жить в нем не было возможности. Двор, во время приездов в Москву, как мы сказали, пребывал обыкновенно в Летнем (Головинском) дворце на Яузе, об устройстве которого так заботился и сам Петр, его основатель.

Изредка и весьма на короткое время императрицы останавливались и в Кремлевском дворце, именно в Потешном дворце, здание которого не было еще слишком опущено и представляло некоторые удобства для помещения. Почти при каждой новой коронации возникала мысль основать пребывание в Кремле. Место своею красотою и оригинальными постройками, без всякого сомнения, очень привлекало каждого нового хозяина. Но как скоро оканчивались церемонии и пиры, все уезжало в Петербург — и о Москве, и о Кремле забывали по-прежнему до нового приезда. Впрочем, весь

ма трудно было что-либо и сделать из этих уютных, тесных и беспорядочных строений, стоявших в разброс, где попало, и своим своеобразием приводивших в совершенный тупик петербургские привычки и потребности новой жизни. Вдобавок здания ветшали с каждым годом. Поправка их стоила дорого и с каждым годом становилась еще дороже. Денег жалели, потсму что видели мало пользы в возобновлении дворца, в котором жить все-таки было нельзя. Ко времени коронаций возобновляли только некоторые части, наиболее видные и необходимые для совершения церемоний, именно палаты Грановитую, Столовую, Малую Золотую и Терем.

Императрица Анна, по приезде в Москву в 1730 г., остановилась сначала в Кремле на Потешном дворце; но, вероятно, по неудобству помещения, она вскоре повелела выстроить для себя новый деревянный дворец, где-то подле Арсенала, который и назван был *Аннингофом*. Лето она провела в Измайлове, принадлежавшем ее матери, царице Прасковье Федоровне. Между тем дворец Аннингоф в Кремле был окончен. Выстроенный по проекту известного в то время архитектора графа де Растрелли, он был, по отзыву современников, весьма красив и убран великолепно. Осенью 28 октября императрица переехала в него на житье. Однако ж к лету она выстроила себе другой Аннингоф, на Яузе, подле Головинского дома. Там она прожила до возвращения в Петербург и с тех пор там же основала свое пребывание. В 1736 г. туда перенесен был и кремлевский Аннингоф, названный *зимним*, в отличие от тамошнего, который был *летним*. Впрочем, название яузских дворцов Аннингофом употреблялось, кажется, только в официальных бумагах и, может быть, между придворными. Москвичи по-прежнему называли их дворцом Головинским, как нередко называют даже и теперь здание 1-го Кадетского корпуса, выстроенное на месте прежних дворцов уже при Екатерине.

В 1737 г., мая 29-го, Москву опустошил страшный пожар, от которого значительно потерпел и Кремлевский дворец. Кровли на всех церквях и почти на всех зданиях, на палатах: Грановитой, Столовой, Ответной и др. — сгорели; в том числе над Красным крыльцом медная кровля, крытая по железным связям и по дереву, сгорела и обвалилась. В Столовой и Ответной палатах пол и в окнах и в дверях рамы и окончины и каменные столбы, около окон косячатой камень облопался

и железные связи порвало. Сгорели Верхний и Нижний Набережные сады. В верхних Теремах в одной палате стекла перелопались и сгорела крыша над всхожим крыльцом, крытая белым железом. В палатах за верхними Теремами, т. е. на внутреннем дворе, также на Кормовом и Хлебном дворцах, в Сушилах и на Сытном дворце — все выгорело: полы, потолки, двери, лавки. Сгорел также большой корпус Главной дворцовой канцелярии, прежний приказ Большого дворца, стоявший между Колымажными воротами и Рождественским собором, причем большею частию погиб и Архив. Во второй палате этого здания сгорело «44 шафа, а в них положены были разобранные описные и не описные дела по годам, прошлых лет, также писцовые и переписные, и дозорные, и межевые, и отдельные, и отказные, и приходные, и расходные, и другие всякие книги с 7079 (1571) года по 700 год». Утрата, невознагражденная для истории царского быта во всех отношениях, и особенно для истории древних художеств и ремесел, деятельность которых, в XVI и XVII ст., с особенною силою приликала ко дворцу. Кроме того, и в других палатах, вместе с делами с 1700 г., сгорели, без сомнения, весьма любопытные бумаги, принадлежавшие Меншикову и Долгоруким, а также Походной канцелярии Петра. Сгорело «князей Долгоруких сундуков и ящиков и баулов и коробок с домовыми делами шестнадцать... три ящика с долгоруковскими крепостями... четыре сундука с домовыми князя Меншикова книгами и делами».

Хотя после пожара некоторые здания были возобновлены и починены и все покрыты кровлями, однако ж многие из них, особенно на Заднем дворе, с того времени, пришли еще в большее запустение и совсем были оставлены.

К новой коронации, при императрице Елисавете, точно так же оказалось, что в московских дворцах, по их неустройству, жить было нельзя, и не только в Кремлевском, но даже в Головинском и Лефортовском. В декабре 1741 г. дан был указ привести их «в совершенное состояние, как можно б было в них жить». При осмотре починок и недоделок нашлось премногое число. Тотчас же начались работы, которые продолжались даже по ночам, и чрез два с половиной месяца, к концу февраля 1742 г., дворцы были готовы. По приезде в Москву императрица остановилась в Потешном дворце, где находилась и *аудиенц-камера*.

Но Кремлевский дворец все-таки не представлял удобств для постоянного пребывания, и императрица вскоре переселилась на Язу в Зимний дом, а двор — в Лефортовский дворец. В другой приезд, в 1744 г., она также прожила несколько времени в Потешном дворце.

Желая устроить в Кремле более удобное жилище, Елисавета предполагала было, в феврале 1749 г., построить деревянный дом на Набережном саду, т. е. на каменном корпусе Запасного двора, где помещался этот сад. Заготовлены были уже и лесные материалы; но вскоре это намерение было оставлено и императрица, в апреле того же года, поручила обер-архитектору Растрелли «для строения того дому усмотреть другое место, и чтоб дому быть каменному, а не деревянному». Растрелли назначил было новое место между Набережным садом и Комиссариатскими покоем, «на магазинном комиссариатском», или Запасном дворе. Передуман был и этот план и решено наконец выстроить дворец на месте Средней Золотой, Столовой и Набережных палат, подле Благовещенского собора. С этою целью упомянутые палаты, в 1752—1753 гг., были разобраны со всякою бережью и затем на сводах и стенах древнего подклетного этажа построено в 1753 г. новое здание в растреллиевском вкусе и названо Кремлевским *Зимним* дворцом. При этом переделано и Красное крыльцо, по показанию архитектора кн. Ухтомского и каменного мастера Дисселя, с сохранением старого рисунка и старой каменной резьбы, которой камни вставлены по-прежнему, а вместо попорченных растесаны новые, под узор. Этот дворец, состоящий из двух корпусов, малого и большого, впоследствии несколько раз переделывался, обстроивался и распространялся новыми покоем и сломан был уже по случаю постройки теперешнего нового дворца. Между тем другие части дворца все более и более ветшали, без починки и поддержки. Например, о Рождественском соборе протопоп Авраамий доносил, что «в 1751 г. на том соборе крест на главе дубовый, обложенный медью позлащенной, бурю переломило и цепи порвало; под главою крышка медная с подзорами от бури повредилась, так что сквозь сводов течет, внутри подмазка валится и от того падения как бы не учинилось святейшей Евхаристии повреждения». Такое состояние зданий, особенно тех, которые были вовсе брошены, внушало достаточные опасения; следовало, по крайней мере, предупредить их внезапное разрушение.

С этой целью императрица повелела, 4 генваря 1753 г., под Кремлевским домом весь фундамент и погреб, с какими сводами имеются, достоверно освидетельствовать, вследствие чего и произведен был самый подробный осмотр всего дворца и особенно старых, весьма обветшавших уже построек, составлявших некогда Задний, или *Постельный*, государев двор. Архитекторы князь Ухтомский и Евлашев, 1 мая 1753 г., подали подробные планы всем постройкам с изложением своих мнений, которыми между прочим объясняли, что «некоторые покои, кои состоят за Золотою решеткою (подле бывшего Патриаршего двора и Троицкого подворья), и площадки и под ними погреб так обветшали и большею частию обвалились, что и для осмотров в те места войти невозможно, и что оные места надлежит разобрать до самых нижних фундаментов, для осторожности других покоев, по близости к тем ветхим местам, ибо от оных и тем покоям причиняется вред, понеже строением так затемнено, что в нижние апартаменты и воздух проходить не может». Все это подтвердил и сам обер-архитектор Растрелли, поверявший осмотр Ухтомского и Евлашева. Он донес, между прочим, что в «оном Кремлевском дворце всех покоев и с погребами находится *до тысячи* номеров и не малое число открытых площадок или галерей».

Тогда же назначено было разобрать наиболее обветшавший и совсем почти развалившийся корпус, примыкавший к прежнему Патриаршему двору и к Троицкому подворью, где были некогда хоромы царевен, также нижние каменные этажи хором царицы Натальи Кирилловны и малолетнего Петра, с домовою церковью Петра и Павла. Эти здания, построенные в конце XVII ст., следовательно, гораздо позднее других, так потерпели от пожаров 1696 и 1701 гг., что не простояли и 60 лет, между тем как другие отделения дворца, именно дворец Теремный и Потешный, уцелели даже до нашего времени, несмотря на переделки и перестройки, весьма часто портившие их своды и стены.

Таким образом с половины XVIII ст. старый Кремлевский дворец стал понемногу разбираться. Особенно запущению и обветшанию некоторых его частей очень много способствовало и то, что в нем помещены были разные коллегии, канцелярии и комиссии. Еще при Петре было отдано под эти присутствия 59 палат. Во время коронаций, иные из них, смотря по надобности,

временно выезжали на наемные квартиры и, по отъезде двора, снова возвращались в свои палаты. Оставивши совсем дворец, Петр, конечно, ничего лучше не мог придумать, как поместить в опустелых палатах свои новоучрежденные коллегии и канцелярии. Так в Набережных палатах, в Ответной и Панихидной (или, с конца XVII ст., Столовой) была помещена Камер-коллегия, под Теремами — сенатские департаменты, у Куретных ворот в палатах Соляная контора и т. д.

Но переведенные таким образом во дворец коллегии послужили к большому его неустройству и запущению по той причине, что почти каждая коллегия переехала не только со своими архивами, чиновниками, сторожами, разного рода просителями, наполнявшими в течение дня занимаемые ею палаты, но перевезла с собою и своих колодников, которые и проживали, без сомнения, по целым месяцам и годам в дворцовых каменных подклетах. Все это умножало нечистоту, грязь, разрушавшие преждевременно древние здания. Так, еще в 1727 г. начальство Казенного двора, в котором сохранялась древняя золотая и серебряная посуда и все царские драгоценности, — объясняло, что «от Старого (?) и Доимочного приказов (находившихся где-то подле этого Двора, который стоял между Архангельским и Благовещенским соборами), всякой пометной и непотребной сор от нужников и от постою лошадей и от колодников, которые содержатся из Обер-бергамта, подвергает царскую казну немалой опасности, ибо от того является смрадный дух, а от того духу Его Императорского Величества золотой и серебряной посуде и иной казне можно ожидать опасной вреды, отчегоб не почернело...» Почему начальство и просило сор очистить, а колодников свести в иные места¹. Следует также припомнить, что находившиеся в Кремле старые приказы, огромный корпус которых тянулся по окраине Кремлевской горы от Архангельского собора почти до Спасских ворот, как равно и новоучрежденные коллегии, помещенные во дворце, вызвали потребность в питейном доме, который, неизвестно в какое время, явился в самом Кремле, под горою, у Тайницких ворот. Кабак этот именовался *Каток*, вероятно, по крутизне схода к нему из приказов. Он существовал, можно сказать, втихомолку, несколько лет, пока не был замечен в 1733 г. императрицею Ан-

¹ Журнал Оружейной палаты 1727 г. Окт. 25.

ною, которая 15 февраля того ж года повелела: «Из Кремля вывести его немедленно вон и построить в Белом или в Земляном городе, в удобном месте, где надлежит, и что со онога кабака в сборе бывало, чтоб тож число и там толика ж сумма сбиралась, где оной кабак построен будет, и для того (т. е. для сохранения количества сбора) вместо того одного кабака, *хотя*, по усмотрению, *прибавить несколько кабаков*, где надлежит, а в Кремле отнюдь бы его не было». Таким образом не без жертвы удалено было от дворца одно из безобразий, какие завели было себе кремлевские подьячие. Остальное, т. е. все то, с чем сопряжено было пребывание в известном месте тогдашней коллегии или приказа, существовало по необходимости еще долго, именно потому, что в Москве, кроме дворца, не было более удобного помещения для этих коллегий и канцелярий.

Императрица Екатерина II, приехавши в Москву короноваться, остановилась в новопостроенном Елизаветинском, или Растреллиевском, дворце, а наследник Павел Петрович в Потешном дворце. По этому случаю, для размещения придворных, некоторые канцелярии были выведены в наемные дома. Кремлевская старина так понравилась императрице, что тотчас после торжества коронации, именно 6 октября 1762 г., она через Бецкого повелела «Кремлевский дворец с всеми принадлежностями, *а паче стариннаго строения не переменяя ни в чем*, содержать всегда в надлежащей исправности».

Было и при Екатерине предположение (1 февраля 1764 г.): «при Кремлевском дворце, на месте, где Набережный сад, построить для Ее Величества покой, того ради определено, архитекторам Бланку и Жеребцову, осмотря, учинить прожекты, каким наилучшим образом, на старых ли фундаментах с прибавлением, или вновь построить, изыскав, в минование напрасного убытка, все способы». Этот *покой* действительно был устроен возле Сретенского собора, вероятно, из какой-либо старой палаты, потому что он был со сводами и при нем были построены две *галереи*, *Дамская* и *Кавалерская*, и самый собор был убран как домовый храм для этого помещения.

В *комнате*, или покое ее величества, стены были обиты зеленым штофом, а пол зеленым сукном. В Дамской стены и пол, а в Кавалерской одни стены были обиты красным *российским* сукном. Также красным сукном

был убран и Сретенский собор; в нем было поставлено и место ее величества, обитое малиновым бархатом и золотым галуном. В таком виде этот покой с галереями существовал в 1769 г.¹, когда уже готовились строить известный огромный Баженовский дворец, оставивший на память о себе только проектированные планы и модель. Совершена была даже и закладка этого чудадворца; но постройка его окончилась сломкою только нескольких древних зданий.

В это время (1767—1770 гг.) разобран был Запасный двор, наверху которого помещались прежде Набережные сады, с примыкавшими к нему башнями и другими строениями, также Житный двор, здание Старого Денежного двора, за Сретенским собором, и длинный корпус старинных приказов, тянувшийся по горе от соборов к Спасским воротам.

Уезжая из Москвы, после коронации, императрица приказала Кремлевский Растреллиевский дворец перестроить, а все покои, кроме тех, в коих свое присутствие иметь изволила, и кроме Грановитой палаты, отдать по-прежнему под коллегии и канцелярии и прочие места. Таким образом, за исключением новых корпусов и Потешного дворца, где имелось высочайшее присутствие, все остальные помещения придворных, как-то: фрейлинские, камер-юнкерские, кондитерские, муншенские, кофишенские, тафельдекарские и прочие покои, также и кухни — из дворцового ведомства поступили в ведомство Сената, по особому указу 1765 г. 17 июня. Дворцовое ведомство не могло не тяготиться таким распоряжением, и, когда в 1767 г. вышло новое повеление о починке кремлевских зданий, оно поставило на вид все неудобства, какие представлялись от помещения во дворце разных присутственных мест, и доносило между прочим, что «от того Сената в дворцовых покоях помещены разные Коллегии, Канцелярии и Комиссии и по вступлении оных, а особливо Губернскою Канцеляриею, заняты архивами, кладовыми и колодниками, т. е. тюрьмами, и все те покои переделаны по состоянию каждого присутственного места, а притом, в рассуждении множественного числа тех мест служителей и колодников, усматривается всегдашняя нечистота и дурной запах». Как бы ни было, но присутственные места оставались во дворце до последних лет прошлого века, когда пост-

¹ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. С. 1369.

роено было для них в Кремле архитектором Казаковым особое великолепное здание, существующее до сих пор.

Упомянем, что в 1767 г. в Грановитой палате происходили заседания выборных депутатов со всей России в известной Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Для этого *Депутатского собрания* в палате было устроено для размещения депутатов 526 аршин особых лавок, или скамей с откосками впереди наподобие наоя или ученических теперешних столов. Кроме того, сделано 4 наоя из красного дерева, 10 столов круглых, 6 столов длинных, куплено 5½ дюжин стульев; устроено *секретное место*, несомненно, для самой императрицы. По обеим сторонам трона также были поставлены лавки, которые все были обиты, а равно и пол палаты красным сукном (757 арш.), а столы покрыты алым сукном (58 арш.). Для баллотирования было выточено 1000 шариков.

В начале нынешнего столетия, когда начальником дворцового ведомства сделался Валуев П. С., Кремль, по его словам, был в ветхом и запущенном состоянии. «Внутри кремлевских стен была нечистота великая, особенно в зданиях Сената, под соборами (дворцовыми) Сретенским и Рождественским, около бывшего Дворянского банка и Оружейной конторы (все в зданиях дворца) и даже во дворце. Во многих местах ветхие, обвалившиеся здания представляли неприятный вид; при пустых девяти погребках, без окон и дверей, под галереями и кладовыми палатами, в бывшей улице, между Троицкими и Боровицкими воротами, повелено ставить караул, дабы в них не могли укрываться *мошенники*»¹. Кремлевские старожилы рассказывали, что до 12 года мимо так называемых *Темных ворот*, составлявших некогда проезд под дворцом на Красную площадь, к соборам, страшно было и ходить; там, особенно к вечеру, бывал постоянный притон воров и разврата среди страшной нечистоты и вони.

Кстати, упомянем, что в конце прошлого столетия и в нынешнем до 12-го года, подле стен Кремля, за Троицкими воротами, где теперь Кремлевский сад, а прежде были заплывшие пруды, овраги и текла Неглинная, по всему этому месту сваливалась всякая нечистота,

¹ *Гастев М. С. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. М., 1841. Ч. 1. С. 77.*

почти со всех близлежащих улиц. Старый же Каменный мост у Троицких ворот известен был всей Москве как первое разбойное место того времени. Под его клетками, или сводами, особенно под *девятой клеткой*, постоянно жили в самовольно построенных избах всякие воры, мошенники и душегубцы, так что возле Неглинной, в этой местности, опасно было не только ходить, но даже и ездить.

Таким образом, Валуев принял Кремль в развалинах, хотя, может быть, и живописных, но в иных местах угрожавших совершенным падением. Таков, напр., был длинный корпус Хлебного, Кормового и Сытного дворцов, мимо которого воспрещено даже было ездить, чтоб от сотрясения мостовой и в самом деле не обвалить всего здания; 30 лет и не ездили по этой улице. Помянутые дворцы, однако ж, простояли эти 30 лет и были сломаны уже при Валуеве. Если в XVIII ст. дворец постепенно приходил в разрушение от всякого рода нечистоты, то в начале XIX века он окончательно был разрушен в видах чистоты и опрятности. Валуев был великий, самый горячий охотник до чистоты, опрятности и порядка. Вступив в управление дворцом, он не замедлил представить государю, что многие из кремлевских зданий «помрачают своим неблагообразным видом все прочие великолепнейшие здания», разумея под последними соборы и новопостроенный дворец. Он вообще не любил ничего ветхого, ржавого, покрытого цветом древности, что так дорого для записных археологов, да и вообще для людей, которые в памятниках старого быта видят не одни только ржавые развалины, но чувствуют в них веяние истории, присутствие прожитых идей, чему всегда откликнется развитое образованием чувство уважения к древности, высказавшееся даже в распоряжении Екатерины II «О содержании старинного строения, не перемня ни в чем».

Если б была полная воля и не мешало некоторое общее уважение к стародавней святыне Кремля, то Валуев скоро превратил бы его в площадь чистую, опрятную и ровную, как ладонь, оставив на память только те строения, которые или сами по себе имели опрятный вид, или же были способны принять такой вид посредством возобновлений, штукатурки и окраски. Все, что не ладило с этим стремлением или стояло не на месте относительно новопроектированных им улиц и площадей, было разобрано и продано с торгов на своз. В пять-де-

сять лет ломки прежнего Кремля нельзя было узнать.

Тотчас по вступлении в управление дворцами, делая и соображая разные приготовления к предстоявшей коронации, Валуев во всеподданейшем донесении государю Александру Павловичу, 29 мая 1801 г., представлял, между прочим: «*Два артикула, обращающие на себя особенное внимание: Сретенский в Кремле собор, построенный несколько веков на сваях, давно уже сгнивших, и Гербовая башня (прежние Колымажные, или Красные, ворота), делающая только вид (1) при въезде от Боровицких ворот, в которые никто почти из благородных людей не ездит, находятся в крайней и чрезвычайной ветхости, о коей около четырех лет рапортовано было покойным гофмейстером князем Гагариным. Оба сии здания угрожают скорым и неминуемым своим падением и от того могущим случиться великим повреждением как дворцу и прочим к оному принадлежащим строениям, нужным для помещения свиты, так и проходящим разного рода людям, ежели сие падение приключится, основываясь на свидетельстве архитекторов. Во избежание всякого нечаянного вреда, осмеливаюсь представить сии здания сломать как можно скорее, и на сие имею счастье ожидать Высочайшего повеления.*» Государь на первый раз затруднился этим представлением и, вызывая Валуева в Петербург, для личных объяснений вообще о приготовлениях к коронации, писал к нему, между прочим, от 4 июня: «*Не оставте взять и плав той части города, в которой стоят Сретенский собор и Гербовая башня, о коих вы представляете, что по ветхости их и опасности неминуемо должно их разобрать,—переговоря о сем наперед с графом Иваном Петровичем Салтыковым (главным начальником Москвы), не произведет ли уничтожение сих древних зданий какого-либо предосудительного замечания?*» Повеление испрошено было при личном объяснении, и осенью эти древности были разобраны и на месте их выровнена площадь. Затем в последующие десять лет Кремль и дворец были очищены от всех ветхостей и безобразных зданий. В 1803 г. сломаны часть Потешного дворца, примыкавшая к городской стене у Троицких ворот, и часть корпуса, в котором были Хлебный и Кормовой дворцы, стоявшие на угол к Троицким же воротам; в 1806 г. продан с аукциона и Цареборисовский Годуновский дворец; в 1807 г. сломано Троицкое подворье с церковью Богоявления, где впервые провозглашено было избра-

ние на царство Михаила Романова; в 1808 г. сломаны все здания Заднего государева двора с дворцами Кормовым, Хлебным, Сытным, стоявшие подле этого подворья. На месте их построена Оружейная палата (ныне казармы) и три Кавалерские корпуса, для помещения свиты. Позднейшие переделки и перестройки совершенно очистили Кремль и дворец от многих древних строений, в иных местах даже с бутовыми фундаментами. Оставшиеся здания, Грановитая палата, Каменный Терем с верховыми церквями и Потешный дворец большей частью значительно переделаны; Терема же возобновлены в древнем вкусе. Заметим, в заключение, что направление, данное Валуевым, коснулось не одних только древних зданий, но и вообще всяких древностей, остатков старой жизни и быта, какими в его время еще полны были кладовые кремлевских и старых загородных дворцов. Все, что не имело цены, т. е. что не было золото или серебро, было также за ветхостию и негодностью уничтожено или продано с аукциона «на Неглинную», как тогда говорилось, т. е. в лавки всякого старья и тряпья, существовавшие на Неглинной в Железных и Лоскутных рядах. В это время невозвратно погибло много таких именно вещей, которые охотниками и археологами ценятся дороже золота. А стремление давать всему опрятный крашеный вид, впоследствии, было до того доведено, что дубовые двери и ворота во всем городе обязательно стали красить под дуб, а железные древние вещи, каковы, напр., латы, щиты, конская броня, даже пушки, хранимые в Оружейной палате, стали красить черною краскою с карандашом, под цвет железа. Так были покрашены редкие и превосходнейшие памятники древнего вооружения. Подобно тому, закрашивались на стенах древних зданий, напр., у Каменного Терема, прекрасные подзоры и украшения из разноцветных изразцов, или кахлей. А что забавнее всего: эти украшения, замазанные мелом, вохрою или другою краскою, иногда на масле, раскрашивали потом красками в древнем вкусе. Это мы видели (в 1854 г.) и на прекрасных изразцовых ценных украшениях собора в Воскресенском монастыре, именуемом «Новый Иерусалим»¹. Не говорим о других подобных подвигах блюстителей чистоты и покраски и всякого рода возобновлений.

¹ См. нашу статью об этом соборе в «Памятниках древнего русского водчества... изд. Ф. Рихтером» (М., 1854. Тетр. 4).

ГЛАВА II

Государев двор, или дворец

Внешний вид дворца и наружные украшения зданий. Резное деревянное дело: древнерусская и немецкая фигурная резьба, вошедшая в употребление при Алексее Михайловиче. Общий обзор внутреннего убранства комнат, или хоромного наряда. Комнатная живопись, стенное и подвoločное письмо. Царские места, или престолы, троны. Меблировка царских палат и хором. Частный обзор некоторых комнат: Передняя, Комната, Крестовая, Опочивальная, Мыленка.

Внешний вид дворца в конце XVII столетия представлял чрезвычайно пеструю массу зданий самой разнообразной величины, разбросанных без всякой симметрии, единственно по удобству, так что, в строгом смысле, дворец не имел фасада. Здания теснились друг подле друга, возвышались одно над другим и еще более увеличивали общую пестроту своими разнообразными крышами, двускатными, епанечными, в виде *шатров*, *скирдов*, *бочек*, с прорезными золочеными *гребнями* и *золочеными маковицами* наверху, с узорочными трубами, искусно сложенными из поливных изразцов. В иных местах возвышались башни и башенки с орлами, единорогами и львами вместо флюгеров. По свидетельству итальянца Барберини (1565 г.), кровли и куполы на царском дворце покрыты были золотом; по карнизу Средней Золотой палаты вокруг шла надпись медными вызолоченными словами, в которой значилось: «В лето 7069 августа. повелением благочестивого и христолюбивого. царя и великого князя иоанна васильевича всея России. владимерского. московского. ноугородского. царя казанского. и царя астраханского. гдря псковского и великого князя тверского. югорского. пермского. вятского. болгарского. и иных гдря земли ливонские. града юрьева и иных. и при его блгородных чадах. царевиче

иване: и царевиче феодоре иоанновиче всея России самодержце»¹.

Кровля Каменного Терема первоначально украшения была, в 1637 г., репьями, наведенными золотом, серебром и красками². Впоследствии она была вызолочена, как можно заключить из того, что в начале XVIII столетия верхний покой Теремного дворца, древний Чердак, или собственно Терем, назывался Золотым Теремком. Некоторые из дворцовых зданий покрывались по тесу белым железом с опайкою английским оловом; но в большом употреблении, особенно на деревянных хоромах, были кровли гонтовые, крытые *по-чешуйному*; их красили обыкновенно зеленой краской.

Нигде, однако ж, не являлась в такой степени вычурная пестрота и узорочность, как во внешних архитектурных украшениях и разного рода орнаментах, располагавшихся обыкновенно по карнизам, или подзорам, зданий, в виде поясов, по углам в виде лопаток или пилястр и колонок; также у окон и дверей в виде сандриков, наличников, колонн, полуколонн, капителей, шпренгелей, гзымзов, дорожников и т. п., узорочно-вырезанных из дерева в деревянных и из белого камня в каменных зданиях. В резьбе этих орнаментов между листьями, травами, цветами и различными узорами не последнее место занимали эмблематические птицы и звери: орел, лев, единорог и даже мифологические — гриф, птица

¹ Когда в 1752—1753 гг. палаты Средняя Золотая, Столовая и Ответная, с принадлежащими к ним покоеми, были разобраны для постройки на их месте нового дворца, то с кровли Золотой палаты было снято 720 пудов 21½ ф. медных листов в разных подзорных и других украшениях, именно: листов 1858, полулистов больших и малых 112, резаных в четверть листа 21, угольников 252, слуховое дверцо 1, спусков длинных в аршин и в полтора аршина 30, гвоздей заклепных 18½ ф., подзорных штук с надписью словами (с Золотой палаты) 63, подзорных штук росписных травами 54, мелких разных штук 3 п. 32½ ф. Сверх того, в числе железа: конь ломаный и конь целый, с флюгеров. Медь была отправлена в С.-Петербург «для обнавия в Воскресенском Новодевичьем монастыре на церквах глав». Впрочем, за доставленный материал монастырь заплатил деньги. Железо, 200 пуд, отдано в Донской московский монастырь на кровлю построенной там колокольни и тоже в цену, впрочем, со сбавкою, яко за железо старое. Относительно подзорных медных штук с надписью словами, собранных с карниза Золотой палаты, заметн, что в мае 1753 г., во время присутствия двора в Москве, барон Черкасов полюбостствовал было эту надпись видеть, между тем как она, собранная литера под литеру, была уже отправлена в Петербург вместе с прочею медью. По этому случаю заведовавший кремлевскими постройками генерал Давыдов ответил, что «оная палата строена, как та надпись значит, при царе Иоанне Васильевиче», и поспешил уведомить генерала Фермора, в Петербурге, чтоб «оную надпись там приказать отыскать и никуда в дело ее не употреблять, понеже может быть оная спрошена будет сюда (т. е. в Москву); а оная надпись была вокруг той палаты по карнизам». Фермор при письме от 3 июня 1753 г. прислал *точную копию* надписи, известив при том, что листы с той надписью в дело употребляться не будут. (Дела Гоф-интендантской канцелярии.)

² Расходные книги Казенного приказа в Арх. Оружейной палаты, № 958.

Сирин и т. п. Михалон Литвин, писатель XVI века, говорит, что вел. кн. Иван Васильевич украсил дворец свой каменными изваяниями, по образцу Фидиевых¹. Мы не знаем, что он разумел под этими изваяниями, но, во всяком случае, его свидетельство любопытно как общий отзыв о тогдашних украшениях дворца.

В древнее время *резное дело*, по рисунку и по исполнению, отличалось тою же простотою, какую и теперь мы видим в украшениях крестьянских изб. Само собою разумеется, что в украшениях княжеских и боярских хором резное дело выказывало больше затейливости и замысла, больше тщательности и чистоты в работе; но характер *художества*, в своих приемах, оставался тот же. Рисунок или, выражаясь древним термином, *ознаменка* вполне зависела от иконописного стиля, всегда рабски, почти по трафарету, переводившего искони принятые, заученные образцы. Порабощение рисунка известным, раз навсегда освященным, типам лишало художников необходимой смелости и возможности самостоятельно выдвинуться вперед из угнетающей и оупляющей среды заученных приемов и разных технических и символических преданий, лежавших тяжелыми цепями на всей художнической деятельности наших предков. В отношении резного дела угнетающая сила таких приемов и преданий и происшедшее отсюда совершенное искажение или крайнее младенчество рисунка особенно обнаруживались в изображении животных, птиц, зверей, человека. Подобные изображения XVI и XVII ст. и в барельефах, и в целых *болванах* очень часто напоминают то первобытное искусство, какое находим только или у народов глубокой древности, или у дикарей, вообще на первой ступени гражданского развития. Вот почему, напр., иконы, писанные русскими иконописцами в конце XVII ст., приняты были в Европе за памятники X и XII столетий.

В изображении растений, так называемых *трав*, плодов и т. п., рисунок был, конечно, свободнее; но и здесь он был связан теми же заученными образцами, беспрестанно повторяемыми и в больших, и в малых размерах и обнаруживающими вообще или скудость и сухость, или раболепство воображения художников. К тому же *травная* резьба, более или менее замысловатая, носила название *фрящины*, *фряжских трав*, что также указыва-

¹ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. М., 1854. Отд. V. С. 33.

ет на чуждое ее происхождение, именно из Италии и, может быть, не раньше XVI века¹. Древнейшие травяные украшения значительно отличаются от этой *фрящины* и всегда сохраняют тип своих византийских образцов. Полный простор и для воображения, и для рисунка, как равно и для самой техники резного дела, представлялся у нас в разнородном и разнообразном сочетании простых геометрических фигур, чем особенно и красовались резные украшения хором и вообще всякая резная работа. Едва ли не здесь только должны мы искать старинное наше изящество и красоту и старинный, чисто русский узорочный вкус. Здесь древнее резное художество было, так сказать, на своей ноге. Не умея порядочно рисовать, *знаменить*, животных и растения и потому боясь выступить с плоской порезки только по поверхности дерева, т. е. доски или столба, в высокую *обронную* горельефную *резьбу из дерева*, которая деревянный брус или столб обращала в хитрое сквозное сплетение различных изображений, — древняя русская резьба вполне удовлетворяла своим вкусам вырезкою на ровной гладкой плоскости простых геометрических фигур, как мы упомянули, разных *косиц* и *пряmej*, зубчиков, городков, киотцов, клепиков, ложек, желобков, звездок, или вырезкою из брусков и кругляков, маковиц, кубцев, дынь, грибков, репок, кляпышев, горбылей и т. п. Превосходный и самый характерный памятник древней русской резьбы есть деревянное царское место в московском Успенском соборе, устроенное в 1551 г. царем Иваном Васильевичем. Вместе с другими подобными памятниками, оно дает самое полное и верное понятие об архитектурных типах своего времени и о характере резных узорочий, какими украшались хоромы царские и вообще хоромы людей богатых и достаточных. Можно полагать, что тот же характер резьбы господствовал в наших древних постройках и внутренних убранствах не только в XVI, но также в XV, а может быть, и в предыдущих столетиях, ибо он создан по-

¹ Именем *фрящины*, по всему вероятно, предки наши исключительно обозначали лишь тот род *травяных* украшений, который в это время господствовал в Италии, откуда перенесен и к нам. Травы, узоры, цветы, листья, всякие детали этого рода отличаются особенным присутствием узорочных, травяных форм античной, особенно римской древности, возрождение которой в Италии относится к этой же славной для искусства эпохе. К нам, конечно, принесены были не какие-либо высокохудожественные создания тогдашних великих мастеров, а, так сказать, обычные, рядовые, повседневные формы тогдашних украшений, во вкусе этого Возрождения. По характеру эти травы значительно отличаются от трав византийских, а также и от северных, или готических.

степенно на своенародной почве, своенародными силами, претворяя все заимствованное в своеобразный чисто народный тип. К тому же в те века не много было причин, которые могли бы слишком резко изменить вкус предков, ибо до XVI ст. и чужое, которое приходило к нам и могло иногда служить образцом, мало чем было выше своего туземного. Только с эпохи Возрождения искусств, прямое влияние которой нас не коснулось, мы стали отставать от общего движения не по дням, а по часам и успели сохранить свою художественную старину даже до конца XVII ст. в таком виде, что европейцы, судя по типам и способам работы, как мы заметили, относили ее к X веку. Резное дело с тем же своенародным характером сохранилось до второй половины XVII ст., когда при царе Алексее, на смену старины, к нам принесена резьба немецкая, *фигурная*, тоже в стиле Возрождения, но с немецкою, или готическою, его обработкою. Мы упоминали, что такую резьбою была украшена новая Столовая царя, построенная по вымыслу немецкого инженера-архитектора Декенпина в 1660 г. Затем в 1668 г. в том же стиле украшены хоромы Коломенского дворца и Столовая царевича Алексея Алексеевича во дворце Кремлевском — резчиками, большею частью поляками или белорусцами, вызванными или вывезенными из покоренных перед этим временем белорусских и литовских городов: Полоцка, Витебска и Вильны.

С новым мастерством принесено было и много новых снастей, или инструментов, до того времени мало известных русским мастерам. До сих пор эти инструменты сохраняют печать своего немецкого происхождения в своих немецких названиях: *гзымзумбь*, *шерхебль*, *шархенбь*, *нашлихтебль*, как именовали их в то время. Еще больше таких же немецких, а отчасти и польских имен явилось вместе с самыми предметами новой техники. Многие слова русский ремесленник даже и не выговорил правильно и не приискал собственного, всегда точного и меткого, имени подобным заморским *струментам* и снастям, а равно и резным фигурам: так они были новы и чужды его сведениям. С того времени в разных украшениях хором, внутри и снаружи, как равно и в украшениях разной мебели, появились *карнисы*, *гзымсы* или *кзымсы*, *шпенгери*, также *шпренгери* (щиток), *караштыны* или *кракштыны* (кронштейны), *фрамуги* (кружало), *каптели* (капители), *базы* (подушки), *заслу-*

лы (род столбов), *скринки* (киотцы), *скрыдла* (фигура вроде крыла), *штапсалькелен* или *штапзгалкелен с лескою*, *штапгалнке с лескою*, *штапганен с лескою*, *цыроты*, *цыротные* травы, *фруфты*, *флемованные* дорожки и т. п. Такими-то словами стали и русские мастера обозначать разные части новой *фигурной* или *обронной* резьбы. Вдобавок стали резать резьбу по печатным немецким мастерским *лицевым* книгам, т. е. по рисункам. Две таких книги в 1667 г. взяты были во дворец из Воскресенского монастыря, патриарха Никона, келейные, по которым он украшал храмы этого монастыря. С образцами и характером этой резьбы, во вкусе Возрождения, могут познакомить нас некоторые предметы из старинной царской мебели, сохранившиеся до сих пор, а главным образом многочисленные иконостасы московских городских и загородных церквей, построенных в конце XVII ст., а также и каменные *ростески*, т. е. резные, равно и кафельные украшения окон, карнизов и других частей в зданиях, построенных около того же времени.

От древнего времени, а также и в XVI и XVII ст. все такие *рези*, т. е. наличные и внутренние резные украшения каменных и деревянных хором, расписывались яркими красками и по местам густо покрывались сусальным золотом и частью серебром. Снаружи так украшались преимущественно жилые и приемные покои, столовые. Мы упомянули уже о кремлевских столовых царя Алексея и его сына и о Коломенском дворце, которые и снаружи были роскошно украшены резьбою, живописью и позолотою, а в Коломенском даже и резные ворота были вызолочены. Рейтенфельс, бывший в Москве в 1670 г., вообще замечает о Коломенском дворце, что он «так превосходно украшен был резьбою и позолотою, что подумаешь — это игрушечка, только что вынутая из ящика». Такими же украшениями пестрели и жилые деревянные покои Кремлевского дворца. К сожалению, об этих именно хорах мы не имеем достаточных подробностей. Ограничимся несколькими указаниями в подтверждение наших слов. В 1681 г. расписаны и раззолочены были новые хоромы царя Федора Алексеевича, построенные у северо-восточного угла Теремного дворца. На другой год, в апреле 1682 г., незадолго перед смертью царя, на этих хорах «прописаны розными цветными красками снаружи *чердаки* с двух сторон, от Камейных Теремов, другая сторона от церкви Живоносного Воскресения». В 1690 г.

велено «у новой Столовой комнаты, у дву наличных стен, что от соборной церкви да от саду, резные окна с наличники и со гзымзы и с каракштышы выгрунтовать красками, а по грунту написать против ореха индейского, красками ж». Так как во всех почти хоромах окна украшались резными наличниками и наверху резным шпренгелем (щитком), то эти части по преимуществу и расписывались красками или в особенных случаях золотились и серебрились. Не упоминаем об оконных *вставнях*, которые также всегда расписывались красками и золотились. На них изображали цветы, травы, также птиц и зверей. Обыкновенно же их расцветчивали большею частию *аспидом*, т. е. под мрамор. Само собою разумеется, что в том же характере украшались и наличные стены каменных зданий. Так украшены были в 1667 г., вероятно, не в первый уже раз, все здания, составляющие лицо дворца со стороны Соборной площади, т. е. Благовещенская паперть, Красное крыльцо и Грановитая палата. На всех окнах и дверях этой палаты, снаружи и внутри, вырезаны были в то время по белому камню *фряжские травы*¹, которые потом покрыты красным золотом и цветными красками. Они отчасти сохранились и до сих пор и могут служить образцом старинной *фрящины* в украшениях. Подобным же образом расписан был и Каменный Терем, сохранивший доселе во многом свой прежний вид. Крыльцо, ведущее в Терем, называлось *Золотым*, потому что великолепно было украшено золотом и красками. В 1667 г. на Верхнем государевом дворе (площадке), около Верхнего государева *Чердака*, или Терема, в окнах и на дверях все разные травы были снова расписаны, прикрыты разными цветными красками иконописцем Симоном Ушаковым. Потом наружные украшения терема несколько раз были возобновлены при царях Алексее Михайловиче и особенно при сыне его, Федоре. В 1678 г. (в сентябре) велено написать живописцам Ив. Салтанову, Ив. Безмину, Ив. Мировскому, с мастерами и с учениками, у государя в Верху, *розными краски и аспиды*: «Каменное новое Крыльцо и около Спасского собору каменную же новую паперть, которая к Спасскому собору и к Грановитой Полате приделана вновь; да от Золотого Крыльца, что на площади, переграду каменную, которая делана вновь; да против Евдокеинской церкви, промеж приделом Иоанна Белоградского и про-

¹ Дела Дворцовых приказов, XVII столетие, в Арх. Оружейной палаты.

тив *Голгофы*, в пещере, написать такими же краски и аспиды; да около каменного нового Крыльца написать вновь такими ж розными аспиды столбы, и на площади, и переграду каменную, и новое деревянное Крыльцо». В 1679 г. перед *четвертою* комнатою на площади, что от Рождественской церкви, с лица стены были писаны живописным письмом розными краски. Иногда подзоры каменных зданий составлялись из цветных кахелей, испещренных красками. Таковы, напр., карнизы, или подзоры, двух верхних этажей Каменного Терема и церкви Спаса за Золотою решеткою, составленные из ценных (синих) изразцов с цветными травами.

Должно упомянуть также, что на всех воротах дворца, снаружи и со внутренней стороны, то есть со двора, стояли иконы, писанные на дсках. Так, например, на Колымажных воротах с одной стороны стоял образ Воскресения, а с другой — Пресвятые Богородицы Смоленской. На Сретенских воротах, которые вели под Сретенским собором на Запасный двор, находился образ Сретения. В Коломенском на шести воротах государева двора поставлены были иконы: Вознесения Христова, Богородицы Смоленской, Богородицы Казанской, Спаса Нерукотворенного, Иоанна Предтечи, Московских Чудотворцев. Это было общим обычаем в то время. И не только во дворце, но и в домах частных людей, от боярина до простолюдина, всегда на воротах были иконы или кресты; русский человек не входил во двор и не выходил со двора без молитвы и без крестного знамения.

Войдем теперь во внутренность хором. Все, что служило украшением внутри хором или составляло их необходимую обделку, называлось вообще *нарядом*. *Наряджать* хоромы — значило, собственно, убирать. До сих пор в Вологодской стороне *нарядить избу* — значит отделать ее начисто внутри, то есть отесать стены, сделать лавки, полати и проч. То же самое первоначально означал и *хоромный наряд* в царском дворце. Мы уже говорили, что внутри хором стены и потолки обшивались большею частью *красным тесом*, тщательно выстроганным. В брусных хоромех точно так же наглядко выскабливались стенные и потолочные брусья. Но это был наряд обычный, простой, собственно плотничий, который при этом, в царском и вообще богатом быту, почти всегда покрывался еще другим нарядом, *шатерным*, состоявшим из уборки комнат сукнами и другими тканями.

Этот простой плотничный наряд получал особую красоту, когда комнаты убирала столярною резьбою. Если, как мы говорили, резное дело было необходимою статьею в уборке внешних хоромных частей, то естественно, что внутри комнат оно также служило самым видным и любимым украшением. С особенною заботливостию украшались *подволоки*, или потолки, которых самое название уже показывает, что они и в обычном плотничьем наряде устраивались или собирались иным способом, независимо от наката, и служили как бы одеждою потолка, ибо подволока означала вообще одежду. Такие подволоки по большей части и украшались резьбою из дерева и составлялись из отдельных штук, щитов, или рам. Упоминаются даже *вислые* подволоки, что могло обозначать какой-либо особый род украшений с частями, висевшими под потолком. Вместе с деревянною резьбою подволоки убирались чаще всего слюдою с резными украшениями из жести, олова и белого железа. Подобные *слюдяные* подволоки были устроены в хоромах царицы Марии Ильичны в 1651 г. Описаны слюдяные подволоки и в доме кн. В. В. Голицына, см. в Материалах. Иногда подволоки устраивались даже из серебра. Так в 1616 г. в Серебряной палате была сделана в хоромы царя Михаила Фед. серебряная литая *вислая* подволока, которую устраивал «сторож от Золотого дела из Немецкие Палаты» Михайло Андреев Сусальник. Нет сомнения, что она состояла из различных отдельных фигур, собранных по известному рисунку. Само собою разумеется, что и деревянные резные подволоки всегда также золотились и расписывались красками, о чем мы упоминали по случаю постройки в 1661 г. новой Столовой *избы* царя Алексея Мих. Притом украшениям подволоки всегда соответствовали украшения окон и дверей комнаты, которые тоже покрывались резьбою по *наличникам* и по *причелинам* или *подзорам*, т. е. в верхних частях, где утверждались также и особые подзорные щитки или доски, подзорны, впоследствии, с половины XVII ст., получившие немецкое имя *шпренгелей*. Во всех таких украшениях очень много употреблялось так называемых *дорожников*, резных длинных брусков или планок, вроде багетов, из которых устраивались по приличным местам рамы, *кóймы* и другие подобные разделы украшений. Резьба производилась по большей части из липы. Так, в августе 1680 г., по случаю переделки и поправки ком-

натных украшений, было употреблено «к строенью подволоку с дорожниками в четырех государевых комнатах и в хоромех царевен 260 досок липовых московецких самых добрых и для прибавки 1500 гвоздей луженых Московского дела». В это же время велено «починить и вычистить подволоку деревянную резную золоченую, которая выбрана из Столовой царевича Ивана Алекс.; а которые в ней *штуки* поломаны и те сделать вновь»; а в новых царицыных брусных хоромех тогда *подбирали* подволоку также резную золоченую. В 1682 г. к празднику Пасхи в деревянных хоромех царя Федора Алекс. в Комнате и Передней подволоки, двери, окна, резные золоченые были вычищены и починены живописцем Дорофеем Ермолаевым; тогда же в его деревянной Комнате резные подволока, окна и двери были высеребрены. В 1686 г., в июне, в деревянной Комнате царя Ивана Алекс. позолочено сусальным золотом в подволоке крест и около его звезды и кóймы и у окон наличники, а у дверей дорожники и шпренгели. В 1692 г. в хоромы царевичу Алексею Петровичу велено сделать и вызолотить к подволоке круг резной с сиянием и с клеймы, в два аршина в диаметре. В 1696 г. в новопостроенных деревянных хоромех царя Петра Алекс. вызолочены резные окна и двери с наличниками.

Пол, или по древнему *мост*, обыкновенно настилали досками. Но в жилых помещениях полы мостили *дубовым кирпичом*, квадратными дубовыми брусками, от 6 до 8 вершков ширины и от 2 до 3 вершков толщины. Иногда такие бруски делались *косяками*, почему и пол именовался *косячатым*. Это был род паркета, который, однако ж, не натирали воском, а расписывали иногда красками, например, зеленою и черною, в шахмат, и притом *аспидом*, или под мрамор. В 1680 г. такой пол был устроен в Верховой церкви Иоанна Белоградского. Иногда расписывали *серым аспидом* или покрывали только левкасом. Дубовые кирпичи настилались на сухом песке со смолою или на извести. Такие простые, нерасписанные, полы доселе еще сохраняются в Москве, в Золотой Царицыной палате Теремного дворца и в некоторых древних церквах, например, в Новодевичьем монастыре, в двух храмах, построенных над святыми воротами, в которых даже и мурамленные печи относятся к концу XVII столетия. Устроивались также полы и гончарные из цветных изразцов. В Ответной Посольской

палате (в 1722 г.) был пол гончарный каменный набран узорами¹.

С самого древнего времени и до начала XVIII века, обычною мебелью в царских хоромах были лавки, которые устраивались подле стен, сплошь вокруг всей комнаты или палаты, даже иногда около печей. Они делались из толстых и широких (в три четверти аршина) досок и утверждались на столбиках, или *подставках*, называвшихся также *стамиками*; с краев лавки обделывались тесом, что называлось *опушкою*. Под лавками делывали иногда *рундуки* с затворками, род небольших шкафов. Такие рундуки под лавками устроены были в 1683 г. в передней комнате царя Петра Алексеевича. Лавка, находившаяся у входных дверей комнаты, в заднем углу, называлась *коником*, может быть, потому, что ею оканчивалась линия лавок, что она служила концом комнатных или избных лавок. Под нею, как в самом удобном месте, почти всегда устраивался рундук, ларь, служивший для поклажи разных вещей из хоромного убора. Коники находились, например, в Теремной Золотой, или в государевой Комнате, ныне престольной Теремного дворца², также в хоромах цариц Евдокии Федоровны (1696 г.) и Марфы Матвеевны (1698 г.). Лавки подле окон назывались *красными*, у стены переднего угла — *передними*.

В окна вставлялись рамы, или *оконничные станки*, обитые полстями и сукном. В них укреплялись петлями и крючками *оконницы*, соответствовавшие нашим рамам. Они были *подъемные* и *отворные*, а в волоковых окнах *задвижные* и *отворные*. До Петра Великого, даже в царском дворце, стекла не были в большем употреблении; их вполне заменяла *слюда*, известная с глубокой древности. *Слюдяные оконницы* устраивались из белого или красного железа, в сетку, основанием которой служили четыре железные *прута*, составлявшие собственно рамку. Сетка делалась в виде *образцов*, то есть четырехугольников и треугольников или *клинов* и в виде *репьев*, *кругов*, *кубов*, *косяков*, в которых укреплялась слюда и от которых оконницы назывались *обращатыми*, *клинчатými*, *репейчатými*, *кругчатými*, *косячатými*. Такое устройство оконниц было необходимо потому, что слон, или листы слюды, большею частью были невелики и при-

¹ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, ч. 1. С. 1287, 1302.

² Выходы государей царей... С. 379.

том неправильной формы, которая всегда и условливалась узор оконной сети. Большие листы слюды помещались всегда в виде *круга* в середине окончины, а около располагались *боковые образцы* разной формы, также *углы* и *пахлилки* или мелкие вырезки. Для укрепления слюды в своих местах употреблялись, кроме того, оловянные *денежки*, небольшие *бляшки*, *кружки*, *репейки*, *зубчики* и *орлики*, которые почти всегда золотились, а иногда оставались белыми. Под орлики подкладывались атласные или тафтяные цветки. В XVII столетии слюду в окнах стали украшать живописью. Так, в 1676 г. велено было живописцу Ивану Салтанову написать в хоромы царевича Петра Алексеевича оконницу по слюде «в кругу орла, по углам травы; а написать так, чтобы из хором сквозе видно было, а с надворья в хоромы, чтоб не видно было». В 1692 г. велено прописать окончины в хоромы царевича Алексея Петровича, чтоб сквозь их не видеть. Различные изображения людей, зверей и птиц, писанные красками, можно также видеть и на слюдяных оконницах, оставшихся от переславского дворца Петра Великого и сохраняющихся доныне под Переславлем вместе с Петровским ботиком.

Гораздо меньше были в употреблении *стекольчатые оконницы*, которые устраивались почти так же, как и слюдяные, то есть из железных прутковых рамок и свинцового переплета, в который закреплялись стекла посредством замазки, составляемой из мела и медвежьего сала с деревянным маслом. Впрочем, в боярском быту в исходе XVII ст. употреблялись в стекольчатых оконницах даже и цветные стекла с личинами, напр., у кн. В. В. Голицына. Но в его же доме иные комнаты были и с слюдяными оконницами.

Нет сомнения, что в Новгороде с давнего времени были известны не только простые стекольчатые оконницы, но даже и цветные стекла. В 1556 г. царь Иван Васильевич посылал в Новгород за покупкою «*стекло оконничных розных цветов*» своего оконничника Ивана Москвитина и повелевал купить их *сколько мочно* и прислать на Москву тотчас¹. Однако мы не имеем сведений о том, что такие стекла были в употреблении при устройстве

¹ ДАИ. Т. 1. С. 144. В то же время вызывались из Новгорода и серебряные мастера. И тогда же (1556 г. февр. 9-го) царь приказывал отыскать и выслать в Москву на образец, на помост к Устретенью, *камень розных цветов: железнца, голубица и красный* и лицо на нем наложить, т. е. выполнировать, подобием как был устроен помост в новг. Софийском соборе и в Благовещении возле Аркажа монастыря, *ibid* (С. 148).

дворцовых зданий даже и в XVII ст. Изредка встречаются указания и о простых стеклах. Так в 1613 г. в Казенной палате (на Казенном дворе) были вставлены три окончины *стекольчатых*, стоившие за стекла, за деревье и за дело 3 р. 23 алтына. О цветных стеклах находим указание, что в 1633 г. в *Крестовую* писанную палатку патриарха Филарета Никитича были куплены у немчина Давыда Микулаева «оконницы стекольчатые нарядные с травами и со птицами» за 5 р. 14 алт. 4 денги.

Само собою разумеется, что одни описанные нами оконницы не могли хорошо защищать от холода, по самому своему устройству; поэтому, соответственно теперешним зимним рамам, употреблялись в то время так называемые *вставни*, или *ставни*, особые станки, глухие или со слюдяными же оконницами, старательно обиваемые тоже полстью и сукном. Кроме того, на ночь и, может быть, в сильные морозы окна закрывались изнутри *втулками* — щитами величиною во все окно, вроде вставней, также обитыми войлоком и сукном. Такие втулки употреблялись вместо *затворов*, или *притворов*, снаружи, или ставней по-теперешнему, и в окно вставлялись или просто, т. е. *втулялись*, или же иногда навешивались на петли и затворялись. В царском быту *затворы* наружные употреблялись мало и, разумеется, только в нижних ярусах хором. В каменных зданиях наружные затворы всегда делались железные.

Все приборы у окон: подставки, петли, растворные и закладные крюки, кольца с защелчки и без защелчков, кольца с топорки, крючки отпорные и запорные, завертки барашками, засовы, наугольники; и у дверей: *жиковины*, т. е. большие петли, на которых навешивались двери, плащи, скобы *ухватные*, цепи, задвижки, крюки закладные, замки, погоны и т. п., даже гвозди, которыми прибивали сукно, и пр. — были луженные английским оловом, иногда серебрёные, как, напр., в хоромы царицы Наталии Кирилловны, в которые в 1674 г. в декабре высеребрены: скоба с личиною резною, крюк закладной с пробоем и с личиною и гвозди к дверям; а иногда золоченые, как, например, в деревянных хоромы Лжедмитрия или в хоромы царя Михаила, построенных в 1614 г., когда в эти хоромы на крюки, на жиковины, на цепи, на плащи, на скобы и на засовы было отпущено на позолоту 50 золотых угорских¹. Некоторые

¹ Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Спб., 1834. Ч. 4. С. 23; Расходные книги Казенного приказа 7123 г., № 895.

вещи из этих приборов шли к нам из Польши и от немцев, отчего и назывались польскими и немецкими и служили образцом для русских слесарей, которые делали, например, петли, скобы, жиковины с польского перевода, то есть по образцу польских.

Нам остается упомянуть еще о печах. Во всех жилых хоромах печи были изразцовые, или *образчатые*, *ценинные*¹ из синих изразцов и *муравленные* или *зеленые*, из зеленых. В XVII ст. упоминаются также печи *польские зеленые*. Печи ставились четырехугольные и круглые, сырчатые, из кирпича сырца особой формы, — на ножках, с колонками, с карнизами и городками наверху; поэтому и форма образцов была разнообразна. Они были плоские и круглые; по месту, которое они занимали в кладке, их называли подзорными, свесами, уступами, валиками, наугольниками, свислыми, перемычками, городками, исподниками, ногами и пр. На образцах изображались травы, цветы, люди, животные и разные узоры. Швы между образцов прописывались суриком или покрывались красками под узор изразцов. Так, напр., в 1690 г. «в деревянных дву комнатах царицы Прасковьи Федоровны две печи ценинные велено расписать меж образцов, по цветам красками, которыми прилично, против тех печных образцов; в кубах и в травах, меж споев, такими ж краски приправить: а испод под теми печми выкрасить суриком, против прежнего, заново». Бывало также, что печи расписывались одною какою-либо краскою; в 1684 г. в хоромах царицы Прасковьи и царевны Софьи четыре печи расписаны краскою зеленою, а в 1686 г. у царицы Марфы Матвеевны в новопостроенных каменных комнатах три печки — суриком. Иногда печи украшались металлическими решетками. Во дворце Самозванца, красивом и даже великолепном, по свидетельству его современников, печи были зеленые с серебряными решетками².

Верхние этажи деревянных хором по большей части нагревались *проводными трубами* из печей нижних ярусов. Трубы эти были также изразцовые с душниками. На крышах они выводились в виде коронок, шатриков, узорочно складенных из тех же изразцов, и покрывались мед-

¹ Цениною прежде назывался фаянс, покрытый синею поливою; от этого и синие изразцы, в отличие от зеленых, назывались ценинными, хотя состав поливы на тех и других был совершенно одинаков и различия только цветом. См. наше «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России» в Записках Спб. Археологического общества» (1853. Т. 6. Отд. 1).

² Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 4. С. 23.

ными сетками «для птичьих гнезд, от галок и от сору». Все большие царские палаты, Грановитая, две Золотые, Столовая и Набережная, точно так же нагревались проводными трубами из печей, устроенных под ними в подклетах¹. Однако впоследствии мы находим в этих палатах большие изразцовые печи, см. выше.

Несмотря, однако ж, на чистую, гладкую отделку влас внутри хором, стены, потолки, лавки и полы почти никогда не оставались голыми. Их *наряжали* обыкновенно сукнами. Для стен и потолков сукно было так же употребительно, как теперь обои. Кроме того, сукном же настилали полы, обивали или только *опушали* двери, обивали или обшивали окна, оконницы, ставни, втулки; клали его под дверной и оконный прибор: под крюки, жиковины, под скобы, под плащи и цепи, а также под красное гвоздье в украшении лавок. Сукно в такой *наряд* наиболее употреблялось — красное — багрец, червленое, червчатое и т. п., редко зеленое, а в печальных случаях, во время траура, — черное, иногда гвоздичное, вишневое, коричневое и других темных цветов. Под сукно на полах и стенах, а также при обивке дверей, окон, вставней и втулок клали обыкновенно серые или белые полсти, войлоки, иногда простое сермяжное сукно или ровный холст². Стены и потолки наряжали сукном большей частью обыкновенным способом, во все полотнище, т. е. в гладь. Но нередко употреблялся и другой наряд *в шахмат*, т. е. клетками в три четверти шириною, иногда в два цвета, напр., клетка красного сукна, а другая голубого и т. п., также *в клин*, т. е. клиньями (ромбами), и также в два цвета, напр., клин из сукна багрецу (красного) и клин из зеленого кармазину. Точно так же наряжали сукном и каменные палаты, если они не были украшены живописью; и не только стены и пол, но даже и своды. Иногда стены и потолок по полстям обивали зеленым атласом: таким атласом обиты были комнаты царицы Натальи Кирилловны и царевича Алексея Петровича в 1691 г., поэтому они и назывались *атласными комнатами*. В XVII ст. в Москве известны были и златотканые обои, какими, напр., была обита одна из внутренних комнат на Посольском дворе, стоявшем на Ильинке, в Китай-городе. На этих обоях была изображена *история Самсона*. В 1614 г. Голландской земли гость

¹ Там же. Ч. Б. С. 69.

² В 1682 г. для наряда государевой Комнаты понадобилось на пол под сукно на подстилку холста ровного 200 аршин.

Юрий Клинкин поднес царю Михаилу Феодоровичу «два *запона* (завеса) *индийских стенных* разные цветы». Со времен царя Алексея Михайловича, стены, и особенно двери, стали обивать золочеными *басменными* кожами, на которых были вытиснены разные травы, цветы и животные, птицы, звери. Кожи эти искусно сшивались и для сохранности прикрывались олифой, заменявшей лак. Такими кожами были обиты: в 1666 г. двери государственной Комнаты и третьей в Теремах; в 1673 г. верхняя избушка, что над Крестовою, у царицы Натальи Кирилловны, и серебряными кожами комната царевича Петра; в 1681 г. золотными кожами комнаты и сени в новых деревянных хоромах царя Феодора Алексеевича, построенных в это время подле Теремов и Воскресенской церкви; и Столовая в селе Алексеевском; в 1687 г. — комната царицы Натальи Кирилловны, в 1688 г. комната царевны Натальи Алексеевны, в 1692 и 1693 гг. комнаты царевича Алексея Петровича, в 1694 г. комнаты цариц Евдокии и Прасковьи Федоровн и царевен Марьи и Анны Ивановн и пр. В Оружейной палате, в числе мастерских разных снастей, в 1687 г. сохранялась «*доска медная, что печатают кожи золотные, весу в ней 6 пуд 10 гривенок*». Это свидетельствует, что подобные кожи, кроме привозных заграничных, печатались и дома, в Москве, именно мастерами Оружейной палаты. Путешественник в Московию барон Майерберг рассказывает, что в Москве (1661 г.) и у частных лиц, у немногих, стены были обиты золоченой и расписанной кожей бельгийской работы.

Ниже мы увидим, что в конце XVII столетия для обоев употреблялись также холсты и полотна, которыми оклеивали стены и потолки и расписывали большею частью *травами*, узорами, иногда писали *аспидом* разных цветов, то есть под мрамор, и, наконец, просто грунтовали какую-нибудь одноцветной краской.

В богатом боярском быту в это время употреблялись, кроме того, и *шпалеры* — заграничные тканые обои. В доме кн. В. В. Голицына в 1688 г. Столовая палата его сына Алексея была обита такими шпалерами не только по стенам, но и в подволоке. В феврале 1690 г. эти шпалеры были сняты, описаны, оценены и отданы на Гостиный двор в продажу. Опись их заключается следующее: «*Шпалер, на нем древа всякие, в древах человек стреляет по птицам, цена 15 р. — Шпалер, а на нем человек стреляет по птицам, а у него у ног собака, да на нем же птицы плавают, два немчина с мушкеты, на древах си-*

дят птицы, 10 р. — *Шпалер*, а на нем лес, в лесу лежит олень, на дереве сидят птицы, 7 р. — *Шпалер* ветх, а на нем лес, в лесу лежит олень да козел, 5 р. — *Шпалер*, а на нем древа всякие, а в них два человека немчинов с мушкетами, 4 р. — *Шпалер*, а на нем два человека едут на конях и иные личины человеческие, 3 р. — *Шпалер* гораздо ветх, а на нем мужик с бородою, перед ним мужик стоит, 1 р. — Да от тех же шпалер лоскутья сукон зеленых на 1 р. 16 ал. 4 д.» Кроме того, в голицынской казне сохранялись: «*Шпалер*, а в нем птица баба и павлин и иные птицы, кругом кайма цветная, 65 р. — *Шпалер*, на нем места рыси и жаровли и иные птицы, каймы желтые цветные, 40 р. — *Шпалер* по осиновой земле, на нем птицы и грады и травы, кайма цветная, 30 р. — *Шпалер*, на нем большое древо, под деревом птицы большие и малые, 20 р. — *Шпалер* цветной опушен бахромою шелковою зеленою в середине личины и древа подложены киндяком лимонным, 15 р. — *Шпалер* гарусной на нем библейная притча с личины, 15 р.»

Другие комнаты голицынского дома, как и во дворце, были обиты сукнами, также золочеными кожами или расписанным полотном. (См. в М.: Опись хором кн. В. В. Голицына.)

Лавки и коники, сиденья и спинки, обивали также полстьми и войлоками, а по ним сукном красным или зеленым и галуном шелковым с серебром и золотом. Но чаще их накрывали суконными разных цветов *полавочниками*, у которых середина была одного цвета, например, красного или какого другого, а каймы, спускавшиеся обыкновенно с краев лавки, другого, например, голубого, зеленого, желтого и проч. Самы полавочники и каймы иногда украшались *вшивными* травами, узорами, репьями разных цветов и изображениями животных, напр., львов, птиц. Шили также полавочники *клинчатые*, т. е. клиньями из сукна двух или нескольких цветов, напр., из красного и зеленого, попеременно, клин красный и клин зеленый и т. п. Полавочники подкладывались обыкновенно крашениною и оторачивались киндяком. В 1644 г. (августа 31-го) в Теремные покои, в Переднюю, в Золотую, и в третью, на полавочники употреблено сукон: 36 арш. аглинского черленого, 18 арш. светло-зеленого, 13¼ арш. желтого, 7 арш. без чети празеленого, 10 арш. 6 верш. белого, 4 арш. кирпичного, 7 аршин голубого, да вместо обинного сукна — 11 арш. сукна ерен-

ку белого. В 1664 г. (апр. 4-го) в те же покои, в Комнату, и в Переднюю, и в Передние сени, и в Золотую палату, на полавочники употреблено сукон разных цветов: 20 арш. белого, 20 арш. полукармазину зеленого, 22 арш. багрецу красного, 20 арш. голубого, 20 арш. желтого. В 1680 г., сент. 29-го, в Переднюю и в Комнату на вшивные полавочники на травы употреблено сукон: белого, желтого, малинового, голубого, вишневого, по 3 аршина.

Нередко шили полавочники и из бархату. В 1667 г. в комнату царевича Алексея Алексеевича скроены полавочники на три лавки: «средина бархат двоеличной по рудожелтой земле, по нем травы шелк голуб»; на четвертую лавку: «средина бархат шахматный двоеличный, шелк голуб да рудожелт; опушка бархат двоеличный, шелк червчат да зелен; подкладка — красные киндяки».

Иногда на лавках, особенно в каменных комнатах, которые большею частию украшались живописью, клали тафтяные *бумажники*, то есть матрацы из хлопчатой бумаги, выстеганные в шахмат; вместо бумажников употреблялись также сафьянные *тюшаки*, или тюфяки. Иногда лавки просто обивали красным сафьяном по полстям и войлокам.

Двери и в деревянных хоромах окна, красные и волоковые, также почти всегда обивались сукном, и особенно червчатым. Двери и окна завешивались тафтяными, камчатными или суконными и стамедными *завесами*, которые задергивались на проволоке посредством колец. Так как царские жилые комнаты были не обширны, то и завесы в них располагались нередко не над каждым окном отдельно, а по всей стене, где были окна, которые таким образом задергивались одним сплошным завесом. Иногда оконные завесы, особенно зимою, были стеганные на хлопчатой бумаге, которыми завешивали окна, без сомнения, для того, чтобы лучше защититься от внешнего холодного воздуха, и особенно во время ветреной погоды. Так, в 1669 г., в декабре, в деревянные малые хоромы царя Алексея сшит был к окнам «завес в киндяке темно-зеленом, стеган на бумаге на оба лица».

Завесы, особенно оконные, почти всегда украшались *подзором* из шелкового галуна, тканного с золотом или с серебром, а также из золотого плетеного кружева, расшитого по атласу или другой шелковой материи. Оконницы, или окончины, украшались также, особенно в комнатах цариц, шелковыми подзорами (драпри). Так, в 1671 г. в новых хоромах царицы Натальи Кирилловны

к окончинам на *подзоры* употреблено по аршину атласу червчатого и алого. Кроме того, завесы, преимущественно суконные, протягивались иногда поперек комнаты, заменяя перегородку или ширмы. Подобный завес, вышиною в 8 аршин, а шириною в 14 аршин, разделял, напр., заднюю часть Грановитой палаты на две половины. В Передней Терема также висел завес из червчатого сукна (1672 г.). Такие завесы употреблялись большею частью в проходных комнатах, особенно в сенях, отделяя наружные входы от дверей во внутренние покои.

В каменных зданиях на окнах постилали суконные *наокошечники* так, как в лавках полавочники.

В важных случаях, во время посольских приемов или в торжественные дни и царские праздники, весь хоромный наряд получал совершенно иной вид. Тогда, вместо сукон, которыми убирались комнаты в обыкновенное время, стены наряжали богатыми шелковыми и золотыми материями, бархатами, аксамитами, золотными атласами и т. п., а полы — персидскими и индийскими коврами. Так в Золотой палате при Лжедимитрии, когда он давал аудиенцию воеводе Сандомирскому, пол и лавки покрыты были персидскими коврами. Столовая Лжедимитрия была обита персидскою голубою тканью: занавесы у окон и дверей были парчовые. Его постельные комнаты были наряжены богато вышитою золотом материею и одна парчою, а комната Марины, его супруги, гладким красным бархатом.

Не менее великолепен этот наряд был и прежде, в XVI столетии, а равно и в последующее время, при царях Михаиле, Алексее, Федоре и в правление Софьи, у которой комната в 1684 г. была обита богатейшими коврами, «а над окны и над дверьми и около дверей персидскими волнистыми бархаты». В таких случаях вместо полавочников на лавки клали золотные подушки. В 1663 г. (окт. 5-го) в Передней Теремной положены в наряд три пары подушек, и в том числе две подушки бархатных золотных турецких по червчатой земле, две таких же — по червчатой земле с зеленым шелком и две бархатных турецких золотных с серебром по червчатой земле, мерою около 3½ аршин каждая. В 1664 г. (мая 6-го) внесено в Теремные покои в Комнату, в Переднюю и в Передние сени, в наряд, кроме 8 половинок красного сукна, восемь пар подушек бархатных золотных, кругом их кайма с *истками*. О посольских нарядах тех же

Теремных покоев мы приводим свидетельства ниже, говоря о дворцовом значении Передней.

Кроме торжественных приемов и праздничных дней, богатый хоромный наряд употреблялся и при других случаях, особенно важных в семейной жизни государя. Так, во время родов царицы, с большим великолепием убиралась ее Крестовая комната, в которой обыкновенно происходили роды. Великолепно убирались комнаты даже в то время, когда «великий государь легчился, бил у руки жилу сокол», что происходило обыкновенно в Золотой, или собственно «Комнате», Каменного Терема (ныне престольной). Выходные царские книги 1662 г. описывают этот наряд следующим образом: «Сидел государь в больших креслах, а в Золотой был наряд с Казенного двора: на столе ковер серебрян по червчетой земле; полавошники золотные, что с разводами; на кониках ковры золотные; на дву окнах ковры шитые золотные, по белому, да по червчетому отласу; на третьем окне ковер кизылбаской золотной»¹. Подробное современное описание богатых хоромных нарядов XVII столетия мы помещаем ниже, в отделе *Материалов*, № 102.

Но несмотря на все великолепие и азиатский блеск такой уборки комнат, гораздо замечательнее другой род древних хоромных украшений — именно комнатная живопись, *стенное и подволочное письмо*, служившее самым великолепнейшим и с половины XVII столетия довольно обыкновенным украшением царских приемных палат и постельных хором. В XVI веке оно известно было под именем *бытейского письма*. Это название уже достаточно объясняет, какие именно предметы изображались на стенах и плафонах царских палат.

Характер, или, лучше сказать, содержание, подобных комнатных украшений большею частью определяется господствующим характером народного образования. Так, например, любимым и почти исключительным предметом комнатной живописи XVIII столетия, принесенной к нам вместе с западным образованием и принадлежавшей к самым насущным потребностям тогдашнего образованного русского общества, была эмблема, аллегория, для выражения которой служили большею частью готовые образы и формы древней классической мифологии. Это, разумеется, вполне условливалось общим характером

¹ Выходы государей царей... С. 379.

образованности XVIII столетия, воспитанной по преимуществу на классиках древнего греческого и римского мира. Плафоны и стены во дворцах и палатах вельмож покрывались в это время мифологическими изображениями, где языческие божества, полуобнаженные, представленные со всею свободою древнего искусства, должны были олицетворять заветные мысли и думы современников. Не было памятника, не было даже торжества, триумфального въезда, иллюминации или фейерверка, которые не облакались бы в аллегорические образы, столько любимые тогдашним обществом. Таков был вкус, характеризовавший эпоху.

Совершенно иное встречаем мы в жизни наших допетровских предков. По характеру своего образования — религиозного, богословского — древний русский человек любил олицетворенные притчи и *церковные бытия*, изображениями которых и украшал свои хоромы. При отсутствии эстетического элемента в своем образовании он не знал и искусства в том значении, какое придает ему современность; поэтому в *притчах* и *бытиях*, которые изображались на стенах его палат, он желал видеть прежде всего назидание, поучение, душевную пользу в религиозном смысле, а не услаждение взора прекрасными образами, которые относились к соблазну и всегда заботливо устранялись. Таким образом, древняя комнатная живопись (то есть иконопись) носила в себе тот же характер, имела ту же цель, как и церковная стенопись, от которой она почти ничем и не отличалась. Мы не знаем, с какого времени такая стенопись появилась в хорах и палатах великих князей: сведения об этом не восходят раньше XVI века; но это, однако ж, не дает повода заключать, чтоб украшения этого рода принесены были к нам византийскими греками, выехавшими в Москву в конце XV столетия с Софьею Фоминичною Палеолог. Без сомнения, и в древнейшее время великокняжеские хоромы украшались священными изображениями, может быть, по примеру духовных иерархов, которые, по всему вероятно, первые внесли священную стенопись в свои палаты. *Владычные сени* (в смысле дворца) и большие палаты новгородских святителей были *подписаны*, то есть украшены стенописью, еще в первой половине XV столетия, при возобновлении их после пожара, истребившего владычии двор, в 1432 г. Летописец упоминает об этом событии в ряду многих других возобновлений и построек и нисколько не придает ему

значения новости, дотоле невиданной, так что из его слов можно заключить, что такие же украшения существовали и до пожара и составляли, вероятно, одно из обыкновенных условий благолепия, которым отличался двор новгородского владыки. Выше мы приводили известие XII века, что у частных лиц бывали расписываемы повалуши. В сенях Киево-Софийского собора открыты также изображения даже светского содержания, которые могли принадлежать еще первым временам его постройки (XI и XII вв.) и составляли, быть может, части украшений великокняжеских дворцовых переходов в собор.

Московский великокняжеский дворец украшен был стенописью вскоре после его отстройки, при великом князе Василии Ивановиче. В 1514 г. Средняя палата дворца именуется уже *Золотою*¹, следовательно, она была *подписана*, то есть украшена иконописью. К сожалению, неизвестно, какие события церковной истории или какие *бытειαкие деяния* и притчи были написаны в первый раз в этой палате. Весьма любопытные сведения по этому предмету встречаются только в актах половины XVI века. В это время царские палаты, при возобновлении их после опустошительного знаменитого в летописях Москвы пожара, в 1547 г. были украшены новым *стенным бытειαким письмом*, под непосредственным наблюдением знаменитого благовещенского попа Сильвестра, который едва ли не в первый раз решился изобразить на стенах царских палат содержание некоторых церковных догматов *приточне*, в лицах, само собою разумеется, с ведома и, быть может, по указанию самого митрополита Макария.

Приверженцам стоячей старины это показалось несогласным с преданием Церкви, потому что до того времени иконопись, не уклоняясь ни одною чертой от древних византийских образцов и подлинников, ограничивалась только более или менее верным, раболопным их переводом. Одним из главных действующих в этом случае был дьяк Иван Висковатый, писавший, между прочим, и о царском дворце, что «в полате царской притчи — писано не поподобию: написан образ Спасов да тут же близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшет; а подписано под нею: блужение, а иное ревность и иные глумления».

Созван был собор. Митрополит Макарий разрешил

¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 7. Стб. 28.

недоумение Висковатого и объяснил ему, что в палате написано было *приточне Спасово человеколюбие, еже о нас, ради покаяния*. Любопытное описание всех изображений, в которых выражена была эта притча, находим в актах того же собора. «Писано в полате в большой (Средней Золотой) в небе, на середине, Спас на Херувимех, а подпись: *Премудрость Иисус Христос*. С правые страны у Спаса дверь, а пишет на ней: 1) *мужество*, 2) *разум*, 3) *чистота*, 4) *правда*. А с левые страны у Спаса же другая, а пишет на ней: 1) *блужение*, 2) *безумие*, 3) *нечистота*, 4) *неправда*. А меж дверей, высподи, двавол седмиглавный, а стоит над ним Жизнь, а держит светильник в правой руке, а в левой копие; а над тем стоит Ангел, Дух страха Божия. А за дверью с правых стороны писано *земное основание и море*, и преложение тому во сокровенная его; да Ангел, Дух Благодетия, да около того четыре ветры. А около того все вода, а над водою твердь, а на ней солнце, в землю падаяй при воде; да Ангел, Дух Благоумия, а держит солнце. А под ним от полудни гоняется после дни ночь. А под тем Добродетель да Ангел; а подписано: *рачение, да ревность, да ад, да заец*. А на левой стороне, за дверью, писано тоже твердь, а (на) ней написан Господь, аки Ангел; а держит зеркало да меч; Ангел возлагает венец на него. И тому подпись: *Благословиши венец лету благости Твоя*. А под ним колесо годовое; да у Году колесо; с правую сторону *любовь да стрелец, да волк*; а с левые стороны Году *зависть*, а от ней слово к зайцу: *зависть лют вред, от того бо начен и прискочи братоубийц*; а Зависть себе пронзе мечем; да Смерть; а около того все твердь; да Ангели служат звездам и иные всякие утвари Божия. Да 4 Ангелы по углом (полаты): 1) Дух Премудрости, 2) Дух Света, 3) Дух Силы, 4) Дух Разума»¹.

Эта весьма замечательная символическая стенопись, несколько раз поновляемая, сохранилась с некоторыми прибавлениями и изменениями до конца XVII столетия и при Алексее Михайловиче была описана в 1672 г. иконописцем Симоном Ушаковым с означением всех изображений и подписей, какие были на стенах и сводах палаты. Подлинник этого любопытного описания принадле-

¹ Чтения в Имп. о-ве истории и древностей российских. 1847. № 3. Отд. II. С. 7. См. также исследование об этой притче в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» Ф. И. Буслаева (СПб., 1861. Т. 2. С. 312).

жит ныне Импер. Публичной библиотеке. Он находился у Карамзина, который в своей *Истории* (т. X, 153, пр. 453) предложил из него небольшое извлечение. Список с этого подлинника мы напечатали в собранных нами «Материалах для истории, археологии и статистики города Москвы», ч. I, стр. 1238—1271. Из дел Оружейного приказа видно, что еще 11 марта 1672 г. «В. Государь указал в своей Золотой Палате стенного письма осмотреть и над *бытьями* подписи, которые *зарудились* (загрязнились), прочистить и *списать в тетрадь*, а для прочистки подписей взято 20 человек иконников, а над теми иконники надсматривать и у справки подписей быть Оружейные Полаты иконнику Никите Павловцу». Но затем 20 марта это дело было поручено иконописцу Симону Ушакову. И тот и другой были знатнейшими иконописцами царского двора.

Воспользуемся этою описью, дабы в возможной полноте, хотя и сокращенно, представить любопытное содержание стенописи, очень замечательной не только в символическом, но еще более и в историческом отношении. Золотая палата представляла квадратное здание в 6 саж. длины и ширины со сводами и с заветным числом окон, как в крестьянских избах, по *три* со стороны, в стенах, восточной на Передние переходы Красного крыльца, южной — к Набережной Панихидной палате и западной — к Столовой избе, где в северо-западном углу на месте окна стояла большая печь. Северная сторона примыкала к сеням, где находилась входная дверь в палату и направо задний угол с печью. В переднем юго-восточном углу, выходявшем к Благовещенскому собору, между окнами южной стены находилось государево место — трон.

Начнем с сеней палаты, которые длиною простирались в ширину палаты на 17 арш., а в ширину — на 13 арш.

При входе в эти сени, вверху, в небе, т. е. на своде, прямо против входящего, в кругу, был написан Господь Саваоф на престоле сидящ, в недрах Сын, сверху Сына — Дух Святой. Около того круга простирался по сводам другой круг, по самые шельги, то есть касавшийся самых стен. Шельгою именовалось закругление прямой стены под сводом. Здесь, в этом большом кругу, в семи отделах помещались следующие изображения: на первом месте, над входными дверьми от Красного крыльца, — «Благословение Господне на главе праведнаго» —

молятся 2 мужа, около их дерева, вверху — летящий Ангел Господень благословляет их. Таким образом, входящий был осеняем благословением Ангела.

Второе изображение, следуя от дверей по правой стороне, имело подпись: «Сын премудр веселит отца и мать» и представляло: палаты, в палатах царь обнимает сына, а у сына царева в руках книга; за царем — царица, пред ними стол; за царицею (стоят) боярыни.

В третьем изображении была подпись: «Наказание (поучение, наставление) приемлет источник бессмертия; изо уст праведного (справедливого) каплет премудрость». Под надписью написано: «Царь в полатах сedit на престоле млад; ангел летящий возлагает на его главу венец. Из правой руки царевой вода пущена; в той воде стоят нагие люди, препоясаны платами, мало преклонны, обращены к царю. Слева от царского престола стоят вельможи».

Четвертое изображение с подписью: «Зачало премудрости: Страх Господень. Стяжи разум Вышняго и вознесет тя и почтет тя и обымет тя и даст главе твоей венец нетленный и гривну злату на выю твою» — представляло палату, в палате Ангел возвел на высокое златое место *царя млада* и возлагает на главу его венец царский и гривну злату о выи его. Ангел в царском же венце.

В другом отделе этой картины с подписью: «Правда же избавляет от смерти» — был изображен на горе Ангел, держащий в правой руке весы, в левой меч.

В пятом изображении с надписью: «Дух страха Божия» — был написан Ангел, стоящий на облаках, в правой руке сосуд держит, в левой венец царский, из сосуда льет воду. Ниже был изображен стоящий у палат царь Соломон, держащий в левой руке державу, а из правой подающий милостыню нищим — златицы. Вода из сосуда ниспадала между царем и нищими.

Шестая картина с надписью: «Путие праведных подобны свету светятся» — изображала храм, а в храме Кивот Завета, и жертвенник, и завесы; пред Кивотом свещник и стоит царь Соломон. Подле храма палаты, в палатах израильтяне в чашах держат дары и несут во храм фимнам.

В седьмом изображении с надписью: «Сердце Царево в руце Божии» — было написано в палатах на престоле сидящий *царь млад*, в правой руке держит скипетр, в левой яблоко державное, обратясь лицом влево, где в кру-

гу в облаке Спасов образ Вседержителей, обеими руками благословляющий, причем правая Его рука благословенная возложена на яблоко державное царское. По обе стороны царева престола стоят вельможи, на головах хлобучки опущены белыми платами.

Последние три изображения — 5, 6, 7 — приходились над входом в Золотую палату.

Таким образом, вторая картина с правой стороны от входа с Красного крыльца изображала премудрого царского сына, с книгою в руках, которого обнимал царь-отец в присутствии матери. В третьей картине премудрый сын, уже *младый царь*, изливает в народ поучение в образе текущей из его руки воды, среди которой стоит народ, нагой, обращенный к царю с преклонением.

В следующей, четвертой картине — «Начало премудрости Страх Господень» — изображен также молодой царь, которого Ангел возводит на высокое золотое царское место и возлагает на его главу венец царский и на шею — гривну золотую, несомненно, за то, что молодой царь стяжал разум Вышнего и в страхе Господнем исполнен *правды*, которая здесь же изображена в образе Ангела на горе, держащего в одной руке, в правой, весы и в другой, левой, меч.

Следующая, 5-я картина изображала *милость* в образе царя Соломона с державою в левой руке и правую подающего нищим златицы, под осенением Ангела в облаках, держащего в левой руке венец царский, а в правой — сосуд, из которого льет воду, ниспадающую между царем и нищими.

В 6-й картине царь Соломон стоит в храме пред Кивотом Завета и пред свещником, а в палатах израильтяне приносят в храм дары и фимиам. Подпись гласила, что пути праведных подобны свету светятся.

В 7-й картине молодой царь сидит на престоле во всем царском чину, обратясь к образу Спаса, обеими руками благословляющего царя и его державу — знак утверждения за ним царского сана.

В последовательном распределении этих картин по сводам палаты мы видим, что здесь излагалась повесть о нравственных достоинствах молодого царя, которым был не кто иной, как сам царь Иван Васильевич в первые годы своего самостоятельного царствования, в счастливые лета его молодости (1547—1560 гг.). Здесь, конечно, изображены только идеалы этого замечательнейшего юноши, которым, однако, он в это время служил

со всею юношескою горячностью. В действительности в это время он шел путями Правды и Малости к разоренному и угнетенному сильными людьми народу. Стоит только припомнить его речь к народу с Лобного места и его царские вопросы, поставленные собору духовенства и растолкованные и разрешенные известным Стоглавом. В этих деяниях молодого царя яркими чертами выразились неуклонная потребность всеобщего, всенародного нравственного очищения, или *покаяния*, как разумели такое дело наши предки. По справедливости должно сказать, что в эти годы молодой царь стяжал разум Вышнего и в полном смысле был достоин тогда же утвержденного за ним царского сана.

На шести *щипцах* (как назывались стрелки сводов, опускавшиеся по стенам), начиная от дверей с Красного крыльца, были изображены прямо стоящие израильские цари, первый Давид у дверей, потом Соломон и Ровоам по сторонам дверей в Золотую палату, затем Авия, Асс, Иоасафат и, наконец, поясные, в сводах двух окон на Красное крыльцо — Иозия, Иоahas и в своде дверей к Столовой палате — Ахаз. Эти изображения стоящих царей служили как бы твердою непоколебимою опорой для изображений, которые находились в небе, в сводах палаты, где *младый царь*, получавший на главу царский венец свыше, от руки Ангела, принимал в то же время царское достоинство от сонма древних царей Израиля.

На стенах, где оканчивался упомянутый большой круг, в *шалыгах*, или *пазухах*, т. е. в верхних округлостях стен, под самыми сводами, в десяти картинах была изображена история исхода израильтян из Египта, или собственно освобождение их Моисеем от египетского рабства.

Начальная картина этой истории находилась на стене у входных дверей с Красного крыльца и представляла чудо с жезлом Моисея, превратившимся по слову Господа в змия и снова объявившимся жезлом.

Вторая картина представляла такое же чудо с жезлом Аарона пред царем Фараоном и его волхвами, когда превратившийся в змия жезл Аарона побеждает таких же змиев, превращенных из жезлов же египетскими волхвами.

В третьей картине Моисей ударяет чудотворным жезлом в Черное море и открывает переход израильтян сквозь море и гибель в море всей силы Фараона.

Четвертая картина изображала чудо претворения Моисеем горькой воды в сладкую.

Пятая над дверьми в Золотую палату изображала битву Иисуса Навина с Аммаликом и победу над ним по чудесной силе воздетых к Господу рук Моисея, а в шестой картине, помещенной возле и близ дверей к Столовой палате, было изображено чудо, когда Моисей ударяет жезлом в каменную гору и из горы изливается обильный источник воды.

В седьмой картине был изображен Господь Саваоф с державою в руке, благословляющий, а внизу сооружение Моисеем медного змия для спасения возроптавшего Израиля, которого в пустыне одолел голод и жажда и нашествие великого множества змей.

В восьмой картине, между дверей к Столовой и в Шатерную палату, было изображено, как Израиль, по слову Моисея, вооружается и ополчается на Маднама.

В девятой изображена битва и беспощадное избивание мадианитян и их царей.

Десятая картина в углу над окном на Красное крыльцо представляла взятие городов и пленение жен и детей побежденных мадианитян.

Под этими картинами на прямых стенах расположен был второй ярус изображений также в десяти отдельных картинах, представлявших в каждой одни лишь битвы и победы Иисуса Навина над супостатами Израиль при завоевании Обетованной земли.

Повсюду на всех четырех стенах в этом ярусе виделось только одно, как Иисус Навин на коне, а за ним конница, въезжал в покоренный город или уже в самом городе посекал без пощады всех до единого царей и людей, избивал, истреблял *все дышущее*, яко же Господь Бог помогаше Израилью, причем на иных картинахверху в облаце изображен Господь Саваоф, с державсю в левой руке, или в облаке одна Рука благословенная.

Из этих десяти картин входящему в сени прямо на противоположной стене представлялись две картины с следующими изображениями.

1) «Прииде Исус в Давир и обседше и взяша град и царя его и вся вои его избиша мечем. *Написано*: Исус Наввин сидит на коне, а под ним попрун царь на коне и вои его иссекаемии, а за ним Исусово воинство, а за ним и перед ним град с полатами».

2) «И изби Исус всю землю Горскую... и равную... и вся цари их, и не остави их ни един уцелел, и все ды-

шущее потребиша, якоже заповеда Господь Бог Израилю. И изби их Исус... и всю землю... и вся цари и землю их взя Исус (в один день), яко Господь Бог помогаше Израилю. *Написано:* Исус с воинством на конех, а под конми попраны людие с конми же, а перед Исусовым воинством другое воинство посекаемые и бежащие, а за ними горы».

По сторонам дверей в Золотую палату было изображено слева: «Прииде Исус во Алам (Аглон) и преда Господь град Исусу и взя его в той день. *Написано:* Исус Наввин едет на коне, а перед ним град и у града врата отворены, а за ним воинство на конях; а под Исусом и под воинством потоптаны воины с конми, а во граде воины Исусовы секут людей, а вверху под подписью и над градом изо облака Рука благословенная».

С правой стороны: «Обседе Исус и Хеврон и взя его и изби мечем. *Написано:* Исус с воинством, вооружен на конех идут во град и во граде Исус сечет людей, а перед градом гора».

Основная мысль всех изображений заключалась в освобождении Израиля от египетского рабства и в завоевании Обетованной земли, т. е. в освобождении того же Израиля от врагов-супостатов, населявших эту землю и притеснявших Израиль.

Нельзя сомневаться, что в этой стенописи иносказательно, но очень вразумительно была представлена только что совершившаяся (1552—1554 гг.) история покорения татарских царств, Казанского и Астраханского, и вообще победы над супостатами-татарами. Если вверху, в сводах, или в небе, сеней частью открыто, частью иносказательно были изображены идеалы царского достоинства и царской чести, то есть идеалы нравственных и государственных обязанностей царя, то здесь на стенах представлялись уже исполненные царские дела и славные царские деяния, и именно славнейшее из славных дел новорожденного Московского государства — покорение и беспощадное истребление Татарского царства.

Таким образом молодой царь (ему в эти годы с небольшим было 20 лет) разнообразными картинами в своей Золотой палате идеально изобразил золотое время своего царствования, о котором и современники справедливо отзывались с искренними похвалами.

Псковичи записали в своей летописи сердечную ему похвалу за то, что, бывши еще 11 лет, он освободил народ от суда наместников, «Было в 1541 г. жалованье

государя нашего до всей своей Русской Земли, млада возрастом 11 лет и старейша умом... показал милость свою и начал жаловать, грамоты давать по всем городам большим и по пригородам и по волостям, лихих людей обыскивати самим крестьянам меж себя по крестному целованью и их казнити смертною казнию, а не водя к наместникам... лихих людей разбойников и татей... И была наместником нелюбка велика на христиан... и была крестьяном радость и льгота великая от лихих людей и от наместников... и начали Псковичи за государя Бога молить...»¹ Положим, что при одиннадцатилетнем государе это было делом государевой Думы под руководством князя Ив. Бельского, но известны и последующие самостоятельные царские постановления о таких же льготах народу. Все это и служит объяснением той картины (3-й по нашему распределению), где «из руки царевой вода пущена и в той воде стоят нагие люди», как равно и другой (5-й) картины, где ту же воду изливает Ангел в облаках и царь Солрмон раздает нищим златицы, а вода ниспадает между царем и нищими. Говорим о картинах, помещенных в сводах сеней.

И новгородцы записали в своей летописи по поводу поставления молодого царя на царство: «И наречеса царь и великий князь всея Великия России, самодержец великий показался и страх его обдержаше вся языческаия страны, и бысть *вельми премудр и храбросерд*», и *крепкорук*, и *силен телом и легок ногами аки пардус*, подобен деду своему великому князю Иоанну Васильевичу...»² Никто из прадедов его, продолжает летописец, не именовал себя царем в России, никто не смел поставить себя царем и называться тем новым именем; опасались зависти и восстания на них поганых царей и неверных. Конечно, это похвала того новгородца, который был уже московским патриотом и хорошо понимал общегосударственное значение совершившегося дела, исполненного смелым подвигом молодого царя. Псковичи, уже потерявшие свою вечевую свободу, для объяснения этого царского подвига углубились в Апокалипсис, рассуждая, что, по Апокалипсису, «пять царев минуло, а шестой есть, но не убо пришло, но се абие настало и приде... восхоте царство устроити на Москве...» Этот приснопамятный подвиг, совершенный по благословению Божию, изображали картины 4-я и 7-я (в сводах сеней).

¹ ПСРЛ. Т. 4. С. 304.

² ПСРЛ. Т. 3. С. 250.

Другие, более поздние летописцы не меньше прославляли молодого царя за его государственные добродетели, отдавая должное и его личным достоинствам.

По их словам, *многославный царь был «ратник непобедимый, велик в мужестве, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен, во бранях на сопротивные искусен, варварские страны, аки молния борзо обтече и вся окрестные устраши и прегордые враги покори... Был муж чудного рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело... В словесной премудрости ритор, естествословен и смышлением быстроумен... благосерд в воинстве, еще же и житие благочестиво имел и ревностью по Бозе присно препоясая... И не вею, како превратися многомудренный его ум на нрав яр...»*¹

Все это, как общее мнение всего народа, и больших и малых, и бояр и сирот-крестьян, было выражено в картинах 2, 3 и 6 (в сводах сеней).

Само собою разумеется, что вся эта золотая стенапись, как в сенях, так и в самой палате, была сочинена и составлена по указанию и при непосредственном содействии и руководстве не только известного священника Сильвестра, но еще более самого митрополита Макария, который к тому же и сам был иконописцем и доброе, благотворное и просветительное влияние которого на молодого царя отражалось на всех достойных памяти делах в первые годы его царствования. Добрые дела стали превращаться в злодеяния, когда влияние митрополита по случаю его глубокой старости значительно ослабело, а затем и совсем прекратилось. Можно предполагать, что и знаменитый новгородец, священник Сильвестр, был введен к царю также митрополитом, бывшим прежде архиепископом Новгорода и оставившим по себе в Новгороде самую добрую память. Вступив на стол митрополита в 1542 г., когда Грозному было только 12 лет, святитель, несомненно, стал руководить если не воспитанием, то обучением, образованием государя-отрока, который потом явился таким глубоким знатоком библейской и вообще церковной истории и немалым богословом. Конечно, таким просвещением своего ума и обогащением своего знания он был обязан митро-

¹ Попов А. Н. Изборник славянских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 183. Еще обстоятельнее о добрых обычаях Грозного-царя говорит летописная статья, озаглавленная 7064 (1556) годом в Никоновской летописи (Т. 7. С. 259). По этой статье Карамзин сделал превосходный очерк добродетелей молодого царя, подтвердив его свидетельствами иностранных писателей. (Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 9. Стб. 2).

политу, которому много обязана и русская наука: сохранением в составленных им Четьих-Минейх многих древних литературных памятников, учреждением в Москве типографии, сочинением *первой* русской истории под видом Степенной книги и другими трудами. Святитель был на Руси просвещеннейшим человеком своего времени и доставил и своему ученику такую же славу.

Нам кажется, что из всех приобретенных им познаний библейская история послужила молодому государю во многом путеводным светочем. В ее повествованиях он изучал идеалы ветхозаветной царской власти, так как воцарившемуся русскому государю было необходимо знать, как жили и как поступали древние цари, дабы устроить по их образцу и свою русскую царскую жизнь. Библейские повествования о воинских делах, в особенности в истории Иисуса Навина, должны были оставить глубокие следы и в воззрениях молодого царя на свои царские обязанности, как первого воина и оборонителя своей земли. Воспитанный этими сказаниями, новый царь не сомневался в своем призвании без пощады истреблять врагов, где бы они ни появились, на бранном поле или в комнатах дворца. Это была истина старозаветная у всех народов древности, но в библейских сказаниях она являлась истинною религиозною и потому в сознании молодого царя получала особую святость. По свидетельству иностранцев, справедливо восхвалявших его личные достоинства, как говорит Карамзин, он был исполнен «единственно двумя мыслями: *как служить Богу и как истреблять врагов России*». Эти мысли в полной мере и были выражены в картинах, украшавших сени Золотой палаты, как преддверие к царственному жилищу и к лицезрению пребывающего там достохвального царя.

Если допустим, что мысли и понятия молодого царя были исполнены идеалами ветхозаветных сказаний о царской власти и о беспощадном истреблении врагов, как это и выразилось в описанных картинах, то многое можем объяснить и в последующей истории его бесчеловечных деяний. Беспощадные казни домашних врагов, свирепый разгром Новгорода в 1571 г. и тому подобные необъяснимые подвиги Грозного-царя могут явиться только несчастным заблуждением его начитанности, воспитанной по преимуществу эпическими сказаниями и потому направлявшей его ум к воссозданию и на рус-

ской, уже христианской, почве эпических подвигов, свойственных только дохристианскому времени, которые и народ, исполненный эпических же созерцаний, перенес с эпическим спокойствием и даже воспевал их в своих былинах. Время Грозного было еще богатырскою эпохою в Русской земле, и потому новорожденная царская власть, как только она воплотилась в личной воле, да притом еще в очень даровитом человеке, необходимо должна была выразить себя теми богатырскими подвигами, какими было воспитано ее эпическое созерцание, и при посредстве домашних сказаний, а в особенности при посредстве неуклонно учительных библейских повествований. Наш Грозный-царь в сущности был эпический богатырь, чудовищный, совсем непонятный для нашего времени и объяснимый только жившими еще в самом народе эпическими идеалами и эпическим складом понятий его века. На наши понятия это был своего рода богатырь — Дон-Кихот.

В самой палате, в *небе*, то есть в сводах и под сводами, в верху стен, стенопись в таких же иконописных олицетворениях изображала *притчами* и подобиями высоко нравственное назидание самому царю, а с ним вместе и всему православному народу о том, как велико и бесконечно Господне милосердие и человеколюбие к кающемуся грешнику, к *заблудившейся овце*, которую, найденную в покаянии, Сам Спаситель на своих раменах выносит из пустыни блуждания. Здесь *притчи* и подобия воспроизводили живую московскую историю, только что совершившуюся с молодым царем, когда, потрясенный страшными событиями своих дней (пожар 1547 г.), он, по вразумению и благословиению известного священника Сильвестра, обратился из пустыни нравственного блуждания на *спасенный путь* праведной жизни.

Его *покаяние* было так чистосердечно, так искренно, что он не затруднился перед лицом всего народа с сердечным сокрушением во всеуслышание рассказать свою греховность, греховность своей еще молодой и неопытной личной жизни, и главное — греховность всего государственного управления. На соборе духовенства, перед святителями, а потом на Лобном месте перед народом, собранным из всех городов и волостей, он принес это достопамятное покаяние, *прося прощения, еже зле содеях*; заставив покаяться и бояр и приказных людей, то есть все правительство. Можно сказать, что это было

покаяние государственное в собственном смысле, где в лице молодого царя именно государство раскаивалось в содеянных грехах. Естественно, что вся история этого покаяния произвела в тогдашнем обществе особое неизгладимое впечатление, под влиянием которого была написана и стенопись царской Золотой палаты. Митрополит Макарий так и озаглавил содержание этой стенописи, что «в полате было приточне (притчами) изображено Спасово человеколюбие, еже о нас, *ради покаяния*». Как увидим, здесь же был изображен и самый момент обращения царя на *правый путь* поучением священника Сильвестра в картинах об индийском царевиче Иоасафе и пустынноике Варлааме с его учительными притчами.

Другие картины уже из русской истории, украшавшие стены палаты, служили выражением тех же идей и представляли историю крещения Руси при св. Владимире и историю принятия Владимиром Мономахом царского венца и регалий для изъяснения современного события о венчании царским венцом молодого московского царя.

Стенопись палаты была распределена следующим образом. По самой середине свода, в небе, был изображен круг, а в кругу, ликом к южной стене, где стояло государево место, Еммануил сидит на небесных дугах, под ногами колеса многоочитые, в левой руке держит потир злат, в правой палицу, у рук локти обнажены, в венце семь клинов, подпись: «Исус Христос Еммануил».

Около того круга простирался другой круг, в котором были изображены четыре евангелиста прообразованных, т. е. с изображением только одних их символов, льва (Иоанна), орла (Марка), тельца (Луки), ангела (Матфея).

Оба круга были обогнуты надписями, в верхней половине по золотому полю, в нижней — по празеленому. На золотом поле, поверх Еммануила, надпись гласила: «Бог отец премудростию своею основа землю и утверди веки» и «Благослови венец лету благодати Твоя, Господи!» На празеленом поле надпись проходила в два ряда и гласила следующее: «Превечное Слово Отчее, иже во образе Божии сый и составляй тварь от небытия в бытие, иже времена и лета своею областью положей! Благослови венец лету благодатию своею, даруй мир церквам Твоим, победы верному царю, благоплодие же земли и нам велию милость».

Затем около этого срединного изображения кругов во весь свод по самые шалыги, или пазухи, свода, т. е. до оконечностей свода, простирался большой круг, в котором были размещены остальные изображения, разделенные на две половины: восточную к переходам Красного крыльца и западную — к Столовой избе.

В западной половине в середине от ног Еммануиловых до конца свода были написаны *врата* с золотыми затворами, во вратах, вверху, в раздвоившемся облаке, Ангел Господень со скипетром в правой и со свитком в левой руке. Под облаком и Ангелом, среди врат, стоял человек с посохом.

Под ногами человека был изображен змеиный круг, крылатый, в шесть крыл. В этом кругу, в середине, было изображено солнце, вверху меж крыл *лице человеке*, обвитое змеиным хоботом (хвостом); по сторонам солнца справа меж крыл *лице львова*, затем ниже меж крыл *глава орля*; слева против каждого из этих двух изображений — *глава змиина*; внизу снова *глава львова*. Все главы и лики были обвиты змеиными хоботами, концы которых были обращены к солнцу.

Символический смысл этого круга выяснялся различными изображениями на затворах врат, среди которых стоял человек с посохом. Надписи по правую и по левую сторону человека указывали два пути для человеческой жизни и гласили на правой стороне: «Узким бо путем вводятся душа праведных во врата в Царство Небесное». На левой стороне: «Широким бо путем вводятся душа грешных во врата лютого ада». Образы этих путей представляли следующие символы: на правом затворе было написано *Целомудрие* образом девичьим, стоящая, в правой руке держащая палицу, а левую положившая на главу стоявшего льва.

В противоположность тому на левом затворе было написано *Блужение* — жена малонаклонная, обратившаяся вспять.

Далее следовали: на правом затворе *Разум* — девица стояща мало преклонна, пишет в свитке. На левом — *Безумие* — написан муж наг, ризы с себя поверг долу.

На правом: *Чистота* — жена стоящая, власы главные косами сошлись о персах вместе и раздвоились, долги до полуколена; в левой руке держит книгу с написанием.

На левом: *Нечистота* — жена простовласа, в левой руке держит (вещь) что кропило.

На правом: *Правда* — девица стояща, в руке держит

весы. На левом: *Неправда* — муж из лука стреляет во врата, обратясь вспять.

Эти врата, как упомянуто, находились посредине западной половины сводовой стенописи. По сторонам их были размещены в отдельных кругах различные космогонические изображения.

На правой стороне (смотря из врат) был написан возле врат о среди *Воздух* девичьим образом, над которым летящий Ангел в клине огненном, от клина к затворе вратной книзу написан *дьявол*, палимый огнем, а огонь написан клином. А от того дьявола по земле бежит заяц; а на дьявола из полукруга большого стреляет из лука Ангел.

Возле того к среднему окну Палаты был изображен *Огненный*, т. е. *Солнечный*, *круг*, поддерживаемый четырьмя Ангелами. В нем написаны *Кони* впряжены в одноколесную (т. е. двухколесную) колесницу, в которой сидит Ангел, держит *Солнце*. Далее меньший круг изображал *Лунный круг*, поддерживаемый также Ангелом и в котором в такую же колесницу впряжены *волы*, а в колеснице *дева* держит Луну и погоняет плетью воллов. Кони и волы направлялись к западу. Около того круга, в полукруге большом, написаны Ангелы тварем, к снегу и к грому и к дождю. Далее следовал *Земной круг*, изображавший посредине круга *девицу простерту* (лежащую), над нею *Солнце*, а внизу, в полукруге, — *годы* и *рыбы*. Около того в кругу же написаны четыре *ветры* в ангельских образах с трубами, а выше над ними Ангел, благословляющий Землю. Подписи: «Солнце в Землю впадая» и другая над Землею: «Солнце позна запад свой, положи тму и бысть ночь».

С левой стороны (смотря из врат) возле самых врат в кругу под надписью: «Ангели Тварем» — написан *Год* в образе мужа молодого, нагого, крылатого, мало ризы через плечо перекинута. Он стоял на *Временном кругу*, который простирался к заднему углу палаты, к печи, и был окружен восемью крылами, обращенными четыре крыла внутрь круга и четыре наружу.

В том *Временном* крылатом кругу в особых четырех кругах были изображены времена года: *Весна*, *Лето*, *Есень*, *Зима*. *Весна* — девичьим образом в царском венце и порфире, сидящая на престоле. *Лето* — в образе мужа средовечна в венце царском и порфире, сидящего также на престоле. *Есень* — в образе мужа, также в венце и порфире и сидящего на престоле с сосудом в руке.

Зима — в образе мужа старого в простой одежде, локти обнажены, сидящего на малом престоле.

В кругу, простиравшемся около Временного круга и где стоял образ Года, против него был изображен Ангел, стреляющий из лука, а ниже *Ангелы творем*¹ в облаках; ниже их был написан муж наг, млад, стоящий с мечем, который концом уставил против Временного круга. Перед ним Ангел, обращенный также к Временному кругу, а ниже этого Ангела сидела *Смерть*, державшая в обеих руках трубу, положенную широким концом на половину во Временный круг. Около того круга проведен другой круг, где написаны еще *Ангелы творем* в облаках.

В самом низу под этими изображениями у врат был написан муж, из лука стреляет во врата, с надписью, которая, по-видимому, списана неверно: «Зависть лют вред от того гордитца и прискочи во братоубийцу» (см. выше). А под тем мужем написана земля.

На восточной половине свода, к переходам Красного крыльца, налево от входа в палату, посредине, возле Еммануилова круга, был изображен в кругу же Богородичен образ с Превечным Младенцем, сидяща на престоле, по обе стороны Херувим и Серафим. Тот круг был окружен в три пояса. Отсюда в своде, к юго-восточному углу палаты, где между окнами стояло государево место, была написана церковь и палаты на горе, а в палатах трапеза, т. е. стол с поставленными золотыми сосудами, посреди которых возвышалась золотая чаша; около трапезы — многие люди, пьющие и наливающие из сосудов и в руках держащие сосуды; внизу подле трапезы тельцов и овнов закаляют и множество израильтянов приходят с женами и детьми. Подпись: «Премудрость созда себе храм и утверди столп седьм, закла своя жертвенная и черпа в чаши своей вино».

Пред тем храмом и палатами написан стоящий Иоани Дамаскин, зрит на храм и на палаты и обеими руками держит за оба конца свиток, в котором подпись: «Зачало премудрости страх Господень» и «Свят святых разум, а еже разумети. Сим бе образом много поживеши лет и приложат ти ся лета животу».

От упомянутых палат и трапезы в противоположную сторону палаты проходил ряд изображений седми Апокалипсических Ангелов, помещенных в разделах вроде

¹ Следует читать: *творем*. — *Ред.*

иконостасного пояса между столбиками, над которыми возвышались два яруса закомар с кровлями. Над каждым Ангелом в закомаре подпись имени его церкви: Ангел Ефесские церкви, Смирнские, Пергамасийские и пр. и надпись в его свитке.

А над закомарами написаны палаты, а в палатах царь Соломон зрит к Богородичну кругу, в левой руке, простертой к Богородичному кругу, держит свиток, в котором подпись: «Премудрость созда себе храм и утверди столп седмь».

Вверху над всею описанною картиною подпись: «И послание седми церквам, сущим возсия (во Асии) благодать вам и мир от Бога, иже сый и бе, грядый от седми духов, яже, пред престолом Его».

На стенах палаты в шалыгах, или пазухах, т. е. в верхних округлостях стен, под сводами, начиная от государева места, с правой его стороны, по стене, обращенной к переходам Красного крыльца, и в заворот до самых дверей палаты, в четырех картинах была изображена история израильского судии Гедеона, как он по слову Господню освободил израильтян от ига Мадиямля.

Первое изображение находилось в переднем углу палаты справа от государева места и представляло в щипце свода, в самом углу, Гедеона, приносящего в жертву Господу овна, а в (шалыге) полукружии стены над третьим окном палаты от входа, которое выходило к Благовещенскому собору,—явление Гедеону Ангела с воззванием к нему, что Господь назначает его освободителем своего народа. Здесь изображения представляли Гедеона, несущего руно, и Гедеона, стоящего в церкви у престола, на котором стоял потир злат и лежало Евангелие. Вторая картина над вторым окном от входа представляла Гедеона на горе, молящегося на коленях, и затем Гедеона под горою, собирающего войско, триста храбрейших мужей. Третья картина над первым окном от входа изображала Гедеона среди полка, вооруженного в доспехе, побивающего 150 тысяч мадиямлян. Четвертая и последняя картина находилась в полукружии стены, примыкавшей к сеням палаты, у входных дверей. Здесь был изображен Гедеон, избивающий, посекающий аммаликов, и потом Гедеон, сидящий на златом стуле, пред ним стоят воины, держат головы аммаликовы. Подпись: «Принесоша главы Мадиямли перед Гедеона... И умолча земля четыредесят лет во дни Гедеона».

По южной стене к Панихидной палате, где в перед-

нем углу между окон стояло царское место, под сводами в полукружиях стены, над этим местом справа, от него был написан вверху Господь Саваоф в руке держит державу, а из уст пускает Дух на Иисуса Христа; затем ниже была изображена притча о Сеятеле. С левой стороны царского места в таком же полукружии стены изображена *беседа* Иоасафа-царевича с пустынноиком Варлаамом: «В полате сидит Иоасаф царевич на престоле злате, а перед ним сидит Варлаам на престоле же злате...» С той же стороны далее к ю.-з. углу палаты, в третьей картине изображена притча о Царствии Небесном, в образе уготованного званого брачного пира: «Се обед мой уготован... Они же небрегоша: ов же на село свое, ов же на куплю».

Далее по западной стене, противоположно Гедсоновой истории, была изображена в таких же полукружиях стены в двух картинах притча о богатом и убогом Лазаре. Затем в углу над печью — притча о благочестии царя Езикии и над дверьми притча о греховности царя Анастасии, как первому, по его молитве, продолжился срок жизни, а последнему за грехи прекращен этот срок *смертью*, которая здесь же и была изображена. Подпись к этой картине о царе Анастасии содержала следующее: «Спящу царю Анастасии и виде во сне мужа страшна, держаще хоротию в руку, и разгнув и обрете в ней вся своя злыя дела. Ангел к нему рече с лютостию: Благочестие виде Езикиево, приложи Бог лета (сму). Твое же виде много согрешение, отсекает лета. И порази его скипетром».

С левой стороны дверей, при входе в палату, особая картина изображала притчу о заблудшей овце, и другую притчу — о некоей жене, потерявшей драхму.

Эти последние картины о двух царях и о заблудшей овце и потерянной драхме находились прямо против государева места, откуда молодой царь мог созерцать эти притчи в научение царскому нраву.

Как было нами упомянуто, этот отдел стенописи в иносказательных картинах изображал назидательно главнейшие моменты современной истории молодого царя Ивана Васильевича и его личной жизни. Здесь он является Иоасафом-царевичем, которого поучает и приводит к пути спасенному притчами дивными и чудными пустынноик Варлаам, *саном священник*. Едва ли можно сомневаться, что здесь была воспроизведена история обращения молодого царя на путь правый известным свя-

щенником Сильвестром. Возле *беседы* царевича Иоасафа с Варлаамом изображены и притчи Варлаама: о *Сеятеле*, с которой он начал свое поучение царевичу, о *Царствии Небесном*, о *богатом и убогом Лазаре*, о *заблудшей овце* (одной из ста), повествовавшей, как исполнялись радости Небеса о едином *кающемся грешнике*, против 99 праведников, не требующих покаяния. Затем — притчи о царях, праведном Езекии и грешном Анастасии. Вся эта учительная стенопись шла по левой стороне царского места и оканчивалась на стене, противоположной этому месту (трону). С правой стороны от царского места молодой царь являлся *Гедеоном*, воинскими подвигами избавляющим израильтян от ига Мадиямля, то есть завоеванием Казани, избавляющим Русскую землю от царства татар.

Таков был круг, или ярус, стенописи по верхней доле всех стен палаты.

Ниже этого, в другом ярусе, на прямых стенах, как говорит опись, расположены были картины уже из русской истории, кроме одной только картины справа у царского места, над окном, где под изображением вверху Саваофа и притчи о Сеятеле была написана св. Богородица на престоле, с надписью вверху: «Дом Господа Бога — святая Ограда». Под Богородичным образом стоял царь Соломон со свитком в левой руке, на котором написано: «Премудрость созда себе храм», и пр. За ним стоял апостол Петр также со свитком в руке, принимая другую рукою из облака ключ. За ним далее стоял царь Давид также со свитком. На свитках писаны соответственные изречения.

Слева от царского места над окном же было написано: приход св. Владимира после крещения из Корсуня в Киев, сокрушение идолов, болванов и кумирниц и благословение митрополитом народа. Здесь помещалась уже четвертая картина из истории крещения св. Владимира. Начальная, или первая, картина находилась над первым окном (от входа) по восточной стене палаты (на Красное крыльцо), где она изображала, как приходили ко Владимиру разные иноземцы, выхваляя и объясняя каждый свою веру, и христианские философы, сказывавшие о тех скверных верах и изъяснявшие истинную православную веру. Эта картина находилась под изображением Гедеона, вострубившего поход на Мадиямля.

Вторая картина над 2-м окном палаты изображала посланников св. князя, прибывших в Царьград для ис-

пытания веры и видевших службу Божию. Картина помещалась под изображением Гедеона, собирающего храбрых на свой подвиг.

Третья картина была написана над 3-м окном палаты ближе к царскому месту и представляла крещение св. Владимира в купеле, в храме, где благословенная рука Господня снисходит в облаках на св. Князя, причем позади князя стояли бояре, держа в руках венец и всю царскую одежду.

В другом отделе этой картины были представлены бояре, единогласно прославляющие это христианское торжество. Эта картина находилась под изображением Гедеона, получающего от Господа указание на подвиг освобождения народа от ига Мадиямля.

Другая повесть из русской истории заключала в себе подробности о приобретении Владимиром Мономахом царского сана с его регалиями. Она начиналась неподалеку от царского места, слева, над 3-м окном южной стены палаты, под притчею о царском званом брачном пире, коему уподобился Царство Небесное, и представляла в первой, помещенной здесь картине, совещание с боярами вел. князя о том, чтобы идти войною на Царьград, причем бояре отвечают, что сердце *царево* в руце Божии, а мы — в твоей руце.

Далее следовала 2-я картина уже на западной стене под притчею о Лазарях, над 1-м окном, где было изображено, как Мономах собирает и устроит войско идти на Царьград.

Над 2-м окном 3-я картина представляла самый поход Мономаха к Царьграду, который тут же изображен, и перед ним море с кораблями.

У печи, под притчами о царях Езекии и Анастасии, 4-я картина изображала посольство к Мономаху от царя Константина Мономаха, состоявшее из высших духовных лиц, митрополита Неофита и пр., причем было изображено и войско, уже подступавшее к городу, конница и пехота. По другую сторону печи, на стене от сеней, над дверью, под притчею о греховности царя Анастасии, помещалась 5-я картина, изображавшая, как царь Константин посылает великому кн. Владимиру царственные дары: сидит на престоле в церкви, перед святынями снимает с себя венец царский, *именуется Мономахова шапка*, и крест — животворящее древо, и диадиму, пролагает на блюдо и отпускает с теми духовными властями, присоединяя также цепи золотые, кробицу сердолико-

ву, из нее же царь римский Август веселяшеся, и многие царские дары. Святители выезжают из города на конях верхами, а за ними колесницы.

На той же стене подле дверей, во 2-м месте в закомаре, 6-я картина изображала приход этих послов от царя к вел. князю с просьбою мира и любви. Вел. князь сидит в палатах на престоле. Затем: встал с престола и вышел из палат встречает послов с их дарами.

Возле этой картины в 3-м месте, в большой закомаре, на 7-й картине вверху было изображено *Отечество*, под ним церковь, а в церкви митрополит Неофит с другими святителями благословляет вел. кн. Владимира, венчанного царским венцом. Эта картина находилась против царского места на противоположной стене, где, как упомянуто, была картина о заблудшей овце, которую Спаситель несет на руках.

Под самыми сводами, где оканчивалась черта Великого круга, обнимавшего все изображения, помещенные в сводах, были изображены на щипцах сводов и в сводах окон, на щипцах стоящими, а в сводах окон поясные русские вел. князья.

У царского места на щипцах, слева св. Владимир, справа св. Борис, слева же на втором щипце св. Глеб, так что изображение св. Бориса находилось в самом переднем углу палаты, а изображение св. Глеба в другом углу той же южной стены. В окнах справа от царского места св. Феодор Стратилат, тезоименный царю Федору Ивановичу, что указывает, что стенопись палаты в этом месте была написана уже при царе Федоре, почему и Борис, Ангел Годунова, находился в углу возле изображения св. Федора. Слева от царского места был изображен Дмитрий Донской, а далее в третьем окне его отец, вел. кн. Иван Иванович.

Далее по западной стене, возле св. Глеба на первом щипце — Андрей Боголюбский, в окне *царь* и вел. кн. Данило Александрович (Московский); затем на щипце — Александр Невский и в окне вел. кн. Дмитрий Иванович Углицкий, сын Ивана III, им коронованный, первовенчанный царским венцом.

Справа от царского места по восточной стене на первом щипце был изображен Гедеон, приносящий жертву Господу, а в окне вел. кн. Василий Васильевич Темный; на втором щипце вел. кн. Михаил Ярославич Тверской, в окне вел. кн. Владимир Мономах. И далее, в окне, вел. кн. Всеволод, вероятно, отец Мономаха.

На щипцах северной стены, со стороны сеней, по сторонам картины венчания царским венцом Владимира Мономаха, написаны были, от сенных дверей, вел. кн. Василий Иванович и на другом щипце царь Иван Васильевич.

Над дверьми из сеней был изображен вел. кн. Федор и чады его Давид и Константин, ярославские чудотворцы.

По некоторым приметам, указанным выше, видимо, что стенопись Золотой палаты, составленная и написанная в 1552 г. при царе Иване Васильевиче Грозном, после его смерти в некоторых немногих частностях была изменена соответственно требованиям нового царствования; но в целом своем составе она сохраняла весь характер помыслов и идеалов своего строителя и запечатлевала недавние события его личных и государственных подвигов.

Грановитая палата, еще в конце XVI века называвшаяся *подписною*, украшена была собственно *бытейским*, историческим письмом, о котором упоминает в своих записках Маскевич в начале XVII столетия и которое, судя по его описанию, без изменений было возобновлено при царе Алексее Михайловиче весной 1668 г., и потом в 1672 г. также весьма подробно описано иконописцем Симоном Ушаковым. Маскевич в своем дневнике говорит, что на стенах этой палаты находились изображения всех великих князей и царей московских, писанные по золоту, а потолок искусно украшен был картинами из Ветхого завета¹. Украшение палаты стенным письмом принадлежит царствованию Федора Ивановича и исполнено, по всему вероятно, по замыслу Годунова. При Алексее Михайловиче, как мы упомянули, эта стенопись была возобновлена. Еще в 1663 г., в сентябре, государь указал прислать в приказ Большого дворца иконописцев и левкашиков, что есть в Оружейном приказе, — писать им в Грановитой палате стенное письмо. Но дело почему-то не исполнилось, так что, в 1667 г., августа 6-го, государь снова указал в то же лето в Грановитой палате написать стенное письмо вновь самым добрым письмом, а снимки, для образца, с того стенного письма снять ныне и приказать о том иконописцу Симону (Ушакову), чтоб написать в той палате те же вещи, что и ныне писаны... Но иконописцы, Симон Ушаков с товарищи, сказа-

¹ Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 5. С. 68.

ли, что «Грановитые Полаты вновь писать самым добрым стенным письмом, прежнего лутче, или против прежнего, — в толикое малое время некогда; к октябрю месяцу никоими мерами не поспеть, для того: приходит время студеное и стенное письмо будет не крепко и не вечно». По новому указу от 15 ноября возобновление стенописи началось весною 1668 г., вместе с возобновлением каменной резьбою и раскраскою подзоров, окон и дверей палаты, с лица и внутри¹.

Обозрение содержания этой стенописи мы также начнем с сеней палаты, в которых на самом видном месте была написана притча *царя Константина, видение о кресте*.

Это изображение находилось на короткой стене, прямо против входных больших дверей с Красного крыльца. Оно написано следующим образом: «Царь Константин на одре лежит, подле одра стоит Христос, а за Христом стоят Ангели». Над тем подпись: «Явися Господь царю Константину в руке имея Божественные свои Страсти и Животворящий (sic) Крест, глаголет царю Константину: Сотвори подобие его знамение и повели пред воинскими своими носить — победиши вся враги твоя».

Направо у дверей в палату на долгой стене в закомаре было написано: «Троица в трёх лицах, как явися Авраму». На той же стене в углу у дверей с Красного крыльца — Архистратиг Михаил, к нему поклонился Иисус Навин, в руке держит знамя, под ногою щит и изувает ногу. В надписи: «Явися Архангел Михаил Иисусу Навину, глаголя: Аз есмь воевода силы Господня, приидох помощи Тебе, и изуй сапоги ног твоих, место бо, на нем же ты стоиши, земля свята есть».

По другую сторону на короткой стене от Красного крыльца — Битва царя Давида с Голиафом с надписью: «Победил Давид прегордого *Голиада*, помощею Всемогущего Бога». На долгой стене в углу от царских палат, от Постельного крыльца, над окном был изображен деисус, над другим окном Знамение Пресв. Богородицы.

Вся историческая стенопись сеней обнаруживала по-

¹ Для стеного письма палаты была составлена иконописцами сметная роспись, по которой требовалось для этой работы: иконописцев добрых мастеров 50 чел., средних 40 чел.; золота сусального красного 100 000 листов, стеной лазори да празелени да вохры слизухи да черлени немецкой по 30 пуд, вохры грецкой 4 пуда, голубцу 15 пуд, зелени 5 пуд, бакану да яри ваницейской по 3 фунта, киноварю 15 пуд, черлени псковской да вохры немецкой да черлени слизухи по 20 пуд, белил да мелу по 4 пуда, чернил копченых 300 кувшинов, чернил земляных 2 веза, олифы под золото 16 ведр, яри да сурьку по 2 пуда, скиндару да нефти пуд, пшеницы доброй 10 четса (четвертей), клею карлуку 7 пуд, холста 200 аршин, губок грецких 50.

мысли о всемогуществе Божиим в победах над врагами царя православного в назидание приходившим послам и иноземцам, особенно иноверным. «Видение царя Константина, как явился крест» было написано в 1678 г. вновь именно «для встречи и выезду» польских послов.

В Грановитой палате, против царского места, посреди свода был написан в кругу Господь Саваоф, сидящий на престоле, в недрах у него Сын, на Сыне почивающ Дух Святый от Отца исходящ. В подножии Господа колеса многоочитии крылатые, а кругом всего круга девять кругов, в них написано девять чинов сил небесных. Надпись объясняла, что здесь изображалось творение ангельских сил небесных. Затем в пазушинах (кружалах) сводов и в самых сводах, начиная от Красного крыльца вокруг всей палаты в полукругах и кругах были изображены Дни творения мира: 1-й День в пазушине, что от Красного крыльца; 2, 3, 4 и 5-й в пазушинах и сводах, что от сеней палаты; 6-й День—Сотворение человека, от Успенского собора; по этой же стороне был изображен и 7-й День—Почи Бог от всех дел своих; затем — Пребывание в раю Адама и Евы с их грехопадением.

Далее с востока со стороны Соборной площади — Изгнание из рая. Здесь же посреди свода было написано—Видение пророка Даниила о пришествии в мир Сына Человеческого, а в пазушине свода—Видение праотца Иакова лестницы до небес и в небесах Богородицы с Превечным Младенцем.

В пазушине, что от Благовещенского собора, т. е. у царского места, было изображено явление пророку Моисею Неопалимой Купины и в купине Богородицын образ с Превечным Младенцем.

В откосках пазушин были написаны праотцы стоящие, со свитками в руках, а в свитках поучительные надписи вроде апофегм, или мудрых изречений. Напр., на откоске в углу за государевым местом с правой стороны был изображен праотец Симеон и у него в свитке: «Мужество в теле и разум в душе дается человеку от Вышнего Промысла». С другой стороны у праотца Левия в свитке: «Стяжите Мудрость во страхе Божии, аще кто прилепится учению Мудрости, той состольник будет царем».

Между откосков были написаны евангелисты: с восточной стороны от Соборной площади Иоанн Богослов, от Благовещенской церкви Матвей, от сеней палаты Марко, от Успенского собора — Лука.

На столпе палаты с трех сторон были написаны в кругах изображения Богородицы с пророчествами о ней, а с четвертой, от Успенского собора, — «Церковь, а в церкви образ Пресв. Богородицы на престоле алтарном, а на престоле потир и Евангелие лежит; а по правую сторону Царь сидит на престоле своем, а пред ним стоят вельможи, а над вельможи в полатах девица. По левую сторону Богородицына образа стояща вдова и молящаяся Богородице и пад на землю поклонилася Богородице и пред престолом. А над тем подпись: Жена некая, вдова суши, вопияше с плачем пред образом Владычицы Богородицы, глаголюще: Владычице! Мсти мене от Зинова царя, понеже отъял от мене дочь единочадную сушу. И бысть ей глас от образа, глаголющ: Жено! Хотех мстити, но рука его возбраняет мне, понеже милостив есть и никто же может злое сотворити над милостивым».

Вверху на стенах под сводами и кружалами были помещены следующие изображения: на стене от церкви Благовещения в углу переднем против государева места — Скиния свидения с Кивотом Завета, где предстоит Моисей и где перед дверьми опустился столп облачный и в столпе глагол к Моисею. Толпы израильтян поклоняются храму.

Здесь же в другой картине был изображен пророк Нафан, обличающий царя Давида в убийстве Урии и блудодеянии и прорекающий за то смерть его отрока-сына, который в седьмой день и умре; Давид, в раскаянии, в сокрушении сердца молящийся перед Кивотом Завета.

Под этою картиною на стене между окон, след., у царского места, был изображен в храме перед Кивотом Завета молящийся царь Соломон, окруженный архиереями и народом, и над ним из облака на Кивот Завета Господня излился облак с огнем и исполни храм Господень.

Такими притчами объяснялось возле царского трона божественное снисхождение царскому достоинству и в то же время обличались царские грехи царя Давида, которые не служили ли притчею в обличение всему минувшему царствованию Ивана Грозного, даже и с неожиданною смертию отрока-сына.

Затем опись стенописи из этого переднего царского угла переходит прямо в противоположный задний угол палаты, со стороны церкви Ризположения и Успенского собора.

Здесь по всей стене в два яруса вверху под сводами и ниже посреди стены, в 11 отдельных картинах, была

изображена в подробности история Иосифа, как он с братьями пас овец отца своего, как видел сон о снопе и другой сон о звездах; как Иаков посылает его к братьям, как братья решили по поводу его пророческих снов убить его, но потом продают его в Египет; как обманывают отца, что зверь растерзал Иосифа; как измаильтяне продают его Пентефрию; как Пентефрий разбогател благословением Божиим ради Иосифа и передает в его руки все свое хозяйство; как жена Пентефриева соблазнилась без успеха и за то оклеветала Иосифа, и он посажен был в темницу.

Этою картиною оканчивались изображения на стене, от Успенского собора. Они затем переходили на стену от Ивана Великого, т. е. от Соборной площади.

Здесь от угла вверху написан был в палатах спящий и видящий сны царь Фараон. Во втором отделе — Иосиф, разгадывающий эти сны и за то возводимый в достоинство князя всей Египетской земли с увенчанием царским венцом.

В нижнем ярусе между двух окон был изображен дом царский и в нем Иосиф в царском венце, сидящий на пиру за столом с братьями, и особо он же в палатах, горько плачущий по случаю встречи с Вениамином, младшим и единокровным своим братом.

Какую же царскую в Царской палате притчу должна была разъяснять эта История о Иосифе Прекрасном?

Мы полагаем, что здесь утаилась сокровенная мысль правителя государством Бориса Годунова о собственном своем положении у царского престола, так сходном с положением Иосифа у царя Фараона.

На той же стене против самого столба и рядом с царским местом начинался другой отдел стенописи, изображавший в лицах русскую историю от Августа кесаря, как тогда толковали происхождение русских князей и царей.

Начальная картина была помещена вверху под сводом над царским местом, где по обе стороны верхнего окна в двух равных отделах было написано одно и то же изображение: на трех престолах сидят три царя в венцах и в одеждах царских, а за царями народы и палаты. Надпись объясняла, что кесарь Август римский распределяет Вселенную между своими братьями и брата своего Пруса ставит властодержателем на берегах Вислы-реки с городами Мадборком, Торунем, Хвойницею и пресловутым Гданском и иными многими городами по реку,

глаголемую *Немон*. От семени сего Пруса был и Рюрик с братьями.

Ниже под этою картиною и под окном над самым царским местом были изображены Рюрик, Игорь, Святослав.

По сторонам царского места справа на той же стене против столпа под щипцом свода картина представляла св. Владимира на престоле с 12 сыновьями, сидящими порядком, которым он распределяет города.

На стене от церкви Благовещения, где в первом простенке между окон был изображен царь Соломон пред Кивотом Завета, во втором простенке под щипцом свода между передних окон слева был изображен царь Константин Мономах, посылающий русскому князю царский сан, с великим молением прося мира и повелевая тем царским саном венчати князя и нареши боговенчанным царем. Справа помещалось изображение Владимира Мономаха на престоле в царском одеянии, среди бояр, принимающего царские дары от греческого митрополита.

Далее в третьем простенке между окон той же стены к церкви Благовещения вверху под верхним окном был написан царь Федор Иванович портретно, а ниже царь же Федор Иванович «сидит в златом царском месте на престоле, на главе его венец царский с крестом без опушки, весь камением и жемчугом украшен; исподняя риза его порфира царская золотая, поверх порфиры наложена по плечам холодная одежда с рукавы, застегнута об одну пуговицу; по той одежде по плечам лежит диадима с дробницами; около шеи ожерелье жемчужное с камени; через диадиму по плечам лежит чепь, а на чепи, напереди крест; обе руки распростерты прямо, в правой руке держит скипстр, а в левой державное яблоко».

«С правую сторону подле места его царского стоит *правитель* Борис Годунов в шапке мурманке; на нем одежда верхняя с рукавы, золотая, на опашку, а исподняя золотая ж долгая; а подле него стоят бояре в шапках и в колпаках, верхние на них одежды на опашку. Над ними полата, а за полатою видеть соборная церковь. И по другую сторону царского места также стоят бояре и над ними полата».

Во всех окнах палаты в откосах были написаны в каждом окне по два изображения великих князей и государей московского колена, начиная с вел. кн. Ярослава I, а над ними в своде каждого окна — херувимы. В том числе в окнах по сторонам царского места, справа — Яро-

слав Всеволодович и Александр Невский и слева — Данило Александрович и Иван Калита. В надписях все князья после Мономаха наименованы царями, как и Данило Александрович.

Царь Иван Васильевич Грозный с сыном Иваном Ивановичем был изображен в окне перед царским местом со стороны Благовещенского собора. Над ними вместо херувима был написан Иисус Христос Еммануил.

На стене, противоположной царскому месту, что от сеней палаты, были написаны в нескольких особых картинах следующие притчи:

Вверху под сводом: в палатах на престоле царь сидит печален, рукою подпершись; перед ним стоят вельможи, *крамоляются*. В другом изображении: царь сидит на престоле и вручает судье праведному меч отмщения.

В третьем изображении: в палате сидит судья на месте с посохом в руках; перед ним вдовица просит отмщения на обидящего вельможу, который стоит тут же, от суда отвращается прочь. За судьей и перед судьейю стоят люди. Подпись объясняла, что в царство греческого царя Иустина Юного умножися злоба и хищения, обиды, татьбы и разбои, и от сего бысть во градах и в селех слезы и рыдания.

Некто пришел к царю и сказал: если хочешь избавить людей, дай мне меч, отсеку главы лихоимства и неправды — похвала мне будет от тебя и от всех; если же не успею, мою главу отсеки. Царь вручил ему меч отмщения. По жалобе вдовицы виновным оказался *сродник* царев, саном магистр, отнявший все имение у вдовицы. Праведный судья осудил его, а по воле праведного царя схватили магистра из-за царского пира, остригли ему голову и браду и с позором пред всем народом посреди торговища, посадя на худую ослицу, водили его и немилостиво били. Все его имение и достояние царь повелел отдать вдовице.

На той же стене над дверьми в палату под сводом был изображен судья неправедный, в одной картине принимающий челобитные, в другой принимающий дары-взятки: кубок и мешок серебра, а за ним написан бес. В третьей картине — он судит двух человек и обвинил правого, а виноватого оправил. Правый сидит в темнице, около главы его венец, а над ним венец царский держит Ангел Господень.

Под этими картинами в нижнем ярусе у дверей палаты был изображен веселый пир неправедного судьи:

в палате сидит судья на месте, пьет из сосуда питье, а под погами его ад, и во ад душа его идет. За местом его поставец, у поставца сидит человек, играет в *домру*. Пред судьей стол, на столе стоят сосуды златы; за столом сидят люди, промеж себя подносят и питье пьют; один подносит питье судье в сосуде; по другую сторону стола человек подносит судье в сосуде питье же, а за подносчиком (человек) наливает из кубка в сосуд питье; а за подносчиком сидят подле стола на скамье люди и играют в *гусли*, и в *скрыпки*, и в *свирели*, и в *волынки*, и в *домры*; а за ними поставец, на поставце кунганы стоят с питьем; за поставцом сидят два человека, наливают из сосуда в сосуд питье; под поставцом бочка с питьем. А над тем подпись: «Судия неправедный пирует, а душа его зле во ад исходит. О горе судиям неправедным!»

Как в Золотой палате царь Иван Васильевич многими притчами изобразил события и царские отношения своего времени, так и в Грановитой палате правитель государства Годунов подобными же притчами изобразил свои личные отношения и к царю, и к боярской среде, напоминая и всему православному народу в притче, помещенной на столпе палаты к заднему ее углу, где обыкновенно собирались всякие нижние чины, приглашаемые во дворец, — в притче о Зинове-царе, как он был милостив и как его милостивая рука (щедрая милостыня) спасла его от мести за совершенное им злодеяние, потому что образ самой Владычицы Богородицы чудом выговорил, что не должно злое сотворять, мстить за совершенный грех милостивым.

Известно, какими щедротами Борис Годунов помогал народу во время настававших бедствий, особенно после московского пожара и во время голода. Быть может, в этой картине он желал своими милостями оправдаться перед народом по поводу смутно уже ходивших толков о государственных злодеяниях правителя. Как бы ни было, но такие притчи не могли ни с какой стороны относиться к самому царю Федору Ивановичу.

Подобно Грановитой, *Меньшая*, или *Царицына Золотая*, палата украшена была также *бытейским*, или историческим, письмом, которое, хотя и в подновленном виде¹, сохранилось до нашего времени и изображает:

¹ Оно возобновлялось несколько раз в XVII ст. и потом в 1796 г., к коронации императора Павла I.

обретение Животворящего Креста царицею Еленюю, крещение великой княгини Ольги, легенду о царице Динаре, дочери иверского царя Александра, победившей персов, и пр. Изображение деяний св. жен, царицы Елены и великой княгини Ольги и благочестивой царицы Иверской согласовалось с назначением самой палаты, которая, в торжественных случаях, служила приемною цариц.

В *Столовой избе*, которая была деревянная, брусная, живописью украшалась одна только *подволока*, или потолок, плафон, как и в прочих царских деревянных хоромах. Неизвестно, что было изображено в плафоне Столовой избы царя Михаила Федоровича, украшенной в 1621 г. травником (иконописцем, писавшим узоры и травы) Лукою Трофимовым. В Столовой, построенной царем Алексеем в 1662 г., в подволоке написано было *звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные*, вероятно, также по вымыслу инженера и полковника Густава Декенпина, который строил эту Столовую избу¹. В сочинении Адольфа Лизека о посольстве римского императора Леопольда к царю Алексею Михайловичу сохранилось описание этого изображения, 13 октября 1675 г. в Столовой была дана кесарскому посольству отпускная аудиенция, которую и описал Лизек, секретарь посольства². «Стены Аудиенц-Залы, — говорит он, — были обиты дорогими тканями, а на потолке изображены небесные светила ночи, блуждающие кометы и неподвижные звезды, с астрономическою точностию. Каждое тело имело свою сферу, с надлежащим уклонением от эклиптики; расстояние двенадцати знаков небесных так точно размерено, что даже пути планет были означены золотыми *тропиками* и такими же *колорами* равноденствия и повороты солнца к весне и осени, зиме и лету». Описание Лизека служит вместе с тем подтверждением, что плафон начерчен был иноземным художником, именно Густавом Декенпином, как мы указали выше, и не мог принадлежать художеству русских иконописцев и знаменщиков, то есть рисовальщиков, которые не только не знали астрономии, но и считали ее наукою отреченною. Несмотря на то, как предмет, по справедливости заслуживавший удивления и возбуждавший лю-

¹ В Расходной книге Казенного приказа, 7170 года, именно сказано, что инженер и полковник Густав Декенпин «был у вымыслу Столовой Избы деревянной, у подволоки и у резвых окон». № 1082 и 1020. Арх. Оружейной палаты.

² Журн. М-ва народного просвещения. 1837. Ноябрь. Отд. II. С. 377.

бопытство наших предков, *звездотечное небесное движение* царской Столовой палаты пользовалось в то время особенным уважением и несколько раз служило образцом при украшении других комнат (преимущественно также столовых на постельной половине дворца). Так, в 1683 г., оно было написано в столовой нижней комнате царевны Софьи Алексеевны, на деревянной подволоке, по грунтованному холсту, живописцами Салтановым и Безмным, а в 1688 г. в деревянной передней царевны Татьяны Михайловны и в верхней каменной комнате царевны Марьи Алексеевны. Кроме того, столовые избы загородных царских хором, в Коломенском и в Алексеевском, и столовая в новых хорах царевича Ивана Алексеевича, в 1681 г., также были украшены этими изображениями *небесных бегов*. Но несравненно большее значение получает для нас этот плафон в том отношении, что он служил, может быть, руководством в первоначальном обучении Петра Великого. Вот современное свидетельство: в 1679 г. живописного дела мастер Карп Иванов Золотарев писал на александрийском большом листе (бумаги), золотом и красками, «двенадцать месяцев и беги небесные, против того, как в Столовой в подволоках написано». «Тот лист (отмечено в записке) принял в хоромы к государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу боярин Родион Матвеевич Стрешнев»¹. Известие драгоценное, особенно если вспомним, какие скудные сведения имеем мы о детских годах великого преобразователя. Составлением подволочных *чертежей* с 1681 г. занимался живописец Иван Мировской, которому 1 марта велено было «знаменить чертеж звездотечного небесного движения против того, какво написано в подволоке в большой Столовой Палате, и иные чертежи иными образцы».

Такое же устройство подволоков мы находим и в боярском быту, который в богатой и знатной среде вообще мало отставал от порядков быта царского. В каменных хорах кн. В. В. Голицына (1689 г.) в большой Столовой палате в подволоке точно так же были изображены небесные беги: «в середине подволоки солнце с лучами вызолочено сусальным золотом; круг солнца беги небесные с зодиями и с планеты писаны живописью. От солнца на железных трех прутах паликадило белое костяное

¹ Приходо-расходная книга Оружейной палаты 7188 года, № 248.

о пяти поясах, в поясе по 8 подсвечников. А по другую сторону солнца месяц в лучах посеребрен. Круг подволоки в 20 клеймах резных позолоченных писаны пророческия и пророчиц лица. Да в четырех рамах резных золоченых же четыре листа немецких». В Крестовой палате в подволоке находился деревянный большой резной репей с лучами, по местам вызолоченный и расцвеченный красками, а около репья в лучах 12 месяцев, резных же. В спальне в подволоке тоже были написаны по полотну 12 месяцев с планеты. (Подробности см. в Материалах, № 3).

Мы описали живописные украшения четырех приемных палат. Не останавливаясь на других предметах *палатного наряда*, о котором будем говорить впоследствии, перейдем теперь к обозрению живописи в постельных царских хоромах.

В деревянных постельных хоромах украшались живописью больше всего только плафоны, потолки. Первое известие об этом относится к началу XVII столетия. В 1615 г. *подволоки* были расписаны в новых хоромах царя Михаила Федоровича иконниками седельными писцами Ивашкою и Андрюшкою Моисеевыми. В 1621 г. точно так же были украшены и притом первыми иконописцами того времени, Прокофьем Чириним, Назарьем Савиним, Ив. Паисеиним и Осипом Поспеловым¹, царская *Постельная комната* и Столовая изба, о которой мы упоминали выше. Это, однако ж, нельзя относить к нововведению, внесенному в царский дворец царем Михаилом. Шестнадцатилетний государь, при тех обстоятельствах, которые сопровождали его вступление на царство, едва ли мог думать о каких-либо нововведениях и украшал свои хоромы, без всякого сомнения, по образцам, существовавшим прежде.

Подволоки деревянных хором, украшаемые живописью, составлялись обыкновенно из нескольких *штук*, или клееных щитов, прикрепляемых к потолку комнаты. На этих-то *штуках* иконописцы и писали священные притчи и другие изображения, а иногда просто расписывали их по золоту *травным* (узорным) *письмом*. Точно так, напр., украшены были в 1670 г. *подволочные доски* в хоромах царя Алексея Михайловича. В 1670 г., в ноябре,

¹ Выше, с. 102. Поспеев. — Ред.

и в 1671 г., в мае, живописец Ив. Салтанов писал подволоки в хорах царицы Наталии Кирилловны. Иногда подволочные штуки были собственно картины, писанные на полотне. В 1674 г. такими картинами были покрыты потолки в новых хорах царя Алексея. Картины эти написаны были первыми живописцами царского двора Иваном Салтановым, Иваном Безминным и Дорофеем Ермолаевым. В одной комнате, на двадцати четырех *штуках*, они представляли *притчи Ионы Пророка*, в другой, на восемнадцати *штуках*, *притчу Моисея Пророка*, и, наконец, в третьей, на двадцати *штуках*, *притчи о Есфири*. Поля картин украшены были цветами, каймами и кистями, написанными по золоту цветными красками. В потолке для их помещения были устроены деревянные резные золоченые рамы. В 1680 г. в новые деревянные государевы хоромы были написаны на полотнах к подволокам и к стенам разные всякие *царственные притчи, деисусы и апостольские проповеди*. В 1686 г. живописец Петр Энглес писал «преоспективные розные притчи» на подволоку в хоромы царевны Софьи.

Стены в деревянных хорах, как мы говорили, большею частью обивали сукном или золотными материями и коврами, но иногда их также украшали живописью, для чего оклеивали холстом или обивали полотном, грунтовали и потом расписывали. Так в 1678—1679 гг. живописцы писали к государю в новые деревянные хоромы, в семь комнат, подволоки и к стенам *разные притчи* на полотнах золотом и серебром и краски, вновь, вместо стеного письма, для чего было куплено для прибавки к стенам 800 арш. холста и стопа писчей бумаги для снимки образцов, т. е. прорисей очерков. Тогда же у царевен меньших в новой деревянной *Крестовой* писали разные притчи по полотну на подволоке и на всех стенах, и вообще во всех хорах царевен, в это время, писаны были «разные всякие евангельские притчи вновь из царственных книг». В *Крестовой* евангельские притчи между прочим изображали: «*Что ты наречем о благодатная небо*». В 1679 г., в сентябре, расписаны по полотнам три деревянные комнаты, на Новом Потешном дворе, что был двор Ильи Даниловича Милославского; на стенах и подволоках этих комнат были написаны *разные притчи*. В том же 1679 г., в январе, преоспективного дела мастеру Петру Энглесу велено было написать к царице в новые хоромы в трех комнатах, в верхних, по по-

лотнам разные притчи: «царя Давида, царя Соломона, и те притчи из Библии, из разных книг словенских и латинских».

В 1681 г. живописец Иван Мировский и Ив. Салтанов писали по полотнам в новых деревянных хоробах царевен меньших и царицы Агафии Семеновны *притчи евангельские и апостольские*, а в 1685 г. подобною же живописью были украшены деревянные комнаты царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексеевны. В передней большой комнате царицы Натальи Кирилловны на подволоке в плафоне были изображены события Господних Страстей: Приведение к Ироду; Приведение к Пилату и умый руке Пилат; Бичевание у столпа; На лобном месте, когда народ вопияху: возьми, возьми, распни его; Господь несет крест на Голгофу; Положение во гроб; Воскресение; Сошествие во ад; Отечество. Подобные же священные изображения были написаны и на стенах этой комнаты, и, между прочим, в трех простенках, между окон, в среднем Распятие Господне, а в сторонних Образ Пресвятые Богородицы и Образ Иоанна Богослова. В 1685 г. стены и подволоки в новых деревянных осми комнатах царя Петра и царицы Натальи Кирилловны расписаны были также живописным письмом. В 1688 г. на стенах передней деревянной комнаты царевны Татьяны Михайловны царские живописцы изобразили *притчу о Мелхиседеке*, а в иных местах написали *ленчафты*, то есть ландшафты, также *цветные и розметные травы*.

Впрочем, стены деревянных хором по холстам и полотнам расписывали иногда одними только *травами* или узорами, также *аспидом* разных цветов, серым, красным, зеленым. Писать *аспидом*, *аспидить*, также *черепашить* и *мраморить*, значило, на языке живописцев того времени, писать под мрамор, под черепаху, красками одноцветною или в несколько цветов. *Зеленый аспид* имел вид малахита. Аспидом назывался по преимуществу темноцветный мрамор. Иногда стены клестеровали мукою и клеем и по этому грунту насыпали стеклярусом или просто грунтовали какою-либо одною краскою. Так в 1689 г. в деревянной наугольной комнате царицы Натальи Кирилловны у подволоки и от стен атлас зеленый отнят и вместо его обито полотнами и выгрунтовано мелом; а в сенях этой комнаты по углам и стенам обито флемованными дорожники и насыпано стеклярусом по

зеленой земле. В 1682 г. государь указал в новом селе Воскресенском (на Пресне), в верхних шести комнатах, которые от церкви Иоанна Богослова, да на Потешном дворе, в том же селе, одну комнату ж, обить холстами (по 400 арш. в комнату) и выгрунтовать и прикрыть разными красками — *травы*. В 1686 г. в новых каменных комнатах царевен все чуланы, перегородки и круглые лестницы были обиты холстом, которого пошло в шитье 690 арш., и по холсту выгрунтованы. В 1690 г. в деревянной комнате царицы Прасковьи Федоровны стены и подволока, по прежнему грунту, были выгрунтованы вновь *нагладко*. В 1693 г., в средней деревянной комнате царевны Татьяны Михайловны, потолок и стены были выгрунтованы по холстам белилами и расписаны серым аспидом. В 1694 г. средняя же деревянная комната царевны Натальи Алексеевны была расписана следующим образом: «По старому левкасу стены и подволоку велено выбелить вновь; двои двери столярские, одна с обе стороны, да у тех дверей наличники и колоды, да у дву окон наличники и колоды, по старой красной земле нанести вновь голубою землею и расписать травы цветные, потому что старая краска слиняла; да у тех же дверей и у окон написать шпренгели, скрыдлы и подвесы».

Должно упомянуть также, что в иных случаях стены в деревянных хоромах обивали также и «фряжскими листьями», т. е. гравюрами, о которых будем говорить впоследствии.

О стенном письме государева Каменного Терема (нынешнего Теремного дворца), к сожалению, все сведения ограничиваются только тем, что оно почти ежегодно поновлялось и несколько раз переписывалось вновь. В 1644 г. одна палата этих хором, известная впоследствии под именем *Комнаты*, а ныне под именем *Престольной*, называлась уже *Золотою*, следовательно, была расписана золотом и различными изображениями.

При царе Алексее Михайловиче украшение этих хором стенным и травным письмом и частое возобновление этого письма производилось большею частью под надзором иконописца Симона Ушакова. Так в 1657 г. он писал с другими мастерами *вновь Комнату*. Потом в 1658 г., в мае, государь указал: «В своих верхних каменных полатах написать вновь полату, которая от его государские *комнатные полаты*, — самым добрым *мастерским иконописным стенным письмом*». Затем в 1659

и 1660 гг. Ушаков с другими иконописцами продолжал расписывать ту же государеву комнату, а в 1664 г., в апреле, кормовые иконописцы, под его же надзором, вновь писали *комнату Золотую и Переднюю и Золотое крыльцо*, в день и в ночь, с 4 апреля по 10-е, т. е. по день Пасхи, по случаю наступления которой и происходила такая поспешность. К этому же времени Симон Ушаков расписывал красками и золотом *комнатное окно*, под которым всегда сживал государь. В 1665 г., в марте, тоже ко дню Пасхи, стены Передней снова расписаны *травным письмом*. В 1667 г., в августе, прописывали цветными красками государев верхний Чердак. В 1675 г. теремная стенопись опять была возобновлена: в *четвертой* комнате вновь золотили и писанные места починивали: в *небе орла*, и стены, и окна. Вновь писали стенное письмо и в третьей палате. В 1678 г., в сентябре, расписано *аспидом* и разными красками каменное крыльцо с переходы, что к церкви Спаса Нерукотворенного, и около крыльца переезда. В 1679 г. иконописец Никифор Бовыкин писал и починивал заново стенное письмо в двух каменных комнатах, да сени, да крыльцо Золотое. В то же время в этих комнатах, в окна, расписаны шесть больших *вставней*, с обе стороны. При царе Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи эти возобновления повторялись несколько раз; но какого содержания была теремная стенопись, об этом мы не встретили известий.

Гораздо более подробностей сохранилось о стенописи в каменных хоромах царевен, построенных в 1685 г. До нас дошло весьма любопытное описание этой стенописи со всеми подробностями, которое дает довольно полное понятие о жилище царевен, этом святилище женского одиночества, куда, кроме людей близких и необходимых, не проникал ничей глаз, где, по словам Котошихина, благочестивые царевны жили «яко пустынницы, мало зряху людей и их люди: но всегда в молитве и в посте пребываху и лица свои слезами омываху...»

Само собою разумеется, что живопись в комнатах царевен запечатлена была тем же господствующим религиозным характером; почти все изображения, за исключением некоторых царских и великокняжеских *персон*, были взяты из истории Нового завета и некоторые из жизни Пресвятой Девы; но особенно почитаемы были *Господни Страсти* — один из самых уважаемых предметов живописи в конце XVII столетия. Самое размещение

этих священных изображений не делалось без мысли и особого благочестивого намерения. Нередко они соответствовали даже месту, где были написаны. Так, например, в *Крестовой* царевны Софьи Алексеевны, на стене у входа в ее спальню, которая носила общее для того времени название *чулана*, изображено было моление царя Давида: *став на одре своем глагола: Господи, слезами моими постелю мою омочу*. В той же комнате, подле этого изображения, была написана притча: *Душа чиста, аки девица приукрашена всякими цветы, стоит превыше солнца, луна под ногами ея* и пр., сохраненная до нашего времени на одном из лубочных эстампов, на котором изображается также и «душа грешная, тмою помраченная».

В собрании древнерусских и византийских памятников иконописи, в Академии художеств, мы видели три иконы с таким же изображением *души чистой*, из которой одна имеет следующее надписание: «Душевная чистота яко невеста преукрашена всякими цветами, имея на главе венец царский и сияющ солнечными лучами; равна есть ангельскому существу. Души святии стоят у престола Господня». На иконе вверху изображен Спас Вседержитель; под ногами у него солнце; справа от него святая душа, слева ангел. Справа от Спасова образа стоит чистая душа, в женском образе, в царском одеянии, в венце, держа в правой руке чашу с цветами, знак ее красоты; а в левой — сосуд, из коего льется вода, обозначающая, без сомнения, слезы, ибо надпись говорит: *«терние греховное слезами угаси»*. — Из уст писана красная черта — огонь, объясняемый надписью: *«молитва же ее исходит из уст, аки огонь до небеси»*. Под ногами ее луна в виде черного шара, что надпись объясняет: *«луна под ногами, пребысть выше небеси и солнца»*. Подле изображены лев, змий, дьявол, с означением в надписях: *«постом и молитвою льва связя; смиренцем змия укроти; позавиде диавол доброте ее, паде пред нею»*. В углу изображена грешная душа тмою помрачена, в человеческом образе: сидит в темном месте, ожидает вечныя муки. В Историческом музее в Москве находится картина конца XVII столетия, еще с большими подробностями воспроизводящая ту же притчу о Чистой Душе и, по всему вероятно, принадлежавшая дворцовым комнатам.

При руководстве упомянутого описания мы обойдем несколько комнат царевен и сделаем обзор всех изображений, которыми они были украшены.

«В комнате великия государыни благоверныя царевны и великия княжны Софьи Алексеевны, что от Троицкого подворья, — говорит описание, — написано стенным живописным письмом, на восточной стране, в переднем углу от окна: Распятие Господне. От Распятия Господня к южной стране в окне, на одной стране образ Иоанна Предтечи, на другой — Иакова брата Господня по плоти. На своде в том же окне: Глава Иоанна Предтечи да Херувим. От окна на стене южной стороны к дверям: Воскресение Христово. Над дверьми в другую комнату: Господь несет крест на Голгофу. От печи к дверям: Симон Киринейск Господу крест нести на Голгофу поможе. А ниже того писаны *ленчафты* (ландшафты). По другую сторону печи, у других дверей, на западной стене: Привязание у столпа. Над дверьми: Нерукотворенный Спасов образ. По другую сторону дверей, к северной стене: Положение во гроб. На северной стороне, в углу под сводом, ниже каймы, Херувим; по сторонь окна архангел Гавриил. В окне на одной стороне: апостол Андрей, на другой апостол Матфей; на своде окна: Ангел да Херувим. По другую сторону того ж окна, под сводом, ниже каймы: Херувим. У другого окна: Серафим. Между окон: Воини тернов венец Христу на главу возложиша. В другом окне, на одной стороне: апостол Петр, на другой апостол Павел; на своде окна: Петру плащаница с небеси свися, а ниже того: Херувим. Над стенами в своде, на восточной стороне: В вертограде Христос Отцу молится, егда вольные страсти приблизитися. На южной: Иуда лобзанием Господа предает. На западной: Приведение к Пилату. На северной: Приведение к Каиафе. Под окнами и под притчами, над лавками писаны *бархаты*».

Из этой комнаты войдем в другую, которая назначена была для Крестовой, или Моленной. Здесь, на восточной стороне, от севера, в окне изображен: Царь Давид; на другой стороне окна: Царь Соломон. В своде окна: Образ Пресвятыя Троицы, а ниже Херувим. В другом окне, на одной стороне: Царь Константин, а на другой: Великий князь Владимир. В своде окна: Образ Знамения Пресвятыя Богородицы, а ниже Херувим. Между окон, в простенке: Как жила Пресвятая Богородица во церкви Соломонове. Возле другого окна, в углу под сводом Серафим; от того окна, вся южная стена до дверей в чулан, или спальню, выкрыта сплошь киноварем, для помещения здесь иконостаса. Над дверьми шпренгель

з по сторонам столбы расписаны по золоту. По другую сторону дверей на чуланной стене, с западной стороны: *Моление Царя Давида; став на одре своем глагола: Господи, слезами моими постелю мою омочу.* Подле чулана, на западной же стороне к печи: *Возраст человеческого живота.* По другую сторону печи, на северной стене у дверей из первой комнаты, описанной выше: *Душа чиста, аки девица приукрашена всякими цветы.* Над дверьми шпренгель и по сторонам столбы расписаны по золоту. По другую сторону дверей, к восточной стене: Благовещение Пресвятыя Богородицы. Над стенами в своде, на восточной стороне: Когда беже во Египет Пресвятая Богородица с Превечным Младенцем и со Иосифом и впаде в разбойники. На южной стороне: Рождество Христово и когда волсви от Вавилона ко Христу придоша и миро, злато, кадило принесоша. На западной: Прииде ближняя моя, да Коронование Пресвятыя Богородицы. На северной: Когда Пресвятая Богородица молилася на горе Масличной. На стенах под окнами и под притчами до лавок писаны *бархаты.*

В верхней наугольной комнате, что от соборной церкви, царевны Екатерины Алексеевны (среднего житья) написано стенным же живописным письмом:

На южной стране меж окон: Воскресение Христово. На южной же стене в переднем углу, у окна, от восточной страны: Ангел Господень. В окне, на одной стороне: *Персона* великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца. На другой стороне: *Персона* великия государыни царицы и великой княгини Марии Ильичны. В другом окне, на одной стороне: *Персона* великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца. На другой стороне *персона* ж великого государя царевича и великого князя Алексея Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России. У того окна к западной стороне в углу Ангел Господень. На западной стене к дверям: Вечерь Тайная. Над дверьми: Нерукотворенный Спасов Образ. По другую сторону дверей, у печи: Привязание у столпа. На северной стене, у печи ж: Воини тернов венец возложиша на Христа. Над дверьми: Образ Пресвятыя Богородицы с мечем. На дверях дорожки золочены, а меж дорожников выкрыто голубцом с белилы: оболочка (облака) и свет. От дверей к восточной стране: Положение во гроб. На восточной стране

меж окон: Распятие Господне. На той же стене к югу, в переднем углу у окна: Ангел Господень, да под сводом ниже каймы: Херувим. В окне, по сторонам: *Персоны* великого государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича и великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев. В другом окне подле северной стены, по сторонам: *Персоны* великия государыни благоверная царевны Софии Алексеевны и великой государыни благоверная царевны Екатерины Алексеевны. В том же окне под сводом: Херувим. Над стенами в своде, на восточной стране: В вертограде молится Христос, да Иудино лобзание. На южной: Христос к Каиафе представися. На западной: Приведение к Пилату и умыи руке Пилат, да Господь несет крест на Голгофу. На северной: Привождение ко кресту, да Снятие со креста. Под окнами и под притчами до полу писаны *ленчафты* (ландшафты).

В другой комнате, на восточной стороне меж окон: Распятие Господне. В окнах на сводах: Херувимы (а по сторонам выкрыто голубцом, а что писать, о том указу не было). По сторонь окон, по углам, на той же стене: Ангели Господни. Южная стена от угла до дверей, где быть иконостасу, выкрыта киноварем. Над дверьми шпренгель и по сторонам столбы расписаны по золоту. По сторонь дверей к западной стене: Егда Иисус во Иерихон идяше, Закхей и мытарь зрети на него желают. На западной стене к дверям: Некая жена у Христа нозе власы отре. У дверей столбы и шпренгель расписаны по золоту. По другую сторону дверей к печи: Моисею Бог в купине явися. На северной стене от печи до дверей: Павел апостол в кошнице из града спущен бысть. У дверей столбы и шпренгель расписаны по золоту. По другую сторону дверей, к восточной стене: Величит душа моя Господа. Над стенами в своде, на восточной стране: Преображение Господне. На южной: Жена некая, именем Марфа, прия в дом свой, и сестра ей бе, нарицаемая Мария. На западной: Вход во Иерусалим. На северной: Младенцев ко Христу мнози приношают, ученицы же им възбраняют. Под окнами и под притчами до лавок писаны *бархаты*.

Почти те же самые притчи написаны были и в комнате царевны Феодосии Алексеевны. Вот их описание: «Над дверьми, из комнаты царевны Екатерины Алексеевны: Пастырь добрый душу свою полагает за овцы. От окон на стене к дверям: Образ Пресвятыя Богородицы:

Величит душа моя Господа. По другую сторону дверей: Блудница умывает у Христа нозе. На западной стране: Когда Христос во Иерихон идяше, Закхей же и мытарь зрети на него желаше. Подле той притчи над дверьми: Моисей на скрижалех. Над дверьми, что на северной стране: Беседует Христос с Никодимом. В своде на восточной стране: Вход во Иерусалим, да Преображение. На западной стране: Пришед ученицы вопрошаху Христа, кто более есть во царствии небесном? На той же стране: Вниде Иисус в весь нскую, жена же некая именем Марфа прия в дом свой и сестра ей бе, нарицаемая Мария», ризы золочены.

В других комнатах царевен были изображены подобные же «притчи» преимущественно из евангельской истории. Так в 1684 г. в *нижней* комнате царевен написан стенным письмом Страшный суд. (Писал поляк Семен Лисицкий.) В 1687 г. в новых верхних и средних каменных и деревянных комнатах царевны Екатерины Алексеевны были написаны иконы: в средней комнате: образ Неопалимая Купины, образ Успения Богородицы, по сторонам Антония и Феодосия Печерских, поверх образá апостолов, поверх апостолов видение апостола Фомы, что видел Пресвятую Богородицу с плотию взятую на небо; по сторонам два ангела, у одного крест. В другой средней комнате над дверьми Живоносный источник, меж окон Спасов образ Нерукотворенный, по сторонам два архангела. В третьей средней комнате в клеймах Спасов образ Нерукотворенный, Живоначальная Троица, Успение Пресв. Богородицы. В верхних комнатах двери, колоды, дорожники, столбы, шпренгели и кайма на подволоке были позолочены и по золоту расписаны красками.

Иные комнаты украшались бытиями библейскими. В 1688 г. в комнате царевны Марьи Алексеевны была написана «Притча Моисея пророка, да Авраама праведнаго с Лотом», а в комнате царевны Екатерины Алексеевны на двух стенах «*Четыре Притчи царя Соломона, Песни Песней*». В окнах изображались большею частью лики пророков, апостолов, царей, мучеников, св. князей русских и персоны царского семейства. В комнатах царевны Екатерины Алексеевны, которые были в верхнем житье, над ее комнатою, описанною выше, в окнах были написаны: царь Константин, царица Елена, царь Давид, царь Соломон, великий князь Владимир, княгиня Ольга, князь Борис и Глеб, царевич Димитрий, царевич Иоа-

саф (индийский), мученица София и мученица Екатерина, тезоименитая царевне.

Должно упомянуть еще, что, кроме царских жилых хором, живописью украшались и некоторые из хранилищ царской казны, особенно Оружейная, или *Оружничья*, палата в Кремле и Оружничья *изба* в загородных дворцах. В ней хранились дорогие вооружения и весь царский доспех со множеством разных других редкостных предметов. Вместе с тем она, как приказ, заведовала всею художественною частию в уборке дворца и церкви. Таким образом, соответственно ее значению, главные ее палаты украшались всегда наравне с государевыми хорами. Так в 1659 г. искусный травщик и знаменщик Ив. Соловей с товарищи писали в Оружейной палате в окнах *травное письмо*, в 1660 г. иконоп. Апостол Юрьев писал в Оружейном приказе над большими казенными дверьми вверху на стене *бытьи*, внизу травы, а в 1666 г. другие иконописцы расписывали большую Оружейную *Казенную* палату. Остатки стенописи этой палаты, находившейся в верхнем этаже корпуса с Кормовым и Хлебным дворцами, против Потешного двора, сохранялись еще в начале нынешнего столетия и изображали между прочим по золотому полю хождение вел. кн. Ольги в Царьград, отчего палата в то время и называлась *Ольгиною*. Касательно живописи в загородных царских оружницах упомянем, что в 1660 г. грек Апостол Юрьев писал подволоку в Оружейную *избу* в село Покровское. Точно так же украшалась и царская *Аптека*. В служебных или хозяйственных отделениях дворца украшались живописью комнаты, в которых заседали начальные люди, т. е. присутственные палаты. В 1660 г. знаменщик Ив. Соловей расписывал стенным письмом Аптекарский приказ, а в 1675 г. (окт.) живописец Андрей Павлов с товарищи писали 17 дней в приказе Тайных дел, в *государеве столе*, стенное письмо. В 1677 г. (апр.) живописец Иван Салтанов писал *вновь* стенное письмо в приказе Тайных дел. (См.: М. № 103).

В летних загородных дворцах некоторые комнаты, особенно парадные, также украшались живописью, о чем отчасти мы уже упоминали. Для полноты опишем живопись Коломенского дворца в том виде, как она оставалась в первой половине XVIII ст., когда дворец был оставлен и постепенно ветшал и разваливался. В государевых хорах над дверьми передних сеней в резной кайме писан был деисус: образ Спасов, Богородичен

и Предтечев; над дверьми передней комнаты снаружи в шпренгеле образ Спаса Нерукотворенный с двумя ангелами по сторонам; изнутри, также в шпренгеле: *царь Давид, царь Соломон*. В другую комнату над дверьми, в шпренгеле: деисус и в ногах Спасова образа преподобные Сергей и Варлаамий; изнутри над теми же дверьми, в шпренгеле: *царь Иулий Римский да царь Пор индийский*. Над окнами, в шпренгелях, образа: Спасов, Богородичен, Предтечев, Алексея человека Божия и св. муч. Натални, тезоименитых царю Алексею и его супруге Наталье Кирилловне. В третью комнату над дверьми, в шпренгеле: *царь Александр Македонский да царь Дарий Перский*. Над дверьми в четвертую комнату находился орел золоченый двуглавый резной. В хоромах царицы, в передних сенях, в *шатре*, в плафоне, написаны были *притчи Есфири*, а по углам *времени года: весна, лето, осень, зима*. Это были уже обветшавшие остатки тех украшений, которым столько удивлялись современники, упоминающие еще о каких-то круглых *щитах*, украшавших хоромы, на коих были изображены Европа, Азия, Африка, также о Суде Соломоновом и о гербовнике государей и государств. По свидетельству Симеона Полоцкого, описавшего дворец в стихах, там изображено было *много историй чудных, четыре части мира, зодий* (зодиак) *небесный, части лета*, т. е. времена года, и множество цветов, живо написанных.

Общий характер комнатной стенописи соответствовал вкусу того времени и отличался блеском золота, яркостью красок и вычурностью в побочных украшениях. *Нетленные венцы* у святых ликов покрывались обыкновенно сплошь золотом; ризы Спасителя и Богородицы и *порфиры*, и *шубки* царских персон расписывались по золоту яркими травами. С большим великолепием украшались царские порфиры и шубки; на них изображали красками по золоту *разные аксамиты* или *аксамитные травы разными образцы, с круживы на обнизь, с каменьи и с запаны*. Одним из употребительных побочных украшений были золоченые *каймы*, располагаемые во всех покоех под сводами и потолками вокруг стен, также в разделении сводов и потом около окон в виде наличников. Кроме того, над дверьми и окнами изображали иногда *облака и свет*; на самых дверях, а иногда под окнами в под «притчами», на видных местах, писали *ленчафты*, то есть ландшафты, представлявшие несколько деревьев и кустов с дальним видом на пригорки. Иногда, как,

напр., в верхних каменных комнатах царевны Екатерины Алексеевны, в 1687 г., на дверях писали *фрукты* большие, а по сторонам у углов травы и у дверей травы мелкие и цветы, и деревья. Под окнами изображались *подвесы, подвесные травы* на яркой киноварной (красной) земле золотом, по которому расписывались черными разводами или *кафимскими узлами*. В 1686 г. в верхней комнате царевны Екатерины Алексеевны у лавок, вместо полавочников бархатных, написаны по полотну *левчаты*, т. е. ландшафты. Нижнюю часть стен под окнами и под притчами до полу покрывали также по киноварной земле *изорбафными травами и бархатами*, то есть узорами из цветных красок. Рамы и наличники у окон, колоды и столбы у дверей, также все резные украшения окон и дверей: *шпренгели, скрыдла* — покрывались также красками и золотом. Вершина сводов, или замок, украшались иногда деревянным резным золоченым рельефом с сиянием.

В заключение этого обзора комнатной живописи необходимо упомянуть, что все изображения священных событий, все «притчи» списывались большею частью с гравированных рисунков, из разных духовных книг, и не только славянских, но даже латинских и немецких. Без сомнения, для этой цели в Оружейную палату, которая заведовала всеми живописными и иконописными работами по дворцу, куплена в 1676 г. у живописца Ивана Безмина за пять рублей книга *Библия* письменная, в лицах, на латинском языке, в переплете, в четь, переплетена в белую кожу. В 1679 г., как мы упоминали, *преоспективного дела* мастер Петр Энглес писал в новых хоромах царицы «розныя притчи», царя Давида, царя Соломона, а те притчи — сказано в современной записке — *из библеи и из розных книг словенских и латинских*. Живописец Иван Салтанов учил даже своих учеников по печатной Библии в лицах, которая служила им «для образца и ознаменки». Нам случилось видеть подобную лицевую немецкую Библию, подписанную на имя патриарха Адриана, с которой, в недавнее время, писали стенопись в одном из известнейших наших монастырей.

Что же касается до характера этой живописи, то она со второй половины XVII столетия совершенно отличалась от иконописи и потому, даже и в то время, называлась собственно живописью. Это вполне доказывают сохранившиеся памятники, например, знамена времен царя

Алексея Михайловича в Оружейной палате и картины, писанные на полотне и находящиеся в Чудовом монастыре, на паперти, и в Мироварной палате бывшего патриаршего дома. Укажем здесь одну, находящуюся на паперти Чудова монастыря и изображающую мучения апостолов. Эта картина вполне может характеризовать техническое дело нашей живописи в конце XVII столетия.

Прежде, нежели перейдем к обозрению мебели в древних царских хоромах, мы должны упомянуть о тронах, царских *престолах*, или *царских местах*, находившихся во всех больших приемных палатах и в передних комнатах постельного отделения дворца. Обыкновение устраивать такие *места* в царских и великокняжеских хоромах относится к отдаленной древности. Летописец половины XII века указывает на такое место *на сенях*, то есть в хоромах, великого князя Владимира Галичского, по смерти которого сын его, Ярослав, *сидя на отни месте, в черни мятли и в клобуце, тако же и вси мужи его*, то есть в трауре, принимал Изяславова посла Петра Бориславича¹. В «Слове о полку Игоревом» несколько раз упоминается *отний злат стол*, который также может быть принят за отнее место, хотя большею частью он и означает там вообще княжение, княжескую власть. Таким образом, отнее место, златокованный отний стол были необходимою принадлежностью княжеского сана и стояли на княжеских *сенях*, в гридницах и в теремах. Еще более значения отнее место приобрело во дворце московских великих князей, как самодержцев всея Руси. Здесь, без сомнения, оно и устраивалось с большим великолепием, особенно с XVI века, когда московский двор и в украшениях, и в обрядах стал подражать византийскому.

Очень достаточное понятие о древних царских престолах дает деревянное *царское место*, до сих пор стоящее в московском Успенском соборе и сооруженное царем Иваном Васильевичем Грозным в 1551 г., в то именно время, когда он с такою заботливостью хлопотал о присвоении и утверждении за собою царского сана со всеми его ат-

¹ ПСРЛ. Т. 2. С. 72.

рибутами. Это место устроено в виде шатровой сени на четырех столбах, как вообще устраивалась в старину сень, или кровля, над престолами в церквях, даже над теремами и над рундуками крылец. Это был самый обыкновенный архитектурный тип узорочной кровли, очень любимый в то время. Соответственно особенному назначению этой сени, она поставлена на четырех символических животных, которые должны были изображать таинственный смысл как самого трона, так и особенно смысл царского достоинства и сана. Один зверь есть лев, имевший и еще два имени *лютой* и *скимент*; другой зверь — *уена*, по *азбуковнику* — медведица, рысь, а по словарю Берынды — «зверя округное, без оберненья шыи»; два остальные названы *оскроганами*. Место в надписи названо *престолом*. См. нашу статью: «Решение вопроса о царском месте» и пр. в «Москвитянине», 1850, № 11¹.

Прототипом для московских тронов, без всякого сомнения, как и везде, служил знаменитый трон Соломона, библейское описание которого было очень распространено посредством хронографов. Соломон, как самый блистательный царь библейской древности, как строитель храма и собственных дворцов несказанного и недомыслимого великолепия и богатства, всегда был идеалом царей, подражавших ему, смотря по средствам, если не в мудрости, то в формах обстановки царского сана, в украшении своих золотых чертогов и палат и особенно царских мест — престолов. «И сотвори царь *престол* от костей слоновых велий, и позлати его золотом искушеным. Шесть степеней престолу, и образы тельцов престолу созади² и верх престола кругл бе созади его, и руце сюду и сюду на престоле седалища, и два льва стояща при руках. И дванадесять львы стояще ту на шести степенех сюду и сюду: не бяше тако во всяком царстве»³.

По этому образцу и еще с большими затеями устроено было царское место в константинопольском дворце. Там около трона размещены были золотые львы и другие звери, механика которых была так устроена, что львы рыкали, а лежавшие у трона звери поднимались на ноги, как скоро кто приближался к престолу во время торжественных приемов. Страху и величия для простых глаз было несказанно много. В то же время золотые

¹ См. также: Отчет Имп. Рос. Ист. музея за 1907 г. С. 67—69. Ред.

² По Хронографу: «и на первом степенн образ бяше телець».

³ Книга III Царств. Гл. 10. Стб. 18—20.

птицы, сидевшие на украшениях трона и на особых деревьях, около него поставленных, пели чудные песни. Эффект поразительный для толпы, не видавшей ничего подобного, и особенно в то время. Устройство таких чудес наши хронографы, составленные по византийским же летописям, приписывают императору Феофилу. «Сей же истоши вся сокровища... сотвори же и органы, любо художества златокованны, изваено хитростию дыхание, доброгласная и сладкая пения возглашаху. С ними же и златая дресеса, на них же птицы песнивые златокованны седяху, яко на ветвях тополных, сиречь дресесных или певгох островерхих, хитростию издающе песни медовные. Сице человецы хитри суть, многокозненни, руже и художества их вмале подобятя одушевленному естеству!» — восклицает в удивлении летописец. Впрочем, сын Феофила, Михаил, именно тот Михаил, при котором начала прозываться Русская земля, рассоривши все отцовские богатства на собственные утехи и увеселения, повелел было переливать в деньги и все царские драгоценности, а в том числе золотых львов от царского престола и даже «доброкованную златую тополу, сиречь древо, на нем же седяху многообразные птицы златые и песни возглашаху, аки от жива языка; из них же хитростию издаемо дыхание и бываху песни медвенные и слышашим их, удивленне творяху, чудящимся новой хитрости оной». Только смерть Михаила остановила его решения, и чудные вещи не были перелиты.

Мы увидим, что и в московских дворцах стояли подобные же престолы и в подражание византийскому дворцу устроены были даже рыкающие львы.

В больших приемных палатах московского дворца, кроме обычных лавок, стояли *в передних*, или *красных*, углах царские места, или троны, богато украшенные золотом, серебром, драгоценными камнями и золотыми тканями. Любопытное описание царского места в Золотой палате, устроенного, может быть, при царе Иване Васильевиче или при сыне его, Федоре, находим у Георга Паэрле, который, описывая представление Лжедмитрию воеводы Сандомирского, говорит, что Лжедмитрий сидел «на высоких креслах из чистого серебра с позолотою, под балдахинном; двуглавый орел с распущенными крыльями, вылитый из чистого золота, украшал сей балдахин; под оным внутри было Распятие, также золотое, с огромным восточным топазом, а над креслами находилась икона Богоматери, осыпанная драгоценны-

ми камнями. Все украшения трона были из литого золота; к нему вели три ступени; вокруг его лежали *четыре льва* серебряные, до половины вызолоченные, а по обеим сторонам, на высоких серебряных ножках, стояли *два грифона*, из коих один держал государственное яблоко, а другой обнаженный меч...»¹ Этот же самый трон в дневнике Марины Мнишек описывается несколько иначе: «Весь трон был из чистого золота, вышиною в три локтя, под балдахином из четырех щитов, крестообразно составленных, с круглым шаром, на коем стоял орел великой цены. От щитов над колоннами висели две кисти из жемчугу и драгоценных камней, в числе коих находился топаз величиною более грецкого ореха. Колонны утверждались на двух лежащих серебряных *львах, величиною с волка*. На двух золотых подсвечниках стояли грифы, касаясь колонн. К трону вели три ступени, покрытые золотою парчою»². В Московскую *Разруху* 1611 г., все царские места, вероятно, были разобраны, может быть, по назначению Боярской думы, которая, по свидетельству Маскевича и современных актов, уплачивала жалованье польским войскам разными вещами из царской казны; драгоценности, снятые с тронов, также могли пойти на удовлетворение польских полков. По крайней мере, царь Михаил Федорович, при своем вступлении на престол, застал московский дворец в совершенном запустении, не только без царских тронов, но даже без окончин, полов и лавок. В 1619 г., при поставлении Филарета Никитича на патриаршество, государь принимал его в Золотой палате, сидя в *малом* царском месте, может быть, в креслах, под балдахином из шелковой золотой материи³. В 1621 г., в апреле, в Грановитой палате было обито *большое государево место* — *камкою* бурскою, на червце развода и круги золоты; в кругах шелк бел, зелен, лазорев; *атласом* (3 арш.) турецким на червце развода и листье золото в цветах шелк бел, зелен; да *олтобасом* (4 арш.) по червчатой земле лапки золоты. На подножие употреблено полтора аршина сукна багрецу. Это был обыкновенный деревянный балдахин, под которым ставились кресла. Лет через десять с небольшим, в 1635—1636 гг., в Золотой и в Грановитой были устрое-

¹ Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 2. С. 38.

² Там же. Ч. 4. С. 22.

³ ДАИ. Т. 2. С. 206.

ны уже серебряные троны, из которых трон Золотой палаты описан Олеарием. Верх (балдахин) этого трона был в виде башенки и поддерживался четырьмя серебряными вызолоченными столбиками в 3 дюйма толщиной. Вышина верха была в 3 локтя; по углам его стояли серебряные орлы с распростертыми крыльями.

В 1635 г., в феврале, на серебряное место в Грановитой палате шит был чехол из тверских полотен; а «серебряное новое государево место» в Золотой палате, в 1636 г., в июне, по случаю траура по двухлетней царевне Софье, было обито бархатом таусинным, багровым, тафтою виницейскою двоеличною, шелк вишневым, рудожелт; да киндяком вишневым. Оба трона сделаны были немецкими художниками, из которых главным мастером был, по свидетельству Олеария, Изияс Зенграф (Исаия Цинкгрефер). На царское место в Грановитой палате издержано было в это время 800 фунтов серебра и 1100 червонцев, на позолоту. Все оно стоило, как говорит Олеарий, 25 000 талеров. Изображения этих царских мест сохранены в рисунках Олеария и Мейерберга. Нельзя, впрочем, давать полной веры этим рисункам, потому что они, без сомнения, деланы на память и ни в каком случае не могли быть сняты верно и отчетливо; но они драгоценны для нас уже в том отношении, что дают хотя общее понятие о царских тронах в XVII столетии. Мы имеем почти современное описание, может быть, этих самых царских мест, которые при Петре Великом хранились уже в Шатерной палате, то есть в кладовой, и описаны следующим образом: «Место великого государя, с лица, с двух сторон, и корона обито бархатом золотным. Трубы и карнизы вверху и внизу и доски и подручники и столбы и львовы головки серебряные резные, местами золочены. Над короною (балдахин) пять башенок, обито по дереву серебром; доски серебряные, а карнизы и гзымзы золоченые с яблоки; а на них орлы серебряные золоченые. Внутри места и по сторонам обито атласом золотным. Позади сиденья в месте обито бархатом красным; по сторонам кругом его обложено с две стороны круживом, золото с серебром, кованное. Под сиденьем в месте изголовейцо, с одну сторону бархат красный простой. Под изголовейцом доска обита атласом золотным. От той доски спущено к колодке бархату золотного красного на три четверти вершка. Колодка обита бархатом красным золотным. Под колодку поставлен рундук о трех степенях, обит ат-

ласом золотным; наугольники и доски с лица чеканные, серебряные, резные, золочены; местами по тем же доскам с лица прибито девять репьев серебряных золочены... *Место великого государя* о пяти башенках, а на них орлы; а башни и орлы золочены по дереву; а место с сторон и внутри обито бархатом золотным. Верх того места, что под башенками, с трех сторон обито серебром басемным золоченым; а в них писаны лица святых; на них венцы серебряные ж золочены. Столбы у того места медные золочены. У того ж места рундук о трех степенях обит атласом красным золотным, по краям обито серебром басемным золоченым. В месте доска обита золотом травным; на ней изголовейцо бархат золотной, подложено бархатом червчатым. Колодочка обита бархатом зеленым...» Из этого описания, довольно сходного с упомянутыми выше рисунками Олеария и Мейерберга, мы можем видеть, что царские места устроивались большею частью в виде сени с легким шатровым верхом, который делался иногда *коруною* и украшался в середине и по углам небольшими башенками, или шатриками, с орлами наверху. Сень поддерживалась четырьмя колонками с узорочными капителями, на которых помещались также орлы с распростертыми крыльями. *Седалище* состояло из доски, на которую полагали золотную или бархатную подушку, изголовейцо. *Подручки*, или ручки, у седалища делались в виде львиных или орлиных голов. К седалищу вели три ступени. О количестве серебра, которым почти сплошь покрывалось царское место, мы уже имеем понятие из приведенного выше Олеариева свидетельства, подтверждаемого отчасти и позднейшими известиями.

На Казенном дворе в 1679 г. сохранялось «государево место, у которого с правой и левой стороны было прибито по две доски серебряные резные, по них золоченые травы, а на досках орлы двоеглавые с корунами. Кругом досок у места под столбиками и по перететивью прибито семь труб серебряных, по них резаны травки. Верхнее перететивье деревянное обито круживом кованым, а на нем доска деревянная сделана коруною, обито серебром золоченым басемным; на ней два орла двоеглавых серебряных с корунами; а промеж их на доске ж на верху яблочко серебряно золочено стоянцом, на нем ставится орел. Изнутри место обито атласом турецким по серебряной земле, по нем травы золоты и шолки разных цветов; сзади снаружи обито атласом золотным по черв-

чатой земле; подножье обито бархатом червчатым с серебряным голуном».

В 1701 г. на Казенном дворе сохранялось «Великого государя место», обитое в середине алтабасом, а снаружи прорезным серебром, которого по смете было 13 пуд 20 фунтов. Это, вероятно, двойное место, устроенное для царей Ивана и Петра, около 1684 г., по крайней мере, так можно заключать по следующему официальному указанию: «193 г. сентября 20 (1684 г.), в. государи указали на Казенном Дворе на свое в. государей *большое* серебряное место, *которое строено в Казенном же Приказе*, под серебро прорезное на подзор положить кутня (камка) белая». В 1686 г. оно было переделано и в феврале поставлено в Грановитой палате и обито золотым кованым кружевом с подкладкою желтым атласом, а позади завешено бархатными шафранного цвета завесами с серебряным плетеным кружевом. Седалища были обиты по хлопчатой бумаге (покрытой киндяком) турецким золотым атласом по белой земле, по нем круги золоты. Кругом места нижняя ступень обита белым атласом с настилкою полости и по ней холста. Это место, значительно уже потерпевшее от поновлений, хранится теперь в Оружейной палате в Москве. Кроме серебра и золоченья, троны украшались иногда и драгоценными камнями. По свидетельству Лизека, золотой трон в Столовой палате «был осыпан драгоценными камнями и имел небольшие колонны. Некоторые из них были ордена коринфского, другие ионического, тосканского, дорического, бо́льшая часть смешанных»¹.

В 1687 г. для царей Ивана и Петра, в Каменном Тереме, в Передней (ныне гостиной) устроены были деревянные резные места, верх которых, украшенный гызмом и четырьмя шпренгелями с орлами, поддерживался витыми столбами с капителями. По сторонам сделаны были, кроме того, два кронштейна и два *скрыдла* (резные штуки в виде крыл). Вся эта резьба была густо позолочена; места поставлены были на рундуке о двух ступенях. Внутри они обиты были (в 1694 г.) бархатом осинового цвета, а подушки и *приступные колодки* — таким же атласом. У царя в их Золотой палате стояло также *место*, на которое они садились во время приемов духовенства, бояр и боярынь, в праздники или семейные торжества. Кроме того, *места* устраивались

¹ Журн. М-ва народного просвещения. 1837. Нояб. Отд. II. С. 378.

и в постельных хоромах цариц, именно в Передней, где также происходили иногда приемы. Так в Переднюю царицы Натальи Кирилловны, в 1685 г., было сделано место большое «с рукоятми и с уступы». Подобные же места строились и для царевичей в их постельных покоях. Так, в 1694 г. в хоромы царевича Алексея Петровича построено место вышиною 2 арш. без чети, шириною 1 арш., глубиною три чети, да поручей 14 вершков, с затвором и с окны; наверх того места сделаны рамы с столярскими дорожники; с лица и внутри велено оклеить атласом червчатым или алым; в окна и в затвор сделать окончины слюдвенные. Кроме того, оно было обито галуном и подложено хлопчатую бумагою.

Внутри царских мест, как мы уже видели, вверху над седалищем ставились всегда иконы в богатейших окладах, блиставших золотом и драгоценными камнями.

В заключение этого обзора царских престольных мест должно упомянуть, что при царе Алексее в Коломенском дворце подле царского места поставлены были львы, которые, яко живые, рыкали, двигали глазами и зияли устами. Туловища их были медные, оклеенные барановыми кожами под львиную статью. Механика, приводившая в движение их пасти и глаза и издававшая *львово рыкание*, помещалась в особом чулане, в котором устроен был стан с мехами и с пружинами. Эти львы построены были в 1673 г. часовым мастером Оружейной палаты Петром Высотцким. При царе Федоре они были исправлены, в 1681 г., в одно время со всеми возобновлениями и перестройками, какие сделал царь в Коломенском дворце. В начале XVIII ст. львы, уже поломанные, хранились в подклетной кладовой дворца.

Таким образом, царский московский дворец в XVII ст. уподоблялся во многом своим древнейшим идеалам — дворцам библейским и особенно константинопольскому, как более близкому по времени и по обычаям. Его великолепие изумляло современников, и многие из них, пораженные блеском золота и красок, богатством, торжественностью, несказанным сиянием и блистанием всего окружавшего, иногда видели даже более, чем было на самом деле. Если так изумлял царский чертог людей заезжих, бывалых и, может быть, многое уже видавших в других странах, то для простых туземных глаз он в действительности был чудом, о котором «ни в сказке сказать, ни пером написать». Один из современников

и один из учнейших людей того времени, Симеон Полоцкий, восхищенный великолепием Коломенского дворца, описал его даже в виршах, которыми он приветствовал царя Алексея по случаю *вселения* его в этот дом «велиим иждивением, предивною хитростию, пречудною красотою, новосозданный». Он сравнивает его с Соломоновою прекрасною палатою и называет осмым чудом света. Вирши Полоцкого очень для нас любопытны как живое свидетельство очевидца-современника, как полное, хотя отчасти и подобострастное и притом слишком книжное, изображение царского великолепия, которое в Коломенском дворце явилось с особенными затеями и в самом блистательном виде, как никогда не выказывалось прежде. Стихослагатель, приветствуя царя с новосельем, говорит о дворце, что это

...дом, иже миру есть удивление,
...дом зело красный, прехитро созданный
Честности царстей лепо сготованный.
Красоту его мощно есть равняти
Соломоновой прекрасной полате.
Аще же древо zde не есть кедрово,
Но стоит за кедр, истинно то слово.
А злато везде пресветло блистает,
Царский дом быти лепота являет.
Написания егда възглядаю,
Много историй чюдных познаваю.
Четыре части мира написаны,
Аки на меди хитро изваяны.
Зодий небесный чюдно написася,
Образы свойств си лепо знаменася.
И части лета суть изображены,
Яко достоит чинно положены.
И ина многа дом сей украшают,
Разумы зрящих зело удивляют.
Множество цветов живонаписанных,
И острым хитро длатом изваянных.
Удивлятися всяк ум понуждает,
Правый бо цветник быти ся являет.
Едва светлее рай бе украшенный,
Иже в начале Богом насажденный.
Дом Соломонов тем славен без меры,
Яко ваяны име в себе зверы.
И zde суть мнози, к тому и *рикают*,
Яко живни, *льви глас испуцают*.

Очеса движут, зияют устами.
Видится, хошут ходити ногами.
Страх приступити, тако устроени,
Аки живии лви суть посаждени.
Окна, яко звезд лик в небе сияет,
Драгая *слюдва*, что сребро блистает.
Множество жилищ градови равнится.
Вся же прекрасна, кто не удивится,
А инех красот не леть ми вещати,
Ум бо мой худый не может объяти.
Единым словом дом есть совершенный
Царю велику достойне строенный;
По царстей чести и дом зело честный,
Несть лучши его, разве дом небесный!
Седмь дивных вещей древний мир читаше
Осмый див сей дом, время имать наше¹.

Мебель в царских хоромах была немногочисленна и не отличалась большим разнообразием. Прежде мы говорили, что вокруг комнат по стенам были лавки, вполне заменявшие стулья. В передних, или красных, углах, под образами, которые составляли необходимейшее украшение каждой комнаты, стояли столы простые дубовые, иногда на точеных ногах, или липовые крашенные. Передний угол был первым, почетным местом в комнате, точно так, как в современном быту, в наших гостиных, диван с неизбежным круглым столом; поэтому значение лавки и стола в переднем углу древних хоромах было совершенно одинаково с значением дивана и стола в наших гостиных. В обыкновенное время столы покрывались червчатым, алым или зеленым сукном, а в торжественные дни — золотными коврами и аксамитными, алтабасными или бархатными *подскатертниками*. Иногда они обивались сукном или атласом. В 1663 г. для государя стол был обит «отласом турским золотным по зеленой земле, по нем опахала золоты; подкладка камка червчата куфтерь». В Теремной Комнате государев стол обыкновенно покрыт был сукном багрецом или червчатым.

С половины XVII столетия входят в большое употребление столы *«немецкие и польские»*, на львиных и простых кривых, *отводных ногах*, украшенных резь-

¹ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. С. 1197.

бою, а иногда решетчатых, также резных и прорезных *подстолях*. С этого же времени столы, особенно в постельных комнатах, большею частью расписывали разными красками по золоту и по серебру или покрывали одной черной краской и наводили *глянс*, полировали. Столовые доски почти всегда делались с прорезными *подвесами* или *подзорами* и украшались живописью. В 1675 г., в хоромах царя Алексея Михайловича находился «стол писан по золоту разными краски травы; в середине круг, в кругу орел двоеглавой с короною; по сторонам круга писано золотом по столу по птице сири-ну¹; каймы писаны по золоту ж разными краски: в узлах травы, подстолье писано по разным краскам золотом травы». Длинною этот стол был 2 аршина 12 вершков, шириною аршин. В мае 1675 г. живописец Иван Салтанов писал царевичу Федору Алексеевичу «столовую доску, а на ней *притчу*: когда царь Костянтин был не во благочестии, и взят был в плен Персы, и приведен был в капище на жертву и свободися своими рабы воинами». В 1676 г. он же Салтанов написал в хоромы царя Федора Алексеевича на столовой доске *притчи царя Соломона*. Каймы у этой доски были резные, покрытые золотом и серебром. В 1684 г. в хоромы царевны Татьяны Михайловны сделано четыре стола, шириною в аршин, длиною: три — в два и один — в полтора аршина; подстоля резные на точеных ногах. На досках было написано красками и золотом, в середине двуглавые орлы, по сторонам их в клеймах аллегорические изображения *весны, лета, осени и зимы*², по каймам также в клеймах

¹ «Сирин птица райская, песни поет царские», — как свидетельствуют некоторые рукописные изображения этой птицы. В хронографе находится сказание, что «в царство Маврикиево... солнцу возсияшу, явистася в реще Ниле два животна челоовскообразна, до пула муж и жена, а от пула птица. Муж красен персами и власы над—чермен; жене же лице и власы чермны, имяху ж оба сосца, без влас. Их же наричут сладкопесивные *сирины*. Слышав же сих, человек, песни, аще не престают поуще, весь пленяется мыслию и, вслед шествуя, умираше. И до девятого часа эпарх и вси людие зряще, чудяхуся; и паки в реку видоша». По этому сказанию, без сомнения, было составлено изображение этой птицы, довольно распространенное в XVII ст. и перенесенное потом на лубочную картинку со следующим надписанием: «Птица райская, зовомая сирин, глас ея в пении зело слен. На востоце в эдемском раю пребывает и всегда пение воспевае; праведным радость возвещает, которую Господь им обещает. Временно и на землю вылетает, райские песни распевает. Всяк человек, во плоти живя, не может слышати гласа ея; аще и услышит, то себя забывает и, слушая пения, тако умирает».

² В старинных наших пасхалиях времена года олицетворяются следующим образом: «*Весна* наричется яко дева украшена красотою и добротою, сияюще чудне и преславне, яко дивитися всем зрящим доброты ея, любима бо и сладка всем, родится бо ся всяко животное в ней радости и веселия исполнено. Сицева есть весна. *Лето* же нарицается муж тих, богат и красен, питая многи челоовки и смотря о своем дому, я любя дело прилежно, и без лености возстая заутра до вечера, я делая без покоя. И любя муж лето. *Осень* подобна жене уже старе и богате и многочадне, овогда дряхлу-

разные птицы. В 1685 г. в хоромах царицы Прасковьи Федоровны сделан стол липовый круглый, осмигранный, с выдвигаемыми ящиками и расписан цветными красками. В 1686 г. в царские хоромы сделан стол «доска писана по золоту розными красками, в середине орел двоеглавый; по кайме по золоту ж разметные травы; подножье резное золочено и серебряно». В 1690 г. в хоромы царицы Натальи Кирилловны велено сделать «стол столярским мастерством, мерою длины 2 арш., ширины 1 арш. 2 верш.; подножье с дорожниками и, сделав, вычернить самым добрым мастерством с глянсом». В 1692 г. царице и царевичу Алексею Петровичу сделаны два стола липовых на точеных ногах, длина 1½ арш., ширина 1 арш., вышиною 1 арш. 1 верш.; подстолье решетчатое точеное; оба расписаны по золоту травами. Тогда же сделан царевичу другой стол, липовый, длина 3 чети, ширина 8 верш., высота 12 верш.; подстолье и столовые ноги точеные; столовую доску велено расписать по красному золоту — в середине орел, кругом каймы; подстолье расцветить розными красками и серебром. В Коломенском дворце, в четвертой государевой комнате стоял стол весь золоченый, на доске которого между стеклянчатых мишеней были написаны: *вера, надежда, любовь*.

Столовые доски иногда бывали каменные, аспидные, т. е. мраморные. В 1685 г. для царевны Натальи Алекс. «к каменной столовой *цке* (доске) сделано подстолье липовое на четырех ногах *отводных*, на польский образец». Такой же стол осмигранный и на таких же кривых ногах сделан был и в хоромы царевны Марьи Алексеевны. Иногда столы оправлялись серебром. Так, в 1674 г., в день Пасхи, живописец Салтанов поднес царю Алексею Михайловичу своего мастерства «стол на прорезных ногах, столовая цка писана по золоту травы цветными красками; кайма серебряная золоченая; на каймах стекла». Тогда же поднесены царю два стола, писаны по золоту розными красками, один круглый, дру-

ющи и сетующи, овогда же радующися и веселящися, рекше иногда скудота плод земных и глад человеком, а иногда весела сущи, рекше ведрена и обильна плодом всем и тиха и безмятежна; в ней же жизнь человека. Зима же подобна жене мачехе злой и нестройной и не жалостливой, яре и не милостиве, егда милует, но и тогда казнит, егда добра, но и тогда знобит, подобно трясавице знобит, и гладом морит и мучит грех ради наших. Такова есть зима». (Рукопись Царского, ныне гр. Уварова, № 288). Может быть, эти или подобные олицетворения служили источником и для упомянутых нами аллегорических изображений. Кстати, упомянем, что по тогдашнему счету Весна продолжалась от Благовещения, 25 марта, до Рождества Иоанна Предтечи, 24 июня; Лето — до Зачатия Иоанна Предтечи, 23 сентября; Осень — до Рождества Христова, 25 декабря; Зима — до Благовещения. В каждом времени считалось по 91 дни и по полчетверти часа.

гой четверугольный. Были также столы из черного и красного дерева и из кипариса, с серебряною оправою и даже с перламутровою инкрустациею. Так, в 1670 г., какой-то иноземец Ян делал государю стол, на который было куплено шесть фунтов дерева немецкого, черного 3 фунта, да красного 3 фунта, по 20 алтын за фунт. В том же году для царя Алексея Михайловича делали столы, один из *индийского* дерева с инкрустациею из *виницейских раковин* и с серебряною сканною (филигранною) оправой, украшенною драгоценными камнями; другой стол был кипарисный «на доске врезываны жеребьями чинаровое и черное деревья, ноги точеные яблоновые; в яблоках кости пуговками». В 1667 г. в поднос государю расписан точеный стол с раковинною доскою, т. е. украшенною перламутром. Впрочем, такие столы употреблялись только в важных случаях, например, при посольских приемах и в другие торжественные дни. Столы вообще делались круглые, овальные, осмигранные, четырехугольные, нередко с выдвижными ящиками. В царской казне в 1679 г. хранился стол «круглой штигранной древо гебон, по столу вычеканено местами серебром белым, по серебру вычеканены люди и звери и птицы; на стояне, стоян оправлен серебром же, местами вычеканены на серебре люди и звери». К нему «скамейка аспидная в деревянном станку о четырех ножках по верху аспида кругом и ножки обложены серебром басемным позолоченым». Иногда столы устраивались и на колесах.

В кладовых Оружейной палаты в 1687 г. хранились между прочим столы: «...стол деревянный, верхняя доска и подзоры и ноги и подножки крыто серебром чеканным, дорожки золочены; на ногах перевивка золочена, под подножками 4 яблока серебряные золочены, привернуты шурупам железными. Доска (столовая) каменная доманитная черная, по углам обита (от стола, который ставился в Грановитой Полате при послах в 1588 г. и описан так: «стол, немецкое дело, камень деманит на ножках серебряных, а на нем язычки»¹). Столик маленький, турецкая работа, — крыт раковиною виницейскою, промеж раковины прописывано золотом твореным; под столом ящик с замком; подножки подгибные на пробоях с раковины ж. — Доска столовая маленькая, писана розными краски; в середине орел

¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 10. Стб. 130.

двоглавой, по сторонам написано: лето, зима, весна, осень. — Стол липовой, на подножках, доска и с подножки — писаны травы разными красками. — Столик, что ставала шкапа, ноги деревянные резные, золоченые. — Стол аспидной каменной с искрою, в дереве, длина 3 арш., шир. 1½ аршина; под ним ящик резной и ноги резные, меж резей подзоры синослоевые; и под ногами и под ящиком приступы доски дубовые резные. — Два стола деревянные, доски писаны разными красками и золотом, ноги крашенные; один длина 5 арш., шир. 1 арш., другой длина 2 арш., шир. 1 арш. — Стол, доска деревянная, писана золотом и разными красками, ноги резные выгибные писаны золотом и серебром». В числе мебели, взятой в казну Оружейной палаты из *описных животов* князей Голицыных, Василья Васильевича с сыном, находились столы: стол аспидной, под ним ноги резные деревянные золоченые; круг стола на опушке нарезаны два льва, да две травы. Стол небольшой, на доске врезываны оловянные прорезные доски, меж досок личины и травы резные.

После столов и лавок довольно видное место занимали в тогдашней мебели *скамьи* — широкие и толстые доски, утвержденные на четырех *ногах*, соединенных *проножками*, или же на *глухих* ногах из цельной доски. Иногда скамьи устроивались с *переметом*, то есть спинкою глухою или решетчатою, которая переметывалась на вертлюгах на обе стороны, почему такие скамьи и назывались *переметными* или *опроемными*. Скамьи были также малые *передаточные* и большие *спальные*, заменявшие кровать, на которых отдыхали иногда после обеда, для чего на одном конце их устроивался *взголовашек*, *подголовашек*, *приголовашек* — нечто вроде пульпета, служившего также ларцом. Скамьи покрывались такими же полавочниками, как и лавки, а иногда золотными бархатами и коврами; они обивались также красным сукном, на хлопчатой бумаге, с шелковою или золотною бахромою и галуном. Так в 1687 г., в апреле, в Комнате царя Ивана Алексеевича обиты четыре скамьи сукном аглинским. В иных случаях на них клали нарочно для того сшитые тюфяки. В 1686 г., в феврале, велено было сделать в Ответную палату для приезду польских послов тюфяки атласные, на две скамьи, длиною по пол-осма (7½) аршина, шириною по три чети.

В древнейшее время, кроме скамей, употреблялся еще *столец* — собственно стул в его древнем значении, та-

бурет, то есть небольшая скамья с квадратным или круглым сидением. Стулом и теперь называют отрубок толстого дерева, который ставят под избы, рассекают на нем мясо. Притом самое слово «столец» означает маленький стол.

Стулья и кресла теперешнего устройства, до Петра Великого, были еще, так сказать, гостями в царских хоромах, употреблялись редко, потому что их вполне заменяли скамьи и лавки. Кресла, сверх того, считались мебелью почетною и в некоторых случаях заменяли царские места, или троны. Во дворце кресла подавали одному только государю и лицам царского семейства, а из посторонних — одному только патриарху, когда, в торжественные дни или запросто, он посещал государя. Для этого в царской казне, в Шатерной палате, сохранялись особые кресла, которые так и назывались *патриаршими*. Послам иностранных держав подавали иногда скамью, что, однако ж, считалось большою почестью. До конца XVII столетия кресла назывались *стулом*; следовательно, при незначительном употреблении стульев, они строго не различались и в названиях. Форма древних стульев и кресел была очень проста. Кресла состояли из четырех *стоячих столбиков*, двух *передних*, поменьше, и двух *задних*, между которыми утверждалась спинка, или *верхняя доска*, иначе *щит*, почти всегда украшенный *коруною* или *орлом*, а столбики яблоками. Столбики связывались *перететивьями* верхними, где был щит, и нижними, *где живет* (т. е. где кладется) подушка. От задних к передним столбикам, по сторонам, протягивались *ручные помочи*, или *подручки*. Внизу столбики связывались также перететивьями, которые называли *подножками*. Внизу же спереди кресел устраивалось *подножье*, или приступка. Нижние части столбиков составляли ножки кресла, которые делались в виде яблок, также в виде звериных, львиных лап. Стул от кресел отличался тем только, что не имел ручных помочей, или подручек. Обиваемые атласом, бархатом и золотными тканями, кресла и стулья украшались, сверх того, искусною резьбою, которая расписывалась красками, серебрилась и золотилась. В 1625 г. царю Михаилу Федоровичу были устроены кресла из липового дерева резные иконниками и резцами (резчиками) Андреем Андреевым и Петром Алексеевым, а также знаменщиком (рисовальщиком) Петром Ремезовым, который вырезал к креслам наверх *щит* и на щит *орел* и *львы*

звери. На позолоту этих кресел вышло 380 листов золота сусального доброго. В 1645 г., в июле, новые кресла царя были обиты медными золочеными гвоздями. В 1664 г. шатерные мастера (драпировщики) обивали в хоромы царя Алексея Михайловича три кресла червчатым сукном, четыре червчатым атласом с золотными галунами и одно кресло червчатым травным бархатом с бахромою. В том же году сделаны кресла царице Марье Ильичне, деревянные кленовые точеные, которые позолотили и обили червчатым виницейским бархатом. В царицыной Мастерской палате в 1676 г. хранились: «...кресла немецкое дело обиты бархатом червчатым по швам круживцо серебряное узкое, прибито гвоздем. Под ними четыре вертлюги, в вертлугах четыре колеса золочены». В 1689 г. для царицы Натальи Кирилловны обиты четыре золоченые кресла бархатом зеленым, красным и осиновым. Для обиванья употреблялись медные литые гвоздья, разноцветные нитные покроми, галун и бахрома шелковая и золотная. Нередко кресла делались без подушек; в таком случае на *седалища* клали *зголовья* бархатные, атласные и парчовые; это были, так сказать, подвижные подушки, которые могли употребляться при нескольких креслах; смотря по нужде. *Застенки*, или спинки, и *подручки* при обивке подкладывали хлопчатую бумагою. Также обивались и стулья; в 1668 г. царевичу Алексею Алексеевичу стул обит атласом турецким золотным по червчатой земле. Когда садились в кресла, то к ним всегда приставляли *приступы*, или *колодочки приступные*, род скамеек, обитые сукном или бархатом с галуном. Иногда комнатные кресла делались на колесах медных или железных луженых (в 3½ вершка в диаметре), как, например, золоченые кресла царицы Марьи Ильичны в 1667 г., кресла царицы Натальи Кирилловны в 1692 г. и кресла царя Иоанна Алексеевича в 1695 г.

Кроме комнатных, были кресла или стулы выходные, которые употреблялись только в царских выходах, на посольских приемах и вообще в торжественных случаях и после сохранялись обыкновенно в Шатерной казне, в Мастерской палате или на Казенном дворе, с другими драгоценностями. Выходные кресла и стулы весьма богато украшались и не только золотными материями, но даже кованым золотом, серебром и драгоценными камнями. В числе их был и костяной стул, приписываемый вел. кн. Ивану Васильевичу, с вырезанными изо-

бражениями событий из истории царя Давида и некоторых предметов из древней классической мифологии. Как этот стул, так и драгоценные кресла царей Михаила и Алексея сохраняются до сих пор в Оружейной палате. С начала XVIII столетия они получили значение тронов, и два последние доселе употребляются при высочайших коронациях.

В последних годах XVII столетия некоторые комнаты дворца были уже обмезблированы, или, по старому выражению, «наряжены», по-европейски. Обычные лавки были заменены стульями; на стенах висели зеркала. Для наряда новой комнаты, построенной в 1692 г. на Куретных воротах, на Светлишной палате, были употреблены: стол — доска каменная в рамах деревянных, длиною полтора аршина; подстолье резное, прописано серебром, золотом и красками. *Шаф* дубовый, большой, с лица и со сторон оклеен синрслоем, резной; двенадцать *стулов* бархатных красных и алых, в том числе два персидских полосатые, все без подушек, обиты медными гвоздями. Четыре *зеркала* в свету длиною по аршину, шириною по три четверти, в рамах из черного гебанового немецкого дерева. В том же 1692 г., в июне, царица Наталья Кирилловна подарила стольнику Ив. Ив. Нарышкину «12 стулов золотных немецких», которые были куплены в Овощном ряду по рублю за стул. Стулья, точно так же, как и кресла, расписывались красками по золоту и серебру. В Мастерской государевой палате в 1630 г. хранился «стул деревянной золочен, поволочен бархатом червчатым, прибои и по составам и по концам плащи и вертлюги и гвозди серебр. золочены». В 1681 г. десять точеных стулов были покрыты по серебру, одни красною, а другие — зеленою сквозною краскою. Кроме разных шелковых материй для обивки стульев употреблялись также золотные кожи.

Зеркала в древнее время употреблялись только как принадлежность туалета; поэтому они были невелики и даже редко висели на стенах, а большею частью сохранялись в особых влагалищах, или чехлах, стеганных на хлопчатой бумаге, или же в особых готовальнях, т. е. футлярах, вместе с гребешками и другими подобными предметами. Значение комнатной мебели зеркала получили едва ли не со второй половины XVII ст.; но и в это время они составляли убранство одних только внутрен-

них постельных хором и не имели еще места в парадных приемных комнатах, надобно думать, потому, что царственный и притом благочестиво-назидательный, наипочтенный и строгий характер всего убранства этих последних комнат не допускал помещения, среди благоговейно чтимых предметов и священных изображений стенописи, таких вещей, которые относились более к суетности человеческой и вообще являли обыкновенные житейские, мирские, или светские, затеи. По крайней мере, зеркало долго еще оставалось предметом, мало сообразным с общими в то время понятиями о приличии и пригожестве в убранстве парадных комнат. Оно и в постельных хорах всегда задегивалось тафтяными или другими шелковыми завесами или же было с затворами по-киотному, — так что представляло не предмет роскошного убранства, а собственно предмет необходимости и житейской потребности, подобно тому как теперь находятся зеркала в алтарях церквей.

Стенные комнатные зеркала устраивались, как мы заметили, или по-киотному, со створками, или вставлялись в рамы и станки деревянные, украшенные резьбою, раскрашенные цветными красками, вызолоченные или высеребранные, смотря по вкусу хозяина. Иные станки и рамы украшались инкрустациею из меди, олова, перламутра, кости и янтаря. Впрочем, гораздо чаще рамы оклеивали бархатом червчатым, вишневым, черным, также кожей басменною, т. е. тисненною золотыми или серебряными травами и разводами. В конце XVII ст. зеркальные рамки и станки стали делать из черного «гебонового» дерева. Более роскошные зеркала привозились из-за границы в дар от послов и торговых людей. На Казенном дворе в 1640 г. хранилось присланное государю голстенским князем «зеркало хрустальное большое, края оправлены серебром, каймы серебряны золочены; на полях на серебре люди и личины и травы разные; на заде доска деревянная белая. По смете серебра 16 фунтов, по 10 руб. фунт». В 1671 г., декабря 8-го, польский посол поднес царице Наталье Кирилловне, вскоре после ее свадьбы, «зеркало хрустальное: наверху зеркала, посторонь хрустальные травы с висюльками; под ними две пугвицы хрустальные; по верхним углам по два репья хрустальные ж, по пугвице хрустальной; на нижнем конце зеркала по углам по два репья да по пугвице повешены; промеж репьев два подсвечника, под ними хрустальные висюльки; промеж подсвечников

перемычка хрустальная; на средней перемычке репей хрустальный, а от репья повешены висюльки хрустальные, по конец перемычки репьи ж хрустальные по обем концам с висюльками»¹.

Величина зеркал в то время еще не была значительна. В 1665 г. царю Алексею Голландских Статов посол Якубос Борель поднес зеркало *большое* в вышину дву аршин без чети, попереk аршин 6 вершков и с деревом. Рама была украшена коруною резною золоченою, а на коруне крест. Другое зеркало, поднесенное тем же Борелем, вышины имело аршин 6 верш., попереk аршин 2 вершка и с деревом. Оно было вставлено в черепашином ободу. Русские торговые люди Овощного ряду оценили первое в 35 р., второе в 15, а иноземцы — первое в 50 р., второе в 30 р. Через немецких торговых людей всегда можно было получать очень хорошие зеркала и всякие другие предметы мебели и комнатного убора. Когда в 1662 г. понадобилось послать дары кизылбашскому шаху, то у немцев между прочим было взято «зеркало большое, а к нему сделан станок резной, в местах по правую сторону два мужичка, по левую сторону то ж, писаны живописным письмом, резные и позолочены на-красно подзуб; посторонь травы прорезные ж золочены; в исподи станка травы прорезные золоченые ж, в середине зеркало хрустальное. На верху того станка корона прорезная золоченая, в середине той короны зеркало большое хрустальное круглое. (Другое) зеркало большое, станок индийских черепах». В 1676 г. в царичьей казне хранились: *зеркало* большое хрустальное (описанное выше 1640 г.), края оправлены серебром, золочены; на полях люди и личины и травы резные; на хрустале струйка тоненька. *Зеркало* велико четверугольно, около ободу по рези золочено; в резах две девки да птички². Зеркало четверугольно, каймы медные чеканные посеребрены. На Казенном дворе в 1679 г. хранились: *зеркало* хрустальное, влагалище около его — наряд янтарной; на правой стороне столбик янтарной же, на столбике человек белый; по другую сторону ж такне ж столбики янтарные, внизу таков же человек, наверху столбиков по человеку белому, по янтарному, около столбиков янтарной снаряд, в них втираны люди

¹ Книга Казенного приказа, взнос в хоромы, 7188 г. № 242. «А по ярлыку цена (зеркалу) пять рублей».

² «184 (1676 г.) июля 12 сие зеркало из ободу вынято и вставлено в новый обод черный, и подано ко государыне царнице в хоромы, а обод подан ко государю царевичу Петру Алексеевичу в хоромы, на потешки».

и личины белые костяные. Наверху у зеркала человек, по стороне по человеку, главы белые. *Зеркало* большое в черном стану, по сторонам и по исподнему концу местами круги золочены, по краям и по углам травы золочены; круги и ставки золочены кругом сусальным золотом; поверх стекла в верхней коруце птица червчатая, на главе бело, хвост и у крылей — желты, концы у перей сизы.

В конце XVII ст. в царской казне, в Оружейной палате, хранились между прочим: *зеркало* стенное с затворами, сделано по-кнотному; в середине на затворах, больших и малых 23 стекла; меж всех стекол обито оловом белым; на затворех сверху и позади обито жостью красною и слюдою и репьями оловянными. — *Зеркало* стенное покрыто было кожей серебрёною, и слюдою, по местам попорчено; круг стекла дорожник черный волэватый. — *Станок зеркальный* деревянный, покрыт кожей черною, печатано золотом; внутри один затвор оклеен атласом красным; посередь затвора обложено кружевом золотным; а по краям и по углам оклеено галуном, шелк зелен с золотом. — Вот описание нескольких зеркал, находившихся в комнатах боярина Артемона Сергеевича Матвеева и во время его опалы, в 1676 г., отобранных в царскую казну. «Зеркало хрустальное, около его станок хрустальный, а в нем врезаны кости, а в тех костях вырезаны лица, люди и звери. Пять зеркал больших с коронами, в станках деревянных. У одного зеркала станок с короною, а на нем вырезаны звери и зменные головы и травы, позолочен весь. У другого зеркала станок с короною ж, а на нем наверху в короне вырезаны два человека, а около вырезаны травы и виноград, позолочен и посеребрен и писан красками. У третьего зеркала станок с короною ж, а в короне вырезаны два человека, а наверху птичка, а меж людей голова зверинная, а по сторонам внизу два человека с трубами, да два рака. У четвертого зеркала станок, а на нем вырезаны травы, а внизу вырезана щеть, да три гребня, позолочен весь. У пятого зеркала на станку корона резная, а в ней, в середине, в кругу, написаны три человека под деревом; станок деревянный, черный, а по нем крыто черепахою». В числе 76 зеркал, отписанных в казну в 1690 г. из имени князя В. В. Голицына и его сына Алексея, по случаю их опалы, находились: двз зеркала в рамах, у одного — два человека высеребрены, а у них крылья и волосы вызолочены; одному (зеркалу)

цена 60 р., другому 35 р. Два зеркала в дву рамах позолоченных резных с указными часами; цена большому 30 р., другому 3 р.

В комнатах зеркала помещались в простенках, между окон, или на глухих стенах, смотря по удобству, и всегда, как мы говорили, задергивались завесами на кольцах, тафтяными, атласными или бархатными, обшитыми сверху подзором, снизу бахромою, а по сторонам кружевцом, также из шелка или из золотного и серебряного плетенья.

В постельных хоромаш, стены которых не были украшены живописью, ее заменяли *картины, парсуны, или персоны*, то есть портреты, и *фряжские листы, эстампы*, в рамках без стекол и за стеклами. Содержание картин подчинено было тому же господствующему церковно-назидательному характеру живописи, о котором мы говорили при обозрении комнатных украшений. Предметы для изображений брались преимущественно из *царственных книг* библейской истории и носили общее название *притчей*. Несмотря на то, картины довольно резко отличались от икон, потому что писаны были в живописном стиле иноземными художниками, жившими в Москве по приглашению царей. Со времени царя Михаила Федоровича иностранные живописцы, постоянно один за другим, приезжали в Москву служить своим мастерством при царском дворце, который они украшали и картинами, и стенописью. В 1642 г. выехал к нам немчин Иван *Детерс*, умерший в 1656 г. В это время его место, как придворного живописца, занял смоленский шляхтич Станислав *Лопуцкий*; его сменил, в 1667 г., Цесарские земли живописец Данило Данилов *Вухтерс*, писавший живописное письмо самым мудрым мастерством. К сожалению, он находился при дворце один только год и потом был отставлен, неизвестно по какому случаю. В то же время (1667 г.) выехал из Персии армянин Богдан *Салтанов*, записанный в 1675 г. за свое искусство и за службу и особенно за то, что он принял православную веру, в дворяне по московскому списку. В 1670 г. поступил в дворцовые живописцы на место Лопуцкого поляк Иван *Мировской*, украсивший живописью Коломенский дворец. С этого же времени является при дворце *преоспективного дела мастер Петр Энглес*, который, как и Богдан, в крещении Иван, Салтанов,

своим искусством и деятельностью далеко превзошли всех своих предшественников и товарищей. Наконец, в 1679 г. ко дворцу взят был живописец «иноземец Анбурские земли» Иван Андреев *Валтер*, за написанную им персону стольника князя Бориса Алексеевича Голицына.

Служба всех поименованных художников не ограничивалась только работами для дворца; они обязывались также выучить живописи русских учеников. Некоторые выполнили это с большим успехом, и их ученики сделались впоследствии известными мастерами, как, например, Иван Безмин, Дорофей Ермолин—ученики Лопуцкого и Вухтерса; Карп Золотарев и араб Марк Астафьев—ученики Богдана Салтанова. Иван Безмин за свое искусство записан был даже в дворяне по московскому списку. Немецкий живописец Иван Детерс приготовил было также трех учеников, но они рано умерли. В конце XVII столетия из русских учеников образовалось нечто вроде школы, которая живописный западный стиль внесла даже в самую иконопись и церковную стенопись¹. Возвратимся к картинам. Несмотря на то, что большая часть сведений по этому предмету ограничивается только указаниями, что тогда-то таким-то мастером писана по полотну картина, мы все-таки имеем несколько любопытных данных, по которым вообще можем судить о том, что именно изображали эти картины.

В 1667 г. немецкий живописец Данило Вухтерс (Фуктерс) написал царю Алексею Михайловичу «Пленение града Иерусалима» и в феврале 25-го другую картину—«Град Иерихон» по полотну живописным письмом. В том же году он начал писать около государевых лучших шатров *двор* по полотну из книги *Александрии*, т. е. деяния Александра Македонского. В том же году другой живописец, армянин Богдан Салтанов, писал также по полотну к государеву большому шатру *двор* государев и поднес государю картину «Притчу о царе Дионисии, мучителе Сивилийском», а ученик его, Карп Золотарев, в 1672 г. поднес картину «Чувство осязание».

¹ Вот несколько имен русских мастеров и учеников живописного дела, упоминаемых в это время по случаю разных дворцовых работ: Василий Позняевский, Киприян Умбрановский, Ерофей Елца, Лука Смолянинов, Григорий Одолевской, Семен Лисицкий, Борис Давылов, Михайло Чоглоков, Алексей Филиппов, Герасим Костоусов, Гаврило Вельков, Михайло Селяверстов, Леонтий Чулков, Петр Тропарев и мн. др.

Впоследствии во дворце находились картины с изображением всех «Пяти чувств»¹.

В 1669 г. Салтанов написал государю картину по полотну «Рождение царя Александра Македонского». В 1669 г. живописцы Иван Мировской да Станислав Лопуцкий писали для Коломенского дворца «*клейма* (гербы) государево и всех вселенских сего света государств». В том же году Станислав Лопуцкий писал по холсту герб Московского государства и иных окрестных государств и подо всяким гербом *планиты*, под которым каковыя. В 1677 и 1678 гг. Салтанов же написал по полотнам две притчи: *Видение царя Константина, когда ему явился крест в облацех на небеси*, и подписал на них золотом подпись — слова. «А поставлено то полотно в рамах деревянных у него в. государя в Верху у Золотого крыльца, на площади, у деревянной переграды».

В 1679 и 1680 гг. «преоспективного дела мастер Петр Энглес» писал царю Федору Алексеевичу притчи: «Царя Давида на престоле сидяща, как он благословил сына своего Соломона на свое царство; да Царицу Южскую, как она пришла к царю Соломону с подносными дарами; да притчу Святая Святых, как созидал царь Соломон». Далее (в 1680 г.) «притчу — Брак царя Соломона на полотне большом, да другую притчу — Идолопоклонение», а также написал преоспективным письмом еще «Притчу пророка Иезекиа с пророчествы» из царственных книг. В то же время Ив. Салтанов с Ив. Безминым написал в хоромы царевен «Евангельскую притчу, как беседует Иисус со учителями». В 1680 г. Иван Безмин писал на полотне (63 арш.) в Верх к государю *лунное течение, солнце, месяц, звезды*. В 1681 г. Безмин написал еще «Притчу царя Соломона, как приходила к нему на поклон Царица Южская». Картина была вышиною 2½ арш., в ширину 4 арш.; рама золоченая с флемованными дорожниками. В 1686 г. в хоромы царевны Федосьи Алексеевны написана на полотне, длин. 6 арш., шир. 5 арш., *картина* по золоту травы розными цветными краски, которая и помещена в царевнином *чулане*, или спальне. В том же году в новые каменные комнаты царевны Софьи Петр Энглес написал на полотне *преоспективную картину* во всю стену по размеру. В 1689 г.

¹ В 1682 г., в марте, истопник Семен Золотой был послан в Преображенское, в Покровское, в Измайлово, — «а вселено ему обыскать в государевых хоромех *пяти чувств*, писаны на полотнах живописным письмом», которых, однако же, не было там найдено.

в комнаты царицы Натальи Кирилловны было написано пятнадцать картин «Страсти Господни»: Распятие, Снятие со Креста, Положение во гроб и пр., в высоту каждая $1\frac{3}{4}$ арш., в ширину $1\frac{1}{2}$ арш.; рамы украшены двумя флемованными золочеными дорожниками, между которыми середина была посеребрена. В 1691 г. живописец Мих. Чоглоков с товарищи написали 20 картин. В 1694 г. царевичу Алексею Петровичу писали картину на полотне «Солнце, луну, кругом двенадцать месяцев», а в 1696 г. живописец Ерофей Елина написал ему «преоспективо», длиною и шириною в аршин. В 1697 г. ему же царевичу велено написать на полотне Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим) и «преоспективо — медведя с медведицею и волка и зайцов», мерою ширины $1\frac{1}{2}$, вышины 1 арш., на котором полотна пошло 4 арш. 15 верш. В 1694 г. Иван Салтанов с другими живописцами писал царю Петру Алексеевичу двадцать три картины «бои полевые» разными образцы, применяясь к немецким картинам, в свету по $2\frac{1}{4}$ арш., вверх по полтора аршина, против немецкого образца; а в 1697 г. восемь картин «морского ходу воинских людей, применяясь к заморским немецким картинам или к фряжским листам»; все эти картины шириною были около двух аршин, а вышиною в полтора аршина.

Были также картины, писанные на бумаге соковыми красками и золотом и называвшиеся *живописными листами*. В 1679 г. живописец Карп Золотарев написал для семилетнего царевича Петра Алексеевича, на александрийском большом листе, золотом и красками, «двенадцать месяцев и беги небесные, против того, как в Столовой в подволоке написано». В 1686 г. живописными листами, в флемованных рамах, украшена была комната царевны Софьи Алексеевны. Еще раньше, в 1683 г. у ней в числе таких листов находился какой-то *родословный лист*, в расписанной рамке. В 1694 г. царевичу Алексею Петровичу писали на четырех листах иконописным письмом «четыре стихии на двенадцать месяцев». В 1687 г. в комнате царевны Екатерины Алексеевны на трех живописных листах были изображены: на одном образ Успения Богородицы, на двух остальных св. Антоний и Феодосий Печерские.

Персоны, или портреты, украшали стены также в одних только постельных хоромех. Само собою разумеется, что в царском дворце занимали свое место только портреты особ царского семейства или высших духов-

ных властей и некоторых иноземных государей. Многие портреты были писаны с натуры, или, как говорили тогда, *с живства*. С натуры, или *с живства*, писал государеву *парсуну* в 1661 г. живописец Станислав Лопуцкий. О портретных работах других, упомянутых выше, живописцев прямых сведений мы не имеем. Кроме иноземных живописцев, писавших такие персоны, при царе Алексее Михайловиче, с 1671 г. известен был как портретист, писавший *с живства*, иконописец Федор Юрьев. Иконописец Симон Ушаков писал также и портреты. В 1669 г. он написал красками по полотну государственную персону александрийскому патриарху Паисию. В 1682 г. в казне покойного царя Федора Алексеевича хранились три персоны: царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича, писанные на полотне, и царицы Марьи Ильичны, писанная на дске.

В 1671 г. живописец Салтанов поднес государю на Пасхе «пять персон розными статьями», на полотнах, каждая в полтора аршина длиною. В 1677 г. живописец Иван Безмин позолотил и посеребрил трой рамы, одна к Распятю Господню, другая к персоне царя Константина да к персоне царя Алексея Мих., третья к персоне царицы Елены да к персоне царицы Марьи Ильичны. В 1678 г., в феврале, тот же Иван Безмин писал государственную персону у себя на дому, а Иван Салтанов написал в хоромы государю по полотну Распятие да образ царя Константина и матери его Елены, да персону царя Алексея, персону царицы Марьи Ильичны и персону царевича Алексея Алексеевича в предстоянии у Распятия, как довольно часто изображались царственные лица. Эта картина сохраняется до сих пор в одной из теремных церквей. В том же году Ив. Салтанов писал персону царя Алексея *во успении*, а иконописец Федор Евтихеев писал (15 июля) в собор архангела Михаила на большой дске к государским гробам образ Спаса и к тому Спасову образу молящие в царских коронах царь Михаил Фед. и царь Алексей Мих. В 1681 г. иконописец Карп Золотарев написал государю в хоромы персону Иоакима патриарха в святительской одежде. В 1682 г. иконописец Симон Ушаков и живописцы Салтанов и Безмин написали царю Федору Алексеевичу две поясные персоны его отца, царя Алексея. В комнатах царя Федора находилась и его собственная *персона* — портрет, для которого в январе 1682 г. вызолочены рамы с флемованными дорожники, в вышину и в ширину по

3½ арш. В 1694 г. (в феврале) живописец Мих. Чоглоков написал «образ (персону), во успении государыни благоверной царицы и в.к. Натальи Кирилловны», на полотне, длиною 2¼ арш., шириною 1½ арш. Рамы сделаны флемованные и прикрыты чернилами. В 1696 г. написана «персона царевны младенца Марии Иоанновны по преставлении ее», поставленная тоже в черную столярскую раму.

Кроме разных других персон, имена которых нам неизвестны, в хоромах царя Федора, в 1681 г., находились персоны короля польского и короля французского, может быть, Лудовика XIV, современника царю. В комнате царевны Марьи Алексеевны в 1687 г. висела в рамах с флемованными дорожниками персона покойного царя Федора, ее брата. В 1699 г. в комнате царевны Натальи Алексеевны в трех вызолоченных рамах висели персона брата ее царя Петра Алексеевича и живописные изображения его тезоименитых ангелов Петра и Павла. В том же году к персоне печатной на листу царя Петра делали рамы флемованные золоченые. Рамы на портретах и картинах были гладкие или резные, золоченые, серебрёные, иногда расписанные красками или просто вычерненные под черное дерево. В казне Оружейной палаты в 1687 г. хранились: *парсуна* царя Михаила Федоровича, писана по цке длина аршин 10 верш., ширины 1 арш. 1½ верш. *Парсуна* царя Алексея Михайловича писана по полотну, длина 3 арш. 2 верш., шир. 2 арш. 1 верш. *Парсуна* по преставлении царя Алексея Михайловича, писана по полотну, в черных рамах, длина 2 арш. без вершка, шир. 1 арш. 11 верш. *Персона* киевского митрополита Петра Могилы, длина 3 арш. без чети, ширина 1 арш. 9 верш.

Что же касается до *фряжских листов*, то здесь должно разуметь эстампы, гравированные на меди и на дереве. В царском быту они появляются еще в начале XVII столетия под общим названием *потешных немецких печатных листов* и, без сомнения, были известны и в XVI ст., как можно заключить и из Записки Барберини, который предлагал в 1565 г. выслать в Москву тетрадь *рисунков* с листьями, арабесками и тому подобным и просил также верных *оттисков* с изображениями разных государей. Подобными *фряжскими* и *немецкими* листьями с XVII ст. торговали в Москве в Овощном ряду.

Во дворец их покупали для государевых детей, вместе с игрушками. Малолетние царевичи и царевны, забавляясь этими листами, вместе с тем получали из них сведения о некоторых предметах естественной истории, географии, всеобщей истории и пр. Таким образом, например, в комнатах царевича Алексея Алексеевича, умершего в 1670 г., висело «пятьдесят рамцов с листами фряжскими». Самое название этих листов немецкими и фряжскими указывает на их происхождение: они вывозились к нам с Запада. В числе их, может быть, встречались гравюры известных художников. Впоследствии и у нас стали печатать эти листы на дереве, на лубу (*луб* — доска особой пилки), отчего, как можно объяснить и как вообще объясняют, они и получили название лубочных картинок. Но, вероятно, также, что листы могли получить свое прозвание от разрисовки и раскраски *лубяных коробей*, какие в XVI и XVII ст. были в большом употреблении. Судя по сохранившимся памятникам (подобные коробки находятся в Историческом музее), нельзя не видеть, что лубочные картинки, и именно *деревянной печати*, носят полнейшее сходство с упомянутыми *писанными* коробьями, так что лубочный рисунок и его раскраска могли послужить образцом и для его воспроизведения печатным делом. Кроме того, есть известие, что еще в XV ст. на *лубу* писали, чертили чертежи, планы¹, следовательно, луб употреблялся вообще для рисования вместо хараты и бумаги, которые тогда были для простых людей очень дороги. Известно также, что для письма употреблялась и береста. Таким образом *лубочная* картинка могла существовать и до изобретения печатного дела. По свидетельству Кильбургера (1674 г.), в московской и киевской типографиях, кроме церковных книг, печаталось также много образов и эстампов на дереве². В домовом казне патриарха Никона находим 270 листов фряжских, лист печатной большой *подволочной*; на большом листу часть Козмографии, на большом же листу Козмография³.

В конце XVII ст. *фряжский стан*, для печатания эстампов на меди, заведен был в царском дворце при

¹ «Князь боярин да сошкой тое воды досмотрели, да и на *луб* выписали и перед осподою положили, да и велось по *лубу*» (Правая грамота 1483 г. в Актах юридических. С. 3). См. нашу «Заметку о памятниках простонародной литературы» (Библиогр. зап. 1892. № 2. Стб. 79—83).

² Краткое известие о Русской торговле, каким образом она производилась чрез всю Россию в 1674 году. Спб.; 1820. С. 183.

³ Временник Моск. о-ва истории и древностей российских. 1852. Кн. 15. С. 114.

Верхней, то есть придворной типографии. В 1677 г. органист Симон Гутовский сделал к государю в хоромы «станок деревянной печатной, печатать *фряжские листы*»¹. В 1680 г. резец Афанасий Зверев резал для государя на медных досках «всякие *фряжские рези*».

В царских хоромах *фряжские листы* обыкновенно прибивались к стенам лужеными гвоздиками по деревянному дорожнику, который служил таким образом вместо рамки. Так обиты были *фряжские листы* по стенам в комнатах царевен в 1680 г. и в деревянных хоромах царя Федора Алексеевича в 1681 г. В 1680 г. в новопостроенных палатах, что над Судебнею царицыных Мастерских палат, *фряжские листы* были прибиты по стенам дорожником *калеваным*, которого в то время для этих листов и для подволоки было сделано 500 аршин. В 1682 г., в марте, по сказке живописцев Ив. Салтанова и Ивана Безмина, понадобилось в государевы деревянные хоромы на обивку *фряжских листов* сто колодок гвоздя луженого. Количество этих гвоздей и упомянутого дорожника явно показывает, что в этих случаях листы были употреблены не в качестве картинок, а в качестве картинных обоев. В том же 1682 г. в хоромы царевича Петра Алексеевича взято *сто листов фряжских*, из которых многие, без сомнения, пошли на украшение стен. Иногда листы даже приклеивались к стенам, как, например, в 1685 г. в «верхних каменных чердаках» царского Теремного дворца. Но гравюры с священными изображениями вставлялись большею частью в рамки. В хоромах царевны Софьи (в 1686 г.) висели на стенах в золоченых и расписанных красками рамках: «Образ Спасителя в терновом венце, немецкие печати, на бумаге, ризы и поля наклейные байбереком, в правой руке трость. Образ Распятия, на бумаге ж, немецкой печати, в подножии у Распятия град Иерусалим, наклейные. Образ Богородицы Чанстоховския, печатный на желтой тафте, в клейме, в травах золоченых. Образ Рождества Христова, знаменной (то есть рисованный), на углах евангелисты. Три листа, печатаны на бумаге. Лист, на нем написано «поздравление» царевне. Лист немецкой, на нем написано в клейме поздравление на виршах царевны Феодосии Алексеевны».

Мы должны упомянуть еще о *чертежах*, или живо-

¹ Книга Приходо-расходная Оружейной палаты 7186 г., № 237.

писных географических картах, которые висели на стенах в государевой Комнате. Большею частью такие чертежи писаны были, как говорится, по птичьему полету, с изображением самых зданий, храмов, башен, жителей, гор, лесов и пр. Для царя Алексея Михайловича чертежи писал живописец Станислав Лопуцкий. В 1663 г. он поднес государю «Чертеж всего света», также «Чертеж Индийского и иных государств», а в 1668 г. «Новой Сибирской чертеж». В 1669 г., вместе с живописцем Миrowsким, он написал, как уже упомянуто, большую картину вроде чертежа: «Герб Московского государства и иных окрестных государств гербы, а под всяким гербом планиты, под которым каковы». В казне Оружейной палаты в 1687 г. хранились «чертежи — три части света: Аврика, Америка, Азия, писаны по полотнам».

В дополнение к этому обзору живописных картин, эстампов и чертежей в царских хоромах считаем нелишним присовокупить описание подобных же картин, украсивших хоромы боярина Артемона Сергеевича Матвеева и князя Василья Васильевича Голицына с сыном Алексеем, отписанных потом в казну за опалу Матвеева в 1676 г. и за опалу Голицыных в 1690 г. У Матвеева находим: «Персоны: В черном станку святитель в мантии, а на главе клобук черной, в левой руке посох. — Две персоны королей Польских Михаила да Яна. — Двенадцать Сивилл поясных, письма старого. — Притча, как Иосиф бежал от Петерфиевы жены. — В станку Целомудрие, а в правой руке написан скифетр, в левой руке книга. — На полотне написана Весна, в руках сосуд с травами. — Сорок один лист, писаны живописным письмом на разных красках и на золоте. — Персона боярина Ильи Даниловича Милославского. — Да в четырех станках полотна, а на них написано: Артемон в служилом платье, стоячей. На другом полотне он же в служилом платье, поясной. На двух полотнах дети его, Иван да Андрей, стоячие. — Пять полотен, а на них написаны персоны немецкие, поясные. — Персоны немецкие ж. Личина молодая в шляпе с перья, стоящая. — Десять личин немецких, на полотнах же и в том числе одна на бумаге. — Лист печатной на бумаге, а напечатан Голанской князь Вилим. — Три листа садового строения, да девять маленьких. *Чертежи:* Чертеж Архангельского города и иных поморских городов и мест, писаной и подписан Русским письмом. Чертеж печатной Свейской и Датской Земель. Чертеж Новые земли, Русского пись-

ма. Три чертежа печатных, на одних листах Московской, другой Польской, третьей Асийской».

Из отписных животов князей Голицыных поступило в царскую казну: «Персоны и листы писаны на полотнах и на бумаге: Персона князя Владимира Киевского, на полотне, в черных рамах. Персона царя Ивана Васильевича, на полотне, в черных рамах. Персона царя Федора Ивановича, на полотне, в черных рамах. Персона царя Михаила Федоровича, на полотне, в черных рамах. Персона царя Алексея Михайловича, на полотне, в черных рамах. Четыре персоны царя Федора Алексеевича, одна в рамах черных, поясной; две писаны на полотнах, одна в черных рамах, другая в золоченых, четвертая писана на цке. Персона святейшего Никона патриарха, саκος и омофор и понагия, наклеенные разных цветов обьерми. Персона Иоакима патриарха писана на полотне, в рамах золоченых. Три персоны королевских, писаны на полотнах, в черных рамах. Персона Польского короля на коне. В дву рамах персоны Польского короля и королевы его. 12 персон немецких в круглых золоченых резных рамах. В 20 клеймах золоченых писаны на полотнах лица, времена, стихии и праотцы. Персона за стеклом в рамах золоченых князь Василья Голицына. В черных рамах писано на полотне притчи из Библии. В четырех рамах золоченых резных четыре листа немецких (по 5 рублей за лист). 12 персон немецких печатных в рамах золоченых, в том числе один лист без рам. Пять листов землемерные чертежи печатные немецкие наклеены на полотнах, 9 листов немецких землемерные в черных рамах. Личина человекья писана на полотне. Лист немецкой в деревянных рамах, по сторонам написано по пистолли. Две личины каменные. Герб князя Василья Голицына. Персона его ж князя Васильева писана на полотне».

Из этого перечня можно видеть, что картины, эстампы, географические чертежи и другие подобные предметы не составляли принадлежности одного только дворца, но проникали, хотя и редко, и в боярские дома. Притом знаменитый Матвеев — по своему уму и образованию — едва ли не первый боярин того времени — и не менее знаменитый кн. В. В. Голицын, в настоящем случае, не могут, однако ж, служить единственным исключительным примером. Кроме некоторых других лиц, современников им, мы можем указать также на Никиту Ивановича Романова, царского родственника, который

жил прежде и нисколько не уступал им в стремлении к образованию, любил музыку, носил даже немецкое платье, по крайней мере, выезжал в нем на охоту. Вообще в XVII столетии боярский быт стал во многом изменяться против прежнего. Примеры первых бояр не оставались без влияния. Очень жаль только, что до сих пор еще мало открыто памятников, которые могли бы ближе познакомить нас с частным боярским бытом того времени.

Мы видели, что еще в первой половине XV века в московском дворце стояли часы башенные. По всему вероятно, к тому же времени должно отнести и употребление комнатных часов *столовых* и *стенных*, или *гирных*, *указных*, а также и *воротных* или *зепных*, т. е. карманных, которые носили на цепочках на вороту, в зепи или кармане. Тогда все такие часы были большою редкостью в Москве и привозились иноземцами, продававшими их, вероятно, за очень дорогую цену. Когда Москва в XVI уже веке завязала частые посольские сношения с западными государствами, то в числе даров, подносимых государю, не последнее место занимали и часы, более или менее хитрого и затейного устройства. Само собою разумеется, что дар тем и славен был, что был дорог материально или же чуден хитростию искусства и работы. В XVI ст., без сомнения, по редкости, часы подносились наравне с золотом и серебром и с другими диковинами разного рода, напр., попугаями, обезьянами и т. п. Так, в 1557 г. шведские послы поднесли царю Ивану Васильевичу кубок золочен, с крышкой, поставной, а наверху, в крышке, *часы*¹. В 1594 г. цесарев посол Варкач поднес царю Федору Ивановичу от цесаря: *часы* меденые золочены с планитами и с святцы; и от себя: *часы* медены золочены с планитами². В 1597 г. послы императора Рудольфа поднесли государю в поминках, от императора: *часы* с перечаьем, с людьми и с трубы и с накры и с варганы; а как перечаье и часы забьют и в те поры в трубы и в накры и в варганы заиграют люди, как живые люди³; *часы* с перечаьем, и как перечаье забьют и в те

¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 8. Стб. 152, 458.

² Памятники дипломатических и торговых сношений... Спб., 1892. Т. 2. С. 95.

³ Эти часы, после, в 1605 г., поднесены были от Лжедмитрия в дар Марине Мнишек по случаю обручения. Их признали в Польше удивительными.

поры те часы запоют разными гласы: Да посол Аврам от себя челом ударил государю: *часы* с семью планитами серебряны, а под часами ящики деревянные, разными цветы, серебром окованы, с чернильницею. Дворяне челом ударили двоим *часы* боевые. Тогда же император прислал в числе поминков государеву шурину и слуге боярину Борису Федоровичу Годунову «*часы* стоячие боевые с знамены небесными» и сыну его Федору Борисовичу «*часы* стоячие боевые, а приделан на них медведь». Сверх того, от посла Годунову поднесены: двоим часы маленькие боевые, воротные¹. Таким образом в московском дворце даже и затейливые часы не были особенно редкостью. Их выставляли напоказ обыкновенно во время посольских и других приемов. Так, в 1588 г., при кизылбашских послах во время стола в Грановитой палате в другом окне, по правую сторону от трона, стояли часы боевые золочены немецкое дело, походные, на слонех². При Годунове в Грановитой палате висело панкадило в виде короны с боевыми часами.

В 1621 г. в Грановитой палате на окне стояли *часы боевые на телеге*, ходившие на доске, обитой червчатым бархатом. В 1629 г., в октябре, немчин Христофор Галовей, часовник Фроловской башни, починивал государевы *часы — башня цесарская большая*. В 1645 г., в ноябре, дурак Исай испортил комнатные круглые часы *указные* (может быть, стенные), которые и исправлял часовник Максимко Анкудинов. В 1659 г. у царевича Алексея Алексеевича в комнате стояли *часы цыбальные*, с цыбальцы и с немцы, с башенкою. В 1674 г., в августе, куплено 50 струн бараньих *романских* да две большие струны, которые и отданы часовнику иноземцу Ивану Яковлеву для починки «часов больших медных, которые ставятся у в. государя в Комнате на окне при послах, с трубачи и со слоном». В 1675 г., в мае, в хоромы царевича Федора Алексеевича куплены за 30 рублей у иноземца Галанской земли Логина Фабричьуса — «часы боевые столовые медные золоченые с перечасьем и с будильником немецкого дела, самые добрые». В 1681 г., в апреле, часовник Дм. Монсеев починивал «*часы большие, что с действы блудного сына*».

¹ Памятники дипломатических и торговых сношений... Т. 2. С. 492, 518. В боярском быту, в начале XVII ст., у князя Дмитрия Ивановича Шуйского упоминаются также «часы боевые с игрой, влагалище золочено». (Акты исторические. Т. 2. № 340).

² Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 10. Стб. 130.

Вот описание часов, которые в XVII ст. стояли в царских комнатах или хранились в казне: «1634 г. — *часы* колымага; *часы* паникадило (в Столовой); — *часы* большие, виницейское дело с планидами; — *часы* флягою, на высоком стоянце, с *планидами*; — *часы* зеркалом боевые; *часы*, на них на коше турченин; — *часы* башнею, что государю челом ударил князь Федор Барятинской (у государыни царицы в хоромех); *часы* ставцом большие указные (у государя в хоромех); — *часы*, на них собака (у государыни царицы в хоромех); — *часы* сыром, государю челом ударил кн. Дмитрий Тимофеевич Трубецкой; *часы* меденные боевые с будильником, башнею велики, влагалище янтарное; 1679 г. — *часы* медные, под указом орел двоеглавый, по орлу над глазами и по крылью и под шеями хрусталь белый, а около живота хрусталь же да камень и смазни турецкие; у орла в ногах, в правой ноге палаш, в левой держава; круг орла круг, а по кругу камень бирюза и смазни и иные всяких цветов; сверх круга трава прорезная медная, в ней в середине кружок серебряной сканной, в середине парсуня человеческая по пояс; под камнем репейки серебряные сканные; — *часы* немецкие железные в деревянном стану с колоколами, у всякого колокола боевые по два молотка; — *часы* в деревянном же стану с колоколами ж, у всякого колокола по два боевые молотка; наверху терем деревянный, около его кубчики деревянные». Далее: «*Часы* четверугольные сделаны скрынкою: скрына оправлена серебром чеканным белым; в ней органы; наверху перилы; у перил поставлены люди медные с трубами; в середине стоит слон; перила и люди и слон медные золочены; на слоне сидит арап, да *часы* четверугольные с чердаком, медные ж золочены». Эти *часы*, сохраняющиеся в Оружейной палате, ставились, как упомянуто, во время посольских приемов, в государевой Комнате (в Каменном Тереме), на окне. — «*Часы* на поддоне черном сделаны башнею; наверху в чердаке люди; над чердаком орел. — *Часы* на поддоне черном сделаны башнею; в башне стекла оправлены серебром чеканным; наверху перила и чердак медные золочены; в чердаке мужик медной же. — *Часы* на поддоне медном, чеканном: сидит мужик на коше, а под конем собачка, медные золочены. — *Часы* на колесах; наверху мужик лежит на спине, назади бочка, медные золочены». В комнатах *часы* ставились на окнах, как мы видели, или на особых

часовых подставах. Опись часов XVI ст. см. «Дом. быт цариц», Материалы № 20¹.

Само собою разумеется, что всякого рода замысловатые и особенно богатые часы приходили к нам от немцев и покупались чрез посредство немецких же торговых людей. Так в 1662 г. в дар кизылбашскому шаху были куплены: «Часы большие с перечаьем (с игрою); перечаье на 5 голосов в черном немецком дереве. Над часами пять решеток медных прорезных золоченых; дерево круг решеток резное; под часами ящик простой; позадь часов *обтека*, а в ней 8 скляночек с шурупы серебряны позолочены, достокан серебряной венец золочен, в середине вызолочено; ложка, вилки серебряные позолочены; решеточка с руковедью да воронка серебряные ж позолочены; 4 стопочки с кровлею серебр. в середине и в кровле позолочены; 4 стопочки с кровлею серебр. в середине и в кровле позолочены; 4 четвертинки серебр. с кровлями, кровли поверх вызолочены. На верху часов птица (зачеркнуто: жаравль щелкун) *стерх* да с ним три (зач. маленьких) менших».

Большим охотником до часов был также боярин Матвеев. Адольф Лизек, описывая комнаты боярина, в которых он принимал для совещания цесарского посла Боттония, говорит, что в приемной зале потолок был разрисован: «На стенах висели изображения святых немецкой живописи: но всего любопытнее были разные часы с различным исчислением времени. Так одни показывали часы астрономического дня, начиная с полудня (какие употребляются и в Германии); на других означались часы от заката солнца, по счету богемскому и итальянскому; иные показывали от восхода солнца, по счислению вавилонскому; другие по иудейскому, иные, наконец, начинали день с полуночи, как принято Латинскою церковью». Собственно русские часы, при указании времени, как мы уже говорили, делили сутки на две части: на часы дня с восхода солнца, и на часы ночи с солнечного заката. Во дворце и в домах бояр комнатные часы устроивались таким же образом. — Из имени князей Голицыных, в 1690 г., отписано в казну 15 часов, и в том числе: часы столовые боевые, на них мужик со знаком, ц. 70 р.; часы гирные, ц. 30 р.; часы боевые с гирми, цена 30 р.; часы двой, одни с гири, а другие столовые медные; часы немчин на коне, ц. 5 р.

¹ В 3-м изд. этого сочинения см. с. 613, 615. — *Ред.*

Еще в конце XV в. при вел. кн. Иване Васильевиче был вызван в Москву в 1490 г. *арганный игрец*¹ Иван Спаситель, каплап белых чернецов Августинова закона, который, без сомнения, и приехал для того, чтобы устроить во дворце органныю потеху. Быть может, он был и мастером этих инструментов и тогда же занялся их постройкою, если не привез с собою уже готовых. Как бы ни было, но это свидетельство указывает, что в московском дворце органы существовали уже с XV в. Нет сомнения, что в потешном обиходе они с другими подобными инструментами составляли впоследствии необходимую статью дворцовых увеселений. В XVI ст. вместе с органами привезены были во дворец и клавикорды, или цимбалы, которые англичанин Горсей поднес в числе других даров царю Федору Ив. Он говорит, что царица Ирина Фед. особенно удивлялась наружным украшениям этих инструментов, раззолоченных и расцвеченных эмалью, или финифтью, так что они должны были служить немалым обогащением и всей мебелировки дворца.

В начале XVII ст. «органы и цимбалы» упоминаются уже как самые обычные предметы дворцовых потех. В 1614 г. при дворце находится в службе *цынбальник* Томила Бесов, а в 1617 г. упоминаются *органы*, стоявшие в *Потешной палате*; далее в 1626 г. «в государскую радость», т. е. во время свадьбы царя, в Грановитой палате играли на цимбалах и на варганах, причем участвовали и тешили государя *веселые* Парамонка Федоров, гусельники уезда, Богдашка Власьев; *домрачеи* Андриюшка Федоров, Васька Степанов; *скрыпочники* Богдашка Окатьев, Ивашка Иванов, Онашка, да немчин новокрещен Арманка.

В 1630 г. приехали в Москву служить ремеслом своим два часовых мастера — Анс Лун и Мелхарт Лун и привезли с собою из Голландской земли *стремент* на органное дело, который они в Москве доделали: «около того стремента станок (кузов) сделали с резью и расцветили краскою и золотом, и на том стременте сделали соловья и кукушку с их голоса, а играют те органы и обе птицы поют собою без человеческих рук». От государя они получили щедрое вознаграждение за этот стремент², который поставлен был в Грановитой палате в заднем углу. В 1638 г., в декабре, государь «указал быть у сво-

¹ Временник Моск. о-ва истории и древностей российских. 1853. Кн. 16. Смесь. С. 21

² Там же. С. 23; Арх. Оружейной палаты, № 756.

ей органной потехе с органистом мастером с Юрьем Прокурорским в товарищах иноземцу ж Федору Завальскому, потому что Юрью быть у того дела одному немочно, а ему Федору то органное дело за обычай». Царский постельничий Фед. Ив. Игнатьев, в присутствии стряпчего с ключом Оничкова и дьяка, привел органиста Завальского ко кресту: «что ему быть у государевой органной потехе и никакие б хитрости ему над государевыми органы не учинить».

В 1639 г. государь велел быть в своей Потешной палате у цимбального и у органного дела в мастерах стрельцу Головленкова приказа Якушку Тимофееву, который также был приведен ко кресту. Органное мастерство до того утвердилось при царском дворце, что в 1663 г. царь Алексей «указал сделать в запас для посылки в Персидскую землю органы больше самые, как не мочно тех больше быть, а делати б на двенадцать голосов. А что к тому делу каких запасов надобно, и то давать из Оружейных Палат. А делати то дело шляхтичу Симону Гутовскому, потому: — какие надобно в Персидскую землю, и он то все знает, для того, что он посылан был в Персиду с послы». После за то, что Гутовский отвез к шаху эти органы в сохранности, государь пожаловал ему 50 рублей.

Некоторые подробности об органной игре мы приводим в нашем сочинении «Домашний быт русских цариц» при описании Потешной палаты, стр. 442 и след.¹

К сожалению, мы не встретили описания органов, которые стояли в Грановитой и в Потешной палатах. В казне Оружейной палаты в 1687 г. хранились уже обветшавшие и испорченные «органы четырехголосные с *рыгалом*, а в тех органах 50 труб нет, а на лицо труб 220; кругом резьбы нет, клеветура поломаны». В 1690 г. из отписного имущества князей Голицыных в казну поступили «органы на деревянном крашеном рундуке, цена 200 р.; органы на стоянце деревянном, цена 200 р.; органы цена 120 р.; органы цена 30 руб.; органы худые ломаные, цена рубль; клеветкорты писаны краски, цена 3 р. Домра большая басистая (виолончель) во влагалище деревянном черном, цена рубль; да сурна, деревянная, цена 10 денег».

¹ В 3-м изд. помянутого сочинения (М., 1901) глава о дворцовых забавах опущена, но она теперь включена во 2-ю часть настоящего сочинения (М., 1915), где соответствующее место чит. на с. 283 и след. — *Ред.* (Речь идет о второй части первого тома «Домашнего быта русских царей в XVI и XVII ст.»).

Для поклажи и сохранения вещей в комнатах ставились *казенки, поставцы, шафы, скрынни, шкатуни, сундуки, ларцы, ящики, коробки, подголовки*; у стен приделывались *вислые полки*, а в *печурах*, какие бывали обыкновенно в каменных хоромах, устраивались также шафы, или полки с дверцами, как и теперь делается в монастырских кельях. *Казенка*, род шкафа, клеенная из липовых досок, приделывалась к стене наглухо и назначалась для хранения казны, т. е. разных предметов дорогого убора или посуды и вообще драгоценных вещей. *Поставцы* были собственно большие ящики с полками без дверей, вышиною с небольшим аршин и соразмерной ширины. Они большею частию *навешивались* к стенам в удобном месте на железных петлях и задегивались завесами суконными или шелковыми. Делывались поставцы и шкафом, вышиною от 2 до 4 арш., с дверьми; но от шкафов они отличались более простою уборкою и постройкою. В них по подобию шкафов устраивались также выдвжные ящики. Бывали поставцы с *уступом*, разделявшим их на две части: верхнюю поменее, которая составляла уступ, и нижнюю пошире, которая служила основанием поставца. Устраивались *поставцы по-налойному*, вышиною не более аршина, потому что ставились на лавки и употреблялись, вероятно, для чтения и письма или, может быть, заместо налоев во время молитв. Когда поставцы приделывались внизу к стене наглухо, то назывались *рундуками*, какие нередко делались под лавками и особенно в конике. В *третьей* комнате Каменного Терема в 1661 г. стоял рундук, обитый снаружи золотыми кожами, у которого двери изнутри были оклеены червчатым бархатом, а полки червчатými дорогами (полосатую бумажною материею). *Шафы* устраивались с дверцами и с уступами, причем нижний уступ заключал в себе выдвжные ящики, а верхний был створчатый с полками. Они ставились на точеных ножках и сверху украшались гзымзом или шпренгелем с дорожниками. Этого устройства *шафы* назывались также и поставцами, т. к., в свою очередь, поставцы, устроенные пошкафному, не различались и в названии от шкафов. Комоды назывались *скрынями* и тоже *шафами*.

В 1683 г. царевне Екатерине Алексеевне в хоромы сделана *скрыня* с шестью выдвжными ящиками. В 1684 г. ей же сделан шаф большой четырехаршинный, глубиною полтора аршина, с тремя выдвжными ящиками

и с дорожники и с скрыдлы и с шпренгелем. В 1687 г. ей сделан шаф платяной с тремя ящиками выдвигаемыми; наверху ящики стоячие, с затворы, на шапки. В 1686 г. в хоромы царевны Софьи сделаны и расписаны красками два шафа, в одном 12 ящичков небольших, которые сделаны на письмо, в другом три ящичка больших выдвигаемых платейных.

Поставцы или шафы, определяемые для помещения книг, назывались *книгохранительницами*. Туалетные вещи и разные драгоценности сохранялись в *шкатунах, ларцах, скрынках, подголовках* и т. п. О подголовках Меховский пишет, что они были в большом употреблении у новгородских богатых купцов, которые прятали в них серебро, золото и все драгоценные вещи и ставили эти сундуки, черепаховидной формы, вблизи стола, вероятно, в переднем углу под иконами. Кильбургер говорит, что погребцы и пульпеты (укладки) или *подголовки* делались в Холмогорской стороне, которая вообще славилась сундучным производством. По его словам, подголовки устраивали, однако ж, так, что писать на них было нельзя, потому что сверху их обивали железными лужеными полосами; но зато они были очень удобны для зимней езды: их ставили в санях под головы, а в русские сани, как известно, кладется целая постель, — замечает автор. В хоромаш на лавках их также ставили под головы, под подушку, когда ложились отдыхать, отчего и назывались *подголовками*.

Вся такая мебель большею частью делалась из простого дерева, преимущественно из липы, украшалась резьбою и потом иная обивалась красным сукном, как, напр., был обит *шаф* в третьей комнате в Верху у царя Алексея, а большею частью раскрашивалась красками, *цветным* или *зеленым аспидом*, то есть под малахит и мрамор, а иногда по золоту и серебру расписывалась травами и узорами или же просто чернилась в глянец, т. е. полировалась. На поставцах, книгохранительницах и шафах с лица писали также *цветки* и *фрукты*. Так, например, была расписана в 1688 г. *книгохранительница* в комнатах царевны Екатерины Алексеевны и *тройной шаф* с выдвигаемыми ящиками в комнате царевны Феодосии Алексеевны, на котором, кроме цветков, написаны были какие-то *лябры*, может быть, *Iambris* — верхние украшения вроде гзымза. Вообще, мебель отличалась тою же яркою пестротою в украшениях, какою блистал и самый дворец, снаружи и внутри; одно соответствова-

ло другому и вполне обличало вычурный вкус того времени, который признавал красоту в одной только совокупности золота, ярких красок и хитрых узоров. Подробности о изготовлении мебели, ее размерах и украшениях см. в Материалах № 95 и 104.

Вечером большие приемные палаты освещались *паникадилами* и *стенными подсвечниками*, или *шенданами*, которые помещались в простенках, между окон. Паникадила висели в Грановитой, в Средней Золотой, в Царицыной Золотой, в Столовой, в Передней и в других палатах и комнатах. Одно из таких паникадил, висевшее при царе Федоре Ивановиче, в Царицыной Золотой палате, описано архиепископом елассонским Арсением, который был принят в этой палате супругою Федора, Ириной. «В палате царицы Ирины, — говорит он, — висел превосходной работы лев, державший в лапах змею, а к змее привешено было множество прекрасных канделябров, сплетенных наподобие корзин». При Годунове (в 1602 г., когда он давал обед датскому принцу Иоанну, жениху царевны Ксении, Грановитая палата была украшена превосходной работы паникадиллом, в котором находились часы с боем. В Столовой палате, в XVII столетии, было «паникадило серебряное, о двух поясах с яблоки золочеными, внизу яблок травы серебряные, а в поясах двенадцать пер с чашки и с подсвечники, чашки золоченые через место. Среди того паникадила человек (Аполлон) литой серебряной с крылами, золочен; при поясе у него сайдак (лук и стрелы)». На Казенном дворе в 1677 г. хранилось подобное же серебряное паникадило с разными мифологическими фигурами и другое «*хрустальное* о шести подсвечниках, около подсвечников перемычки хрустальные; яблоко серебряно позолочено, в чем подсвечники утверждены; по яблоку два репья хрустальные; под репьями яблоко одинакое хрустальное; поверх яблока в два места два яблока хрустальные одинакие; от подсвечников шесть перемычек хрустальные; сверх перемычек кольцо серебряное позолочено; пониже кольца висюльки хрустальные и под подсвечниками хрустальные ж висюльки». В 1682 г., в августе, токарь-иноземец Иван Ган сделал в хоромы государям паникадило из слоновой кости, против того, каково сделано было в церковь Спаса Нерукотворенного, «а на паникадиле четыре яблока прорезных граненых

с перьями, в тех яблоках яблоки ж костяные золоченые; меж прорезных яблок три пояса выточены гладью, на тех поясах сделано по шести перей точеных с блюдцы и с шанданы; утверждено (паникадило) на железном веретене; под нижним большим яблоком выточено яблоко ж гладью с поясками, в нем утверждено кольцо костяное ж». Кости слоновой в это паникадило пошло пуд четыре фунта. В отписной казне князей Голицыных находились «паликадило костяное, цена 200 рублей; паликадило костяное, цена 50 руб.; паликадило хрустальное о шти подсвечниках, в нем яблоко; паликадило оловянное об одному поясу, в нем 8 шенданов». (См. в М., № 3.)

Вместо паникадильного яблока, на котором утверждались подсвечники, часто делали какое-либо изображение, напр., змеи, мифологической фигуры, как видели выше, или головы какого-либо животного, напр., вола, лося, коня и т. п., как бывало большею частью в паникадилах деревянных, украшавших комнаты постельные. В 1668 г. в государеву теремную Переднюю была вызолочена по полументу буйволовая голова, деревянная с рогами, а на ней паникадило медное о 6 прутах, на прутах 6 блюд с шенданами. В царской Шатерной казне хранилось «две головы лошадиные резные, вызолочены, сквозь их трубы железные, кругом голов 12 подсвечников железных, вызолоченных, длинные». В отписной казне князей Голицыных находилось «паликадило, висевшее в верхней Крестовой Полате, в нем орел одноглавой резной позолочен, из ног его на железе лосевая голова деревянная с рогами вызолочена, у ней 6 шенданов железных золоченых, а под головою и под шенданы яблоко немецкое писано». Другое паникадило, висевшее в другой Крестовой палате «голова буйволовая деревянная резная золочена сусальным золотом, у ней 6 подсвечников железных золоченых сусальным же золотом; у подсвечника снизу пять репьев розных восковых прикрыты розными краски; в середине тех репьев винограды, а на репьях пять птичек деревянных». В хоромах царевны Екатерины Алексеевны, в 1685 г., висело серебряное паникадило, украшенное «виноградным цветом из ярого воску», расписаным красками. Паникадила висели на цепях или *возжах* из веревки, обтянутой красным бархатом. В 1635 г. в Грановитую палату к серебряному паникадилу к вожжам на обшивку употреблено 3 арш. бархату кизылбашского червленого гладкого.

Подсвечники, или шенданы, серебряные, столовые

и стенные, употреблялись только в парадных случаях. Все они были превосходной заграничной работы и поступали в царскую казну *в дарех* от иноземных государей и послов. Большею частию они представляли разные мифологические и аллегорические фигуры, напр., шендан стеной: «птица, вверху позолочена, сама себя ест; в середине два человека, мужеск пол в левой руке держит рукавицу перчатку, а женский пол держит мужика по правую руку» и т. п. В обыкновенных, будничных случаях постельные хоромы, равно как сени и переходы, освещались сделанными из слюды весьма узорочными фонарями, которые оправлялись белым железом, золотились и расписывались красками. В хоромах царицы Евдокии Лукьяновны, в 1629 г., висел «фонарь слюден теремчат о девяти верхах с нацветы с розными (уборка из цветов), по нем писаны розными краски травы в кругах, на травах птицы розные». Обыкновенные фонари бывали четырехугольные, шестиугольные, косячатые, мерою в свету от 4 до 6 вершков, в вышину в пол-аршина. На столы подавались малые подсвечники, или шенданы *стоячие*, столовые и ручные, серебряные, медные, из белого железа, также деревянные, расписанные красками с золотом и серебром, с восковыми свечами. По ночам горели *ночники* медные, стоявшие для безопасности в медных *коробьях*, род подносов или сковород.

Количество восковых свечей, какое выходило каждый день на освещение отдельных хором дворца, было довольно значительно, судя по уютности комнат. В 1684 г. в хоромы царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алексеевны да в *Стряпуцую* и в *Казенную* избы в подклеты постельницам и комнатным бабам и в фонари выходило свеч вощаных по два *налепа* больших, по 5 *витых* больших, по 8 *витых* меньших, по 35 *образных*, по 30 *четых*, да по 50 свеч *сальных*, на сутки. В *Розметной* книге разных дворцовых расходов, составленной по повелению Петра в 1700 г., находится между прочим ведомость 1699 г. об отпуске свеч и воску в хоромы и на поставцы, во время столов, из которых узнаем, что свеч и воску выходило: в хоромы царевичу Алексею Петровичу, в день: 6 *витых* приказных, 2 *налепа* риканых, 22 *образных*; в 8 лампадец воску в неделю 24 гривенки (т. е. фунта); для Господских и Богородичных праздников и государских тезоименитств к *величаньям* в свечах 4 пуда 39 гривенок, в год; за кушанье и на поставцы 35 пуд 5¹/₂ гривенок; всего в год 110 пуд 32¹/₂ гривен-

ки. — Царице Марфе Матвеевне в день: в мастерскую 2 простых; за кушанье и на поставцы по рогатой, по 3 тонких, по простой, по 2 ручных; в мыленку по 2 простым, всего 32 пуда 22 гривенки. — К царице Параскеве Федоровне в день: по налепу приказному, по 4 витых об одной светильне, по 2 рогатых, по 5 образных, по 5 простым¹ весом в год 22 пуда 30¹/₂ гривенок. В 8 лампадец воску в год 31 пуд 8 гривенок. В Господские и Богородичные праздники и государские тезоименитства к *величаньям* по 4 тройных, по рогатой, по толстой, по 15 тонких, по 5 боярских; за кушанье и на поставцы в день по 2 рогатых, по 6 тонких, по 4 простым; в мыленку по 2 простым; всего в год весом 102 пуда 13 гривенок с четью. — К царевне Наталье Алексеевне: по налепу приказному, 2 витых приказных, 5 витых об одной светильне, 20 образных, 10 тонких, 20 простых, в 6 лампадец в неделю 12 гривенок, к величаньям в праздники в год 8 пуд 36¹/₂ грив., за кушанье и на поставцы 41 пуд 5 гривенок, в мастерскую и в мыленку 4 простых; всего в год весом 191 пуд 32¹/₂ гривенки. — Сверх того отпускалось в запас на всякий случай в Истопничью палату для выдачи во все комнаты: по 8 налепов приказных, по 1 витой приказной, 11 витых об одной светильне, 7 рогатых, 7 тонких, 2 налета шестерных, 121 образных, итого в день 228 свеч, а в год весом 158 пуд 5 гривенок. Всего же выходило воску на освещение дворцовых комнат и разных служебных изб и палат, в свечах розным делом и в лампадах, 879 пуд 17¹/₄ гривенок. Воск продавался в 1699 г. по 4 рубли пуд².

Скажем здесь, кстати, несколько слов о куреньях, какие употреблялись в то время в приемных палатах и в жилых хороммах. Обыкновенное курение составляло *ячное пиво*, которое употребляли в *топлю* для *духу*, особенно в мыленках, а также в мастерских палатах, где хранилась одежда и разный убор платейной и постельный. Иногда в *топли* употребляли росной ладан. В 1673 г., в сентябре, в Золотую палату цариц к *топлям* употреблено полфунта ладана росного. Вероятно, тем же способом, т. е. посредством печей, употребляли и разные другие, не слишком дорогие и более обычные куренья. В осо-

¹ Простые свечи делались по 24 на фунт; ручные в один фунт свеча.

² «Российский магазин» Федора Туманского. Спб., 1792. Т. 1.

бенном употреблении была также *гуляфная водка*, розовая вода. Впрочем, в царских покоях курили разными составными *ароматами* из *водок* и трав, которые заготавливались в Аптекарской палате. Рихтер в своей «Истории медицины в России» свидетельствует, что для благовония употребляли тогда, напр., для Грановитой палаты — *oleum cinnamomi*, для Мастерской палаты *oleum saquorhyllorum*, что в августе 1672 г. собраны были свежие травы, *basilicum*, *maiorana*, *thymus*, *hyssopus*, высушены, смешаны и отосланы из Аптеки в село Коломенское с надписью: *в хоромы для духов*. Кроме того, в Аптеке довольно часто прописывались разные другие благовонные составы для куренья и разная смесь из редких ароматов, из которых иные клали в платья, в Мастерской палате, чтобы доставить им хороший запах. Между прочим, *Essentia ambrae* была самым отличным благоуханием по тогдашнему времени и во всеобщем употреблении. Она состояла из полфунта водки апоплектики, полфунта эликсира *Vitae Mathioli* и золотника *ambrae gryseae*. Изготавливались также благовонные свечи, напр., в хоромы царевны Софьи в 1686 г. было изготовлено 26 таких свеч¹. Ароматическими составами курили в жаровнях и жаровенках, серебряных и медных. Употреблялись также большие жаровни *столовые*, вроде чаш или в виде каких-либо затейливых фигур, напр., гор с замками, какие сохраняются еще в Оружейной палате.

В отношении чистоты и опрятности в комнатах упомянем, что кроме повседневной уборки, и по случаю празднеств и царских тезоименитств, раз в год, именно перед Святой, производилась уборка и чистка повсеместная. Тогда во всех хоромных церквях, во всех комнатах, каморках и чуланах мыли полы, стены, потолки, промывали живопись, очищали золоченье, резьбу и все другие подобные украшения, закоптевшие или запылившиеся от времени; выбивали пыль из суконных и других комнатных нарядов. При этом производились и необходимые починки и возобновления попорченных и худых мест. С особенною тщательностью к этому времени очищались образа. Их мыли гречким мылом посредством

¹ Рихтер В. М. История медицины в России. М., 1820. Ч. 2. С. 177, 179, 195—199, 208.

грецких же губок. Живопись в комнатах подправлялась, а если была уже сильно попорчена, то переписывалась вновь. За внешнею чистотою и опрятностью наружных мест во дворце строго наблюдала Истопничья палата. Крыльца, лестницы, рундуки, площадки, переходы, дворики, открытые и находившиеся в сенях, каждый день начисто выметались и подсыпались просеянным желтым или красным, а также белым воробьевским, привозимым с Воробьевых гор, песком, который сыпали *в подсев*, через решета, для того, чтоб ложился ровно и чисто.

После этого общего обзора древнего хоромного наряда и убранства, представим, в дополнение, частный обзор некоторых комнат, наиболее значительных в домашней жизни того времени. Приемную комнату была *Передняя*, поэтому главный предмет ее уборки, который обращал на себя внимание, было царское место, стоявшее в переднем углу, или же большое *кресло*, соответствовавшее по своему значению упомянутому месту. Затем никакой другой мебели, кроме обычных лавок у стен, в Передней не было. Гостей приглашали садиться на эти лавки, по старшинству, более почетных ближе к креслам или к месту. Особенно важным гостям, напр., знатному духовенству, подавали также особое кресло. Мы видели, что в Теремной Передней в 1687 г. для царей Ивана и Петра поставлены были великолепно украшенные позолотою деревянные резные места, соответствовавшие тронам. Гораздо проще устраивались места в Передних цариц и царевичей, как мы тоже видели в общем обзоре царских мест. О местах в комнатах царевен не упоминается; вероятно, для них ставились только кресла. Места устраивались на рундуках, на особых помостах, которые перед полом возвышались на одну, на две, а иногда и на три ступени.

Комната, в собственном значении, была кабинетом или вообще таким помещением, в котором оставались большую часть дня. Поэтому она ближе может ознакомить нас со вкусами и потребностями повседневной жизни в царских хороммах. Меблировка ее заключалась в обычных лавках с коником, т. е. такую же лавкою, устроенною ларем или шкафом для поклажи разных домашних вещей. Здесь мы не станем повторять, что уже

было говорено вообще о мебелировке и уборке жилых комнат, и коснемся только тех статей этого отдела, которые могут пополнить сказанное. В переднем углу под образами всегда стояло кресло, как особое отдельное от других место сиденья, собственно для хозяина хором, был ли то сам государь или царевич, государыня или царица. В своих хоромах каждый был государем в смысле отдельного независимого хозяина, каждый жил среди отдельного почета и чествования, какими окружали его особу приближенные и дворовые. Если пред лицом государя, когда он даже и слова разговорные говорил, т. е. вел обыкновенный разговор, никто не смел садиться и, чтоб отдохнуть и посидеть, выходил в другую комнату, то нет ни малейшего сомнения, что то же самое строго наблюдалось не только в хоромах государыни, но и в хоромах цариц и царевен, как бы они малы ни были. Может быть, одни дядьки да мамы пользовались правом сидеть подле или поодаль своих питомцев на лавках. Когда приходил значительный гость, которого следовало также сажать особо, не на лавке, то в комнату вносилось другое кресло и ставилось по приличию, где указывала честь пришедшего гостя.

В переднем же углу перед креслами стоял стол, на котором, разумеется, можно было встретить разные предметы дневных занятий или даже и забав, смотря по времени дня и по требованию обычных установлений жизни. Книга церковных поучений или церковно-исторических сказаний, житий и т. п. сменялась иногда шахматною доскою или, особенно на женской половине, какими-либо предметами мастерства и работ, которые нужно было осмотреть, обсудить, рассказать и приказать, чего хочется и что нужно делать, а нередко и предметами собственного рукоделья.

Кто особенно прилежал *книжному учению*, у того на комнатном столе чаще встречались книги, чем другие предметы, у того и в комнате стояла особая *книгохранильница* с запасом избранных, или наиболее необходимых, так сказать, настольных книг, для душевного спасения. Впрочем, книгохранильницы, хотя и не всегда обширные, находились у каждого хозяина отдельных дворцовых хором, т. е. у каждого члена царской семьи.

У государя в комнате, где он принимал обыкновенно доклады, равно и в комнатах взрослых цариц, стол покрывался красным сукном и убирался разными предметами, необходимыми для письменных занятий. На

нем стояли часы, лежали книги, какие требовались к делу, у государя, напр., *Книга Уложенная, Уложение*, в которое при докладах приходилось, может быть, не раз заглядывать; лежали разные бумаги, в тетрадах и в столбцах, или свитках. Чистая бумага также большею частию резалась на столбцы, которые по написании подклеивались одни под другой, для чего на столе находилась и *клеельница* с клеем. Письменный прибор заключался в чернильнице с песочницею и с трубкою, где перья мочить. Перья государь употреблял обыкновенно *лебяжьи*. Знатные люди в то время редко писали гусиными. Кроме того, были перья с карандашами и с грифелями для записок в *книжках левкасных*, пергаментных и *каменных*, или на грифельных досках. Укажем несколько предметов, которые составляли принадлежность письменного стола в царском быту. В числе царских вещей, описанных в 1611 г. по случаю их продажи в уплату жалованья находившимся тогда в Москве польским ротам, между прочим была: *чернильница* серебряная, в ней *свистелка* серебряная с *зуботычками* да с *уховерткою*. Свистелка нужна была для призыва слуг и заменяла в то время теперешний колокольчик. Зуботычка есть собственно зубочистка, предмет, вместе с ухверткою, необходимый в повседневной жизни. У царя Михаила Федоровича находились «книжка каменная в серебре», которую в феврале 1676 г. царь Федор Алексеевич взял к себе в хоромы. В 1630 г.: ящичек серебрян четвероуголен, плоск, на подножках, резной; промеж трав земля камфарена, в нем чернильница, песочница серебряны. Осла (оселок) бела кизылбашская. Монастырек (готовальня) в хрустальном кожухе, а в нем ножик, ноженки, свайка, копейцо, зубочистка. В 1633 г.: готовальня немецкая полукругла, поволочена сафьяном червчатым с золотом. В ней: зеркало, пять бритв, двой ножницы, три зубочистки, ухвертка, щипец, мусат, рылец, пила, свайка, топорик жильной, две склянки хрустальные долги с водки, двой ножницы свечные — все сверху обняты серебром, у готовальни замочек медной. Царю Алексею Михайловичу, когда он был царевичем, боярин князь Ив. Борнс. Черкасский поднес *свист* серебрян с финифты, черен хрустальной, на нем три колокольчика круглы маленьки. В числе письменных принадлежностей его комнатного стола находились также «*часы* в собачке немецкие, под ними в шкатулке черниленка да песочница, ножичек, ноженки. Далее: чернильница кизылбашская,

а в ней две черниленки медных, 4 ножичка перочинных, перышко тростяное. Черниленка костяная высока, точена. Книжка, листье каменное, доски серебряны камфарены; по доскам на сторонах стоят немки; застежки серебряны ж, на переплетке четыре репейка на шурупах. Книжка каменная ж, доски серебряные резные, по зеленой земле. Перо писчее с финифтом, у него черен королек, на верху изумрудец. Перо серебряно с карандашом». Весьма богато украшена была каменная книжка царевича Ивана Михайловича. Она была оправлена золотом и осыпана дорогими камнями, яхонтами, изумрудами, алмазами. Верхняя ее доска была украшена запою с литым двоеглавым орлом, а нижняя литым же изображением человека на коне с палашом, под конем змея крылата. На золотой цепочке висела золотая *спица*, или перо, род рейсфедера. У него же была «готовальня серебряна четверугольна резная, а в ней чернилица меденая да песочница серебряна» и другая «готовальня — оболочена кожей красною, по ней басмены травы золотом и серебром сусальным, а в готовальне: ножниц и бритв и щипцов и ухверток и сваячок и крючков и топорочков и на что приправливают и остряют бритвы, 18 местех, стальные, оправлены серебром». В описях царской казны XVII ст. находим еще: *книжку* писчую каменную в серебряном кожухе, *книжку* каменную в досках серебряных; *доски аспидные* обложены серебром на ножках на серебряных; *скрыну* — писана золотом, а в ней чернилица серебряна с камени, с алмазы и с бирюзы, да ножичек, да ноженки булатные. В 1683 г. царевне Софье Алексеевне подана в комнату «шкатула, что письма кладут и с чернильницею, и с ножницы и с ножики, и с косточкою, чем письма оправливают». Вероятно, ей же принадлежала описанная в 1687 г. *коробочка* серебряная прорезная белая, немецкого дела; а в ней две коробочки серебряные ж маленькие, *что кладут перстни*, на яблочках, яблочки золочены, замок и ключ серебряные (вес 93 золотника).

Цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович употребляли и очки. У царя Михаила Федоровича (1636 г.) находим двой очки во влагалищах в серебряных; на одном влагалище была надпись: «очки князь Олексея Васильевича Примково-Ростовского». Оно было украшено с одной стороны клеймом с двумя львами, а на другой стороне был изображен инрог (единорог) со змием дерется. У других очков у влагалища по сторонам резаны

в травах птицы. Одними очками государь пожаловал духовника своего протопopa Никиту, а другие взял к себе в хоромы (1 дек. 1636 г.). У царя Алексея Михайловича были очки большого стекла, в золотой оправе, в серебряном, местами позолоченном, влагалище (1676 г.).

Упомянем и о часах *воротных* или *зепных*, карманных. У царя Михаила Федоровича были часики указные маленькие медные золочены, все уголчаты, указный кружок серебрян, слова наведены чернью; они были куплены в 1614 г. у немчина Голандские земли Карпа Демулина за 8 р. У того же голландца в 1627 г. были куплены «часы боевые в золоте наведены розными финифты, а в них в гнездах и в травах сто алмазцов. Влагалище поволочено бархатом червчатым, шито канителью золоченою; сверху орел двоеглавой, а с исподи человек на коне колет копьем змия. — Часы во фляжке золотой. — Часы боевые с будильником, что государю в унежской поход прислал государь Патриарх (1619 г.). — Часы боевые во влагалище в серебряном. — Двои часы указные хрустальные. — Часы в запоне указные. — Часы воротные боевые невелики продолговаты; влагалище серебряно бело, сторонь золочено, травы прорезные (1632 г. в декабре снесены от государя из хором, испорчены и колокол разбит). — Часы указные хрустальные маленькие, в 1631 г. государю челом ударил часовой мастер немец Христофор Халове. — Часы меденные боевые, кожушек хрустальный, обложены золотом сенчато с белым, с лазоревым, с зеленым финифты. У них чепочка золота; влагалище серебряно-золочено сканное с финифты. (В 1632 г. государю челом ударил немчин Карп Демулин. Ценили 75 рублей.) — Часы боевые во влагалище в серебряном золочены» (В 1632 г. трехлетнего царевича Алексея Михайловича дарил патриарх Филарет Никитич.)

У царевича Алексея Алексеевича (умер в 1670 г.) в числе предметов комнатного обихода находились: зеркало хрустальное, гребень черепашный, гребень яшмовый; готовальня, а в ней ложка золотая да нож и вилки; зубочистки серебряные, часы указные с *лунником*, ароматник серебряной, черниленка с пером серебряная, двои часы медные солнечные, нож стальной, оселка железная; трубка зрительная, бальзам от головной болезни; тавлен костяные рыбы, две книжки писчие в черепашной кости, две меры гроба Господня; перо лебяжье цветное с камышки и с жемчугом; стекло зажигательное;

готовальня, а в ней ножичек, ноженки, шильцо; две книжки писчие в черепашном и серебряном колушках; ароматник серебряный резной; четки корольковые красные; коробочка костяная, а в ней две ложечки костяные ж; трубка зрительная в серебряном бархате; три пера лебязьи цветные; 50 раицов с листами фряжскими и др.

У стен комнаты, там, где не было лавок, или же на сямых лавках, в удобных местах, стояли поставцы, шафы, с полками или выдвжными ящиками, в которых сохранялись бумаги, письма, книги и разные вещи из комнатного обихода, из дорогой посуды и из дорогих нарядов. В поставцах же и шафах, на полках, а также в комнате на лавках стояли ларцы, шкатуны, *подголовки*, т. е. ларцы пульпетом с драгоценными уборами и разною *ларечною кузнию*: крестами, кольцами, перстнями, серьгами, булавами, запонами, пуговицами, ожерельями, запястьями и т. п. В иных хранились *золотые*, золотая иноземная монета, поступавшая в царские ларцы большею частию в числе даров, подносимых в известные празднества. Посуда, особенно замысловатой формы и работы, ставилась также на вислых полках, которые прикреплялись у стен в пригожих местах.

Посуда золотая, а большею частию серебряная, составляла, после икон, едва ли не первую статью комнатного убранства, заменяя для того времени произведения изящных искусств: статуи, вазы, бронзы, которыми убрали комнаты в XVIII ст. и убирают теперь. Притом такая посуда составляла богатство, которое при всяком удобном случае и выставлялось напоказ. Общее богатство царского дворца, заключавшееся в такой посуде, хранилось в особом помещении, на Казенном дворе, откуда в торжественных случаях и происходила уборка столовых поставцов в приемных палатах, в Грановитой, в Золотой и т. д. Но сверх того у каждого члена царской семьи была своя отдельная, собственная судовая *казна*, которая и составляла убранство комнатных поставцов. Затем у каждого хозяина были свои *расхожие суды*, хранящиеся в тех же поставцах.

Особенно затейливые поставцы собирались у малолетних царевен и царевичей. У Ирины Михайловны в поставце стояли: *Змей* золот крылат с финифты с розными, у змея в голове изумруд четвероуголен, в очах две искорки яхонтовые, во рте держит человечесю главу. *Немка* серебряна золочена, у ней в руках сосудец с кровлею. *Немка* серебряна золочена, у ней в руках братина.

Немка серебряна золочена, в руках ведро. Немка серебряна золочена, у ней в руках лахань. В серебре сделано и позолочено: *мужик* с лошадью и с сохою. *Достокан* (стакан) серебрян на нем меленка с трубкою. *Кубок* серебр. золоч. на стоканное дело; низ кубка шуруп ввертной, а низ шурупа колокольчик с язычком, а ниже колокольчика змей с свистом. *Кораблик* на колесах. *Чарка* винная серебряна золочена, а на чарке подпись: «Чарка Старого Двора великие государыни иноки Марфы Ивановны, пити из нее про государево многолетное здравие и государыни царевны и великие княжны Ирины Михайловны». Далее: *Левик*. *Боран*. *Птичка* на стоянце. *Попугай* на стоянце (тем попугаем челом ударил государев серебряной мастер Гаврило Овдокимов). *Телец* на стоянце (а тем тельцом ударил челом окольничий Василий Иванович Стрешнев). *Бочечка*, обручки золочены, на колесах (а тою бочечкою челом ударил боярин князь Борис Михайлович Лыков). *Рукомойничек да лахань* невелики. Два возка серебряны маленки, немецкое дело. *Ларец*, весом полтора фунта, по нем резаны травы и птицы; около ларца подпись: «Ларец благоверные царевны и великие княжны Ирины Михайловны». Пять *рожков* невеликих через грань позолочены, резные».

У царевича Ивана Михайловича было *судов* серебряных: судки да конек, братина, оловеничек да кружечка, горшочек, ставик, котлик, тарелочка, росольничек, чашка, сапожок, песоченка. У Алексея Михайловича был *слон* серебрян, на нем арап с топорком; на слоне чердак, на чердаке мужик с алебардою и три мужика с пиками; *медведь* золот, наведен финифтом лазоревым да голубым с каменьи и т. д.

Само собою разумеется, что большая часть этого серебра имела в детском быту значение игрушек. Но и взрослые очень любили такую посуду, которая представляла изображения птиц, зверей, людей и т. п. В общей государевой казне на Казенном дворе хранилось много таких судов, именно горы (зámки), корабли, птицы: журавль, орел, сова, петух, лебедь, страус; звери: барсы, львы, олень, зубр, верблюд, единорог и т. п., занимавшие очень видное место в уборке поставцов и всегда обращавшие внимание приезжих гостей-иностранцев. Нужно, однако ж, заметить, что и в особых хозяйствах царского двора большая часть посуды в обыкновенное время хранилась также в особой *казенке* —

и выставлялась в комнатные поставцы только в важных случаях, во время столов и приема гостей.

Кроме посуды в поставцах, шкафах или на вислых полках можно было встретить немало и разных вещиц-безделушек, которые служили для забавы или составляли своего рода редкость и украшение так называемых *горок*.

Охота к редкостям и драгоценностям, к разным узорочным, хитрым изделиям и курьезным вещицам была распространена не только во дворце, но и вообще между знатыми и богатыми людьми того века. Она являлась как потребность к изящному, которое по вкусам и образованности века заключалось преимущественно в узорочной пестроте или курьезности, редкости и диковинности изделия или какой-либо вещицы. Само собою разумеется, что в числе разных диковинок могли попадаться и действительно изящные по тому времени предметы, но сущность дела и весь интерес оставался все-таки за диковинностью вещи или особенной хитростью ее устройства и мастерства.

Так в 1614 г. царю Михаилу Федоровичу несколько подобных вещей было куплено у московского гостя Михаила Смывалова, именно: «...брусочек скляной, во что смотрятца; *трубочка*, что дальше, а в нее смотря, видится близко: *очки* хрустальные с одной стороны гранены, а с другую гладки, что, в них смотря, много кажется; *бочечка* костяная точеная, в ней лунное течение да часы солнечные; *склышечка* деревянная кругла, в ней под стеклом мужик с женкою; ящик, в нем под стеклом жена со младенцем; ящик, в нем под стеклом жена со младенцем на осляти; ящик, в нем под стеклом человек наг, за ним лев; ящик, в нем под стеклом три жены со младенцем». Видимо, что царь Михаил Федоров. очень любил подобные диковинки, и потому в его казне немало хранилось таких же вещей и между прочим: «Сосуд — *птичка* хрустальная, под нею под крылы и у поддона золочено, крылышко вымается; цена сто рублей. Государю челом ударили Голланские послы Албертус да Еган в 1630 году. — Крабийца яшмовая яринной цвет, а у ней змея о дву лапах. — Птица *Гамаюн*, около шеи сверху обнизано жемчугом, на середине жемчужина большая, позадь ее на спне репей серебряной, на репье зерно жемчужное. — В ящике в деревянном под стеклом три *немки* воцаные да ребенок. — В ящике под стеклом мужик воцаной стар с бороною да голова звериная. — В ящике

под стеклом немка вошаная волосата с робенком. — В ящике мужик в шляпе волосат с бородою, да жонка с робенком на осяте да собака. — Камень магнит в серебре, весом 12 зол.; к тому ж магниту железо гранено с костыльком, весом 52 зол. — Стекло зажигательное большое. — Три трубки призорные».

У царя Алексея Михайловича в числе особенных редкостей находился сосуд каменный (сосуд из нефрита от болезней)¹, оправлен золотом, цена 6000 руб. (цена невероятная по тому времени). — «А имянуется тот камень по латыне Нефритинус, а по цесарски Гризной. Сила того камня такова: кто из него учнет пить — болезнь и скорбь изнутри отоймет и хотение к еже учинит, и от многих внутренних скорбей облегченье чинит и исцеляет. А когда его на шею или около рук, или лядвей новиси и силою своєю изгонит семя или песок каменной болезни, да и самого камня, как чемер ухватит». (Через четыре дня после кончины царя Алексея Михайловича этот сосуд был взят в хоромы его сына царя Федора Алексеевича.)

В 1626 г. царю ж Михаилу в хоромы отнесли дьяки два *сундучка*, в них сделаны в одном «преступление Адамле в раю», в другом — «дом Давыдов». Этот дом, турецкое дело, был обнизан жемчугом мелким, вперемежку с крупными зернами.

В комнате царицы Натальи Кирилловны находился между прочим: «*Рай* — в нем поставлено древо разцвечено розными краски, на древе сидит ангел с мечом; по сторонам того древа стоят люди и всякие звери». Станок, в котором все это помещалось, был убран зеркалами с целью придать изображениям еще больше виду и игры. У царевича Алексея Алексеевича, в этом же роде был «*Сад* с груши с розными цветы шолковаго дела со зверьми и со птицы».

Нам должно еще упомянуть о комнатных птицах, в числе которых первое место принадлежало попугаю.

С этой птицей московский двор познакомился, может быть, в первый раз, еще в 1490 г., когда посол римского короля Максимилиана Юрьи Делатор, представляясь вел. кн. Софье Фоминичне в ее Повалуше Средней, подал ей в поминках от короля птицу *папагал* да сукно серо². С тех пор «папагал» стал называться попугаем

¹ Автор ссылается на Викторова (Т. 2. С. 563). См.: Описание зап. кп. в бум. стар. дворц. прик. 1613—1725 гг. М., 1883. Вып. 2. С. 563. — *Ред.*

² Памятники дипломатических и торговых сношений... Спб., 1890. Т. 1. С. 30.

и сделался постоянным обитателем царских хором, потому что время от времени и, вероятно, по желанию государей этих птиц привозили иноземные послы и заезжие купцы. В 1597 г. император Рудольф прислал в дар царю Борису Федоровичу Годунову с сыном шесть попугаев, а в тех попугаях два есть, один самец, а другой самка и те два Борису Федоровичу, а четыре Федору Борисовичу¹. В 1613 г. в декабре царю Михаилу Фед. поднес попугая в железной клетке английский гость Фабин Ульянов. В декабре 1620 г. английский посол князь Иван Ульянов Мерик поднес две птицы попугаи индийские. В 1654 г., авг. 22-го, иноземцы, гость Андрей Виниус, Иван Марсов привезли между прочим 4 птицы попугая, объявив, что из того числа один маленький попугайчик, слово *паракига*, кой дан 12 ефимков, занемог и помер. В 1667 г. государь узнал, что в Воскресенском монастыре (Новый Иерусалим) после патриарха Никола остались попугаи *белые* и *зеленые* и потребовал их к себе в Оружейную палату. Монастырские власти прислали оставшихся только двух попугаев, серого да зеленого. Впоследствии попугаев можно было покупать и в Охотном ряду, вместе с другими заморскими птицами, напр. канарейками, которые также были любимы в царских хоромашах за их звонкие голосистые песни. В конце XVII ст. (1685 г.) канареек покупали по 6 и по 8 руб. за штуку, лучших. Цена очень значительная по тому времени. По этой цене в 1685 г. в марте было куплено четыре канарейки царю Ивану Алексеевичу. Из-за границы торговые люди привозили иногда ученых канареек. Царевичу Алексею Алексеевичу поднесли однажды голландцы и амбурцы Яков Фалденгунстр с товарищи «птицу канарейку, которая на руке поет». В 1680 г. у часового мастера Ивана Яковлева куплено государю три птицы канарейки с клеткою немецкою точеною с костью на проволоке железной, цена канарейкам по 6 руб., а клетке 8 руб. Попугаи и канарейки принадлежали по преимуществу к комнатным птицам и потому находились в каждом жилом отделении дворца. Клетки для попугаев и канареек делались обыкновенно из медной или железной проволоки с обшивкою белым железом, а для попугаев нередко и из одного железа. В 1672 г. в хоромы царевича Федора Алексеевича починены две клетки канарейные, а в 1674 г. была сделана попугайная клетка

¹ Там же. Т. 2. С. 518.

железная прорезная с столбиками и с орлами. В его же хоромы, когда он был уже царем, в 1678 г. сделано из медной проволоки и белого железа три клетки больших попугайных да пять клеток канарейных. В 1686 г. починена попугайная клетка в хоромы царицы Натальи Кирилловны, вместо жестяных столбиков сделаны медные. Клетки с попугаями, как и с другими птицами, висели на векшах или блоках. Так в 1692 г. в Преображенское велено купить две векши медных или железных, «по которым подымать и спускать клетки с попугаи». Кормили канареек обыкновенным канарейным желтым семенем, а попугаев какими-то лепешками, нарочно изготовленными.

Попугай, без сомнения, доставлял большое потешенье старинным людям. Так в 1622 г., в апреле, дьяк Булгак Милованов заплатился своею шапкою, которую у него испортила в государевых хоромах птица попугай. Государь пожаловал ему новую. В хоромах царицы Марьи Ильичны находилось пять попугаев, которых во время моровой язвы в 1655 г., по случаю выезда всего двора из Москвы, кормил и хранил карлик Ивашка. Кормил он их миндальными орехами и калачами. Из других птиц в хоромах висели в клетках соловьи, снегири, щеглы, ракетки, перепелки. В 1669 г. в государевы хоромы сделано было 10 клеток птичьих из железной проволоки. В 1652 г. в комнаты царевны Евдокии Алексеевны подано три клетки перепелочные да четыре водопойки птичьи. В 1684 г. царице Прасковье Федоровне сделана клетка перепелочная. Для разных птиц иногда делалась одна клетка. В 1671 г. в июне сделана в Преображенские хоромы царевичу Федору клетка птицам о четырех житьях (ярусах) из проволоки, длиною аршин два вершка. Деревянные клетки расписывались красками и золотились.

В 1686 г. кто-то поднес государям птицу *Гамаюна*. Торговые люди Охотного яруда, призванные на Казенный двор, чтоб объявить ей цену, — смотря на птицу Гамаюна, сказали, что де у них в яруде такой птицы не бывало и цены они ей не знают. Неизвестно, сколько времени жила во дворце эта невиданная птица, которую книжники причисляли к райским. В записках 1626 г.¹ октября 21-го, упоминается, что дьяк Ждан Шипов отнес в Верх к государю в хоромы птицу *Гамаюн*, которая

¹ В сочинении автора «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» (3-е изд. М., 1901. С. 634) год указан другой — 7126 (1616). — *Ред.*

в этом случае могла быть какою-либо вещицею, изображавшею такую птицу, как она и описана выше.

Кроме птиц в царских хоромах жилали четвероногие. В 1628 г. жил у царицы Евдокии Лукьяновны *горностаи*, которому 20 июня куплена «меденая чепочка». У нее же в хоромах жила *белка*, для которой купили также чепочку да медный колокольчик в том же году генваря 6-го.

Крестовая, или Моленная, где совершались утренние и вечерние молитвы, а иногда и церковные службы, часы, вечерни, всенощные, была, как домашняя церковь, вся убрана иконами и святынею, разными предметами поклонения и моления. Одна стена ее сплошь была занята иконостасом в несколько ярусов, в котором иконы ставились по подобию церковных иконостасов, начиная с деисуса, или икон Спасителя, Богородицы и Иоанна Крестителя, составлявших, так сказать, основу домашних иконостасов. Нижний пояс занят был иконами *местными*¹, на поклоне, в числе которых, кроме Спасовой и Богородичной, ставились иконы особенно почему-либо чтимые, как-то: иконы тезоименитых ангелов, иконы *благословенные* от родителей и сродников, *благословенные кресты*, панагии и ковчежцы с св. мощами, списки икон прославленных чудотворениями, исцелениями; иконы святых, преимущественно чтимых, как особых помощников, молителers и заступников. Вообще иконостас Крестовой комнаты был хранилищем домашней святыни, которая служила изобразителем внутренней благочестивой истории каждого лица, составлявшего в своей Крестовой иконостас — собственное *моление*². Все более или менее важные события и случаи жизни сопровождались благословеньем или молением и призыванием Божьего милосердия и святых заступников и покровителей, коих иконописные лики благоговейно и вносились в хранилище домашнего моления. Местные иконы, кроме окладов золотых или серебряных с камнями, украшались различными *привесами*, т. е. крестами, серьгами, перстнями, золотыми монетами и т. п. Икона Богородицы сверх того всегда почти украшалась *убрусом*, род лентия, полагавшегося на венец икон, и *рясами* жемчужными. Внизу

¹ *Местными* они назывались оттого, что ставились на стене в особо устроенных местах вроде кнотов.

² Принадлежность икон какому-либо лицу обозначалась выражением, *моление* такого-то, напр.: икона государева *моления*, государынина *моления*, образ Спасов государыни царицы *моления* и т. п.

икон, особенно в праздники, подвешивались *застенки* или *пелены*, шелковые, шитые золотом, низанные жемчугом, украшенные *дробницами*, т. е. мелкими серебряными или золотыми иконами или какими другими изображениями.

Самое наименование *Крестовой* комнаты указывает, что в первоначальное время в ней главнейшим предметом поклонения и моления были *кресты*, то есть святыня в собственном смысле домашняя, комнатная, так сказать, обиходная, которая собиралась и накапливалась у каждого домохозяйна сама собою, начиная с креста-тельника, получаемого при крещении, и оканчивая крестами *благословенными*, получаемыми от разных лиц по случаю того же крещения в благословение от восприимчивых, от родителей и родственников и при других житейских случаях. Таким образом, еще у младенца уже накапливалась немалая крестовая святыня, впоследствии очень для него дорогая, именно по памяти о родительском благословении или о благословении особо чтимого святителя и других почитаемых лиц. Вот почему эта святыня становилась для каждого как бы кровным, родным моленным сокровищем, перед которым всегда и исполнялась домашняя молитва.

Во время таких молитв царь Иван Васильевич Грозный, может быть, особо спасительные и милующие кресты возлагал на себя и в них молился, как это можно заключить по одной отметке о зубе Антипия Великого, который, как спасительные мощи от зубной боли, царь при молении также возлагал на себя вместе с крестами. В отметке упомянуто, что эта статья — священный зуб — числилась в описи «со кресты, в которых государь молитца».

Грозный-царь носил на себе: 1) «Раку золоту, а в ней багряница Спасова, и ту багряницу взял царь и великий князь из Большия Казны из старых мощей. 2) Крест золот тельник, у него 4 жемчуги, а во главе яхонт лазорев». Кроме того, у него хранились в *веке*, в особой лубяной коробке, носимые им кресты: «Крест золот гладок, на нем Распятие наведено чернью, во главе червец, над Распятием и по ручкам и под Распятием внизу 4 яхонты лазоревы, около креста обнизь жемчужна. — Крест золот, на нем Распятие наведено чернью, во главе яхонт синь, у устец два жемчуга, около креста обнизь жемчужна. — Крест золот гладок, на нем Распятие литое, во главе вырезан образ Спасов. — Крест самфирной (сапфирный) синь, обложен золотом, около его 12 жемчу-

гов. — Крест самфирной синь, вверху по ручкам обложен золотом, а в нем 3 червцы да камышек простой да жемчужина да около его 6 жемчужков. — Крест самфирной синь, вверху и по ручкам обложен золотом, во главе херувим, около его 4 жемчужки. — Крест золот гладок, на нем Распятие литое, во главе образ Спасов, в кресте вверху и внизу 2 лала, а по ручкам два яхонта лазоревы, около креста обнизь жемчужна. — Крест золот гладок, на нем Распятие литое, во главе яхонт лазорев, а в кресте вверху и внизу Распятия два червца, по ручкам две берюзы, в кресте около камня жемчуги. — Крест аспиден зелен обложен золотом гладко, а в нем 4 червцы, во главе жемчуг, в перевитях у устец 6 жемчугов (царевичевской Иванов)»¹. Должно заметить, что выбор дорогих камней для украшения крестов (как и перстней) в то время сопровождался очень распространенными суеверными мнениями о чудодействующей силе иных камней. На описанных крестах царя Ивана Вас., почти на каждом, находим камни *червцы*, т. е. червлёные или червчатые яхонты (рубины) и яхонты синие и лазоревые, а три креста даже из целых сапфиров, т. е. синих, василькового цвета, яхонтов. В старых лечебниках между прочим значится, что «кто носит при себе яхонт червлёный — снов страшливых ни лихих не увидит», а «яхонт лазоревой кто носит при себе — тело умножает и благолепие лицу подает и похоти телесные смиряет и чинит человека быти чистым и добрым... а в перстне кто носит — чинит его спокойным и в людях честным, набожным (побожным), милостивым, духовным, а измены открывает, страхи отгоняет...»

Кроме икон и крестов в Крестовой сохранялись и разные другие священные предметы, приносимые из местных монастырей или от паломников в Святую землю и от приезжего иноземного, особенно греческого, духовенства.

От святых мест сохранялись: *змирно, ливан, меры Гроба Господня, свечи воску ярого*, иногда выкрашенные зеленою краской и перевитые сусальным золотом, которые *зажжены были от огня небесного* (в Иерусалиме, в день Пасхи), *погашены вскоре*, дабы хранить их как святыню. Из местных монастырей и некоторых храмов приносилась во дворец так называемая *праздничная святыня*, т. е. святая вода в *вощанках* (сосудах из воска)

¹ Временник Моск. о-ва истерии и древностей российских, 1850, Кн. 7, с. 5.

и иконы праздника, т. е. во имя тех святых, в честь которых учреждены были монастыри или выстроены храмы, отправлявшие свои годовые праздники, а также и освященные *чудотворные* монастырские *меды*. В 1642 г. у царицы Евдокеи Лукьяновны в хоромах в трех *склянках* хранилась святая вода, да *чудотворный* мед. В праздничные дни эта святыня благоговейно употреблялась на здравие телу и на спасение душе. Известно, что по случаю четвертого брака царя Ивана Васильевича на него церковью наложена была епитимья, которая на первый раз, через 4 месяца, разрешала ему «к пречистыя хлебу (панагия) после стола ходити и приимати по Владыч-ним праздником и по Богородичным... и ко св. воде и к чудотворцевым *медом*...» В Образной палате в 1669 г. сохранялось 12 рожков *меду дивия*. Да в той же Образной палате было собрано в вощанках, что приношены были со святою водой из монастырей, воску весом 20 пуд.

Это были предметы наиболее обыкновенные, которые можно было встретить в каждой Крестовой царских хором. Но время от времени крестовая и образовая царская казна обогащались и другими разнообразными памятниками святых мест, которые присылали или подносили государю и всем членам его семейства греческие архиереи, архимандриты, игумены, попы и монахи, приезжавшие в Москву за милостынею. Так, в образованной казне, кроме множества частиц от мощей святых, хранились между прочим: поднесенный государю в 1627 г. генв. 12-го стольником князем Алексеем Ивановичем Воротыньским по приказу отца своего, боярина Ивана Мих., «*крест* золот с мощми обнизан с жемчугом и украшен дорогими каменьями. А по подписи в кресте мощей: Камень горы Синайския, древо Моисеева жезла, земля Иордан-реки, млеко Преч. Богородицы, камень гроба Господня; камень Голгофы-горы, идеже Христос распят; камень, идеже Господь обрете жребя; глава Иоанна Предтечи; камень, идеже побиеи муч. Стефан; камень, идеже преставися Преч. Богородица; камень горы, идеже Господь постися; камень св. Сиона, идеже Господь вечера со ученики; камень горы Фавор; камень горы Елеонския; камень, на нем же ангел Господень сел у гроба... А промены тому кресту по сказке Золотого дела и Серебренного Приказу мастеров 200 р.» Тогда же кн. Воротыньский поднес великой старице Марфе Ив. «понагею, камень аспид, в ней по подписи находились мощи: Купина Неопалимая, жезла Моисеева, земля из

Иордани, где Христос крестится; камень Голгофы» и др.

В том же 1627 г. отдан был в образовую казну взятый со старого государева двора крест золот, также богато украшенный сканью, жемчугом и камнями, в котором в числе мощей находились «камень горы Голгофы, где изошла Кровь Христова; камень Неопалимые Купины; камень Вифлиомского вертепа, где Христос родился; камень трапезы Авраамли да часть древа дуба Мамврийского...»

В разное время в образовой казне хранились также:

В 1640 г. «Древо честного креста Господня. В бумажке заверчена часть невелика *ризы* Преч. Богородицы. В дву местах *трава* Преч. Богородицы. Четыре *меры* Гроба Господня питныя. Свеча цареградская навожена сусальным золотом и розцвечена розными красками, длина ей аршин пол сема вершка; да три свечи белые ярого воску — прислал к Государю Иерусалимский патриарх. На дву блюдечках *касия. Мир* в сосуде свинцовом, освящено патриархи, прислал к государю Цареградский патр. Кирилл в 1632 г. Ладану черного в двух местах, привез Иерусалимский архимандрит Климент в 1636 г. Камень во влагалище в суконном, а от него пахнет благоухание, а какой камень, про то неведомо».

По описи Образной палаты 1669 г. в ней хранились:

Ставик точеной писан краски, а в нем камень *небеса*, где стоял Христос на воздухе. Ставик точеный, а в нем часть камня *небеса*, что от воздуха. Ставик точеный писанный, а в нем: камень от Голгофы, где Христа распяли. Камень, где Христос постился четыредесять дней. Камень, идеже стоял Христос, искушаем от диавола... Камень от столпа, где Христос привязан был. Камень от того места, где Христос молился и говорил: *Отче наш*. Ставик, а в нем: песок реки Иорданския, где Христос крестился. Коробочка деревянная велика, а в ней (между прочим) часть от дуба Маврийского. Вошанка (восковой сосудец), а в ней вода Иорданския реки. Древо клады Пречистыя Богородицы. Два камени простые, печать Гроба Господня. Хлеб Пресвятыя Богородицы. Мера срачицы Пресвятыя Богородицы (поднесена Макарием, патр. Антиохийским, в 1668 г.) (М. № 107).—В Крестовой царицы Натальи Кирилловны хранилась *травка, словоет ручка Пречистыя Богородицы*, принесенная также из Палестинских мест. В 1632 г. архимандрит Исайя с Синайской горы поднес: того места, где был Моисеев жезл, две финиковы, древо финиково и финники.

Кроме Палестинской святыни в Образной палате сохранилась также и святыня Русская, между прочим: часть клады Пресв. Богородицы, на которой явилась пономарю Юрошу на Тихвине; персть и часть от гроба Александра чуд. (Свирского); преп. Евфимия Суздальского два зуба в ковчеге серебряном золоченом; посох, часть клобука, башмаки и онучки Пафнутия Боровского; часть клобука Кирилла Белозерского...

Иконы и различная святыня, приносимая время от времени государю и членам его семьи, из Крестовых передавалась на Казенной двор в *Образную палату*, где обыкновенно сохранялась излишняя в комнатах святыня и разная церковная утварь. Богатство Образной палаты в этом отношении увеличивалось с каждым годом, ибо одни уже приносы и подношения, напр., икон праздничных из монастырей и от духовных властей, как благословение, увеличивали это богатство не десятками, а сотнями икон. В конце царствования Алексея Михайловича в Образной палате хранилось таких *подносных* икон более 8200 в серебряных чеканных или басемных окладах, или без окладов, писанных на золоте или на красках.

Там же хранилось множество образов, оставшихся от прежнего времени как наследие, большею частию в золотых и серебряных чеканных окладах, с каменьями; а также *комнатные* золотые кресты и панагни, складни, малые *резные* иконы на камени и на кости, и крабицы, ковчегцы, коробочки, ставики со святыми мощами и т. п. Сверх того сохранялось более 600 старых и ветхих икон. В число святыни наследственной находился золотой крест Петра чудотворца (моск. митр.), который всегда бывал на государе, когда он погружался в Иордан 1 августа.

Выше упомянуто, что в числе крестов, в которых молился царь Иван Васильевич, был *зуб Антипия Велико-го, кован серебром*¹. Св. Антипий почитался как исцелитель от зубной боли. Царь Алексей Михайлович хаживал иногда на богомолье к Антипию, что у Колымажного двора, особенно в годовой праздник 11 апреля. В 1646 г., августа 30-го, как государь ходил туда молиться, куплены в Серебряном ряду *два зубка* серебряных за 3 алт. 2 денги и положены к чудотворцу Антипе. Царицы

¹ «А на нем сорочка бархат червчат сажен жемчугом. И помечено у той статьи: писан со кресты, в которых Государь молитца». Этот *зуб* царь Иван Вас. «отобрал на себя» из казны своего убиенного сына царевича Ивана Ивановича, в 1584 г. января 20-го, только за два месяца до своей кончины. Временник Моск. о-ва истории и древностей российских. Кн. 7. С. 26.

нередко поднимали чудотворный образ Антипия к себе в хоромы и служили ему молебны.

На других стенах Крестовой, над окнами и над дверьми, ставились иконы в малых иконостасцах, или киотах. Так, в 1685 г., в хоромы царицы Натальи Кирилловны велено сделать и позолотить к 15 иконам пять иконостасцев. В иных местах ставились *молитвы*, писанные уставным письмом на бумаге или на раскрашенных досках, вставленных в золоченые рамки. У местных икон, Спасовой и Богородичной, писаны были таким же письмом тропари и кондаки. Так, в 1676 г., живописец Ив. Салтанов выкрасил две доски к молитвам в хоромы государю; в 1677 г. словописец Поликарп Фомин написал в хоромы государю *молитву* чудотворцу Алексею, да к Спасову и Богородичну образам тропари и кондаки уставным письмом. В том же 1677 г. живописец Ив. Безмин золотил к в. государю в деревянные новые хоромы три круга деревянных резных больших, да два киота образных, да четыре рамы к *тропарям* московским святителям.

Пред иконами, по обычаю, теплились неугасимые лампы, а при совершении молитв и служб горели восковые свечи в больших и малых образных подсвечниках, или *шенданах*, медных, литых, ввертных, которые ввертывались в иконостасе пред каждою иконою. В обыкновенное время свечи горели простые, а по праздникам, особенно на Святой, фигурные *зеленые* и *красные*, составляемые из окрашенного воска, или расписанные красками, обыкновенно киноварью и суриком, также густо вызолоченные или высеребренные. Так в 1682 г. велено сделать свеч в хоромы, к дням Страстей Христовых да к Светлому Христову Воскресению: 100 свеч золоченых, 100 красных, 100 зеленых, 100 черных, да 50 палым, да из ярого воску белого 10 свеч. В 1685 г. к празднику Донской Богородицы сделано свеч: 100 гладких красных, 100 гладких зеленых, 30 аспидных, 30 красных граненых, 30 граненых зеленых, 50 золоченых, 12 свеч к местным иконам.

Пред иконостасом стояли *книжные налои* для чтения, *глухие* или *разгибные*, украшенные резьбою, золоченьем и расписанные красками, глухие со скобками по бокам для подъему. В Крестовой царя Алексея Михайловича (1676 г.) стоял *налой книжный* резной из кости с вызолоченными и высеребренными железными скобами и пробоями, украшенными репьями. В 1677 г. живописец Ив. Салтанов писал и красками расписывал и золо-

тил государю налой книжной. В 1660 г., в октябре, царевичу Алексею Алексеевичу вызолочен «налой деревянный, по сторонам орлы резные пластаные (двуглавые) волочены; стоит на львах золоченых». В 1666 г. в хоромы царевны Ирины Михайловны расписан «налой деревянный новый по золоту и серебру розными цветными краски». Налои бывали двойные и тройные. В 1684 г. расписаны два налая липовых тройных зеленым аспидом царевне Екатерине Алексеевне и два таких же налая царице Наталье Кирилловне. В 1687 г. в казне находился налой низенькой, в аршин, на орлах прорезных золоченых, доска покрыта бархатом червчатым.

При молебных поклонах употреблялись также *поклонные скамейки* или *поклонные колодочки*, обитые красным сукном с позументом или червчатым кизылбашским бархатом. На эти скамейки и колодочки клались земные поклоны.

В Крестовой, в числе разных богомольных предметов, не последнее место занимали *четки* и *лестовицы*, лесенки, «по которым кладутся поклоны». Лестовицы, или лествицы, бывали обыкновенно ременные, а иногда костяные, набранные по атласу. В 1680 г. «Спаса нового монастыря иеродиакон Макарий делал и набирал на атлас темно-лимоновой кости белые рыбы великому государю лествицы». Четки бывали также ременные или снизывались из зерен деревянных, костяных, янтарных, каменных и т. п., на шелковых спурках или *поцепках*, с *пронизками*, *промежками*, *прокладинами* или *прокладками* из других мелких зерен, и с кистями. Иногда они набирались также на атласе или бархате. Изделием деревянных и костяных четок занимались дворцовые токарки и делали их большею частью из *кости рыба зуба*, моржовых клыков. Четки ременные и из рыбьего зуба, особенно знамениты были *соловецкие* и *кирилловские*, также *троицкие*, и некоторых других монастырей. Много четок шелковых и деревянных привозили также в Москву и греческие старцы, отчего четки назывались *греческими*.

Более богатые четки из разных камней привозились из-за границы. Барберини (1565 г.), записывая, что нужно привезти в Москву для продажи, говорит между прочим: «В Венеции и в Милане есть разного сорта хрустальные четки, и с золотом и без золота, а также и из разных камней, и разного цвета и вида; всего этого нужно для Москвы». Наподобие таких четок делались

четки и из рыбьей кости и раскрашивались под цвет каменьев. В 1680 г. в хоромы государю велено было сделать «десетеры четки из рыбьей кости и выкрасить их в разных красках против образца *сердоликов* и набрать их на отласех розными цветами».

В казне царя Михаила, в 1634 г., хранились: «*Четки* яшма зелена, сверху лал, кисть шелк червчат с золотом. *Четки* камень агат, ворворки¹ низаны жемчугом с канителью, кисть шелк червчат с золотом. *Четки* королек бел, прокладки яшма зелена, на верху арамот обнят золотом волоченым, ворворка низана жемчугом, кисть шелк червчет с золотом. *Четки* сличные, кисть шелк лазорев с золотом (взяты к государю в хоромы). *Четки* рыбей зуб, резные, на верху узол кафимской, ворворка золото пряденое, кисть шелк червчет с золотом. *Четки* рыбей зуб, ворворки низаны жемчугом, кисть шелк лазорев с золотом. *Четки* яшма зелена, прокладки хрустальные, на верху узолки золотные кафимские (государю челом ударил окольный князь Алексей Михайлович Львов, взяты к государю в хоромы). *Четки* ентарные счетом 65, что государю челом ударил окольный князь А. М. Львов. Тридцатеры *четки* монастырские рыбей зуб». В казне цариц хранились «*четки* серебряны с *арамоты*, ворворка низана, кисть золота».

Когда оканчивались молитвы или служба, то иконы, особенно местные, задергивались тафтяными завесами на колечках, для сохранения от пыли и всякие ради чистоты и вообще из благочестивого приличия или благочиния, не дозволявшего в жилой комнате в обыкновенное время, ввиду житейских дел, оставлять молебную святыню открытой. Так, в 1661 г., декабря 18-го, «в государеву Переднюю Избу к местным образом на завесы употреблено тафт пяти цветов: лазоревой 8 арш., светло-зеленой 6 арш. 7 верш., желтой 5 арш. 9 верш., червчатой 6 арш. 4 верш., дымчатой 6 арш. 2 верш. и 50 колечек медных».

При Крестовых состояли на царском жалованье *крестовые* попы и *крестовые* дьяки, которые были обязаны в хоромах и в верховых церквях, переменяючись понедельно или беспеременно, читать, псалмы говорить, *конархать* и на *крылосе* петь, что называлось вообще *слушать у крестов*. Кроме годовых денежных окладов, они

¹ Ворворка (плетеница) — сплетенная верхняя часть кисти, где соединялись и укреплялись кистевые пряди. У золотых кистей ворворки почти всегда вышнзывались жемчугом, а у шелковых плелись из золотого сурка.

получали *праздничное*, т. е. портище какой-либо матери на кафтан или такое же портище *в приказ*, т. е. по особой милости государя сверх положения. Они пользовались также некоторыми другими выгодами, какие доставляло им их приближение к государеву дворцу.

По праздникам, напр., их посылали к духовным властям со *звом* к царскому столу, за что они получали *зватое*, известную сумму денег или подарок, смотря по значению и достоинству приглашаемой власти. Вот челобитная крестовых дьяков, поданная в 1626 г. царю Михаилу, в которой они лучше расскажут, в чем дело. «Государю царю и вел. кн. Михаилу Федоровичу всея Руси и государыне царице и вел. кн. Евдокее Лукьяновне бьют челом холопи ваши, крестовые дьяки Авдюшка Васильев, Ивашко Семенов, Гаврилко Парфеньев, Кирилко Григорьев. Дано, государи, ваше государское жалованье *крестовым* священником Афонасыю да Ивану, кои с нами поют у тебя государыни царицы в хоромех, переменячусь по недельно, по камке. А в прошлом, государь, в 133 году дано им же по багрецу да по тафте по широкой, в приказ, а нам холопом вашим не дано. А мы у тебя государыни царицы в хоромех и в церкви чтем и псалмы говорим и конархаем и на крылосе поем без переменно, четыре человека. А как, государи, преж сего мы пели у тебя государя все вместе и нам холопом твоим по твоему государеву указу велено звать властей на Велик день и на Рождество Христово и на Благовещеньев день и на ваши государские именины; а ныне, государи, от нас тот зов отошел. Милосердые государь царь (т.) и государыня царица (т.) пожалуйте нас холопей своих для своего многолетнего здравия против крестовых священников, по камке, женишкам нашим на летники...»
Помета: 134 г. марта 20-го, государь пожаловал велел дать.

Церковно-служебные книги известны по своему содержанию. Упомянем об их наружном виде, какой существовал в царском обиходе. У царя Ивана Вас. в его крестовой и постельной казне находились: «Книга в десть на бумаге Потребник, в начале заставка писана золотом и красками, оболочен бараном красным, застежки медены в замок. Книга в десть на бумаге Треодь Постная, в начале заставка прописана золотом с красками, оболочена бараном красным, жуки и застежки медены в замок». Так же описана Триодь Цветная; Стихараль (Стихирарь) был без заставки. «Книга Евангелие тетр

в десть на бумаге, заставицы писаны красками с золотом, а строки большие и слова начальные по Евангелистом писаны золотом, а пропись рядовая киноварем; обложена бархатом червчатым гладким, бархат потерт; описка по полем красками с золотом, а на верхнем кругу подпись книги; без застежек. По смерти государя отдано в Архангел (в Архангельский собор) в придел ко гробу».

Кроме *служебных* книг, по которым читали и пели крестовые попы и дьяки, в Крестовой находились и так называемые *Златоусты* — сборники учительных слов, расположенных по дням всего года, так что на каждый день из них прочитывалось слово, иногда два, соответственных церковному значению дня или церковному празднеству в тот день. В архиве Оружейной палаты хранится под № 3 подобный Златоуст, *другая половина*, начинающаяся «с четверга после Всех Святых, первой недели», обозначенная в надписи: *государыни царицы хоромная*¹.

Само собою разумеется, что в числе необходимых книг в Крестовой комнате были и *святцы*. Такие святцы в 1629 г. написал государю книжный писец Юрий Евсеев.

Если в приемных комнатах останавливали особенное внимание богато убранные царские места (троны), составлявшие главнейший и самый видный предмет комнатного наряда и убранства, а в крестовых такое же значение имел иконостас, — то в *Спальной*, или собственно *Постельной* комнате, первым предметом ее убранства была *постель*, т. е. кровать со всем постельным убором.

Кровать древнего устройства соответствовала прямому значению этого слова и была в настоящем смысле кровом, вроде сени и шатра. Обыкновенно кровати устраивались из четырех столбиков стоячих, аршина в три вышиною, которые назывались *сохами*, подобно тому как *сохами* же назывались в устройстве шатров и палаток столбики, поддерживавшие шатровые полотна. В эти сохи вставлялись кроватные два *бруса сторонних*; в них укреплялись *мостовые доски*, составлявшие раму для постели; эта рама называлась *постельником*.

¹ См. нашу статью об этом Златоусте. (Извлечения из книги «Златоуст» // Арх. ист.-юр. сведения, относящихся до России. 1854. Кн. 2, отд. 6. С. 43—50). (Статья эта переиздана автором в «Опытах изучения русских древностей...» М., 1872, Ч. 1, С. 179. — *Ред.*).

В те же сохи укрепляли *брус передний* и *брус малый* для утверждения больших досок, *застенков*, или спинок кровати, в головах и в ногах. Вверху в сохи вставлялись четыре *бруска верхних* с маковками, для устройства *неба*, или *подволоки*, т. е. верхней покрышки; внизу вставлялись четыре *бруска подножки* или *проножки*. Весь этот *станок* укреплялся еще железными связями. *Небо* шилось из камки, а с верхних брусьев, составлявших небо, спускались обыкновенно завесы также камчатные с бахромою. Кроме завесов, в головах и в ногах кровати, у её спинок привешивались золотные *застенки*, род драпировки. Так была устроена кровать царя Михаила Федоровича, в 1629 г., у которой все дерево украшено было резьбою и золочением; камчатные завесы и небо обшиты были золотым плетеным кружевом, *застенки* богато вышиты золотом и серебром с шелки и украшены золотыми кистями; на них шиты были травы и люди и звери.

Когда, с половины XVII века, во дворце появилась немецкая фигурная резьба, кровати, как и вся царская мебель, получили еще более роскошный вид. Их стали украшать коронами, венчавшими небо, или подволоку, гзымзами (карнизами) и шпренгелями, украшавшими ту же подволоку; *яблоками*, на верхних столбиках, и *пуклями* (род шара) на ногах. — Вся резьба по обыкновению золотилась, серебрилась и расписывалась красками. В августе 1676 г. царь Федор Алексеевич повелел сделать себе в хоромы «кровать деревянную резную большую на столпах с кровлею и с короною, розъемную, и позолотить и посеребрить месты (местами) и росписать розными цветными красками; а внутри стороны и *постельник* обить отласом червчатым с голунами серебряными и золотными и с бахрамами золотными ж и наслать бумагою хлопчатою».

В 1683 г. царевне Екатерине Алексеевне сделана «кровать полная против образцовой, поги и столбы точеные, стороны гладкие, *подволока* ломанинная с подвесы, со гзымсом и с шпренгери и с яблоки точеными, и с орлы, в вышину совсем в 3 арш.»; ее выгрунтовали и вызолотили.

В 1686 г. царевнам Марье и Федосье к кроватям сделаны и позолочены двой рамы флемованные на постельник, 8 шпренгелей резных для подволоки, или неба, да 9 столбиков столярских гладких. В том же году токари точили к большой резной кровати базы и каптели для шести кроватям гладким столбы и ноги.

В 1699 г., в ноябре, сделана кровать царевичу Алексею Петровичу — столярская гладкая, в длину $2\frac{3}{4}$ арш., в ширину $1\frac{1}{2}$ арш., высота совсем 3 арш. Шпренгель вырезан один в возглавии, другой на боковых сторонах и внизу кругом, по 6 вершков. Вся кровать обложена гладким дорожником и выглайцована; делали архитектурного дела мастер Георг Вилим-Дигенин да живописец Ян Тютюкорень.

Кроме золоченья и раскраски, кровати украшались иногда живописью. Так, у описанной кровати Алексея Петровича в возглавии и на подволоке было изображено «Видение креста и победа на Максентия». В подволоках иногда утверждалось даже зеркало, как было, напр., у одной из кроватей, принадлежавших князю Вас. Вас. Голицыну. Описание этих кроватей мы поместим здесь для сравнения с царскими. В числе *отписных животов* князя и его сына Алексея, взятых в 1690 г. за их опалу в царскую казну, находилось одиннадцать кроватей: «Кровать немецкая ореховая резная, с низу с четырех сторон и круг четырех столбов и под верхом подзор на ореховом дереве, резь сквозная, личины человеческия и птицы и травы. На кровати верх ореховой же резной, в середине зеркало круглое, круг зеркала резь, на веру четыре столба ореховых; ц. 150 р. Кровать с верхом немецкая ореховая на витых столбах; местами резано; на верхней доске персона, а в кровати испод и стороны обиты камкою осиновою немецкою на бумаге; ц. 100 р. Кровать резная золоченая со птицы, обито внутри отласом желтым, ц. 150 р. Кровать резная на четырех деревянных пуклях, а пукли во птичьих ногтях; кругом кровати верхние и исподние подзоры резные позолочены, а меж подзоров писано золотом и разцветчено краски, а в ней и (с) сторон настлано хлопчатую бумагою и обито рудо-желтою лапчатою камкою, ц. 80 руб. Кровать резная золоченая без веру подбито отласом желтым, ц. 35 р. Кровать столярная резная с верхом, по ней и по веру травы резные и писаны золотом и краски, ц. 25 р. Кровать столярная, в ней обито и по сторонам камкою рудо-желтою луданною, а с лица писано золотом и краски, ц. 15 р. Кровать без веру писана, а внутри испод и с сторон обито камкою цветною, кругом по камке голун серебряной небольшой прикреплен гвоздми медными, ц. 15 руб. Кровать столярная росписана краски и золотом, в середине обито камкою цветною китайскою,

ц. 4 руб. *Кровать* походная разборная столярная, ремни обшито сукном красным, ц. 2 руб.»

Особенно богатую кровать царь Алексей Мих. в 1662 г. отправил в дар персидскому шаху. Она описана следующим образом: «Кровать немецкаго дела цветная индейских черепах; по сторонам 4 столба черепашных, а на столбах верхи чеканные литые золоченые, а на середине столбы *гофдоны* литые гладкие золоченые. А около кровати в головах 10 столбчиков витые черепашные, а на них верхи чеканные литые золочены ж; а поддоны литые гладкие золоченые ж; а меж столбиков на середине и по сторонам разсвечено костями и раковинами; да по верх и меж столбиков 10 болванцов литых золоченых да 3 болванца костяные резные; да по верх тех столбиков и в серединах закрепы литые чеканные золоченые; а в середине кровати позадь столбиков 4 стекла хрустальные; в ногах кровати в середине столбики черепашные витые, верхи на них чеканные золоченые, поддонцы золоченые ж; промеж дву столбиков 2 перилца костяные, а за ними 3 киотца, а в них 13 стекол хрустальных, а среднее стекло резное; по верх стекол внизу розсвечено золотом и костями и раковинами и черепахою. А на верху киотцев перилца литые золоченые, позадь перилцев стекла хрустальные. Верх кровати черепашной с костями и с раковинами на середине притчами (*sic*) раковины резными; да на том же верху перилца створные золоченые, меж столбчиков 34 стекла хрустальные, позадь столбчиков слюда; а на перилцах кровля черепашная местами вызолоченная, в середине стекло на 8 граней хрустальное, а круг стекла перилца золоченые; да вверху в середине стекло хрустальное. Да по верх кровати жена нага резная золочена, у ней в правой руке шпага, а в левой одежда; по углам на 4 яблоках 4 птицы крылатые золоченые. А среди тех птиц по сторонам 4 яблока золоченые, на них перье немецкое разных цветов. Под исподом кровати по углам по 4 льва золоченые. Той же кровати покров цветной разных шелков, чехол киндяшной красный». Кровать куплена у немца Ив. Фансведена еще в 1659 г. за 2800 р. Очевидно, что эта была самая богатая и дорогая кровать в Москве в XVII ст., которая потому и назначена в дар персидскому шаху.

Если так богато устраивалась собственно кровать, то не с меньшим богатством убиралась и самая постелья, особенно в праздничных парадных случаях. Вот описание постели царя Михаила Федоровича, находившейся

в его Постельной комнате в 1634 г.: «*Постель большая* (двуспальная) пуховая, наволока тафта желта, верхняя наволока полотняная бела полосата. *Бумажник* (тюфяк из хлопчатой бумаги, который всегда лежал под постелью), наволока тафта червчата, верхняя наволока полотняная ж полосата. *Взголовье* (длинная подушка во всю ширину постели) пуховое, наволока тафта червчата, верхняя наволока полотняная полосата. Две *подушки* пуховыя, наволочки куфтерныя желты, верхняя наволочки полотняныя. Две *подушечки* пуховыя, наволочки отлас червчат. Одеяло камка кизылбашская по серебряной земле травы шолк гвоздичен, зелен, празелен, червчат; в травках листьє золотное с розными шолки; грива (кайма) отлас золотной по зеленой земле полосы с белым да с червчатым шолком; испод и опушка горностайная.— Одеяло холодное камка кизылбашская цветная по белой земле листьє золото в травах; грива отлас золотной по лазоревой земле; подкладка тафта лазорева. Под государевою большою постелью *ковер* цветной велик. У государевы ж большие постели две *колодки* сафьянныя червчаты», которые обыкновенно приставлялись к кровати для влазенья на постель; они назывались *постельными* и *приступными колодками* ¹.

Это была постель двуспальная. Обыкновенная или, так сказать, вседневная, односпальная постелья убиралась проще. Такая постель находилась в *третьей государеве комнате* и описана следующим образом: *постелья меньшая* бумажная, наволока камка желта травная. *Бумажник* наволока куфтерная червчата. *Взголовье* пуховое наволока куфтерная червчата. *Одеяло*. *Колодка* сафьянная червчата ².

Само собою разумеется, что постели парадные, которые выставлялись по случаю семейных празднеств, свадеб, родин, крестин и т. п., убирались гораздо богаче. Они до этих случаев сохранялись обыкновенно в казне государевой или царицыной Мастерской палаты. Следующее описание постели, принадлежавшей также царю Михаилу, даст нам понятие о подобных парадных постельных нарядах.

«Государевы постели стоят в государеве Казне его го-

¹ Описанная постелья, хранившаяся по смерти царя в государевой Мастерской палате, 1648 г., гснваря 25-го, была пожалована царем Алексеем своему дядьке Борису Ивановичу Морозову, по случаю его женитьбы на Анне Ильичне Милославской, родной сестре царицы Марии Ильичны.

² Эта меньшая постелья в 1645 г. по смерти царя, была отдава его дуквнику, благовещенскому протопопу Никите.

сударевы Мастерские Полаты: *Постеля* большая бумажная, наволока атлас турской двойной по серебряной земле круги золоты, в них шолк зелен, да в малых кружках шолк ал. *Постеля* пуховая, наволока атлас по червчатой земле опахала и травы золотные, в них шолк бел-таусинен-лазореv. *Постеля* пуховая, наволока цветная камка червчата-бела-желта-зелена, делана лучонками. *Взголове* пуховое, наволока атлас турской двойной по серебряной земле круги золоты, в них шелк ал да зелен. *Взголове*, на нем наволока атлас по червчатой земле опахала и травы золотные, в них шолк ал да таусинен. *Взголове* бумажное, наволока цветная камка червчата бела-желта-зелена, деланы лучонками. *Подушечка* пуховая, наволока атлас червчат. *Одеяло* атлас золотной по лазоревой земле, грива низана жемчугом по атласу по червчатому; в гриве ж каменья 17 лалов, да 24 яхонта лазоревы, 23 изумруда. Круг одеяла кайма низана жемчугом по червчатому атласу без каменья. Тоеж постели *два ковра* цветные с золотом и серебром. *Сукно* багрецовое кровельное. Тех же постель *две коробьи* большие подволочены сукном красным плохим, сверху поволочены кожей красною. В них две простыни подстилочныя. *Рундук* обит бархатом червчатым»¹. Парадные постели для сохранности и с кроватью покрывались *чехлами* из киндяку или другой подобной материи, или же *покрывальными* сукнами; обыкновенно же их сохраняли в *коробьях постельных*, или больших сундуках. Особые простые и парадные постели цариц, как равно царевен и царевичей, убирались подобным же образом. Вот описание постелей, крапившихся в Мастерской палате цариц Марьи Ильичны и Натальи Кирилловны и перенесенных туда, вероятно, по излишеству или как запасные, которые, впрочем, в большинстве предметов состоят из старых вещей царя Михаила.

«Постели: *бумажная*, на постеле наволока атлас по серебряной земле круги велики золоты, около кругов шолк зелен, меж кругов кружки невелики золоты ж, в кружках деревца шолк ал. *Пуховая*, на постеле наволока атлас по червчатой земле травы и опахалы золоты.

¹ 138 г., августа 10-го, государь указал се большие постели совсем и одеяло из своей государевы Мастерския палаты отдать в царицыну Мастерскую палату. И того ж числа отданы в царицыну Мастерскую палату Федору Степановичу Стрешневу да дьяку Сурьянину Тороканову, из Царицыны Золотые палаты, после праздниеств рожения и крещения государыни царевны и вел. кн. Анны Михайловны. (Книга платью и всякой казне государевы Мастерския палаты, 7138—7141 гг., в Арх. Оружейной палаты, № 128).

Зголовье бумажное, наволока атлас золотной по серебряной земле. *Зголовье* пуховое, наволока атлас золотной по червчатой земле опахала и травы золоты. *Постеля* пуховая, наволока камка кармазин червчата-бела-желта-зелена, делано лученчаты. *Зголовье* пуховое наволока камка кармазин бела-червчата-желта-зелена, деланы лученчаты. Подушка — наволока атлас червчат. *Две постели* одна бумажная, другая пуховая, да два зголовья пуховые жь. На постелях и на зголовьях наволоки камка кармазин червчата-бела-желта-зелена, деланы лученчаты. *Два ковра* цветных с золотом да с серебром, да сукно кровельное багрецу червчатого, да две простыни. *Рундук* обит бархатом червчатым золотным, *что ставитца у постели*. *Ковер* турецкой делан золотом и серебром с шолки розными. *Пять наволоков* подушечных золотных подложены кутнями. *Две подушки* бархат турецкой по червчатой земле, в середине кубы золоты да около репьи серебряны, в обводе шолк зелен да травки-рыбки».

Описание одеял и некоторых других нарядов для полноты мы помещаем в Материалах. Необходимо заметить, что постели и все предметы их убранства переходили, как большая часть платья, наследственно к детям и внукам, и поэтому сберегались иногда несколько десятков лет, хотя в подновленном и измененном виде, соответственно новым вкусам и потребностям, что можем видеть и из приведенного здесь описания.

Итак, почти все убранство Постельной комнаты, или Спальной, заключалось главным образом в постеле и, разумеется, в разных других предметах постельного обихода, о которых также необходимо сказать несколько слов. Прежде всего следует заметить, что в Спальной того времени мы не встречаем такого количества икон, какое очень часто можно встретить в теперешних спальнях, когда эти комнаты получили уже отчасти и значение Крестовых, совсем упраздненных у большинства даже зажиточных людей. В старину Постельная комната украшалась только *поклонным* крестом и иконою, стоявшими, по обычаю, в переднем углу, и крестом или небольшою иконою, которую ставили над входными дверьми. Так как утренняя и вечерняя молитвы совершались по обыкновению в Крестовой, то в Постельной и не требовалось целого иконостаса. *Поклонный* крест предпочитался, как сокрушитель всякой нечистой и вражьей силы, столько опасной во время ночного «пребывания», как «бич Б-

жий бьющий беса», что нередко обозначалось и в монограммах на этом кресте.

В Постельной комнате хранилось необходимое белье и разные мелкие принадлежности мужского или женского убора. Белье в царском быту сохранялось всегда очень бережливо, к чему побуждали распространённые, можно сказать, всеобщие и глубокие верования в порчу, в колдовство и во всякое ведовство, от которого необходимо было уберегать себя самыми строгими мерами. Если случалось заметить что-либо чрезвычайное в порядке или относительно чистоты белья, то панический страх овладевал всеми, кто только был прикосновенен к этой статье царского обихода. Между тем это чрезвычайное представляло почти всегда самые обыкновенные вещи, делавшиеся, разумеется, очень чрезвычайными по суеверному настрою века. Так, в 1630 г., как упомянуто, царь Михаил указал отдать свои большие парадные постели, описанные нами выше, в царицыну Мастерскую палату. Когда стали их принимать, то было «осмотрено у одеяла, у большего на гриве (род каймы) на правой стороне близко угла в двух местах *проторчи* (дирки) невелики, одна проторчь зашита, а другая не зашита». «*Тогож часу* начальник Царицыной Мастерской Полаты Фед. Степ. Стрешнев да постельничий государя Степ. Лукьян. Хрущов извещали о том государю и государь того одеяла в царицынах хоромах осматривал». Не знаем последствий этого дела, но обыкновенно бывало так, что поднимали поголовный розыск на всех, кто сколько-нибудь касался делу. Допрашивали тех, кто шил, напр., одеяло, кто сохранял его, кто убирал им постель и т. д. Приведем еще случай, хотя тоже, к сожалению, неполный, ибо конец дела вовсе утрачен.

«156 (1648) г. июля в 20-й день государь царь и в. к. Алексей Михайлович всея Руси указал Прокофью Федоровичу Соковнику да дьяку Петру Арбеневу *ыскать* и распросить княгиню Авдотью Коркодинову про свою государеву *сорочку* да государыни царицы и в. к. Марьи Ильичны про два чехла, кто тое сорочку и чехлы (из) мастериц делал, и как тое сорочку и чехлы отдавала делать мастерицам, осматривала ль; и в те поры, по ес осмотру, сорочка и чехлы целы ль были, и будет в те поры целы были, и как тое сорочку и чехлы мастерицы принесли к ней, отделив, и она осматривала ль? И того ж числа княгиня Авдотья Коркодинова распрашивана, а в распросе сказала: кронла де тое сорочку государе-

ву боярыня Катерина Федоровна Милославская: а скроя тое сорочку, отдала ей, княгине Овдотье. И она де тое сорочку, приняв, осмотрела, и тое сорочки *полотно было цело*; а осмотра отдала делать новой мастерице Ирине Прасолове; и как де тое сорочку та Ирина сделала, и она де на той сорочке смотрела швов, а полотна не смотрела; и тое де сорочку, приняв у мастерицы, отослала для катанья в портомойню с мастерицею с Катериною Ходиною. И после де того на той сорочке, в портомойне портомая Алена Васильева...» (конца не достаёт). Вероятно, все дело состояло в том, что на полотне сорочки оказалась *проторчь*, т. е. дырка, или что-либо подобное, весьма смутившее начальство и самого государя, и по поводу неисправности изготовления, а еще более по подозрению, не было ли здесь какой *порчи* и умысла на государское здорье.

Белье, или так называемая *белая казна*, — сорочки простые и нарядные, порты, поясы верхние и нижние, простыни, полотенца, утиральники, ширинки и т. п., — сохранялись всегда в *кипарисных сундуках* за собственною печатью государя или царицы; печать для вскрытия сундука отдавалась самому доверенному лицу, но обыкновенно в такой сундук ходила сама государыня. Самый сундук всегда одевался суконным чехлом. В описи царской казны 1611 г. находим: «*Сундук* кипарисной окован белым железом, а в нем царя Федоровские сорочки: **13 сорочек** полотняных, нашивка торочковая; **11 порты**. *Сорочка да 4 порты миткалинные*; две сорочки да двой порты безинные... Другой *сундук* кипарисной невелик, а в нем сорочки женские: сорочка тафта ала; сорочка тафта бела выбиваны звездки золотом; **2 сорочки** тафта желта; сорочка полосата тафта бела да червчата; **2 сорочки** тафта червчата, у одной рукава низаны жемчугом, а у другой шиты золотом; **8 поясков** верхних и нижних шелковых; **6 сорочек** мужских; **6 порты** полотняных; **3 сорочки** женских полотняных; **3 полотенца** с золотом кисейным; *утиральник* белой; **3 волосники** с ошивками везены золотом и серебром; **2 ставика** немецкие с белилы; **14 ширинок** шиты золотом и серебром и шолки; **29 полок** шитых и браных; **3 волосники** золото с серебром; *волосник* серебрян; **64 волосники** золотных; **2 ширинки** тафтяных с золотыми кистями; **60 ширинок** таких же, что государю челом ударили боярыни после свадьбы; сорочка полотняна нарядная полосата, нашивки и пояски — червчат шолк с золотом; три сорочки нарядных полотняных

гладких, нашивки и пояски червчат шолк с золотом; 10 *простынь* коленных, безинных и полотняных. *Коробья*, а в ней: 7 полёк; пояс шелковый; 17 *сорочек* полотняных женских; *сорочка* кисейная; *сорочка* кушачная полосатая; *сорочка* тафта червчатая; 2 сорочки мужских нарядных; 3 порты тафтяны». Упомянем, кстати, что отставное белье обыкновенно раздавалось в тюрьмы тюремным сидельцам. Так, в 1630 г., развезены по тюрьмам отставные *простыни* в двух *коробьях*.

Весьма любопытные подробности об изготовлении царского белья и вообще о расходовании царской белой казны находим в сохранившихся записях о расходе полотей «на Государевы дела» за 1583—1587 гг., изданных нами в «Материалах для истории, археологии и статистики города Москвы», ч. I, стб. 1201—1223. Здесь между прочим встречаем некоторые приснопамятные дворцовые обычаи, по которым: 1. Каждый год в годовщины памяти по отце Грозного, вел. кн. Василии Ивановиче, декабря 4-го, по самом Грозном-царе Иване Вас., марта 19-го, и по его сыне, царевиче Иване Ивановиче, 21 ноября, раздавались из дворца нищим старцам сшитые дворцовыми швеями полотняные рубашки и ширинки (платки), сто рубашек и ширинок по Василии Ив., двести по царю Иване Вас. и двести по царевиче Иване Ив. 2. Каждый год в день Семика, когда, по обычаю, совершалось общее погребение «странным», в Убогих Дом, где находилась общая могила, посылались из дворца сшитые полотняные покровы к погребению умерших. В XVII ст. на это дело выдавались целые полотна. Так в 1652 г., июня 3-го, из Мастерской царицыной палаты взял Тиунской избы подьячий Кирилл Григорьев 12 полотён, к *Убогих Дому на погребенье*. Упомянутые записи значительно дополняют наше исследование о белой казне в книге «Домашний быт цариц», стр. 671. Материалы № 108—112¹.

В Спальной же, а может быть, и в других комнатах, находившихся подле и соответствовавших теперешней уборной, в сундучках, скрынях, ящиках, ларцах или шкапунах хранились также и все уборные принадлежности. Так как стенные зеркала особенно до половины XVII ст. не были еще в большом употреблении, то при уборании большею частью употреблялись зеркала малые ручные,

¹ Эти записи за 1583—1588 гг. внесены автором в 3-е изд. сочинения «Домашний быт русских цариц...» (М., 1901. С. 737—746), соответствующее же место о белой казне в 3-м изд. чит. на с. 559 и след., 729—737. — Ред.

хранившиеся в особых ларцах с гребнями. Круглые или четырехугольные, эти зеркала вставлялись в рамки, или *обода*, деревянные золоченые или обтянутые бархатом, червчатым, вишневым, также камкою жарких цветов, на хлопчатой бумаге или басменную золоченую и серебряною с красками кожу. Нередко их ставили в серебряную или золотую оправу. Устроивали их также в виде складней с затворками. Этого требовал даже обычай, признававший открытое зеркало чем-то греховным, и потому уборные зеркала, как и стенные, обыкновенно бывали закрытыми; первые хранились во влагалищах, или футлярах, или же под створками, а вторые, как мы уже видели, завешивались особыми зеркальными занавесами.

Особенно богаты были по украшениям зеркала турецкие, которые подносились царицам в дар от приезжих с Востока иноземцев, послов и купцов. Они были круглые, осмигранные, также четырехугольные створчатые, иногда, особенно круглые с рукоятями, в золотом станке, осыпанном дорогими камнями, алмазами, яхонтами, изумрудами, бирюзой и др.¹ До сих пор мы говорили о зеркалах хрустальных, к числу которых можно отнести и *бруски хрустальные в зеркала место*, устроиваемые, вероятно, на черной какой-либо подкладке и заменявшие таким образом собственно зеркальные стекла. По свидетельству Барберини, еще в половине XVI ст., в Москве продавались превосходные хрустальные зеркала, но не в большом количестве. Кроме того, бывали зеркала *булатные*, или *укладные*. Так, в числе царских вещей, описанных в 1611 г. на продажу для уплаты жалованья польским войскам, находились между прочим: «...зеркало булатное обделано канютелью и зеркало булатное обделано серебром с раковинами». У царя Федора Алексеевича также находим булатное, или *железное укладное*, зеркало, в посеребренных рамах, которое в 1676 г. велено было вычистить и в лицо поставить, т. е. отшлифовать, для чего употреблено английское олово, камень кровавик и смола.

При уборном зеркале хранились *гребни* и *гребенки*, которые вырезывались из слоновой кости или из кости рыбака зуба, а также из кипариса. Кипарисные гребни продавались в торговых рядах. В 1624 г. к государю в хоромы было куплено шесть «гребней кипарисных» по 5 алт. за гребень. Работою отличных костяных гребней славя-

¹ Подробности о зеркалах уборных, а равно и о разных других предметах комнатного обихода и наряда помещены в Материалах, № 111—113.

лась издревле Холмогорская сторона, откуда призывали мастеров и в царский дворец. Здесь они едва успевали удовлетворять ежедневной почти потребности в этих предметах, так что из дворца посылались иногда на Холмогоры особые заказы. Гребни и гребенки делались *однозубчатые* и *двоезубчатые*, т. е. с редкими и частыми зубьями, причем у гребней зубья располагались или только на одну сторону или на обе стороны, на одну частые, на другую редкие. Гребни бывали круглые или четырехугольные, иногда складные. Как гребни, так и гребенки редко бывали гладкие; большую часть по приличным местам их украшали резьбою или только по поверхности, или сквозною, почему они назывались *прорезными*. На гребенках по концам вырезывали птичьи или змеинные головки, или простые рожки. На гребнях вырезывали или прорезывали в травах птиц, зверей, клейма, личины и т. п. изображения. Величина тех и других, смотря по надобности, была различна, длиною в 4 и обыкновеннее в 3 вершка, шириною около 2-х верш. Из богатых гребней упоминается у царя Михаила Федоровича «гребень роговой сверху обложен яшмою, а в яшме врезано золото, а в золоте камышки, яхонты да изумруды. Государю челом ударил турецкий посол Тома Катакузин в 1630 году. Цена 10 рублей».

Во второй половине XVII ст. во дворце особенно славились гребенным мастерством холмогорцы братья Шешенины. Сначала из Холмогор в придворные мастера взяты были *неволею* гребенщики Семен да Евдоким Шешенины. С 1656 г. они находились в ведомстве Оружейного приказа. Особенно был искусен в своем деле Евдоким, костяных дел токарь, умевший резать по кости и по дереву всякие рези. Но 30 мая 1667 г. он помер, и оказалось, что это был в своем роде единственный мастер, после которого вдобавок не осталось и учеников. Тогда на его место был взят с Холмогор его двоюродный брат Ивашка Прокофьев Шешенин, который, однако ж, объяснил, что он с своим братом Васьюкою костяное дело делают гладью, а резного дела по кости никакого не режут и прорезных гребней не делают, и на вопрос: есть ли кто на Колмогорах мастерством против Евдокима Шешенина? — сказал, что «костяного дела мастер, который сам знаменит и по кости всякую резь режет и гребни прорезные делает, на Колмогорах только один человек, живет в посаде в тягле, Гришкою зовут, прозвище Носко, а иных людей такому мастерству, опроче его, никого

нет». Была послана грамота на Холмогоры с указом, взять этого Носко для государевых дел в Оружейную палату; но нам неизвестно, что последовало по этому указу. Григорий Носко почему-то не попал в мастера Оружейной палаты, и лучшими мастерами остались упомянутые двоюродные братья Евдокима, Иван и Василий Шешенины, к которым потом поступил в ученики, в 1672 г., их младший брат Семен, выучившийся мастерству в три года и впоследствии тоже очень известный своими работами (М., № 114). Иван и Василий, хотя и определяли свою работу не слишком высоко, однако в то время и на родине они были единственными по своему искусству мастерами, потому что когда, в 1669 г., царь Алексей сделал было на Холмогорах нарочный заказ, чтоб изготовили тамощные мастера 10 статей шахмат, да 10 гребней прорезных добрым мастерством, а в резни б были у гребней травы и в травах птицы, — то холмогорцы — посадские люди — гребенщики Дениско Зубков с товарищи, 22 человека, ответили, что гребней сделать некому и николи они таких гребней не дельвали, а делают гладким и простым мастерством, а такие резные гребни дельвали Ивашка да Васка Прокофьевы, дети Шешенины, и они взяты к Москве. Шахматы дельвали только трое, Дениско Зубков, Ив. Катеринин, Кирилко Саламатов, которые тогда и исполнили царский заказ. Известно, что костяное резное дело до сих пор процветает в тамошних местах.

Но вместе с холмогорцами в Оружейной палате работали и польские или белорусские мастера, именно из Витебска, из которых более других были искусны: Кирила Толкачев, Данила Кокотка, Иван Дракула, Самойло Богданов, Иван Никитин. Некоторые из них, Толкачев, Кокотка, в 1680 г. были отпущены по домам, быть может, за излишеством, потому что в генваре 1679 г. в дворцовые мастера поступил Анбурские земли иноземец, при том с 1666 г. капитан русского рейтарского строя, костяного токарного и янтарного и часового дела мастер Ив. Ив. Ган, или Яган Ган, с окладом жалованья по 50 р. в год. Он работал верховые дела беспрестанно, как выразился после десятилетней своей службы в 1689 г.

Работы всех упомянутых мастеров заключались в изготовлении в разные комнаты дворца гребней и гребенок, ухверток, четок, ароматников, черенков для ножей и вилок, также шахматов, тавлей, саков (шашек), биров и т. п. Многие изделия они резали и точили из слоновой кости, другие, различную посуду — кубки, братины, чар-

ки, флажки, роги, пороховницы и т. п. — из рыбьей кости, т. е. из моржовых клыков, из которой, как и из слоновой, делали даже и паникадила.

При гребнях употреблялись иногда и *щети*, щетки. В царской казне XVII ст. хранились: *щеть* оправлена серебром; щетка черен серебряный.

Зеркала, гребни и гребенки были необходимыми предметами не только при уборе женском, но также и при мужском. К ним должно присовокупить еще *мыло*, которое в царском быту составлялось обыкновенно из разных душистых веществ. В 1628 г. к государеву мыльному составу потребовали из Аптекарского приказа золотник масла коричневого, 2 зол. масла анисового, три чарки водки гуляфные (розовой воды). В 1629 г. к мыльному составу употреблено 2 зол. масла гвоздичного, 4 зол. масла анисового, 6 чарок водки свориборинные. В 1630 г. про государя в мыльный состав изошло пять чарок вина двойного с зельи. Кроме домашних составных мыл употреблялись и привозные покупные, напр., *мыло индийское, халлпское, грецкое*, и из русских *костромское, нижегородское*, простое.

Другие предметы уборного столика у государя хранились в *готовальнях, монастырьках*, описание которых мы поместили выше, также в *связках*, или же в особых ящиках.

Женские уборные принадлежности большею частью сохранялись также в ларцах, ящиках и шкатунах. В числе их находились: белильница, румяница, клеельница, суремница, ароматница, разные бочечки, тазики, чашечки с необходимыми по потребностям века снадобьями для украшения лица, волос и других частей тела. Белила и румяна употреблялись большею частью привозные, немецкие. Впрочем, известен был и *румянец русский, кисейный*, выделяваемый на кисее из сандала. Он же назывался *платеным*. Покупали также румянец *ступочный*, или ступичной (бакач турский), *лековой* (*леко* — игральная кость, брусок, кубик), вероятно, иностранного привоза; платили ступичной и кисейной по 8 алтын за золотник, лековой и русский по алтыну. Белильницы и румяницы были небольшие коробочки, обшитые золотом и серебром, также низанные жемчугом, иногда серебряные, украшенные финифтью и камнями. Такие же коробочки служили для *клеельницы* и *суремницы*, хранивших снадобья для подклейки и чернения бровей и вообще волос. При суремницах употреблялись *спицы*. В описи

царской казны 1611 г. находим «две белиленки низаны жемчугом с кистями. Белиленка шита золотом и серебром; три суремницы с спицами, низаны жемчугом; два ставика немецкие с белилы». У царицы Евдокии Лукьяновны, в числе уборных вещей, было: «Зеркало хрустальное четверугольно, станок серебрян, назади вырезан орел, станок весь золочен; во влагалище атласном цветном. Суремница низана жемчугом скатным с камушки, в середине по обе стороны низаны орлы мелким жемчугом с камушки и с блески; в конце у рукояти кисть золотная. Лопатка кругла, рукоять четверугольна серебряна золочена. Белильница, румянища — серебряны золочены с чернью». В казне цариц хранились между прочим: «Суремница по атласу по червчатому низана жемчугом, в обводе жемчуг скатной, на стороне по 4 изумруда да по яхонтику по червчатому. Спица у суремницы и ворворка по атласу по червчатому обнизана жемчугом, у ворворки кисть золота. Белиленка серебряна с финифты с розными. Ароматница серебряна персидское дело сенчата, около ее в гнездах бирюзки да виниски мелкие». Разные ароматы и бальзамы, собственно духи и помады, изготовлялись в царской Аптеке и сберегались в ароматницах или ароматниках (флаконах) золотых, серебряных и костяных. В 1679 г., в декабре, царю Федору в хоромы сделано 12 ароматников одинаких, да два больших о шести мест, розвертные; в апреле 1680 г. еще шесть ароматников слоновой кости больших, четыре тройных, два одинаких; в августе деланы еще роматники розвертные осмерные, шестерные и тройные из рыбьей кости; в октябре — три роматника розными образцы; работал мастер костяного, янтарного и часового дела, немец Иван Ган. У царевны Софьи в 1684 г. была уборная «шкатула оправлена волоченым и сканым серебром, сделана из благоуханного дерева с зеркалом и с двумя ящички. В той же шкатуле ящик серебряной с камешки да блюдечко да малой ящик».

Кроме того, встречаем особые ящички, погребцы и шкатулы с разными склянничными сосудами и с фарфурными склянницами, наполненными разными водками, т. е. духами. Барберини (1565 г.), посылая на родину записку о вещах и разных предметах, которые требовались в Москве, пишет между прочим, что нужно привезти также «всяких душистых и хороших сортов вод в довольном количестве, на всякий случай; и таких же самых лучших мыл для умывания рук».

К уборным предметам мы отнесем и *опахало*. Оно устроивалось из перьев, или же было *сгибное* из атласа, *харатиш* (пергамента) и других подобных предметов. У царицы Евдокии Лукьяновны между прочим были опахала: опахало перье павино, в середке у опахала дерево писано золотом, а в дереве зеркало; пониже зеркала обогнуто участком золотным; черен у опахала дерево черно, по концам кость рыбий зуб с щедрою (1630 г.). У царевны Ирины находим два опахала невелики, перье струцovo, черены меденые, поверх черенов по закрепкам наложено финифты. Опахало, перье струцovo, с зеркалом, черен деревянный с костью (1629 г.). В 1686 г. сделано царевнам четыре опахала атласных, в том числе два червчатых, два желтых поменьше, для чего употреблено 14 арш. атласу, 14 листов бумаги александрийской писчей и 8 фунтов дерева немецкого чипрасу. Богато украшенные золотом и камнями, опахала привозимы были царицам в дар с Востока. Описание таких опахал мы помещаем в Материалах. Должно заметить, что опахала были в употреблении и на мужской половине царского дворца. У царя Михаила находим опахало деревянное, писано золотом да красками разными; нагалище у опахала сукно червчато багрец (1629 г.); опахальцо турецкое круглое, перье бело, червчато, черно; о середке зеркальцо; черен дерево индейское. Опахальцо турецкое кругло; перье бело, червчато; черен серебрян золочен, лопастка с финифты. Опахало харатейное сгибное, писано красками в дереве (1634 г.). В 1671 г. царевичам Федору и Ивану отпущено в поход в село Преображенское два опахала атласные червчатые. Подобные атласные опахала царю подносили обыкновенно к празднику Пасхи как свое изделие мастера Оружейной палаты.

Не должно забыть также, что в спальнях ставились, смотря по надобности, *будильники*, или *часы с будильником*. У царя Алексея, когда еще он был царевичем, в спальней был «будильник на стоянце меденом, наверху немчин с копьем» (1642 г.). У царевича Ивана Михайловича были «часы боевые с будильником и с дробным перечасьем медные прорезные теремчатые позолочены четверугольны с дву сторон стекла вставлены хрустальные круглые; на поддоне деревянном черном, у поддона 4 подножка медные луженые». (Присланы в дарех киевским митрополитом Петром Могилою, 1644 г. генв. 30-го).

Из опочивальной ближе всего перейти в *мыленку*, которую в наше время заменила ванна. Мыленка в древних царских хоромах помещалась или в подклетах или в одном ярусе с жилыми комнатами, отделяясь от них небольшим переходом и даже одним только сенями. В мыленку также вели особые сени, называвшиеся *мовными*, *мыленными*, *передмыленьем* (то же, что теперешний передбанник или сторожка во всенародных банях), где обыкновенно раздевались. В этих сенях у стен были лавки и стоял стол, накрытый обыкновенно красным сукном, на котором клали *мовную стряпню*, т. е. мовное платье, в том числе колпак и разные другие вещи, которые надобились во время мытья, напр., простыни, опахала тафтяные или бумажные, которыми обмахивались, когда, после паренья, становилось очень жарко.

Внутреннее устройство мыленки было таково: в углу стояла большая изразчатая печь с *каменкою*, или *каменницею*, наполненную «полевым круглым серым камнем», крупным, который назывался *спорником*, и мелким, который назывался *конопляным*. Камень раскаливался посредством топки внизу каменки. И каменка, и эта топка закрывались железными заслонами. От печи по стене, до другого угла, устраивался *полок* с несколькими широкими ступенями для входа, как и в теперешних банях. Далее по стенам до самой двери тянулись обычные лавки. Мыленка освещалась двумя или тремя красными окнами с слюдяными оконницами, а место на полке — волоковыми. Обыкновенный наряд мыленки был такой же, как и других комнат. Двери и окна со вставнями и втулками обивались красным сукном по полстям, или войлоку, с употреблением по надобности красного сафьяна и зеленых ремней для обивки двери. Оконный и дверной прибор был железный луженый. Окна завешивались суконными или тафтяными занавесами. В переднем углу мыленки всегда стояла *икона* и *поклонный крест*. Так, в 1692 г., в мыленку царевен меньших выменен был образ Богородицы и медный крест — поклонный.

Когда мыльня топилась, т. е. изготовлялась для мытья, то посреди нее ставили две липовые *площадки* (род чанов или кадей ушата в четыре), из которых в одной держали горячую, в другой — холодную воду. Воду носили в липовых *изварах* (род небольших ушатцев, или

бадей), в ведрах и в шайках¹, наливали медными лужеными ковшами и *кунганами*, щелок держали в медных же луженых *тазах*. Квас, которым обливались, когда начинали париться², держали в *туезах* — больших берестяных бураках. Иногда квасом же *поддавали пару*, т. е. лили его в каменку на раскаленный камень спорник. Нередко для того же употреблялось и *ячное* пиво. Мылись большею частью на свежем душистом сене, которое покрывали, для удобства, полотном и даже набивали им подушку и тюфяки. Кроме того, на лавках, на полках и в других местах мыленки клались пучки душистых, полезных для здоровья трав и цветов, а на полу разбрасывался мелко нарубленный кустарник — можжевельник, что все вместе издавало весьма приятный запах. В течение 1699 г. в царские мыленки отпущено было с подмосковных лугов сена мягкого шестнадцать копен мерных с полукопною. Веники составляли также одну из самых необходимых вещей в мыленках: поэтому на всех крестьян подмосковных волостей положен был оброк вениками. В течение года обязывались доставить про царский обиход: крестьяне Гвоздинской волости 320 веников, Гуслицкой 500, Селинской 320, Гжельской 500, Загарской 320, Раменской 170, Куньевской 750, села Новорожественного 130; всего 3010 веников. Впрочем, не всегда этот оброк поставлялся натурою: крестьяне нередко платили мовным истопникам, вместо веников, деньгами, по 23 алтына 2 деньги за сотню. Для отдохновения после мытья и парки в мыленке стояли *скамьи с подголовками*, а на лавках клались иногда *мовные постели*. В 1670 г., в мае, в мыленку царя Алексея была сряжена мовная постелья из лебяжьего и гусяного пуху в камчатой желтой наволоке; в ней *зголовье* (подушка) в такой же наволоке и под постелью *бумажник* (матрац) в червчатой камчатной наволоке, набитый хлопчатою бумагою. В ночное время мыленка и мовные сени освещались слюдяными фонарями. Для стока из мыленки ненужной воды проводились желоба, а если мыльня находилась в верхнем этаже хором, то пол в ней и по стенам до лавок выстилали свинцовыми досками, которые по швам спаивались.

¹ 1684 г., в августе, в село Коломенское в мыленку взято 2 кады липовых облых по 30 ведр, 2 кады по 20 ведр, четыре извары липовых же по 5 ведр, 20 ушатов, 20 гнезд ведр.

² Обыкновенные древнейшее, записанное на первых страницах нашей древнейшей летописи (ПСРЛ. Т. I. С. 4).

ГЛАВА III

Государев двор, или дворец

Значение и честь государева двора. Приезд ко дворцу. Кто пользовался свободным входом. Запрещение входить во дворец меньшим чином. Воспрещение входить с оружием и в болезнях. Нарушение чести государева двора непригожим словом. Значение царских палат в отношении разных придворных обрядов, торжественных приемов и собраний, и в домашней жизни государя; значение: Грановитой, Средней Золотой, Царицыной Золотой, Столовой, Панихидной, Ответной, Государевой Комнаты, или Верхней Золотой, и Передней. Значение крылец. Постельное крыльцо как площадь или сборное место дворянства и вообще служилых людей. Дела о нарушении чести государева двора как характеристика царедворческих нравов в XVII ст.

В древнейшее время великокняжеские дворцы, без сомнения, не имели еще того значения, какое в XVI и XVII столетиях принадлежало дворцу московских государей. Народ чествовал княжеское жилище как место, где давался общественный суд, общая земская правда, где жил начальник дружины, «страж Русской земли», главный вождь ее в битвах с врагами. Большого значения в древности княжий двор еще не имел, потому что первоначально и самое значение великого князя, как мы говорили, определялось более *кормлением, полюбьем*, то есть правом на известные земские доходы, нежели политической силою и властью, как самодержца земли.

Последнее значение получили уже московские князья. В Москве княжеский дворец из простой вотчиннической усадьбы постепенно становится освященным и недоступным жилищем великого государя. Особенно в XVI ст., когда учение о царском сане и высоте царского достоинства распространилось и утвердилось не только практически, но даже и посредством ученых справок и литературных толкований и разъяснений; в это время на все, окружающее государеву особу, легла печать недосягаемого величия и благоговейного освящения. Русь *переставила свои обычаи*, как говорили в то время люди, испы-

тывавшие на себе влияние этого переворота в поступках и значении московских государей.

Под влиянием византийских идей и обычаев, живым представителем которых была Софья Палеолог и окружавшие ее греки, московский государь не только вполне сознал свое царственное значение, приняв титул царя всея Руси, но и облек это значение в соответственные царские формы... Новое устройство двора, установление новых придворных обычаев и торжественных *чинов*, или обрядов, по подобию обычаев и обрядов двора византийского, навсегда определили высокий сан самодержца и отдалили его на неизмеримое расстояние от подданного. Все это, однако ж, не пришло вдруг, а водворялось постепенно, с жизненною последовательностью. Так, например, если верить свидетельству Контарини, который приезжал в Москву к великому князю Ивану Васильевичу в 1473 г., т. е. спустя только год после приезда к нам Софьи Палеолог, придворные церемонии носили на себе еще характер первобытной простоты, напоминавшей древние княжеские отношения. Контарини пишет о своем приеме следующее: «Прибыв во дворец за несколько времени до обеда (говорит он), я был введен в особенную комнату, где находился государь с Марком и другим своим секретарем. Он сделал мне весьма ласковый прием и в самых приветливых выражениях поручил уверить светлейшую нашу Республику (Венецианскую) в искреннем его дружестве, которое он и на будущее время сохранить желает, и присовокупил к тому, что охотно отпускает меня в отечество и готов сверх того сделать в пользу мою все то, что я почту для себя нужным. Когда великий князь говорил со мною, я, из учтивости, отступал назад, но он всякий раз сам подходил ко мне и с особенною благосклонностью выслушивал ответы мои и изъявления моей благодарности. Таким образом проговорил я с ним более часа...»¹ В 1488 г. вел. кн. Иван Васильевич, принимая цесарева посла Николая Поппеля, «поговорил с ним о тайных делах, в *Набережной горнице, поотступив от бояр*». Другое посольство, Юрья Делатора, в 1490 г., также правилось без особенной недоступности, соображаясь, впрочем, с тем приемом, какой оказан был императором Максимилианом нашему послу. «Великий князь встав, да спросил его (посла) о королеве здоровье, да и руку ему подал, стоя, да ве-

¹ Библиотека иностранных писателей о России. Спб., 1836. Т. 1. Амвросий Контарини. С. 116.

лел ему сести на скамейку противу себя *близко...*» Положим, что это была *честь великая*, как обозначено и в современной записке; но, во всяком случае, мы должны заметить, что при великом князе Иване Васильевиче подобные церемонии и все придворные обряды еще не облакались в те пышные формы, какие они получили впоследствии; что вообще пышная, великолепная обстановка царского сана входила постепенно и водворилась окончательно только при его внуке, за которым даже официально, соборною грамотою, утвержден был и царский сан¹.

Народ, уверовавший в высокое призвание царя, благоговейно чтит и все знаки его величия. Самый дворец государев охранялся особенным почетом, который по установившимся понятиям воздавали царскому местопребыванию. Нарушение этого почета, нарушение *чести государева двора* преследовалось даже положительным законом: в Уложении царя Алексея Михайловича есть целая глава «О Государеве Дворе, чтоб на Государеве Дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было».

По обычаям старого времени, нельзя было подъезжать близко не только к царскому крыльцу, но и вообще ко дворцу. Одни только высшие сановники, бояре, окольные, думные и ближние люди пользовались правом сходить с лошадей в расстоянии нескольких сажен от дворца. По словам Котошихина, приезжая во дворец на лошадях верхами или в каретах и в санях, они слезали с лошадей и выходили из экипажей, «не доезжая двора и не близко крыльца». К самому крыльцу, а тем более на царский двор, они не смели ездить. Чины младших разрядов — стольники меньших родов, стряпчие, дворяне, жильцы, дьяки и подьячие, сходили с лошадей *далеко царского дворца*, обыкновенно на площади, между Ивановскою колокольнею и Чудовым монастырем, и оттуда уже шли во дворец пешком, несмотря ни на какую погоду. Из низших чиновников не все пользовались правом въезжать на лошадях даже в Кремль. Царским указом, 1654 г., в Кремль въезжать дозволено было только *старым первостатейным подьячим* и то не более трех человек из каждого приказа²; остальные, хотя бы также первостатейные, не пользовались этим дозволением. Но и тем, которые въезжали в Кремль, назначено было оста-

¹ Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя... М., 1850.

² Полное собрание законов... № 116.

навливаться почти у самых ворот и отсюда ходить пешком. Все другие приказные и вообще служилые и неслужилые младших чинов люди входили в Кремль пешком. Таким образом, самый подъезд ко двору соразмерялся с *честью*, или *чином*, каждого приезжавшего лица. Одни, самые чиновные, могли подъезжать «неблизко крыльца», другие, вовсе не чиновные, не осмеливались въезжать даже и в Кремль.

Иноземные послы и вообще знатные иностранцы, как государевы гости, выходили из экипажей, подобно боярам, в расстоянии нескольких саженей от крыльца, по словам Барберини, шагов за тридцать или за сорок, и очень редко у обширного помоста, или рундука, устроенного перед лестницею.

Само собою разумеется, что это был особый этикет, принадлежавший к древним обычаям¹ и сохранившийся не только во дворце, но и в народе, особенно в высших его разрядах. Точно так же невежливо было младшему чиновнику или простолюдину въехать во двор боярина, а тем более прямо подъехать к его крыльцу. По словам Котошихина, боярин, въехавший таким образом на царский двор, заключался в тюрьму и лишался даже чести, то есть боярского сана. Боярский холоп, прошедший через царский двор лошадь боярина, хотя бы даже и по незнанию, наказывался кнутом.

Иностранцы объясняли этот древний и почти всенародный обычай гордою недоступностью, с которою бояре, и вообще высшие, вели себя в отношении к народу. Герберштейн прямо говорит, что простые люди почти не имеют к боярам доступа и не могут въехать верхом на боярский двор.

По своим понятиям, иностранцы действительно могли принимать это за излишнюю гордость и высокомерие. Но едва ли так это было на самом деле. Скорее всего это был почет, особенная почесть, воздаваемая хозяину дома. Притом не должно забывать, что и гостю воздавались подобные же равнозначительные почести, именно *встречи*, о которых в древних памятниках прямо говорится, что они делались «почести ради, воздаючи честь»². И если не всякий гость мог подъехать прямо к крыльцу боярина, то много гостя боярин сам выходил встречать

¹ Например, в 1152 г., послу Изяслава, Петру Бориславичу, делалась также почетная встреча: «Петр приеха на княж двор и ту снюдоша противу ему с сеной слугы княжи...» (Ипатьевская летопись. С. 72).

² Древняя русская википедия. 1774. Ч. 6. С. 128; Полное собрание законов... № 429.

и не только на крыльцо, но даже на середину двора, а иной раз и за ворота. Само собою разумеется, что такой обоюдный почет и хозяину дома, и гостю соразмерялся всегда со степенью уважения, которое хотели оказать человеку¹. В царском быту, как увидим ниже, этикет встреч был также очень определенно размерен, и положения его ни в каком случае не могли быть нарушаемы.

Итак, мы видели, что особенный почет, воздаваемый царскому величеству, требовал, чтоб ко дворцу подходили пешком, оставляя лошадей и экипажи в известном, дальнем или близком, расстоянии. Притом простой и малочинный русский человек, еще издали, завидя царское жилище, благоговейно снимал свою шапку, «воздаючи честь» местопребыванию государя. Без шапки он и подходил ко дворцу и проходил мимо его. Правом свободного входа во дворец пользовались одни только служилые и дворовые, то есть придворные чины; но и для тех, смотря по значению каждого, существовали известные границы. Не во всякое отделение дворца могли свободно входить все приезжавшие на государев двор. Бояре, окольные, думные и ближние люди пользовались в этом отношении большими преимуществами: они могли прямо входить даже в *Верх*, то есть в покоевые, или жилые, хоромы государя. Здесь, по обыкновению, они собирались всякий день в *Передней* и ожидали царского выхода из внутренних комнат. Ближние бояре, «уждав время», входили даже в *Комнату*, или кабинет царский. Для прочих же чиновников государев *Верх* был совершенно недоступен. Стольники, стряпчие, дворяне, стрелецкие полковники и головы, дьяки и иные служилые чины собирались обыкновенно на Постельном крыльце, которое было единственным местом во дворце, куда они могли приходиться во всякое время с полною свободою. Отсюда, «в зимнее время, или в которое время кто похочет», им дозволялось входить в некоторые палаты, прилегавшие к Постельному крыльцу, но и в этом случае для каждого *чина* назначена была особая палата. По указу 1681 г., стольникам и стряпчим назначено было входить «в полату, что у переградной стены, вшед с Постельного Крыльца в новые сени налево, а слыть той полате Передней; дворянам и жильцам приходиться в Старую Золотую Полату; стольникам-генералам и стольникам-пол-

¹ Памятники дипломатических и торговых сношений... Т. 2. С. 510—511, 522 и др.

ковникам приходиться в полату, что подле Передней; годовым дворянам в полату, что наперед того перед Золотою Полатою были сени»¹. Следовательно, все эти чины в другие отделения дворца не допускались. Особенно строго воспрещалось им ходить за каменную перегородку, которая отделяла Постельное крыльцо от площадки, где была лестница в государевы покои или нынешний Теремный дворец. Лестница эта сохранилась донныне на том же самом месте, хотя и в другом виде. Вверху она запиралась медною золоченою решеткой, а внизу ограждалась от других отделений дворца «каменною перегородкою», за которую и воспрещено было «отнюдь никому не ходить», за исключением одних только судей, «которые сидят по Приказам» и которые хотя и допускались за эту перегородку, но в Верх без приказа входить не смели и ожидали приказаний у лестницы. Дьяки и подьячие, приходя во дворец с докладами, дожидались начальных людей на Постельном крыльце или в сенях перед Грановитою палатою. Другие младшие чиновники не смели входить даже и на Постельное крыльцо. «Иным чинам, говорит Котошихин, и до тех мест ходить не велено, где бывают стольники и иные нарочитые люди». Вообще дозволение входить в ту или другую палату и тем приближаться на градус к царской светлости утверждалось особым пожалованьем, о котором просители били государю челом. Так в 1660 г. один жилец бил челом с вычислением своей службы: «Пожалуй меня, холопа своего, для великого чудотворца Алексия митроп. и для многолетнего здоровья сына своего царевича (Алексея Алексеевича) за мое службишко и терпенье, вели государь мне быть при своей царской светлости в Передней, а родители мои (родство) пожалованы в Переднюю»².

Внутренние отделения дворца, то есть Постельные хоромы царицы и государевых детей, были совершенно недоступны для всех, и дворовых и служилых чинов, за исключением только боярынь и других знатных женщин, пользовавшихся правом приезда к царице. В эти отделения не осмеливались входить без особого приглашения даже и ближние бояре. Для священников и вообще церковников, которые служили в верховых церквях, открывался вход в эти церкви в известное только время и притом по известным местам и переходам. Это распространилось даже и на крестовых попов, которые совершали

¹ Полное собрание законов... № 901.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13. С. 68.

службы в самых покоях государыни. Они должны были входить во дворец тогда только, «как их спросят». В самые покои царицыной половины не смели входить даже и те из придворных чинов и служителей, которые, по своим должностям, должны были являться туда, например, с докладом о кушанье или с самым кушаньем. Далее сеней они не осмеливались входить и здесь передавали доклады верховым боярыням и другим придворным женщинам; точно так же и кушанье вносили в сени или в особо для того назначенные комнаты, в которых и сдавали боярыням на кормовой поставец. И вообще, если даже государь посылал кого-либо к царице и к детям спросить о здоровье или «для какого иного дела», то и в таком случае посланные, по словам Котошихина, «обсылались чрез боярынь, а сами не ходили без обсылки». То же самое наблюдалось и со стороны царицы.

В 1684 г., вероятно, по случаю стрелецких смут, волновавших тогда Москву и обесчестивших перед тем временем даже царское жилище буйным обыском, сказан был царский *указ*, заключавший 12 статей, с расписанием, кому именно на какие подъезды и по каким лестницам и переходам дозволялся вход в разные отделения дворца. Боярам, окольниковым, думным людям и комнатным стольникам и указано было в Верх всходить Постельным крыльцом и *дворцовою* лестницею, у приказа Большого дворца, у Колымажных ворот; а которые приезжали к Куретным воротам, от Троицких кремлевских ворот, те должны были всходить каменною лестницею, что от Хлебного дворца к Сушилам; и ходить им велено в Верх мимо Оружейного приказа и церкви Рождества Богородицы, а также каменною Рождественскою лестницею, что против Кормового дворца. На *Светлишную* лестницу, — у Куретных же ворот, которая вела к хоромам царевен и на внутренний Постельный двор, к царским Мастерским палатам, запрещено было ходить даже боярам, окольниковым, думным и ближним людям, т. е. всем первостепенным сановникам: «...отнюдь не ходить и никого за собою ни для чего не иметь ни которыми делы».

За переграды, которые устроены по обе стороны Рождественской церкви, от приказа Большого дворца и от Оружейной палаты, — боярам, окольниковым, думным и ближним людям никого за собою потому ж не иметь и никого *площадных* и *приказных* людей за те переграды не пущать, и для того поставить в тех местах караул из

Стрелецкого приказа и караульщикам приказать о том накрепко. — От Успенского собора, Ризположенскую лестницею, мимо церкви великомуч. Екатерины, к государственной Мастерской палате на двор, никому не ходить и двери замкнуть. Также и в церковь Ризположения, опричь той церкви церковников, с площади никого не пущать, о том караульщикам приказать накрепко. Переходы с дворца на Троицкое подворье запереть и никого в те двери и на переходы, без государского шествия и без именного указа, не пропускать и о том приказать с великим подкреплением детям боярским, истопникам и сторожам, которые стоят в том месте и у Светлишной лестницы. Верховых, или сенных, соборов и церквей протопопам, попам, крестовым и певчим дьякам и церковникам ходить к своим церквам, на которые лестницы кому податно, во время церковной службы и как их спросят, и когда пойдут они по присылке, а не собою: а собою безвременно и им не ходить. Дворовых людей, как их позовут в Верх, с столовым и вечерним кушаньем, к царям, царицам и царевнам, пропускать на Светлишнюю и на каменную лестницы за все переграды, а после кушанья и дворовых людей без дела на Светлишнюю лестницу и за переграды не пропускать. А кто дворовые люди пойдут в Верх поутру к хоромам для доклада о кушанье, или кого из них спросят, и пойдут они в те места по присылке для какого государского дела: и тех дворовых людей в те места и в те времена пропускать, спрашивая их подлинно, чтоб в те места иных чинов люди, называясь дворовыми людьми, не проходили.

На Передний Верхний государев двор, что у каменных Теремных покоев, и с того двора за каменную переграду к деревянным хоромам государей и царевен, — стольников, стряпчих, дворян, дьяков, подьячих и никаких чинов людей; — в те места никого отнюдь не пущать, кроме приказных и мастеровых людей царских Мастерских палат, да и тех только, если кого спросят, если пойдут для дел и со всякими хоромными взносы. Равным образом строго запрещен был вход сюда и всем дьякам и подьячим разных других дворцовых и верховых приказов и ведомств, которые должны были передавать, что нужно и что требовалось во дворец; приказным Мастерских палат, пользовавшимся, как сказано, правом взносить и являться в хоромы по призыву, как кого и что спросят. Которых ближних людей и верховых боярынь свойственники и держальники и люди их придут к ним

для каких дел: и им пришед дожидаться у переград или у Светлишной и у каменной лестниц на нижних рундуках: а к кому они пришли, и им велеть про себя сказывать детям боярским, и истопникам, и сторожам, которые на тех лестницах стоят; а на верхнем рундуке тех лестниц и за переграды им отнюдь не ходить, и детям боярским, и истопникам, и сторожам никого из них не пропускать; а их ближним людям к ним выходить, и с ними видеться на Рождественской лестнице или у Рождественских же переград, а за переграды их к себе не имать; а боярням выходить и с ними видеться Светлишной лестнице на среднем рундуке у перегороды, и по той лестнице, что к хоромам благоверных государынь царевен, сшед с той лестницы, на низу; а видевся, отпускать их тотчас; и держать их в тех местах, и стоять им на тех лестницах не велеть, а отсылать, кто откуда пришел.

Всех приказов подъячим с делами стоять и начальных людей дожидаться на Постельном крыльце и в сенях перед Грановитою палатою, а за каменную переграду и в Верх им отнюдь не ходить.

Если случалось, что кто-нибудь забредет нечаянно и по незнанию на царский двор, и особенно во внутренние постельные отделения, того хватали, допрашивали, а в сомнительных обстоятельствах подвергали даже пытке. Однажды в 1632 г. «июля в 10 день, в вечерни, к Рожеству Пречистые Богородицы, что на сенех, в придел к Никите Преподобному, прибрел малой; и тот малой пойман и отдан держать до государева указа стрелецкому голове Гаврилу Бокину на караул. А в распросе тот малой сказался, что он Ларионов человек Дмитриева сына Лопухина, Гришкою зовут, Федоров; а послал де его Ларион в Алексеевский девич монастырь с часовником к тетке своей родной, к старице к Фетинье Лопухине; и в монастыре де он Гришка был и часовник старице Фетинье отдал; а из монастыря назад идучи, забрел на дворец, не знаючи, и услышел, что у Рожества поют вечерню, и он де к петью пришел, слушети вечерни». Что последовало с этим малым — неизвестно.

Люди, не принадлежавшие к дворовому и служилому сословию, приходя ко дворцу по какому-либо делу, оставались обыкновенно на нижних рундуках, или площадках, у лестниц. Все челобитчики, приходившие с просьбами на государево имя, стояли на площади перед Красным крыльцом и дожидались выхода думных дьяков, которые принимали здесь челобитные и взносили в Ду-

му к боярам. Лжедмитрий, как известно, в каждую среду и субботу сам принимал челобитные от жалобщиков, на Красном крыльце¹. Само собою разумеется, что тот, кто беспрепятственно мог входить на царский двор, подавал челобитную или самому государю, на выходе, или думному дьяку в Расправной палате, которая составляла высшую судебную инстанцию и помещалась с 1670 г. в Средней Золотой палате.

Нельзя также было явиться во дворец с каким бы то ни было оружием, даже с тем, которое, по обычаю того времени, всегда носили при себе и которое составляло, таким образом, необходимую принадлежность древнего костюма, например, поясные ножи, имевшие значение кинжалов. В этом случае уже не было исключений ни для кого, ни для бояр, ни даже для государевых родственников. Иностранные послы и их свита, входя в приемную залу, также должны были снимать с себя оружие, несмотря на то, что это почти всегда делалось против их желания. По западным понятиям, снять шпагу считалось бесчестьем, и послы, как благородные кавалеры, вступались за свою честь и вели нередко бесполезные споры с боярами. В 1661 г., во время приема шведских послов, маршалу посольства, несмотря ни на какие просьбы и убеждения, не позволили войти в приемную палату даже с серебряным жезлом. Вообще, строго воспрещено было входить с оружием даже и на царский двор. Если бы кому случилось, с простоты, без всякого умысла, пройти через царский двор с ружьем, с саблей, с пистолетами или с другим каким оружием, такой человек, если это открывалось, тотчас подвергался неминуемой пытке и допросам: с каким умыслом он шел? и, само собою разумеется, он погибал или от самых пыток, или в тюрьме, потому что подобные случаи и дела никогда не оканчивались добром².

Весьма также строго запрещено было приходить на дворец, особенно на Постельное крыльцо, в болезнях или из домов, в которых были больные. В 1680 г., июня 8-го, по этому случаю последовал строжайший царский указ, сказанный стольникам, стряпчим, дворянам и жильцам, которые, если у кого из них или в их домах были «боли огневою или лихорадкою и оспою или иными какими

¹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 11. Стб. 125.

² Коллинс рассказывает, что в его время один удалец выстрелил по скворцу на царском дворе, но пуля скользнула и упала в царские покои. Стрелку отсекали левую ногу и правую руку.

тяжкими болезнями», должны были давать знать о том в Разряд и на Постельное крыльцо не ходить, и в походы и на выходах нигде не являться. В противном случае, тем, кто нарушит это повеление, — за такую их бесстрашную дерзость и за неостерегаемость его государева здоровья, по сыску, быть в великой опале, а иным и в наказанье и в разоренье, без всякого милосердия и пощады. В те времена довольно часто случались повальные болезни, чего особенно и страшился двор государев, заботливо охраняя себя в сомнительных случаях. Так, однажды, в 1664 г., февраля 11-го, во время присма в Грановитой палате английского посла Чарлуса Говорта, из числа жильцов, стоявших по обыкновению в сенях и по Красному крыльцу, один на Красном крыльце внезапно упал от падучей скорби, или, может быть, от дурноты, именно жилец Гаврило Тимофеев Муромцев. А был на нем терлик объяринный зеленый, шапка объяринная золотная алый цвет, с соболем; кушак тафтяный красный, в руках протазан; этот наряд, по обыкновению выдаваемый в подобных случаях с Казенного двора, когда он поступил снова в казну, был оставлен и положен особо, у сторожей в казенке, из боязни, чтоб болезнь не распространилась посредством заразы, от платья.

Охранение чести государева двора преследовало также и всякое *непригожее*, непристойное слово, произносимое в царском дворце. «Будет кто, — говорит Уложение, — при Царском Величестве, в его государеве дворе, и в его государских полатах, не опасаячи чести Царского Величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе, и сыщется про то до пряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил: и по сыску за честь государева двора, того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в тюрьму на две недели, чтобы на то смотря, иным неповадно было впредь так делати. А кого он обесчестит, и тому указати на нем бесчестье». Мы увидим ниже, в чем именно заключалось это нарушение чести государева двора и какой разряд лиц наиболее щекотливо относился к бесчестью, давая в то же время своими поступками беспрестанные поводы начинать иск и жалобу.

Впрочем, постоянная, бдительная стража днем и ночью охраняла царский дворец и предупреждала всякий неприличный поступок вблизи царского величества. Стража эта состояла, внутри дворца, из стольников, стряпчих и жильцов и из низших придворных слугите-

лей: столовых истопников, столовых сторожей и боярских детей царицына чину, дежуривших днем и ночью у дверей лестниц и по крыльцам и сеням. Кроме того, по всем дворцовым воротам и в других дворцовых местах, «у казны», находились постоянные стрелецкие караулы. По свидетельству Котошихина, на этих караулах, стрельцов на стороже бывало по пятисот человек, под начальством головы, или полковника, и десяти капитанов. Главный их караул в числе 200, а иногда 300 человек, находился у Красного крыльца под Грановитой палатой, в подклетах; другая часть, в 200 человек, у Красных, или Колымажных, ворот. Из того же караула у Куретных ворот стояли 10 человек, на Казенном дворе 5 ч., на Дежнем дворе 5 ч. По кремлевским воротам стрелецкий караул располагался следующим образом: у Спасских ворот стояло 30 человек, у Никольских 20 человек, у Тайницких 10 ч., у Предтеченских, или Боровицких, 10 ч., у Троицких 10 ч., в Отводной башне у тех же ворот 5 ч.

Когда заимствованные от Византии или установленные в подражание ей придворные обряды, церемонии и обычаи были совершенно усвоены московским двором, а старые обычаи и порядки, шедшие от отцов, как достоящее наследие, облеклись в более пышные царственные формы и все это сделалось существенным, самым необходимым выражением царского сана и достоинства, естественно, что некоторые отделения государева дворца получили с того времени особое значение, соответственное торжествам и церемониям, для которых они исключительно назначались.

В отношении торжественных действий и обрядов, происходивших в больших государевых палатах, первое место с конца XVI столетия принадлежало Грановитой, как самой обширной и более украшенной, в которой царь являлся в полном блеске древнего великолепия, столько изумлявшего иностранцев. В ней давались торжественные посольские аудиенции и государевы большие церемониальные столы: при венчании на царство, при объявлении царевичей как наследников престола, при поставлении патриархов, митрополитов и архиепископов, брачные, родинные, крестинные, праздничные и посольские. В ней происходили также великие земские соборы и вообще совершались все важнейшие торжества того времени. Для того, чтобы видеть все эти церемонии ца-

рице и детям государя, в Грановитой палате устроена была *смотрящая палатка, тайник*, сохранившийся до сих пор, хотя уже совершенно в ином виде. Он находится вверху, над Святыми сенями, у западной стены палаты, и смотряльным окном выходит прямо против того места, где искони стоит государев трон. В старину тайник этот убран был следующим образом: стены, потолок, лавки, двери и в окнах все было обито полстью и потом красным английским и анбурским сукном; над двумя окнами с южной стороны висели такие же суконные завесы на кольцах; пол устлан был войлоком и полстью; прибор у дверей был луженый. В большом окне, обращенном в палату к царскому месту, была вставлена *смотрящая* решетка, обитая красною тафтою на хлопчатой бумаге; решетка задергивалась завесом с кольцами на медной проволоке. В переднем углу тайника стоял образ Евфимия Суздальского. Из этого-то тайника, сквозь смотряльную решетку, царица, малолетные царевичи, старшие и младшие царевны и другие родственницы государыни смотрели на великолепные церемонии, происходившие в палате. Особенно часто они присутствовали, скрытые таким образом, при посольских аудиенциях.

Средняя Золотая до конца XVI столетия имела то же значение, что и Грановитая, но с этого времени она становится обыкновенною приемною залой, в которой с меньшею пышностью и торжественностью представлялись государю патриарх, духовные власти, бояре и прочие сановники, иноземные послы, преимущественно на отпусках, посланники и гонцы. Кроме того, в ней, как и в Грановитой, происходили земские соборы и давались иногда именинные и праздничные столы. В день Рождества Христова, перед обеднею, государь принимал здесь патриарха с духовными властями, соборный причт и певчих, приходивших славить Христа. В 1670 г., по случаю переделки кремлевского здания приказов, которые были выведены в Китай и Белый город, в этой палате назначено присутствие бояр и думных людей для слушания и вершения расправных и спорных дел, отчего палата, приняв значение высшей инстанции, получила название *Золотой Расправной*, которое и сохраняла до 1694 г., когда новым указом это присутствие перенесено в Переднюю палату Теремного двора и когда в Золотой стали принимать только челобитные средних чинов людей. Заседания Думы бывали здесь не только утром, но и ве-

чером, особенно в зимнее время. Для доклада дел каждому ведомству назначены были особые дни. В понедельник вносили дела из Разряда и Посольского приказа; во вторник из приказа Большой казны и Большого прихода; в среду из Казанского дворца и Поместного приказа; в четверток из приказа Большого дворца и из Сибирского; в пятницу из судных приказов Владимирского и Московского¹. Само собою разумеется, что с того времени, как Золотая палата получила такое чисто судебное, административное значение, прекратились царские выходы в нее, а следовательно, и все торжества и церемониалы, которые происходили в ней прежде.

Меньшая Золотая была парадною приемною залою цариц, отчего часто она и называлась *Царицыною*. В ней по преимуществу происходили торжества семейные, родинные и крестинные столы для боярынь как *дворовых*, то есть собственно придворных, так и для *приезжих*, имевших только право и обязанность приезжать во дворец; прием патриарха с духовными властями, бояр и выборных всякого чина людей, приходивших с дарами *здоровствовать* государю, по случаю рождения и крещения его детей. На Светлое Воскресенье, после заутрени, государь, сопутствуемый патриархом, духовными властями и чинами светскими, приходил в эту палату христосоваться с царицею, которую окружали в это время верховые и приезжие боярыни. В день Рождества Христова здесь царица принимала духовенство, приходившее славить Христа, и боярынь приезжих, которые, вместе с верховыми, поздравляли ее с праздником и подносили каждая по тридцати *перепечь*, или сдобных круглых и высоких хлебов.

Столовая изба, или палата, по своему значению, была меньшею парадною залой, назначенною преимущественно для государевых *чиновных* столов; но в ней происходили также и приемы духовенства, бояр и других лиц, особенно же иноземных посланников и гонцов. Иногда государь жаловал здесь бояр, окольников, думных людей и других чиновников *именинными пирогами*. В сочельники, накануне Рождества и Богоявления, государь слушал в Столовой церковные службы, царские часы, вечерню и всенощное. Кроме того, в Столовой бывали большие земские соборы по важным государственным вопросам. В 1634 г. здесь происходил собор о новом де-

¹ Полное собрание законов... Т. 1, № 460—462 и др.

нежном сборе со всего государства на жалованье ратным людям, а в 1642 г. — известный собор по вопросу о принятии под защиту России Азова.

В Панихидной, или Сборной, палате в дни поминовения царей и особ государева семейства давались панихидные столы, древние *покормы* патриарху, духовным властям и соборьям, что называлось также *большими сборами*, то есть собранием вообще духовенства, и особенно соборных причтов. Необходимо припомнить, что за этими почестными столами для духовенства государь, по обычаю, вероятно, очень древнему, пред владыкой (митрополитом, а впоследствии пред патриархом) стоял и из собственных рук угощал его, подносил «кубки и еству». Так, в 1479 г., в день освящения новопостроенного Успенского собора, вел. кн. Иван Васильевич давал митрополиту и *всем соборам стол во Средней горнице* и во время стола, угощая, стоял перед митрополитом и с сыном Иваном. В Судебнике Ивана Грозного находим следующую статью: «Лета 7067 (1559) апреля в 25 день царь и вел. кн. указал, в который день *живет* (совершается) большая панихида, *митрополит у государя за столом, а государь перед ним стоит*, тот день смертною и торговою казнию не казнити никого отнюдь».

В Ответной, или Посольской, палате происходили переговоры бояр с иноземными послами, что вообще называлось *ответом*. Выражение *быть в ответе* значило вести переговоры, давать царские ответы, или решения посольских дел. В Ответной палате, подобно как и в Грановитой, устроен был *тайник, тайное окошко*, из которого государь слушал иногда посольские совещания¹. В Ответной же палате при царе Алексее Михайловиче, в присутствии боярина князя Юрья Алексеевича Долгорукого, читано Уложение выборным людям всего Московского государства, которые должны были закрепить его своим рукоприкладством.

Из Постельных хором весьма важное значение в царском быту имели *Передняя* и *Комната* Теремного дворца, который со второй половины XVII столетия сделался постоянным жилищем царей.

Все бояре, окольные, думные и ближние люди, по словам Котошихина, обязаны были всякий день являть-

¹ Дела дворцовых приказов в Арх. Оружейной палаты; Рейтенфельс Я. О состоянии России при царе Алексее Михайловиче//Жур. М-ва народного просвещения. 1839. Июль. С. 30.

ся во дворец рано утром и после обеда в вечерню. Собирались они обыкновенно в Передней, где и дожидались царского выхода. Только одни самые ближние бояре, *уждав время*, могли входить в Комнату, или собственно кабинет государя. При выходе бояре и прочие чины кланялись государю *большим обычаем*, то есть в землю, что и называлось *бить челом*. Государь выходил по обыкновению в тафье или шапке, которой никогда не снимал «против их боярского поклонения». После приема бояр, государь выходил большею частью к обедне в сопровождении всех съехавшихся сановников. После обедни в Передней, а иногда в самой Комнате, начиналось *сиденье с бояры*, заседание Царской палаты, или Думы, которую составляли без исключения все бояре и окольные и некоторые из младших чинов, известные под именем *думных людей*. Заседания почти всегда происходили в присутствии государя, что видно из указов конца XVII столетия. Государь здесь давал суд и расправу, слушал судные дела и челобитные, которые читали пред ним обыкновенно *думные дьяки*.

В Теремных покоях, именно в государевой Комнате, или в *Верхней Золотой*, как ее иногда обозначали в отличие от других Золотых палат, происходил в 1660 г., февраля 16-го, знаменитый *собор* о поступках патриарха Никона. Государь в тот день указал быти у себя в Верхних каменных хоромах, в Верхней Золотой палате, своим государевым богомольцам, митрополитам, архиепископам, епископам, архимандритам, игуменам, протопопам и своего государского синклиту боярам, окольным и думным людям *для своего государева и земского дела*. Палата была убрана аксамитами и бархатами золотными и бархатами ж узорчатыми разных цветов и постлана коврами. А как в Золотую палату власти шли, и в то время государь сидел на своем царском месте, а бояре, окольные и думные люди сидели по левую сторону, по лавкам. А как власти пошли в палату, и государь на своем царском месте встал, а власти, вшед в палату, говорили: Достойно; а митрополит Новгородский отпуск совершил; а по совершении отпуска царя благословил, а царь жаловал митрополита к руке, и митрополит царю челом ударил, и царь указал спросить их о *спасении*, так как светских спрашивал обыкновенно о *здоровье*. И власти государю за то били челом. Тогда государь сел, а властям велел сесть по лавкам по правую сторону, а иным в скамье; по левую сторону, как

сказано, сидел государев синклит. Царь открыл заседание речью. Марта 14-го в той же Золотой палате было вторичное сиденье. Марта 20-го государь сидел о патриаршем *обращии*, избрании; с третьего часа дня и до десятого в исходе, уже в Средней Золотой палате.

В 1682 г., января 12-го, в Теремных покоях происходил собор об отставке и искоренении *местничества*. После единогласного утверждения: «Да погибнет в огне Богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и к тому да не вспомняется во веки!» — все *разрядные* и *случные* книги, все просьбы о случаях и записки о местах преданы были огню в *Передних сенях* (нынешней трапезной) в печи, в присутствии боярина и думного дьяка со стороны гражданской власти и всех митрополитов и архиепископов от власти духовной, которые стояли при этом торжественном сожжении до конца.

В тот же замечательный год, 27 апреля, в день смерти царя Федора Алексеевича, в Теремных покоях совершилось избрание на царство десятилетнего царевича Петра, мимо старшего брата его, Ивана. После совещаний, патриарх Иоаким, в сопровождении архиереев, бояр, окольничих, думных и ближних людей, вышел на Золотое крыльцо и, в краткой речи объяснив собравшимся здесь выборным, что наследниками царства остались братья покойного государя, царевичи Иван и Петр, предложил вопрос: кому из них быть преемником царского скипетра и престола? Выборные, а потом бояре и прочие чины единодушно избрали царем Петра и здесь же присягнули ему в присутствии его матери-царицы, Натальи Кирилловны.

Вот официальное значение Теремных покоев. Нужно упомянуть еще, что с 1694 г. Передняя палата заменила Золотую Расправную, как высшее судилище с значением Сената, где разрешались все спорные апелляционные дела и челобитные, подаваемые на государево имя. По этому случаю и в самых приговорах делалась следующая отметка: «По указу Великих Государей, в их Великих Государей *Передней Палате*, то дело бояре слушав, приговорили» и пр.

Случалось, впрочем, весьма редко, что в Передней государь принимал запросто иноземных послов. Это была необычайная и величайшая почать, которой удостоивались немногие. В 1662 г., 14 апреля, здесь были приняты цесарские послы, которые получили эту высокую

почесть вместо посольского стола, даваемого обыкновенно иноземным послам после аудиенции¹. При этом Мейерберг замечает, что «во внутренние покои царские они шли по лестнице и переходам, в коих по обеим сторонам стояла стража рядами в богатом вооружении и все так убрано было обоями, что не видно было ни пола, ни стен, ни печей, ни потолка». Современная записка об этом приеме описывает эту уборку следующим образом: «А для приходу, послов Передняя Полата и сени наряжены бархаты золотными и двоemorховыми; на крыльце и на дворе, что перед Спасскою церковью, — полами полаток, персидской и бархатной золотной, и завесами бархатными ж золотными и киндячными и атласами травчатými. На деревянном крыльце, по сторонам и вверху, такими ж полами и завесы да седельными покровцы. На нижнем крыльце столбы — бархатом червчатým гладким; за переградю и на Постельном крыльце по обе стороны, до *красных дверей* — сукнами червчатými и зелеными». Мейерберг сохранил даже изображение своего приема в этой Передней. Такой же почести был удостоен в 1664 г. 22 апреля английский посол Чарлус Говорт. «А для его приезду верхнее государево крыльцо и рундук, и двор, что от Спаса, по сторонам, и деревянное крыльцо и лестница и нижней рундук на Постельном Крыльце, по сторонам же, наряжено было наряды розными, атласы и бархаты золотными. А мосты и лестницы по переграду, что у Постельного Крыльца, настланы были коврами; а в переграде и на Постельном Крыльце настилки не было, а стены обиты были сукны».

В 1667 г., декабря 4-го, в Передней же были приняты на отпуску польские послы Станислав Беневский и Киприян Брестовский. «А приехали они послы в город в 4 часу ночи (в 7 часу вечера) и дожидались государеву указу в Золотой Полате. А к в. государю в Переднюю пришли в 5 часу ночи в 2 чети. А как они шли Красным Крыльцом и у дверей, что всходят с Красного Крыльца на Постельное, встретили их полуголовы и шли перед ними крыльцом за переграду до деревянной лестницы, что ходят в Верх. А у переграды на нижнем деревянном рундуке встретили их Полковники и головы Стрелецкие в служилом платье и шли перед ними в Передние сени, а полуголовы остались у рундука. А в сенях стояли жиль-

¹ Мейерберг А., Калпуняй Г. В. Довесние императору Леопольду царских посланников//Рус. зритель. 1828. № 5/6. С. 20, 22; Выходы государей царей .. С. 376

цы 12 ч. с протазаны. А как послы взошли на Каменное Крыльцо и в сенях у дверей встретили их спалники, а объявлял их им послом Думной дьяк Дементей Башмаков. И шли спалники перед ними в Переднюю, а полковники и головы стояли в сенях. А для того устроено было Постельное Крыльцо по переграде и по Грановитой и за Переградою и Нижней деревянной лестницы рундук убито сукнами червчатыми, а от нижнего рундука и верхнее Крыльцо убито было полавочники золотными и серебряными и персицкими отводы и покровцы золотными, а верх убит был кожами золотными. На дворе по церкви Спасской убито было суконным красным завесом (из Семеновского с Накрачейни) по тому сукну нашивано сукна белые месяцами и репы. А достальное все полами полотняными с кумачом. Двор и лестница и верхнее каменное Крыльцо и сени устлано было коврами, а в сенях на лавках постланы были полавочники золотные бархатные. А на Каменном Крыльце по перилу ковры золотные. А как послы прошли в Переднюю и те ковры сняли и положили сукна красные для того, что шол снег. А от в. государя из хором Польские Послы пошли в 7 часу ночи в исходе и были у Патриархов».

В другой записке о том же приеме польских послов находим новые подробности: «Для их приходу Передняя была настлана коврами персидскими; на окнах и на лавках полавочники золотные; сени постланы коврами ж; на лавках (в сенях) настланы полавочники: на левой стороне от дверей, золотные; на правой стороне — цветные; на окнах (в сенях же) настланы *золоты* и ковры золотные. Крыльцо и рундуки (площадки) и лестницы каменные и *Двор*, что меж Спаса Нерукотворенного церкви и хором, устлано было коврами ж. На верхнем же каменном крыльце на перилах положены были ковры золотные аксамитные; и те ковры для ненастья были сняты и положены вместо ковров сукна червчатые. По сторонам на дворе, идучи с деревянного крыльца к хоромам, на левой стороне от дверей до рундука каменного поставлены были полы (рамы) полотняные, разцвечены кумачом; по правую сторону от дверей же поставлены до рундука завесы суконные с *месецы*, и двери церковные и проходные и окошки были заставлены. Деревянное крыльцо и лестницы и рундуки, середний и нижний, деревянные, устланы были коврами. На перилах и на укатах, идучи в Верх, на правой и на левой стороне положены *золотá* сшиваные. На левой стороне, на серед-

нем и на верхнем рундуках деревянного крыльца, от первого столба по двери верхнего деревянного крыльца, заставлены полами персидскими. Столбы на верхнем и на среднем крыльцах деревянных обиты покровами золотными из Конюшенного Приказа. Бочки (в кровле крыльца) по нижний шатер подбиты были кожами золотными из Приказа Тайных Дел. На нижнем деревянном рундуке, что в переграде, под шатром (кровля) подволоки и столбы, и в переграде стены и двери, и на Постельном крыльце стены ж до дверей, что в Грановитые сени, меж дверей — все обито было сукнами червчатыми с Казенного Двора; а двери с Постельного крыльца, и в Шатерную полату Грановитых сеней и государыни царицы Золотой Полаты закрыты были сукнами ж. Перед Передними сенями на дворе у левой стороны поставлен поставец, обит камкою цветною; а на нем было: две фляги, воронки, кубки, ковши серебряные золочены. У поставца стоял степенный ключник, а с ним стояли дворовые люди в чистых охабнях».

«А как послы шли к государю (в эти хоромы) и в то время стояли на постельном крыльце дворцовых и разных приказов подъячих 20 человек, по обе стороны. А встретили их: за переградою на рундуке — полковники и головы московских стрельцов, на верхнем каменном крыльце — спальники. Объявлял им спальников думный дьяк. А в сенях перед Переднею у дверей встретили бояре. А как послы в Переднюю вошли и в. государю объявлял их боярин А. Л. Ордин—Нащокин. А в. государь в то время сидел в Персидских креслах, которые с олмазы и с яхонты и с иными дорогими каменья. И послы в. государю челом ударили и говорил первый посол речь; и в. государь их пожаловал, указал боярам и послам сесть. А потом указал в. государь несть чашу с своим государевым питьем спальнику. А перед чашею шел боярин и оружничей Б. М. Хитрово; а за чашею несли кубки с ромашею спальники ж. И в. государь, взяв чашу и встав, говорил речь и пил про королевское здоровье; а потом жаловал кубки послов и бояр и указал пить про королевское ж здоровье. А приставы (у послов) стольник и дьяк, проводя послов в Переднюю, сидели в сенях. А как послы пошли из полаты и, по указу в. государя, послов провожали бояре и стольники и полковники и головы до тех же мест, где кто встречал, а приставы до Посольского Двора. А как послы шли к в. государю в Верх и от в. государя с Верху, и в то время стояли: в Перед-

них сенях 12 ч. жильцов с оправными протазаны, по 6 ч. на стороне. Со свечами сытники: на каменном рундуке у Передней 2 ч., по обе стороны того ж рундука 2 ч., на верхнем деревянном крыльце 2 ч., на среднем 2 ч., в переграде по стороны рундука 2 ч., на Постельном крыльце у переградных дверей 2 ч.; у дверей, что ходят с Постельного крыльца в Грановитые сени и на Дворец, 2 ч.; да на Постельном же крыльце поставлено было по обе стороны 12 фонарей. А на Красном крыльце стояли со свечами же стрельцы: у дверей по обе стороны 2 ч., против Зологой Полаты у дверей 2 ч., против церкви Благовещения Б-цы 2 ч., в благовещенской паперти 2 ч.»¹

Значение Передней и Комнаты в домашнем быту государя также весьма достопамятно. В Передней государь слушал иногда церковные службы, часы, вечерню, все-нощное: на Святой христосовался с боярами, то есть жаловал их к руке. В Передней или на Золотом крыльце, в дни своих именин, также на именины царицы и детей, после обедни, государь из собственных рук раздавал боярам и всем дворовым и служилым чинам *водку* и *именинные пироги* или калачи. В Передней государь давал также праздничные столы, а в Комнате кушал иногда запросто, без *чинов*, с некоторыми из бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков, которые приглашались по особому благоволению государя и сидели за столом всегда уже без мест. Записки времен царя Алексея Михайловича сохранили любопытные известия о других, более замечательных столах, которые иногда давались в этих покоях, именно *о кормах на нищую братию* и *на полоняников*. Так, в 1661 г., сент. 17-го, отслушав литургию в Евдокеинской церкви, государь открыл в Передней *сиденье с бояры*, по случаю войны с Польшею; после сиденья служилым людям сказан был поход по первому зимнему пути, и в тот же день в Золотой Комнате государь *кормил полоняников*, а после кушанья жаловал их в Передней романеею в кубках и в ковшах медом. В 1665 г., апреля 10-го, в неделю Жен-Мироносиц, вероятно, по случаю рождения царевича Симеона Алексеича, «по Передней и по Комнате были кормлены нищие шестьдесят человек, и великий государь жаловал их из своих государских рук по рублю человеку». Июня 18-го, этот христоролюбивый стол дан был вторично и также на

¹ Дворцовые разряды... Т. 3. С. 579. — Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов (С. 440), где эта статья неправильно обозначена 1671 годом. (Дневальная записка приказа Тайных дел, в Гос. архиве М-ва иностранных дел).

шестьдесят человек. Государь опять оделял обедавших милостынею из своих рук по рублю человеку и одному дал два рубли. Потом эта нищая братия из Теремных покоев *взята была* в деревянные царицны хоромы, где царское семейство раздало ей еще более ста рублей¹. В 1667 г., сентября 5-го, перед днем всенародного объявления царевича Алексея Алексеевича, в Комнате и Передней, в другом часу ночи, по нашему счету в осмом вечера, кормлено нищих 30 человек, а жаловал кормил их царевич Алексей Алексеевич, денег им пожаловал по 2 рубли человеку. Такие столы давались очень часто по поводу важных семейных событий, например, по случаю рождения детей и особенно во дни поминовения усопших, в третины, девятины, полусорочины и сорочины. Когда нищей братии собиралось много, то *кормление* происходило нередко в Царицной Золотой палате и преимущественно, если поминки справлялись по царице.

Необыкновенно оживлялись Теремные покои пред заутренею Светлого Воскресения, когда бояре, окольные, думные и ближние люди, все служилые и дворовые чины, в богатейших золотных кафтанах, собирались сюда к обряду царского лицезрения и к царскому выходу к заутрене. Высшие сановники, пользовавшиеся свободным входом в государевы покои, собирались в Комнате и в Передней; другие наполняли сени, стояли по Золотому крыльцу и на Каменном дворе пред Теремами; а низшие и небогатые чиновники, не имевшие золотных кафтанов, ожидали царского выхода на Постельном и на Красном крыльцах. Когда таким образом дворец наполнялся чиновным народом, государь выходил из внутренних покоев в Комнату, слушал здесь «полуощницу», по совершении которой садился в кресла и принимал бояр и прочих сановников, входивших в Комнату, чтоб «видеть его великого государя пресветлые очи» и ударить челом. Те из дворян и дьяков, которым, по особой милости, дозволялось видеть царские очи в Комнате, входили туда, по распоряжению стольника из ближних людей, который в то время стоял у *крюка* и впускал их по списку, по два человека. Ударив челом, они возвращались на свои прежние места. Таким же образом дворяне и дьяки другой степени, а также и стрелецкие головы впускались в Переднюю при выходе туда государя. Все эти лица, которых государь жаловал, повелевал свои государские

¹ Расходные книги приказа Тайных дел, в Архиве Дворцовой канцелярии.

очи видеть в Комнате и в Передней, вносились в особые списки и по спискам допускались к царскому лицезрению. Остальные дворяне, дьяки, подьячие и прочие младшие и небогатые чиновники видали государские очи в сенях и на дворцовых крыльцах в то время, как государь проходил в собор. Ударив, по обычаю, челом, они шли пред государем, по три в ряд, до Успенского собора, где и становились по обе стороны пути, и потом, когда государь, сопровождаемый высшими чинами, торжественно проходил в собор, они также следовали за ним, по два в ряд. В течение Светлой недели государь принимал в Теремных покоях поздравление от всех чинов, до чернослободских старост и выборных. Людей младших чинов он жаловал к руке большею частию на Переднем крыльце.

Нам остается упомянуть еще о значении Красного крыльца, которое было главным парадным входом во дворец. На него, как мы уже знаем, вели три лестницы — Благовещенская, Средняя и Золотая, или Красная, что у Грановитой палаты. На Красном крыльце, во время посольских и других важных приемов, происходила церемония *встреч*, значение которых указано нами выше. По этому случаю все крыльцо наполнялось дворовыми и служилыми людьми младших разрядов, которые стояли здесь по обе стороны пути в богатейших одеждах, выдаваемых на это время из царской казны. Обыкновенно по лестнице и по крыльцу стояли подьячие и боярские дети в цветном и золотном платье, а в сенях и у дверей Приемной палаты жильцы в бархатных и обьяринных терликах и в золотных шапках, с протазанами и алебардами в руках.

Особенно пышные встречи делались только иноземным послам и вообще знатым иностранцам, как собственно гостям, «почести ради». Число встреч было неодинаково: именованному послу и лицу царского происхождения давалось три встречи. Первая, *меньшая*, у лестницы на подъездном помосте, или рундуке; вторая, *средняя*, на крыльце, против средней лестницы, а иногда в сенях Приемной палаты, и, наконец, третья, *большая*, у самых дверей палаты. Другим, менее значительным лицам делалось только две встречи: меньшая на крыльце и большая в сенях, а иным, как, например, иноземным посланникам, гонцам, купцам и т. д., была одна только встреча — в сенях у порога или «недошел порога с сажень». Таким образом, одною из почетнейших встреч для

гостя была и меньшая, у лестницы. *Встречниками* назначались в обыкновенных встречах стольники с дьяками, а в более почетных — боярин или окольный с стольником и думным дьяком. Самое разделение встреч на меньшую, среднюю и большую сообразовалось с родовой честью встречников: в меньших встречах были помоложе, а в больших постарее родовой честью. Само собою разумеется, что, при назначении встречников, нередко случались местнические «стычки». Дьяки при встречах говорили обыкновенно чрез толмачей приветственные речи, объясняя, что великий государь (титул), «воздаючи честь» послу, повелел его встретить такому-то и такому; при этом провозглашались имена стольника и самого дьяка. Особенно дорогих гостей встречали еще с большими церемониями. В 1644 г. во время приема датского королевича Волдемара, жениха царевны Ирины, кроме обычных трех встреч, его встретил среди Грановитой палаты царевич Алексей Михайлович в сопровождении бояр и в предшествии окольных и стольников, а потом сам государь Михаил Федорович встретил королевича у ступени трона.

Для встреч и вообще для входа во дворец посторонним лицам, кроме государя, назначены были только две лестницы: Благовещенская и Средняя. При посольских приемах послы христианских государств входили во дворец Благовещенскою лестницею, а послы и гонцы персидские, турецкие, татарские и вообще иноверцы — Среднею, потому что значение Благовещенской лестницы, как соборной паперти, не позволяло входить по ней лицам, не исповедовавшим христианской веры. По Золотой, или Красной, лестнице, которую мы теперь неправильно называем собственно Красным крыльцом, совершались большие царские выходы в день венчания на царство и во время бракосочетания. В другое время эта лестница, кажется, была всегда заперта, потому что обыкновенные выходы государя делались большею частью по Благовещенской паперти, служившей также обыкновенным входом во дворец как для бояр, так и для всех других чинов. Для того же назначения была и Средняя лестница, по которой, кроме того, совершались печальные процессии выноса тела покойных государей к погребению в Архангельский собор.

Лестницы Красного крыльца запирались на ночь решетками, и на крыльце всегда стоял стрелецкий караул. Припомним еще, что у этого крыльца, на площади, дум-

ные дьяки принимали от народа челобитные, по которым здесь же сказывали приговоры и решения, вероятно, у Средней лестницы.

Заметим также, что на крыльцах иногда делались приемы гонцам и посланцам. Вероятно, это было самую меньшую степень того почета, который должен был оказываться послу меньшего же разряда. В 1657 г. царь Алексей Михайлович принимал на Красном крыльце малороссийского посланца от гетмана Хмельницкого, Павла Тетерю. Отпускная аудиенция дана была ему также на крыльце, но только уже на *переднем*, т. е. в государевых покоевых хоромах или нынешних теремах, что было почетнее.

В заключение мы должны упомянуть, что в XVII столетии во дворце, именно на стрелецком карауле Красного крыльца, велись каждый день особые записки о состоянии погоды и о дворцовом карауле; а при этом отмечались и все царские выходы и загородные походы, также посольские приемы и разные другие случаи. По содержанию, эти *дневальные* записки весьма любопытны и важны в том отношении, что по ним с большею достоверностью можно определить время разных событий и случаев в истории царствования Алексея Михайловича. С каким намерением составлялись подобные записки о погоде — неизвестно, но из письма царя Алексея Михайловича к Матюшкину, 1650 г., мая 25-го, видно, что государь приказывал записывать, «в который день и которого числа дождь будет»¹. Может быть, к этому времени и должно отнести начало записок. Представляем здесь для образца небольшое извлечение из них, которое вполне познакомит с их содержанием, важным для истории царского быта.

«1657 г. Генваря в 30-й день в пятницу, был день до обеда холоден и ведрен, а после обеда был оттепль, а в ночи было ветрено. А на государевом дворце стоял на карауле голова Иван Мещеренинов с приказом».

«Генваря в 31-й день в субботу было ветрено и за час до почи пошел снег и шол во всю ночь и ветр был же. А на государевом дворце стоял на карауле голова Иван Монастырев с приказом».

«Февраля в 6-й день, в пятницу, ходил государь в поход в Измайлово, а пошел с Москвы за пол 2 часа до дня,

¹ Часть этих записок, в столбце, за 1657 г. без начала, найдена нами в Архиве Дворцовой канцелярии. В Гос. архиве М-ва иностранных дел хранятся также же «Записки дневальные» в книгах, с 7170 г. (1661—1662 гг.).

а к Москве пришел в 3 часу ночи. И в тот день и в ночи было холодно, а за час до вечера шол снег невелик до 3-го часа ночи. А на государеве дворце и около дворца на карауле стоял голова Василий Пушешников с своим приказом».

«Февраля в 8-й день, в неделю сырную, слушал государь всенощного бдения и божественные литургии в церкви преподобной мученицы Евдокеи. А после всенощного бдения ходил государь к церкви Казанские Богородицы и в Чудов монастырь и жаловал архимандрита с братьею к своей царской руке. Того ж дня был у Государя на приезде гетмана Гонсевского посланец. А после столового кушанья ходил государь в столовую и жаловал к своей руке стольников и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, и дьяков, и приказных, и дворовых людей, ключников, и стряпчих. Потом ходил государь к соборным церквам, в Соборную и Апостольскую церковь Успения Пресвятыя Богородицы, Благовещение Богородицы, Архистратига Михаила, и жаловал к руке протопопов с братьею. И в тот день и в ночи было холодно. А на государеве дворце и около дворца на карауле стоял голова Иван Ендагуров с своим приказом».

«Февраля в 28-й день, в субботу, был день тепл и пасморен и шол дождик невелик с утра и до вечерен, а с вечера и во всю ночь было тепло ж и была капель, а на утренней заре шол снег мокрой невелик. А на государеве дворце и около дворца стоял на карауле голова Иван Ендагуров с своим приказом».

«Апреля в 9-й день, на первом часу дни ходил государь в село Покровское и в том селе тешился, а к Москве пришел в шестом часу дни, и столовое кушанье было на Москве. И в тот день до 8-го часа дня было холодно и ветрено, а с того часа был дождь до 11-го часу, а с 11-го часу шел снег с дождем до вечера, а в ночи был мороз. А на государеве дворце и около дворца на карауле стоял голова Семен Скорняков-Писарев с своим приказом».

«Апреля в 22-й день, в среду, день был ведрен и был ветр велик. Да в тот же день был за Москвою-рекою в Кадашеве пожар велик; а в ночи было тепло. А на государеве дворе и около государева двора стоял на карауле голова Иван Зубов с своим приказом».

«Апреля в 26-й день, в субботу, после раннева кушанья ходил государь в поход на Тверские поля тешиться, а к Москве пришел на последнем часу дни. И в

тот день с утра было пасмурно, а с 4 часу и до вечера шол дождь с перемешкою. А на государевом дворце и около дворца на карауле стоял голова Яков Соловцов с своим приказом».

«Апреля в 29-й день ходил государь в Семеновское и на поле тешился птицами. И в тот день до вечера было ведрено, а после того был дождь, а в ночи шол дождь же. А на карауле ...» и пр.

«Мая в 4-й день, в понедельник, после столового кушанья изволил государь смотреть голоп стрелецких с стрельцами, как они шли на его государеву службу, Алексей Мещеренинов с своим приказом в Полоцк, а сын его Иван Мещеренинов в Могилев. И в тот день было ведрено, а в ночи было тепло. А на государеве дворе...» и пр.

«Мая в 8-й день, в пяток, слушал государь всеношного бдения и божественные литургии в церкви Преподобномученицы Евдокеи, что у него государя на сених, праздновали Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову. А после столового кушанья ходил государь праздновать Чудотворцу Николе в Угрешской монастырь. И дорогою идучи на Коломенских полях тешился. В монастырь пришел в 13-м часу дни. А стоял государь за монастырем в своих царских шатрах и слушал малые вечерни у себя государя в шатрах. И в тот день после обеда и до вечера шол дождик невелик с перемешкою, а в ночи было холодно. А на государеве дворце и около дворца в царствующем граде Москве на карауле стоял голова Василий Пушечников с своим приказом».

«Мая в 9-й день, в субботу, на праздник принесения мощем, иже во святых Отца нашего Николы, слушал государь всеношного бдения и божественные литургии во Угрешском монастыре в церкви Николы Чудотворца. И на всеношном бдении облачался и служил божественную литургию Никон архиепископ царствующего града Москвы, всеа Великие и Малые и Белые Росии патриарх, с пестрыми и с черными властями и со всем своим освященным собором. Того ж дни у великого государя, у его царского величества, был стол в селе Острове по комнате: ел Никон патриарх и власти. И были у стола бояре, и окольничие, да голова стрелецкой Яков Соловцов. И в тот день до кушанья было ведрено и красно, а после кушанья и до вечера было пасмурно и ветрено, а в ночи был мороз. Того ж дни, после кушанья,

перед вечернею ходил государь на Островские поля тешиться».

«Мая в 23-й день, в субботу, слушал государь божественные литургии в селе Введенском в церкви. А после обедни до кушанья тешился государь на поле птицами. А кушанье было в селе Покровском. И тот день до обеда был ведрен, а после обеда пасморен, а в ночи тепло».

«Июня в 10-й день, в среду, слушал государь божественные литургии в селе Красном и ходил в Измайлово, а после столового кушанья ходил в Тверские поля. И в тот день было красно, а в 9-м часу дни был гром вельми велик и блистала молния и шол дождь велик с полчаса и потом шол невелик, а в ночи было тепло».

«Июня в 20-й день, в субботу, ходил государь на поле тешиться, до кушанья и после кушанья. И в тот день до кушанья был гром и шол дождь добре велик, а после кушанья шол дождь невелик, а в ночи было тепло».

«Июня в 23-й день, во вторник, празновали Сретению Владимирской Иконы Пресвятой Богородицы честного и славного ея Одигитрия. Вечерни и заутрени слушал государь в селе Покровском у себя государя в хоромех, а божественную литургию слушал государь в царствующем граде Москве, у праздника в Стретенском монастыре, что на Стретенской на большой улице; а служил божественную литургию святейший Никон патриарх со освященным собором. А к божественной литургии из соборной и Апостольской церкви Успения Пресвятыя Богородицы в Стретенской монастырь и из монастыря в соборную церковь был ход со кресты и с большими местными и чудотворными иконы, против прежних годов. А за образы шол светейший Никон архиепископ царствующего великого града Москвы, всеа Великие и Малые и Белые Росни патриарх, с митрополиты и архиепископы и епископы со освященным собором. Потом шол великий государь, его царское величество, а за ним шли бояре, и окольные, и думные люди, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы и всяких чинов люди, и множество народу. Столовое и вечернее кушанье было на Москве. Того ж дни до кушанья были у великого государя, его царского величества, у руки в Золотой Полате на приезде Крымские послы и гонцы, да Колмыцкие послы. И в тот день до 10 часу было красно и ветрено, а с 10 был гром и шол дождь маленькой и до вечера с перемешкою;

а в ночи было тепло; а на утренней заре шол дождь не велик».

«Июля в 13-й день, в понедельник, пошла государыня царица с Москвы в село Коломенское в 6 часу дня, вначале, а в Коломенское пришла в 11-м часу дня. А до столового и после столового кушанья ходил государь тешиться на поле. И в тот день было ведрено, а в ночи тепло».

«Августа в 4-й день, во вторник, был день ведрен, а в ночи было холодно и шол дождь часа с два. И в тот день был у государя от Хмельницкого посланец Павел Тетеря с товарищи, а был на Красном Крыльце».

«Августа в 21-й день, в пяток, с утра до четвертого часу, было пасморно и ветрено, а с 4 до 7 часу шол дождь, а с 8 часу и до вечера было ведрено. А ввечеру за час был у государя на отпуске Гетмана Богдана Хмельницкого посланник Павел Тетеря на Переднем Крыльце; а на Крыльце на перилах обито было коврами золотными. А в ночи холодно».

«Августа в 24-й день, в понедельник, после столового кушанья ходил государь на Девичье поле тешиться. И в тот день с утра было пасморно, а после полден ведрено, а в ночи холодно»...

Мы упоминали, что Постельное крыльцо, находившееся посреди дворцовых зданий, между приемными большими палатами и жилыми Теремными покоями государя, составляло довольно обширную площадь и служило всегда сборным местом для младшего дворянства и приказных людей, имевших надобность быть за чем-либо во дворце. Здесь с утра до вечера толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, дьяки, подьячие разных приказов, иные по службе, дожидаясь начальных людей или решения дел, другие просто из одного любопытства, потому что на Постельном крыльце можно было узнать все важные по тогдашнему времени новости. Там, кроме повседневных дел о тяжбах, исках и т. п., объявлялись царские указы, наиболее касавшиеся всего дворянского сословия, напр., указы о войне и мире, о сборе войска, о военных походах или о роспуске служилых людей по домам и вообще о всех административных и законодательных мерах, предпринимаемых правительством как относительно служилого сословия, так и вообще по делам всей земли.

В Верху у государя происходило *сиденье* бояр, заседание царской Думы, откуда исходили все подобные меры и распоряжения и, разумеется, прежде всего узнавались на Постельном крыльце, от тех же бояр приватно, или же от дьяков, сказывавших указы публично. Таким образом Постельное крыльцо было придворною *площадью*, или как именовали его впоследствии, *Боярскую площадкою*, публичным местом *царедворцев*, т. е. собственно дворян, а также и начальных людей военных и гражданских. В этом смысле некоторые из царедворцев, именно стольники младших разрядов, именовались *площадными*, в отличие от стольников *комнатных*, находившихся в приближении у государя и имевших право входить без запрещения в его комнаты. Слова — площадь, площадной — заключали в себе понятия общего, публичного, всенародного и также — обыкновенного, рядового. Были, как известно, подъячие площадные и избы площадные, где эти подъячие писали купчие, закладные и разные другие акты.

Андрей Матвеев, сын знаменитого Артемона, говоря в своих записках об оружейнике Ив. Макс. Языкове, который был врагом партии Милославских и, след., защитником стороны Матвеева, называет его особой великого разума и глубоким проникателем сначала *площадных*, а потом и дворских обхождений, когда он сделался временщиком. Здесь именем *площадных обхождений* обозначаются отношения тогдашнего общества, или света, если только применимо это слово к тогдашнему обществу, т. е. вообще ко всей служилой и начальной среде. Притом в выражении «площадные» обозначалось именно *местное* значение таких отношений, которые выразительнее всего представлялись для каждого умного их проникателя на Боярской *площади* Постельного крыльца, самом бойком месте, где нередко эти отношения разыгрывались публично, на глазах у всех, как увидим ниже.

Необходимо припомнить, что старое наше служилое сословие — боярство и дворянство, исполнено было непомерной щекотливости в отношении своей чести; не той, однако ж, чести, которая служит выражением сознания в себе человеческого достоинства; тогдашняя честь заключалась в *отечестве*, т. е. в значении рода, к которому лицо принадлежало, собственно в *почете*, каким пользовался этот род и каким по нисходящему порядку должен был пользоваться всякий родич. Само

собою разумеется, что власть с течением времени все больше и больше усиливала такие понятия о чести, строго охраняя законодательством честь высших сановников и вообще своих слуг, след., всех служилых людей земли. В ее прямом интересе было поддерживать и соблюдать известное почетное значение лиц и целых родов, которые помогали ей в приобретении, в устройстве и охранении земли, потому что эти лица и роды представляли ту же власть, были ее органами. Таким образом, понятия о *честности* известного рода или известного лица ограничивались только представлениями о служебном почете, о мере жалованья, т. е. расположения государя и близости к его особе. Только этим путем мог возвышаться человек и за ним весь его род. Разумеется, в обществе, пропитанном родовым началом, по которому все старое почиталось неизмеримо выше всего молодого, и старая, т. е. заслуженная целыми поколениями, честь всегда почиталась больше чести молодой, хотя бы и более достойной.

Законодательство XVII ст. очень способствовало развитию в тогдашнем обществе непомерной щекотливости, а главным образом непомерного сутяжничества по делам о нарушении чести или о бесчестье одним только словом; ибо за доказанное бесчестье доправлялась всегда денежная пеня обесчещенному лицу, соответственно его чести, или тому служебному разряду, к которому принадлежал обесчещенный. Известно, что в X главе Уложения весьма подробно и с большою точностью оценена на деньги честь каждого лица. Этого было достаточно, чтоб возбудить беспрепятственные жалобы, иски, мелочные щепетильные придирки к словам, с целью получить вознаграждение за сделанное бесчестье. Ничем сильнее нельзя было развить сутяжничества и ябеды и уронить истинные понятия о чести. С того времени, а особенно в конце XVII ст., некоторые приказы были завалены делами подобного рода, весьма хорошо кормившими и судей и подьячих. Чаще всего, разумеется, бесчестье заключалось в словах, непригожих и непристойных, а иногда просто шуточных и самых обыкновенных, к которым придирался обиженный, как к слову бесчестному.

Поводом к произнесению непригожих бесчестных слов служили обыкновенно ссоры и брани, которые, при простоте и грубости тогдашних нравов, возникали беспрепятственно. Житейские отношения были слишком не-

посредственны и прямы; прямы и по чистосердечию, и по грубости и дикости нравов; поэтому оскорбленный человек почти никогда не таил своего неудовольствия, а тотчас высказывал его по первому впечатлению, и высказывал с бранью, весьма часто в непригожих и непристойных словах. Притом тогдашние постановления вовсе не определяли, какое именно слово должно считаться *бесчестным* и *непригожим*, а это давало возможность всякое грубо сказанное или шуточное слово ставить в бесчестное. Достаточно было самого простого шутливого и самого обыкновенного выражения, чтоб его причли к бесчестью и тотчас же начали иск. По старинной пословице, здесь всякое лыко шло в строку. Даже простая описка, недопись или прописка в чине, имени, отечестве или фамилии, напр., *о* вместо *а*, или *а* вместо *о*, и т. д. составляли также немаловажное бесчестье и давали благоприятный повод начать иск. Такое бесчестье искали в 1675 г. князь Василий Голицын на Аввакуме Иевлеве, князь Лобанов-Ростовский на князе Иване Дашкове. Чтобы остановить и ограничить подобные иски, государь по этому случаю указал и бояре приговорили: «Будет кто в челобитье своем напишет в чьем имени, или в прозвище, не зная правописания, вместо *о—а*, или вместо *а—о*, или вместо *ь—ѣ*, или вместо *ять—е*, или вместо *и—і*, или вместо *о—у*, или вместо *у — о*, и иные в письмах наречия, подобные тем, по природе тех городов, где кто родился и по обыкностям своим говорить и писать извык; того в бесчестье не ставить и судов в том не давать и не разыскивать; а кто кого браня, назовет князем без имени, и за то править бесчестье». Но видно не легко было унять, с одной стороны, задорных оскорбителей, с другой — мелочных придирщиков, и в 1690 г. издано новое постановление, по которому тех, кто «бесхитростно *пропишет* честь, или чин, или имя, или отчество, или прозвание или учинит какую *недопись* или *прописку*, а соперники начнут бить челом о бесчестьях своих, и таких людей в таких прописках допрашивать с подкреплением по евангельской заповеди Господни, что они то учинили умыслом ли, хотя обесчестить соперников, или бесхитростно? И будет *под клятвою* скажут, что бесхитростно и им того дела в вину не ставить и судов на них не давать. А кто бесчестные слова напишет нарочно, и на того суды давать и править бесчестье по Уложению». Это постановление касалось только высших чинов, включительно до

жилецкого. Остальных, начиная с городовых дворян и до крестьян, подвергали тюремному заключению на неделю или, если кто не хотел в тюрьму, взыскивали бесчестье деньгами, не разбирая дела, умышленно или неумышленно сделана описка или недопись¹. Большая беда бывала тому, напр., кто напишет отечество, кому не следует, без *вича*, или кого в брани назовет князем без имени, т. е., напр., вместо князь Иван, скажет просто: князь. Подобные случаи преследовались строго и самим правительством.

Возбуждаемые действиями и распоряжениями и, так сказать, поддержкою самого правительства, жалобы о бесчестье оскорбительными словами дошли наконец до таких странных, нелепых и смешных вещей, что Петр указом 1700 г., мая 4-го, принужден был воспретить подобные иски. К бесчестью приличали, напр., следующие выражения и слова, которые были выписаны из челобитных в Судном московском приказе как основа помянутого указа: «вольно тебе лаять; шпынок турецкой; из-под бочки тебя тащили; не Воротынской де ты ласшь; робенок; сынчишко боярский; мартынушка мартышка; черти тебе сказывают; трус; отец твой лаптем шти хлебал; отец твой лапотник; сулил сыромятную кожу и яловичьи сапоги; разоренье де мне от тебя; мучил де ты меня» и т. п. Указ Петра едва ли был возбужден челобитьем бывшего путивльского воеводы Алымова, поданным государю почти в то же время, где он изъяснял, что истец его, Григорий Батурич, в Приказной избе, на допросе по делу, сказал ему, Алымову, что он смотрит на него, *зверообразно*. «И тем он меня холопа твоего обесчестил», — присовокупляет Алымов и ссылается на Уложение, прося доправить на Батуричине бесчестье. Вместо доправки бесчестья, Петр, за такое недельное челобитье, велел доправить на самом челобитчике 10 р. пени и раздать деньги на милостыню в богадельни, нищим².

Множество жалоб о бесчестье возникало тоже по

¹ Полное собрание законов... Т. 1, № 597; Т. 3, № 1374.

² Дворцовые разряды... Т. 4., № 1132, 1136. И по тому в государю указу с Ксенофонта Алымова пенные деньги 10 р. взяты и розданы по богадельням: по 4 деньги человеку: в Китае у церкви Воскресения Булгакова 6 чел.; у Варваринских ворот 100 чел.; на Кулишках у церкви Воскресения 80 чел.; за Язую у ц. Архидиакона Стефана 6 чел.; у ц. Симеона Столпника 4 чел.; на Пречистенской у ц. Николая чуд. 46 чел.; за Пречистенскими вороты у ц. Власия чуд. 25 чел.; за Пречистенскими ж за Земляным городом 12 чел.; за Смоленскими вороты у Николая чуд. Явленского 12 чел. По 2 деньги человеку: на Покровке у ц. Успения Богородицы 46 чел.; за Воскресенскими вороты в Моисеевских (богадельях) 46 чел.

поводу ссор и брани на Постельном крыльце. При всегдашнем многолюдстве на этом крыльце, без сомнения, нельзя было миновать неприязненных, враждебных столкновений; нередко обоюдное неудовольствие, начатое дома или в другом месте, начатое тяжбою по какому-нибудь делу, высказывалось здесь при встрече соперников. А так как ссора и брань во дворце, кроме бесчестья лицу, нарушала сверх того *честь* государева двора, за что взыскивалось еще строже, то ссорящиеся и не упускали случая, ища защиты, а более в отищенье, тотчас же пожаловаться на противника и выставить его вину особенно сильно именно в этом отношении. Жалобы и допросы по случаю этих ссор весьма любопытны: они живо характеризуют время и людей, царедворцев XVII столетия и вообще служилый разряд народа.

Нам необходимо воспользоваться этими документами, потому что, занимаясь до сих пор одною только внешнею стороною царского жилища, излагая подробности о его расположении, устройстве, убранстве и значении, мы еще не видали в нем людей, которые ежедневно наполняли крыльца, сени и комнаты государева дворца и в торжественных и парадных случаях представляли также большую часть великолепное пополнение общего убранства и пышной обстановки; ибо известно, что во время приема послов, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, гости, в богатых нарядах, в золотных кафтанах и шапках, церемониально стояли по лестницам и крыльцам, где должен был проходить гость, а иные сидели в сенях неподвижно, в глубоком молчании, не отвечая даже на поклоны и приветствия гостя и представляя в действительности только живую уборку царских палат. Необходимо, по возможности, ознакомиться с этими людьми, которые в обыкновенное время не были так молчаливы и время от времени высказывались, по крайней мере, хоть в сердцах, оскорбленные, обиженные и раздраженные друг другом. Конечно, для полного и верного свидетельства о нравах тогдашнего общества этого недостаточно. Это все-таки *одна* сторона, притом самая резкая и для некоторых льстителей старины, может быть, слишком обидная. Но что ж делать! Будем дорожить всякою более или менее характерною мелочью старого быта; соберем все, что возможно собрать; тогда, без сомнения, раскроем и все другие стороны, более утешительные для доброго мнения о старинном быте наших предков. Ничто лучше

не познакомит нас с старинными людьми, как их же живые, хотя бы и раздраженные речи, в которых несравненно ярче и осязательнее раскрывается характер общества, его добрые и дурные стороны, раскрывается, одним словом, *живая действительность* вместо витиеватой, книжной, сухой и совершенно безжизненной картины, какую чертят нам иногда широковещательные сказания других источников и где обыкновенно не бывает ни лиц, ни действий, а одни только слова, дающие по своей неопределенности большую возможность создавать какие угодно понятия о старом быте. Таким образом, пользуясь случаем, мы останемся некоторое время на Постельном крыльце государева дворца и послушаем старый говор царедворцев; иногда перейдем с ними и на Красное крыльцо, даже в загородные дворцы, а также и во внутренние государевы комнаты, чтоб послушать людей более знатных и более к нему близких. Для полноты нашей характеристики не забудем и меньших дворовых людей.

Предварительно должно заметить, что все дела о нарушении чести государева дворца непригожими словами и дерзкими поступками разбирались домашним судом государя, т. е. царским постельничим или стряпчим с ключом, который делал *обыск*, или *сыск*, допрашивал свидетелей происшествия, потом из допросов составлял записку, приводил указ или статью из Уложения и докладывал государю. Решение с изложением дела сказывалось обвиненному при всех, по известной форме.

В Троицын день 1642 г., (мая 29-го) побранились на Постельном крыльце стольники Григорий Облязов с Борисом Плещеевым за своего крепостного человека которого они один у другого оттягивали. Облязов при этом наговорил Плещееву разных оскорблений, обесчестив даже и его сестер-девок. Тогда мать Плещеева, вдова, со всеми детьми подала государю челобитную, по которой и назначен был сыск; но доклад почему-то отлагался. Между тем вдова не уставала подавать челобитные и в течение одного месяца подала их шесть, в которых называла Облязова *оглашенником* и просила смиловаться, защитить ее.

«Царю государю и вел. кн. Михаилу Федоровичу всея Руси бьет челом раба твоя бедная и беспомощная Васильева женишка Наумовича Плещеева, горькая вдова, Аньница с детишками своими с сынишкой своим с Бориском да с Олешкою да с Гришкою да с Федькою

да с Ондрюшкою: в нынешнем, государь, во сто пятьдесятм году била челом я раба твоя с детишками своими, тебе, праведному государю, на ведомого вора и озарника, на Григорья Дмитриева сына Облязова, что он Григорей у тебя государя на Постельном Крыльце у переградных дверей позорил дочеришек моих трех девок *небылишными позорными словами*, будто, государь, тот человек Наумка, которого, государь, он Григорей оттягивает у сынишка моего Бориска своим воровством, подпскою, — учил дочеришек моих трех девок грамоте и писать, и к тому, государь, слову он Григорей говорил тут же на Постельном Крыльце у переградных дверей скверные слова, применяя к тому холопу дочеришек моих. И ты, государь, пожаловал меня рабу свою бедную вдову и детишек моих, велел про то сыскать стряпчему Ивану Михайловичу Аничкову, и Иван Михайлович по твоему государеву указу про то сыскивал, твоих государевых бояр и стольников и стряпчих и дворян и жильцов допрашивал. Милосердый государь царь и вел. кн. Михаил Федорович всея Руси! пожалуй меня рабу свою бедную вдову и детишек моих, не дай, государь, от того Григорья ведомаго вора и озорьника дочеришкам моим во веки опозоренным быть; вели, государь, по тому сыску доложить себя, государя, и свой праведной государев указ учинить по своему милостивому царскому рассмотренью, как тебе, государю, о нас бедных Бог известит, Царь государь смилуйся пожалуй!

И Ивану Михайловичу Аничкову бояре и стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы в сыску, по государеву крестному целованью, сказали:

Бояре Василий Петрович Шереметев, Михайло Михайлович Салтыков; стольники: князь Дмитрий Львов, Афанасий Бабарыкин, князь Григорей Козловский, Федор Колтовской, Александро Левонтьев, Микита Давыдов, Кирило Милюков, жилец Иван Одадулов, сказали: в нынешнем во 150-м году в Троицын день на Постельном крыльце, как государь прошел от Благовещения Пречистыя Богородицы, от обедни, за переграду, и в то время у переградных дверей Григорей Облязов с Борисом Плещеевым про человека своего бранились, а говорил Григорей Облязов Борису Плещееву: потому де тебе тот человек надобен, что он учил тебя и сестр твоих грамоте, и писать, а меня де как учили грамоте, и меня де воровало человек с три-пятнадцать. (А как де меня учили грамоте и меня де воровало человек с 15, кото-

рые учили... А меня де, как учили грамоте и меня де те все воровали.) Боярин Михайло Михайлович Салтыков да князь Димитрей Лвов сказали про тоеж речь, что с пятнадцать. Да боярин же Василей Петрович сверх того в речах своих прибавил: говорил де Григорей Облязов Борису: и взять де тебе того человека да посадить в воду; а Кирило Милюков в речах своих прибавил: говорил де Григорей Борису: и мать де ваша того человека любила, о котором ты со мною тяжешся; а Яков Милюков сказал: Григорей Облязов с Борисом Плещеевым шумели, а что они говорили, того он не слышал, потому что стоял далече, а слышал де он Яков от брата своего Кирила тое речь, что брат его сказывал.

Стольники: князь Юрьи Долгорукой, князь Иван Волконской, Михайло Ладыгин; жильцы: Родивон Костяев, Димитрей да Яков Горихвостовы, — сказали: в нынешнем во 150 году в Троицын день на Постельном крыльце, как государь прошел от Благовещения Пречистыя Богородице, от обедни, за переграду, — и в то время у переградных дверей Григорей Облязов с Борисом Плещеевым про человека своего бранились, а говорил Григорей Облязов Борису Плещееву: потому де тебе тот человек надобен, что он учил сестр твоих грамоте. — Григорей Порошин сказал: в Троицын день на Постельном Крыльце, как государь пошел за переграду, Григорей Облязов с Борисом Плещеевым бранились; и Григорей Борису в брани молвил: быть де тебе детина за письмо в застенке пытану; а Борис Плещеев Григорью встрешно говорил: ты де вор подпищик; а про Борисовых де он сестр не слышал ничего. — Боярин князь Петр Александрович Репнин, стольники князь Михайло Пронской, князь Иван Лыков, князь Петр Долгорукой, Лев Измайлов, сказали: в нынешнем де во 150-м году в Троицын день на Постельном Крыльце, как государь прошел от Благовещения Пречистые Богородицы, от обедни, за переграду, — и в то время у переградных дверей Григорей Облязов с Борисом Плещеевым шумели, а что они меж себя в шуму говорили, того они не слышали, потому что стояли от них далече. — Иван Дивов сказал про Григорья Облязова: ему де сказать нельзя, потому что у него с Григорьем в холопстве тяжба. — Князь Алексей Лыков, Василей Колычев, сказали: в Троицын день, как государь шол от Благовещения Пречистыя Богородицы от обедни, и они де в тое пору в городе не были и ничего не слышали».

Несмотря на челобитные и докуки со стороны вдовы Плещеевой, дело тянулось и не докладывалось государю более года, может быть, по проискам Облязова, подкупившего царского стряпчего Оничкова. Но, видно, Плещеевы нашли случай добиться справедливости. В 1643 г., сентября 14-го, в государеве объезде в селе Покровском стряпчий с ключом Иван Михайлович Оничков по сему делу докладывал. Государь сего дела слушал и указал: «Григорья Дмитриева сына Облязова, за вдовино Аннино Васильевы жены Плещеева с тремя дочерьми с девками, за их бесчестье, бить батоги нещадно, потому: била челом государю вдова Анна Васильева, жена Плещеева, с детьми: в прошлом де во 150-м году в Троицын день на Постельном Крыльце бил челом государю сын ее Борис Плещеев на Григорья Облязова в его Григорьеве воровстве, в подписке, о старинном своем крепостном человеке, о Наумке Лужине, — и тот де Григорей, очищаясь от своего воровства, как Государь в Троицын день шел от обедни от Благовещения Пресвятей Богородице, бил челом государю на него Бориса встрешно, и говорил де он Григорей на Постельном Крыльце ему Борису, что будто тот их старинной человек, Наумко, его Бориса и трех сестр его девок учил грамоте и писать, и пременя де их к тому человеку, он же Григорей говорил *скверные небылишныя позорные слова* и тем де он Григорей тех трех девок обесчестил, и государь бы ее пожаловал велел про те его Григорьевы небылишныя скверныя позорныя слова сыскать и по сыску свой государев указ учинить. А на челобитной ее помета думного дьяка Ивана Гавренева: 150-го г. Июня в 1 день государь пожаловал велел про то сыскать стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову, и по сыску велел доложить себя государя. И в сыску бояре и окольные и стольники и стряпчие и дворяне и жильцы, по государеву крестному целованью, стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову сказали: во 150-м де году в Троицын день на Постельном Крыльце, как государь прошел от Благовещения Пресвятей Богородицы, от обедни, за переграду, и в то время у переградных дверей Григорей Облязов с Борисом Плещеевым про человека своего бранились, а говорил Григорей Облязов Борису Плещееву: потому де тебе тот человек надобен, что он учил тебя и сестер твоих грамоте и писать, да и мать де ваша того человека любила, о котором ты со мною тяжешся; а меня

де (как учили грамоте и меня де воровало человек с три-пятнадцать. И потому государь указал Григорья Облязова за вдовино Аннино Васильевы жены Плещеева с детьми, за их бесчестье, бить батоги нещадно, чтобы иным вперед воровать было неповадно.

И 152 (1644) г. Генваря в 15 день по государеву указу и по докладной выписке перед стряпчим с ключом перед Иваном Михайловичем Оничковым Григорей Облязов за свое воровство, а за вдовино Аннино Васильевы жены Плещеева с детьми бесчестье, в подкледке бит батоги, в одной рубашке, нещадно».

В 1643 г., 19 апреля, на Красном крыльце шумели и ссорились жильцы Чириковы с Измайловыми, вследствие чего Тимофей Измайлов с детьми 23 апреля подал на Алексея Чирикова и на дядей его челобитную и *ссылочную* именную *ропись* людям, которые были свидетелями их ссоры. В челобитной он писал: «Бьет челом холоп твой Тимошка Измайлов с детишками своими с Матюшкою да с Левкою... да с Мишкою да с Петрунькою. В нынешнем, государь, во 151-м году апреля в 19 день на Красном Крыльце перед постельными дверьми стояли детишка мои Левка да Олешка; и пришел к дятишкам моим Олексей Пантелеев сын Чириков с дядьями своими с Степаном да с Костянтином Чириковы, и детишек моих Левку да Олешку хотели бить, и меня холопа твоего и детишек моих бесчестили и *всякою лаею неподобною лаяли*, и называл Алексей Чириков меня холопа твоего и всех нас *ворами* и *изменниками* и *страдниками*, и по Красному Крыльцу за детишками моими гонял; а в те поры государь были стольники и дворяне и стряпчие и жильцы и всяких чинов люди, как тот Олексей Чириков меня холопа твоего и детишек моих... безчестил и всякою лаею неподобною лаял, и как он Олексей на Красном Крыльце с дядьями своими за детишками моими гонял. А что он нас холопей твоих называл ворами и изменниками и страдниками, и про то тебе, государь, известно, что дед и отец мой и я холоп твой и детишка мои при прежних государех и при тебе, государе, нигде в измене не бывали. Милосердый государь пожалуй нас холопей своих, вели, государь, про то сыскать стольники и дворяны и стряпчими и жильцы и всяких чинов людьми, которые в те поры тут были, как тот Олексей Чириков на Красном Крыльце нас холопей твоих безчестил; и

вели, государь, мне на того Олексея в моем и детишек моих в безчестье дать свою государскую оборону, что ты, государь, укажешь. А про Олексеево государь озорничество, Чирикова, тебе государю известно, что он Олексей позорит и безчестит господ наших и нашу братью, надеючись на свои деньги, и говорил детишкам моим, что *ваши головы, а мои тут будут тысячи*; и то государь его слово слышали многие люди; и на него Олексея и на дядю его на Костянтина, по твоему государеву указу, даваны обороны против их озорничества. Царь государь смилуйся! — Государь пожаловал велел про то сыскать стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову и потом велел доложить себя государя.

И Ивану Михайловичу Оничкову стольники и стряпчие и дворяне и жильцы, по государеву крестному целованью, сказали: князь Иван Лобанов-Ростовский, князь Тимофей Щербатой, Михаило Васильчиков, сказали: в нынешнем во 151-м году апреля в 19 день на Красном Крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Тимофеевых детей Измайлова *изменничьими племянники* называл, и говорил им: *знали бы де вы орленой кнут да липовую плаху*; а Лев и Олександр Олексея Чирикова против того называли *псаревичем*. А Михайло Васильчиков сверх своей сказки в речех своих прибавил, что Лев и Олександр Олексея называли *псаревичем внуком*. А о проче того, иной никакой брани не слышали и за что стало, того не ведают, а про дядей его Олексеевых про Степана и Костянтина со Лвом и Олександром брани никакой не слышали.

Семен да Иван Коробьины, Василей да Микита Лачиновы сказали: апреля в 19 день на Красном Крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых матерны лаял и называл их изменниками и изменничьи племянники, и говорил им, Лву и Олександру, *знали бы де вы Оску палача да липовую плаху*; а за что у них брань стала, того они не ведают; а про дядей его Олексеевых брани никакой не сказали.

Олексей Чепчугов, князь Василий Горчаков, Иван Романчуков, Григорей Зюзин, Федор Петров, Костянтин Рожнов, сказали: апреля в 19 день на Красном Крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра изменниками называл; да Олексей же Чепчугов в речах своих прибавил: Олексей де Чириков Лва и Олександра *страдничками* называл; а князь Василей в речех своих прибавил: Олек-

сей Лва и Олександра называл ворами; а Григорей Зюзин да Федор Петров сказали, что называл их изменничьими детьми.

Василей, Иван, Степан Колычовы, Назарей Чистой, Петр Образцов, Иван Желябовской сказали: апреля в 19 день на Красном Крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниковыми племянники называл; да Иван Колычов в речех своих прибавил: Олексей де Чириков Лва и Олександра назвал ворами; а Иван Желябовской в речех своих прибавил: Олексей Лву и Олександру говорил: хочетца де вам того, чтоб вам за воровство голову отсекли; а за что у них брань стала, того они не ведают; а про Степана и Константи-на Чириковых брани никакой не сказали.

Федор Бутурлин сказал: шол де он Постельным Крыльцом мимо Лва и Олександра Измайловых и Олексея Чирикова, а они меж себя *шумели* и слышал только: Олексей Лву и Олександру молвил, знали бы де вы липовую плаху да орленой кнут: а опроче того, иной никакой брани не слышал и за что стало, того не ведает.

Федор Тяпкин сказал: апреля в 19 день на Красном Крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменничьи дети и племянники называл и говорил им Лву и Олександру, *знали бы де вы дядю своего Оску палача да липовую плаху.* — Лаврентий Левонтьев, Сергей Владыкин, Юрьи Семичов, Ондрей Марков, сказали, апреля в 19 день на Красном Крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниками и изменничьи детьми и ворами и страдниками называл и говорил: ваши де головы, а мои деньги; да Сергей же в речех своих прибавил: Лев де и Олександр говорили: *пойдем де прочь, что с таким псаренковым внуком и говорить.* Ондрей Марков в речех своих прибавил: Олексей де Лва и Олександра лаял и отца их, а какую бранью лаял, того не сказал, и говорил де Олексей же: дяде де вашему голову отсекли, а вам тогож хочетца; а за что брань стала, того не ведают, а про дядей его Олексеевых брани никакой не сказали.

Иван Окинфов, Иван Полтев, сказали, апреля в 19 день на Красном Крыльце Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниковыми детьми называл; да Иван же Полтев в речех своих прибавил, что Олексей Лва называл вором и говорил ему: был де ты в приводе в Розбойном Приказе; а Лев и Олександр Олексея называли псаревым внуком.

Ортемей Рчинов сказал: апреля в 19 день на Красном Крыльце пришел Олексей Чириков к Олександру Измайлову наглым обычаем и стал говорить Олександру: хотел де ты нас бить на Девичье поле, бей де топерьво, и назвал их именничьими детьми; и Олександр стал говорить, что он не изменничей сын; и Олексей молвил: ино де дядя изменник и давно ли де вы от кнута да от плахи; а про дядей его Олексеевых ничего не сказал.

Петр Скуратов сказал: апреля в 19 день на Красном Крыльце пришел Олексей Чириков ко Лву и к Олександру и учал им говорить: вы то де вчера разбиваете да и побиваете, и стал их называть изменничьими детьми; и Олександр стал являть, что называет изменничьими детьми, и Олексей молвил изменничьи де племянники, а хотя де будет и дети; а опроче, иной брани не слышал.

Князь Василей Горчаков сказал: Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых на Красном Крыльце ворами и изменниками называл, и Лев и Олександр пошли на Постельное Крыльцо, и Олексей за ними шол и говорил тож; да Олексей же им говорил: хотели де вы вчера меня на Девичье поле бить; а за что у них брань стала, того не ведает.

Борис Ржевской сказал: апреля в 19 день на Красном Крыльце пришел Олексей Чириков с дядьями своими к Олександру Измайлову и говорил ему: бей де здесь по вчерашнему, как ты побиваешь и грабишь и гоняешь за городом; не старая пора воровать; и называл его изменничьим сыном и изменничьим племянником; и за Лвом и Олександром шол и кричал и называл изменниками, и говорил: знали бы де вы Оску палача, да плаху, да кнут; а про Степана и Костянтина Чириковых ничего не сказал.

Михайло Баскаков сказал: как у них у Олексея со Лвом и Олександром брань была и он стоял далече и видел, идет де Олексей с дядьями своими Красным Крыльцом, от середние лестницы, и идучи, Олексей говорит: изменники де, давно ли от плахи, а ныне грабят по улицам; а про кого говорит, того он не ведает.

Григорей Ивашкин, Иван Жуков сказали: Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниками и изменничьими племянниками называл и говорил им, знали бы де вы Оску палача, да липовую плаху, да кнут; да Григорей же Ивашкин в речех своих прибавил: говорил де Олексей Лву и Олександру: лутчая де ваша честь дед ваш был с Мясным, а Мясной де не диковина,

был на Москве Голова Стрелецкой; а за что у них брань стала, того не ведают.

Михайло Тихменев сказал: сначала де он у Олексея со Лвом и с Олександром брани не застал, а слышал перво: Лев Олексея назвал псаренком; и Олексей ему молвил: какая ты диковина, дед ваш с Мясным был, а Мясной был голова Стрелецкой, и называл его Лва вором, и говорил ему: был де ты в приводе в Розбойном Приказе, и изменником назвал; да он же де Олексей говорил ему Лву: и дяде де вашему голову отсекли; и Лев и Олександр пошли от него прочь, а называли его псаренком; а за что у них брань стала, того он не ведает.

Артемон Сергеев сын Матвеев сказал: Олексей Лва и Олександра изменничьи детьми и племянниками называл, а Лев и Олександр Олексея и дядей его называли страдниками и псаренками; да Олексей же говорил Лву и Олександру дед де ваш Василей был с Лукьяном Мясным, а Лукьян был Голова Стрелецкой, а дядья де его Олексеевы Лву и Олександру ничего не говорили; а за что у них брань стала, того он не ведает.

Григорей Вердеревской сказал: слышал, что Олексей Чириков со Лвом и Олександром бранились, и Олексей де Лва и Олександра называл страдниками, а опроче того, брани иной никакой не слышал, и за что стало, того не ведает.

Микифор Нащокин, Ортемей Волынской, Ондрей Окинфов, Василей Нечаев, Матвей Мясоедов, Герасим Владычкин, Кузма Румянцов, Юрье Романчуков, сказали: как у Лва и Олександра Измайловых с Олексеем Чириковым на Красном Крыльце брань была, и они в то время не были, а слышали от сторонних людей: Олексей Чириков Лва и Олександра Измайловых изменниками называл. Да сверх сей сказки Ортемей Волынской в речех своих прибавил: Лев де и Олександр Олексея называли псаренком; а Василий Нечаев в речех своих прибавил, что Олексей Лва и Олександра матерны лаял; и Герасим Владычкин сказал, что Олексей Лва и Олександра изменничьи племянники называл; а Матвей Мясоедов в речех своих прибавил: Олексей Лва и Олександра страдничьими детьми называл и говорил им: знали бы де вы Оску палача, а иной брани и за что у них стало, того они не слышали. — Тимофей Колтовской, Роман Селиванов сказали: как у них брань была и они в то время не были, а слышали от сторонних людей, Тимофей слышал: Олексей де Чириков Лва и Олександра

называл изменничьи племянниками, а Роман слышал, что Алексей Олександра называл изменничьим сыном; а опроче де того иной никакой брани не слышали. — Иван Протопопов, Петр Пушкин, Яков да Григорей Безобразовы, Федор Рчинов, Ермолай Ржевской, Федор Полтев, Иван Братцов, Григорей Петров сказали: как у Лва и Олександра Измайловых с Алексеем Чириковым брань была и они в то время не были и ничего не слышали.

Да стольники ж и стряпчие и дворяне, которыми не сыскивано, а сказали про них, что они съехали по деревням: князь Семен Щербатой, князь Федор Щербатой, Яков Колычов, князь Микита Горчаков, Яков Жуков, Яков Родионов, Иван Елизаров, сотник стрелецкой Алексей Бекетов».

Чем дело кончилось, неизвестно.

В 1643 г., июня 14-го, на Постельном крыльце поссорились жильцы Иван Елчанинов с Самариными. Причиною ссоры было тоже какое-то домашнее тяжebное дело. 18 июня Самарины подали челобитную и ссылочным людям (свидетелям) именную роспись. В челобитной они писали: «Бьют челом холопи твои Микифорко да Якушко Алексеевы дети, да Михалко Федоров сын, Самарины, на жильца на Ивана Дорофеева сына Елчанинова, что преж сего отец его Дорофей в Ярославле в Спасском монастыре был в казенных дьячках и в монастырских слушках. В нынешнем государь во 151-м году июня в 14 день в твоих государевых *Передних Сенях и на Постельном Крыльце* он Иван бесчестил нас и родителей наших, называл нас холопей твоих своими холопи, и лаял нас матерны и всякою неподобною лаею, и называл нас страдниками и земцами, самарыны, и инеми всякими позорными словами; и дедов наших называл мужиками пашенными. И то государь слышали многие люди стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы, которые в то время тут были; да и всегда государь нам холопом твоим от него проходу нет, везде нас холопей твоих лает и позорит напрасно всякими позорными словами и похваляетца нас холопей твоих резать, мстя недружбу, что у нас дела с ним в Московском Судном Приказе, надеясь на богатство отца своего, потому, как отец его в Ярославле в Спасском монастыре был в казенных дьячках и в слушках монастырских, и будучи в слушках, был по приказам, по монастырским

села, и набогател и, утая... свой чин, его Иванов отец, Дорофей, бил челом тебе Государю в житье и из житья написан по московскому списку; и был в за-Онежских погостех и там набогател жа. Милосердый государы! пожалуй нас холопей своих вели государь про то сыскать, как он Иван нас и родителей наших безчестил и лаял и позорил всякими позорными словами, в Передних Сенях и на Постельном Крыльце, теми, которые в то время тут были; и по сыску вели государь в том свой государев указ учинить, чтобы нам холопом твоим и родителем нашим от такова нахала в позоре не быть и не погибнуть. Царь государь смилуйся! —

151 г. июня в 16 день государь пожаловал велел про то сыскати стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову и по сыску велел доложити себя государя.

И Ивану Михайловичу Оничкову стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы по государеву крестному целованью сказали:

Остафей Милюков, Василий Борщов, Яков Полуехтов сказали: в нынешнем де во 151-м году июня в 14 день в государевых Передних Сенех Иван Елчанинов Микифора да Якова Алексеевых детей да Михайла Федорова сына Самариных бранил матерны и называл их детьми боярскими и страдниками и самарьиными и земцами и пашенными мужиками. — Василий Образцов сказал: в Передних Сенех Иван Елчанинов Микифора да Якова да Михайла Самариных называл страдниками и самарьиными и пашенными мужиками, и говорил им, цена де вам по двадцати алтын, а у отца де моего есть в вашу пору служат в холопех. — Лука Ляпунов, Семен Племянников, Федор Копылов, сказали: на Постельном де Крыльце Иван Елчанинов Микифора да Якова да Михайла Самариных называл пашенными мужиками и земцами, а у отца де моего есть в вашу пору служат в холопех. — Федор Наумов, Енаклыч Челищев, Дмитрий Давыдов, Афонасей Жидовинов, сказали: в Передних Сенех Иван Елчанинов Микифора да Якова да Михайла Самариных называл детьми боярскими и самарьиными и пашенными мужиками и земцами. — Князь Петр Волконской сказал: на Постельном Крыльце, у Самариных с Елчаниновым, а как их зовут и он не ведает, меж ними шум слышал; а Елчанинов Самариных называл молодыми детьми боярскими и самарьиными. — Юрьи Голенищев, Петр Тиханов, сказали: в Передних Сенех Иван Елчанинов Микифора да Якова да Михайла Самариных

называл детьми боярскими и земцами; да Юрьи же в речах своих прибавил, говорил де Иван Елчанинов Микифору Самарину с братьею: и родители де ваши земцы. — Иван Салтыков, Васильей Философов, сказали: в Передних Сенех Иван Елчанинов Микифора да Якова да Михайла Самаринных называл самарьиными. — Григорей Глебов сказал: в Передних Сенех Иван Елчанинов говорил Микифору да Якову да Михайлу: деды де ваши пашенные мужики и земцы. — Некоторых стольников, стряпчих, дворян и жильцов, к допросу не было сыскано».

27 апреля 1645 г. царский казначей, лицо по тому времени довольно значительное, Богдан Минич Дубровский поссорился в государевой Передней избе с дворянином Васильем Колтовским, который перед тем подал было на него государю в Комнату челобитье о несправедливом решении его спорного дела. Но челобитной при докладе не явилось. Колтовской спрашивал думного дьяка и подьячих и потом, когда, по окончании докладов, казначей Дубровский вышел из царской Комнаты в Переднюю, Колтовский заметил ему, что странно, как его челобитная пропала и не оказалась при докладах. В ссоре сказаны были с обеих сторон обидные слова, и Дубровский в тот же день принес государю жалобу о бесчестье.

«Бил челом государю казначей Богдан Минич Дубровский на Василья Яковлева сына Колтовского и подал челобитную и ссылочным людям имянную роспись, а в челобитной и в росписи пишет: бьет челом холоп твой Богдашко Дубровский: в нынешнем государь во 153-м году апреля в 27 день, был я холоп твой у тебя государя в Комнате с докладом, и как вышел из Комнаты в Переднюю, и Василий Колтовской меня холопа твоего лаял и бесчестил, будто я не делом сужу, и из Комнаты де у тебя государя челобитные его Васильевы пропадают; стану де на тебя о тех челобитных бить челом государю; впредь у меня не станут челобитные из Комнаты пропадать; а я холоп твой в Комнату к тебе государю один не хожу. Милосердый государь пожалуй меня холопа своего вели, государь, про то сыскать и по сыску учинить оборонь. Царь государь смилуйся! —

Государь пожаловал велел про то сыскати стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову и сыскав велел

о том доложить себя государя. В ссылочной росписи Дубровский писал: 153-го апреля в 27 день был я Богдан у государя в Комнате с докладом, и вышел из Комнаты в Переднюю: Василей Яковлев сын Колтовской учал на меня кричать большим шумом, называл меня худым судьёю: посылал де ты память в Холопей Приказ, а велел де людям тетки нашей Гавриловы жены Пушкина волю дать, почему? И я Богдан сказал: сыскивал я про то дело и на Патриархов Двор память посылал по сыску и по роспросным речам холопей тетки вашаия, слалися оне на отца духовного тетки вашаия, велела де нас отпустить на волю после живота своего; и с Патриархова Двора прислана память и роспросные речи за рукою тетки вашаия отца духовнаго: велено тех людей отпустить на волю; и против тое памяти, и роспросных речей послана память в Холопей Приказ. И Василей Колтовский учал меня лаять и безчестил, приходил ко мне шумом: худой де ты судья, за какую де ты службу пожалован честию; и крадешь де наши челобитные в Комнате, вперед де ты наших челобитен не станешь в Комнате красть; и такими меня позорными словами обезчестил. — А были в то время в Передней: окольнічей Григорий Гаврилович Пушкин, думные дьяки: Григорий Лвов, Михаило Волошенинов, стольники: князь Иван Хилков, князь Василий Хилков, Микита Бобарыкин, Прокофей Коптев.

И Ивану Михайловичу Оничкову окольнічей и стольники и думные дьяки по государеву крестному целованию сказали: окольнічей Григорий Гаврилович Пушкин, стольник Микита Бобарыкин, думные дьяки Григорий Лвов, Михаило Волошенинов, сказали: в нынешнем де во 153-м году апреля в 27 день в государеве Передней Избе Василей Колтовской на Казначая на Богдана Дубровскаго шумел великим шумом и говорил: вперед де у меня челобитные мои у государя из Комнаты пропадать не станут; и Богдан говорил ему: шумишь де ты на меня напрасно, я де в Комнату один не хожу и челобитен твоих не краду; и в Приказе де ты на меня шумишь напрасно, и zde также приходишь озорничеством. Да он же Василей говорил Богдану: пожалован де ты не за службу. — Стольник князь Иван Хилков сказал: в государеве Передней Избе Василей Колтовской спрашивал у думнаго дьяка у Михайла Волошенинова и про свою челобитную и думной де дьяк Михайло ему сказал, что он его Васильевы челобитные не видал; и после де того он Василей с Казначаем с Богданом Дубровским меж

себя шумели, и говорил Василей: вперед де у меня челобитные пропадать не станут; и Богдан говорил ему: шумишь де ты на меня напрасно, в Комнату де я один не хожу и челобитен твоих не краду; и в Приказе де ты на меня шумишь напрасно. И Василей же говорил: пожалован де ты Богдан, чаешь, за службу; и Богдан говорил ему: не мол что де твоему отцу и деду де твоему там не бывать, где я был и посылан для чего, за то де я и пожалован. — Прокофей Коптев сказал: в государеве Передней Избе Василей Колтовской с Казначеем с Богданом Дубровским меж себя шумели, а говорил Василей Богдану: челобитные де у меня, Богдан, из Комнаты пропадают; и Богдан говорил: не я ль де ее украл? И Василей говорил: того де я не ведаю, только де о том буду бити челом Государю, и вперед де у меня челобитные из Комнаты пропадать не станут. А в Приказе де, Богдан, мне бити челом тебе нельзе, в казенку де запрешся и никого не пустишь. И Богдан говорил ему: потому де я тебя в казенку не пускаю, что со мною де тебе Государь дел ведать не велел. И Богдан говорил потому, де ты Василей на меня шумишь, что велел де я тебя из казенки ударить в шею. И Василей говорил: не по своей де ты мере Богдан пожалован. — Стольник Князь Василей Хилков сказал: у Васи́лея де Колтовского с казначеем с Богданом Дубровским ме́ж ими никакого шуму он не слышал и в те поры он тут не был».

Узнав о жалобе Дубровского, Колтовской через два два подал свою челобитную о бесчестье и также с росписью свидетелей. Обвиняя с своей стороны Дубровского, он писал: «Бьет челом холоп твой Васько Яковлев сынишко Колтовской: в нынешнем государь в 153-м году апреля в 27-день пришел я холоп твой в *Переднюю Избу* и учал бити челом твоему государеву думному дьяку Михайлу Волошенинову о своей челобитной, что мы холопы твои били челом тебе государю на Казначая Богдана Минича Дубровского о переносе в холопье деле, что он наших старинных людей освобождает без суда и без очной ставки и без роспросных речей; и, не приняв у нас холопей твоих крепостей, без поруки отдал Степану Гаврилову сыну Пушкину, для окольного Григорья Гавриловича Пушкина, и по недружке, что его казначеево Богдана Минича челобитье было на отца нашего тебе государю. И думной, государь, дьяк Михайло Волошенинов мне холопу твоему сказал, что той нашей челобитной не видал и *перед тобою государем не*

читал; а подъячих, государь, я розрядных о той своей челобитной спрашивал же, и они сказали, что не видали же. И я холоп твой учал говорить, что наша челобитная пропала и мы станем бити челом на него Казначей Богдана Минича о переносе тебе государю иною челобитною, и впредь у нас челобитная не пропадет. И он, государь, Казначей Богдан Минич почел нас холопей твоих, безчестя отца нашего называл вором и олтынником и меня холопа твоего называл недорогим человеком: дорогое де тебе и безчестья заплатит; надеясь, государь, на свое богатство; и говорил, государь, что отец наш, будучи в Розбойном Приказе, воровал, из олтына сжег до смерти дву человек. А в том государь не запирался при всех в Передней Избе, что он меня холопа твоего из Приказу у себя велел бить в шею и послал память в Холопей Приказ и велел назад взять. А мы, государь, холопы твои по твоей государской милости не только от него Казначей Богдана Минича и от господ своих такого безчестья ни позору не видали, что ныне от него обезчещены; а отец государь наш, будучи у твоего государева дела, из олтына ни какого человека не жигивал и ни в каком воровстве не бывал; и челобитья государь на отца нашего, чем он позорит, тебе, государь, не бывало; а сидел государь отец наш у твоего государева дела с бояры не один; и про то, государь, известно тебе, государю. А что, государь, он Казначей Богдан Минич бил челом на меня холопа твоего тебе, государю, о своем безчестьи, заминая то, что отца нашего обезчестил и нас позорил, что будто я ему говорил, что он тое нашу челобитную украл у тебя, государя, из Комнаты; и я холоп твой того не говаривал, а спрашивал про ту челобитную у думного дьяка. А сидел он с окольниковым с Григорьем Гавриловичем Пушкиным и учел мне говорить: аль де я украл? и я холоп твой молвил, что того я не ведаю, он ли или не он взял, только я бил челом тебе, государю, и та челобитная к нам не сжигивала. А говорил я холоп твой, потому, что он Казначей Богдан Минич про ту нашу челобитную говорил в благовещенской паперти, и что в ней написано, все ведает; и говорил: хотя де вы и бьете челом, нечто де, сделается, от меня де перенести не велят. А за тех, государь, наших людей ему Казначей Богдану Миничу бьют челом и ходят окольниковым Григорий Гаврилович Пушкин да брат его Степан, и тех наших старинных холопей хотят взять к себе во двор, и живут те наши люди у них во дворе. Милосердый го-

сударь, пожалуй нас холопей своих безпомощных, не вели государь его казначаяву Богдана Минича челобитью поверить, и вели государь про тот позор и безчестья отца нашего и мое холопа твоего сыскать бояры и думными дьяки и стольники и стряпчими, опричь окольничего Григорья Гавриловича Пушкина, что то дело у нас холопей твоих с ними. Царь, государь, смилуйся пожалуй! —

Роспись, которые были в Передней Избе: боярин Михайло Михайлович Салтыков; думной дьяк Григорий Васильевич Лвов, думной дьяк Михайло Волошенинов; стольники: Петр Васильевич Шереметев, Василий Борисович Шереметев, князь Иван Хилков, князь Юрья Долгорукой, князь Андрей Хилков, Иван Полев, Микита Бобарыкин, дьяк Василей Ушаков, Прокофей Коптев.

И государь пожаловал указал по челобитной и по росписи, какову роспись Василий Колтовской на Казначая на Богдана Минича Дубровского подал, сыскати стряпчему с ключом Ивану Михайловичу Оничкову по своему государеву крестному целованью. И Ивану Михайловичу Оничкову стольник и думные дьяки по государеву крестному целованью сказали: стольник князь Иван Хилков сказал: в нынешнем де во 153-м году апреля в 27 день в государеве Передней Избе Василей Колтовской стал спрашивать у думного дьяка у Михайла Волошенинова про свою челобитную и Михайло де ему сказал, что он его челобитные не видал; и Василей де почел говорить: пропадают де у государя из Комнаты мои челобитные, стану де бити челом государю, вперед де у меня из Комнаты челобитные пропадать не станут. И Богдан учел говорить Василью: шумишь де ты на меня напрасно, в Комнату де я один не хожу и челобитен твоих не краду. И Василей говорил Богдану: пожалован де ты, чаешь, за службу? И Богдан говорил Василью: не мол што де отцу твоему и деду де твоему там не бывать, где я был и для чего был послан, за то де я и пожалован: отец де твой зжег дву человек. А того де он не слышал, что он ему говорил, про дву ль мужиков или про жонок.

Думные дьяки Григорей Лвов, Михайло Волошенинов сказали: в Государеве Передней Избе Василей Колтовской говорил Казначая Богдану Дубровскому: не по своей ты мере, Богдан, пожалован да и в честь пущен. И Богдан говорил Василью: пожалован де я за службу, а что де моя служба, и про то де ведомо государю,

а твоего де не мол што отца и деда твоего там не пошлют, где я был, да и на пример не напишут; полно де ты Василей шумишь на меня за то, что я тебя из Приказа велел выслать вон. — Прокофей Коптев сказал: в государеве Передней Избе Василей Колтовской с Казначеем Богданом Дубровским меж себя шумели и говорил Василей Богдану: челобитные де у меня, Богдан, из Комнаты пропадают. И Богдан говорил: не я ль де ее украл. И Василей говорил: того де я не ведаю, только де о том буду бити челом государю и впредь де у меня челобитные из Комнаты пропадать не станут; а в Приказе де, Богдан, мне бити челом тебе нельзе: в казенку де запрещеся и не пустишь никого. И Богдан говорил ему: потому де я тебя в казенку не пускаю, со мною де тебе государь дел ведать не велел. Да Богдан же говорил: потому де ты на меня шумишь, что велел де я тебя из казенки ударить в шею. И Василей говорил: не по своей де ты мере, Богдан, пожалован».

Боярина Михайла Михайловича Салтыкова и некоторых стольников к допросу не сыскано и чем дело кончилось, неизвестно.

В 1646 г. обещан был князь Евфимий Мышецкий Федором Нащокиным и Иваном Бужаниновым. Дело, против обыкновения, миновало домашнюю царскую расправу и поведено было судебным порядком, против чего Мышецкий снова подал государю челобитную: «Бьет челом холоп твой Еуфимка Мышецкий: бил челом я холоп твой тебе государю на Федора Васильева сына Нащокина да на Ивана Иванова сына Бужанинова, что оне нас холопей твоих и родителей наших безчестили; Федор Нащокин называл нас холопей твоих всех холопи боярскими и коюховыми детми на *Постельном Крыльце*, передо всеми; а Иван Буженинов на *Постельном же Крыльце* называл меня холопа твоего *дьяком*, а *детишок моих подъячими* и ворами и подпщиками, будто мы подписывали воровские грамоты. И про то, государь, что оне нас безчестили, по нашему челобитью указал ты, государь, именным приказом про Ивана Бужанинова велел сыскать окольному князю Семену Васильевичу Прозоровскому, а про Федора Нащокина велел ты, государь, сыскать окольному князю Андрею Федоровичу Литвинову Масальскому, и по тем обыскам велел доложить себя, государя. И они, государь, Федор Нащокин и Иван

Бужанинов, умысля, чтоб им от родителей наших и от нашего безчестия бездушством отойти и отцеловатца, и нас сверх того пошлинами большими в конец погубить, били челом тебе государю ложно, будто я холоп твой в сыскную роспись писал братью свою и племянников и друзей; и то государь они били челом тебе государю ложно, умысля ябеднически; а он государь Федор Нащокин мне холопу твоему и сам ближней свой, за ним за Федором женишка моего племянница родная Григорьева дочь Милославскаго. И по их государь ложному челобитью сошли им подписные челобитные, Федору Нащокину за пометою думнаго дьяка Ивана Гавренева, и Ивану Бужанинову за пометою дьяка Калистрата Акинфеева: сыскивать про то не велено, а велено нам мимо прежняго твоего государева именнаго приказу искать на них, родителей наших и своего безчестья, искать судом. И тот государь первой образец учинен нами холопи твоими. Искони вечной о том ваш государев указ и уложение прежних великих государей и отца твоего блаженные памяти в. государя Михаила Федоровича и твой, государев, указ ко всей нашей братьи: Будет кто у кого на Постельном Крыльце таким безчестьем станет кто безчестить и про то вы государи указывали сыскивать, а не судом искать; а суда в таких делах не бывало не токмо, что учинитца у кого брань на Постельном Крыльце, хотя будет у кого и в Приказе в котором ни буди, и тут, государь, ваш государев указ был: велено про то и в Приказе сыскивать; а судом государь таких дел *родительскаго безчестия*, кто у кого безчестил на Постельном Крыльце, никто ни на ком не искивал; искони вечной ваш государев указ в таких делах был по сыску. Служили мы холопи твои прежним великим государем и отцу твоему блаженныя памяти, а в таком безчестьи ни от кого не бывали холопи твои, беспомошныя; кроме Бога да тебя великаго государя помошника никого не имеем. Безчестил государь он Федор нас на Постельном Крыльце передо всеми, называл нас холопей твоих холопи боярскими и конюховыми детми; а мы холопи твои искони вечные холопи ваши государевы, изстари все служили прежним великим государем и отцу твоему блаженныя памяти и тебе великому государю, а в холопех и в конюхах, в таком безчестьи, нигде не бывали; изстари все служили вам великим государем: и отчество государь и службишко и именишка наши ведомы тебе Государю. Милосердый государь пожалуй нас бед-

ных и беспомощных холопей своих, не вели государь искони вечнаго прежних великих государей и блаженные памяти отца своего и своего государева указу и уложенья нарушить, и нами холопи своими не вели образца учинить; вели государь о том своих государевых бояр допросить, и им то ведомо, что ни над кем такова образца не бывало: искони вечной о том указ и уложение прежних великих государей и блаженные памяти отца твоего великаго государя: кто кого станет таким безчестьем безчестить на Постельном Крыльце и про то вы государи указывали сыскивать, а судом государь родительскаго безчестья никто ни на ком не искивал; изстари в таких делах ваш государев указ был по сыску. Милость свою царскую покажи и над нами холопи своими не дай от них в таком вечном безчестьи в конец погибнуть, вели государь против прежнего своего государева имянного приказу про то сыскать всеми стольники и стряпчими и дворяны и всяких чинов людьми, которые в то время на Постельном Крыльце были, как он Федор нас холопей твоих и всех родителей наших безчестил, называл, передо всеми, холопи боярскими и конюховыми детьми. А Иван Бужанинов называл нас тут же на Постельном Крыльце ворами и подпизчиками, а мы холопи твои в таком безчестьи не бывали, искони вечные холопи — ваши государевы, а в холопех боярских и в конюхах родители наши нигде не бывали; изстари все служили прежним великим государем. А они государь Федор и Иван для того тебе государю о суде били челом, узнав свою вину, чтоб им от нашего и от всех наших родителей безчестья бездушством отойти и отцеловатца, и сверх того нас пошлинами в конец погубить; а мы холопи твои били челом на них тебе государю в безчестьи от всего роду; а ныне государь по их подписным челобитным указано нам холопом твоим всего роду и своего безчестью искать на них судом, а сыскивать про то не велено; и с того государь суднаго дела будут твои государевы пошлины многия, а мы холопи твои бедные и разоренные, с такого великаго иску со всего родительскаго безчестья и своего твоих государевых пошлин платить нечем. Царь государь смилуйся!»

Некоторые из свидетелей, на которых сослался Мышецкий и которых нашли в городе, показали следующее, именно: князь Петр Коркодинов сказал: «На Постельном де Крыльце Иван Бужанинов князь Еуфима Мышецкаго и детей его, князь Еуфима называл *князь дьяком*,

а сына его князь Данила называл *князь подъячим*, а опричь того он не слышал ничего. Князь Анастас да князь Федор княж Алибеевы дети Макидонские сказали, по государеву крестному целованью: на Постельном Крыльце Иван Бужанинов князя Еуфима Мышецкаго *князь дьяком* называл, а дети де твои подъячие и воровские де грамоты дети твои подписывают. А Федор Нащокин князь Еуфиму говорил: не дорогой де ты князь, откуда де ты княженечество то взял, а родителей де ваших и ныне в холопех найду. — Князь Григорей Козловской сказал: на Постельном Крыльце Иван Бужанинов князь Еуфима Мышецкаго лаел матерны и князь дьяком и князь подъячим его князя Еуфима называл». Другие свидетели были на службе в отъезде, а потому и самое дело оставалось долго нерешенным, и чем кончилось, неизвестно.

В 1648 г. жаловался государю о бесчестье Григорий Баяшев: «Бьет челом холоп твой Гришка Баяшев; в нынешнем государь во 156-м году июня в 6-й день выволокса я холоп твой в город, и стоя у тебя, государя, на Постельном Крыльце, с своею братнею; и пришед ко мне холопу твоему жилец Яков Левонтиев сын Полуехтов, учел меня холопа твоего лаеть и называл отца моего холопом боярским, а меня, холопа твоего, холопым сыном; а отец, государь, мой служил прежним государем блаженныя памяти государю царю Федору Ивановичу и государю царю Василью Ивановичу и отцу твоему государеву блаженныя памяти государю царю Михайлу Федоровичу всеа Русии многия лета, и кровь за вас, государь, проливал; и осадную нужу терпел; и при прежних государех и при отце твоем государеве блаженныя памяти государе царе и вел. кн. Михайле Федоровиче всеа Русии везде в полковых воеводах был и в безчестьи никаком не бывал; и служба, государь, и кровь отца моего за вас, государей, известно тебе, государь, и твоим государевым боярам. Да он же Яков называл меня холопа твоего вором, будто я у него Якова выжег деревню и пятнадцать человек своей братьи дворян разорил. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего вели, государь, про ту лаю и безчестие отца моего и моё сыскать своими государевыми стольниками, стряпчими и дворяны московскими и жильцы. Царь государь смилюйся пожалуй! —

156-го г. июня в 10 день государь пожаловал велел сыскать постельничему Михайлу Алексеевичу Ртищеву и доложить себя государя».

В 1649 г., августа 13-го, бил челом царю Алексею Михайловичу Иван Бутурлин на Ивана Иванова сына Бирдюкина-Зайцова и подал ссылочную челобитную, а в челобитной писал: «Бьет челом холоп твой Ивашко Бутурлин: в нынешнем государь во 157-м году августа в 13 день на Постельном Крыльце лаял меня холопа твоего Иван Иванов сын Бирдюкин-Зайцов матерны, а слышали ту его Иванову лаю твои государевы стольники князь Семен княж Андреев сын Хованский, князь Федор княж Федоров сын Долгоруков, князь Настас княж Алибеев сын Макидонской, князь Александр княж Иванов сын Лобанов, князь Тихон Бораев сын Кутумов, Иван да Микита Андреевы дети Вельяминова, Андрей да Василий Яковлевы дети Дашкова, Андрей Ильин сын Безобразов. А служу я холоп твой тебе государю много лет, а безчестья ни от кого не бывало. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего, вели, государь, про ту его Иванову лаю сыскать и по сыску мне холопу своему оборон учинить по своей государевой милости. Царь государь смилуйся пожалуй!»

157 г. августа в 13 день государь пожаловал велел про то сыскать постельничему Михайлу Алексеевичу Ртищеву.

И постельничему Михайлу Алексеевичу Ртищеву стольники и дворяне в сыску князь Федор Долгорукий, князь Анастас Макидонской, князь Тихон Кутумов, Иван да Микита Вельяминовы, Ондрей да Василий Дашковы, Ондрей Безобразов, сказали по государеву крестному целованью: в прошлом де во 157 году августа в 13 день на Постельном Крыльце Иван Бутурлин у Ивана Зайцова просал шапочных петель жемчужных и Иван де Зайцов Ивана Бутурлина за то излаел матерны. Да теж обыскные люди в речех своих прибавили. — Микита Вельяминов сказал: Иван Зайцов Ивана Бутурлина излаел матерны и с жемчугом. — Василий Дашков сказал: Иван де Зайцов Ивану Бутурлину молил: ты де у меня блядин сын окончину изломил. — Князь Семен Хованской сказал: промеж Ивана Бутурлина и Ивана Зайцова ничего не слышал. — Князь Александр Лобанов сказал, того де он не слышал, как Иван Зайцов Ивана Бутурли-

на излаел матерны; а то он слышал как Иван Бутурлин Ивану Зайцову говорил: лаешь де ты меня».

Решение последовало на основании статьи Соборного Уложения: 158 г., сентября 16-го, указал государь *за честь двора своего* Ивана Зайцова послать в тюрьму, а Бутурлину доправить на нем бесчестья, оклад его.

В 1650 г. князь Лаврентий Мещерский напал на Постельном Крыльце на Алексея Дубровского, сына царского казначея. Февраля, 9-го, Дубровский подал государю челобитную: «Бьет челом холоп твой Алешка, Казначей Богдана Дубровского сынишко. Жалоба, государь, мне на князь Лаврентия княж Михайлова сына Мещерского да на Андрея Ильина сына Безобразова: в нынешнем, государь, во 158 году февраля в 8 день приехал я холоп твой ночевать в Переднюю и дожидался я в Столовой; и пришел, государь, в Столовую Андрей Коптев в четвертом часу ночи и велел нам итти в Верх. И князь Лаврентий Мещерский и Ондрей Безобразов взошли на Постельное Крыльцо наперед; и как государь я пришел на Постельное Крыльцо, и князь Лаврентей и Ондрей за мною бросились, хотели меня убить; и я холоп твой от них побежал: и князь Лаврентей, государь, за мною гонял, а Ондрей позади его за мною гонял; а князь Лаврентей, гоняючи за мною, лалял матерны и *всякою неподобною лаею*, и называл *страдничонком*, и говорил такие слова: не дорог де твой и отец, што привез мертвому немчину голову, отрезав; тебе б де у меня живу не быть. А брат, государь, его князь Андрей, стоял у Архангела (у Архангельского собора), а люди с ним с ослопы, ждали меня, как я пойду в Верх. А похвала, государь, князь Лаврентьева давно на меня в убийстве. А в то, государь, время на Постельном Крыльце не было никого, только прилучился один Иван Матвеев сын Жеребцов. Милосердый государь! Пожалуй меня холопа своего, вели, государь, про то сыскать Иваном Жеребцовым; а будет, государь, не пожалуешь, Иваном Жеребцовым сыскать не укажешь, вели, государь, на него дать свой царский суд и управу в безчестьи отца моего и матери и в моем безчестьи. Царь государь смилуйся!—

Государь указал по той челобитной про князь Лаврентья Мещерского и про Андрея Безобразова сыскать по своему государеву крестному целованью постельничему Михаилу Алексеевичу Ртищеву. А в том Алексей

Дубровской и князь Лаврентей Мещерской оба слались на *общую правду*, на Ивана Матвеева сына Жеребцова. И в сыску *общая правда*, Иван Матвеев сын Жеребцов, по государеву крестному целованью, постельничему Михайлу Алексеевичу Ртищеву сказал: князь Лаврентей княж Михайлов сын Мещерской Алéксея Богданова сына Дубровскаго на Постельном Крыльце, февраля в 8 день, в четвертом часу ночи, матерны лаел и мать его недоброю матерью называл и бить его посыкнулся; и Алексей де ему сказал: *не бей де ты меня, князь Лаврентей, отец де твой моего отца, и дед де твой деда моего не бивал*, а тебе де меня зде на Постельном Крыльце не бить. И князь Лаврентей де его Алексея излял: *страдник де ты бадлива мать, отец де твой мертваго немчина голову привез*. А Алексей де ему молил: *сам де ты страдник*, за што ты хочешь меня бить на Постельном Крыльце. А Ширинских князей холопом Алексей князь Лаврентья не называл. А Андрей Ильин сын Безобразов его Алексея Дубровскаго не бивал и матерны не лаел и ничего дурна не говаривал, и князь Лаврентья унимал».

Дело было решено по известной статье Уложенья, глава 3 статья 1; с присоединением еще двух статей, 167 и 168, из 10-й главы, утверждавших решение только на основании *общей правды*, без повального обыска и без ссылок на новых свидетелей, как было сделал Мещерский. На основании этих трех статей ему был сказан следующий указ: «Князь Лаврентей Мещерской! В нынешнем во 158-м году февраля в 9 день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси столник Алексей Богданов сын Дубровскаго на тебя, князь Лаврентья, в безчестьи отца своего и матери, и в своем, что ты их на Постельном Крыльце лаял матерны и всякую неподобную лаею, и говорил: и отец де твой не дорог; и называл его Алексея страдничонком; и государь бы его Алексея пожаловал, велел про то сыскать и по сыску указ учинить. И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси указал про то сыскать в правду, по своему государеву крестному целованью. А в том Алексей Дубровской и ты князь Лаврентей обослались на *общую правду*, на Ивана Матвеева сына Жеребцова. И *общая ваша правда*, Иван Жеребцов, сказал, по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всеа Руси крестному целованью: ты князь Лаврентей Алексея Дубровскаго на Постельном Крыльце матерны лаял и мать его недоброю матерью на-

зывал и бить его посыкнулся и отца его Богдана Дубровского безчестил, что де он Богдан мертваго немчина голову привез. И государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, того дела слушав, указал за честь своего двора, что ты на Постельном Крыльце говорил *неистовые слова*, тебя, князь Лаврентья, посадити в тюрьму на две недели; а что ты его Алексея и отца его и мать лаял и ему Алексею и отцу его и матери доправити на тебе безчестье; а что ты, князь Лаврентей, Богдана Дубровского и сына его Алексея после того лаял в другой ряд, и о том тебе государев указ будет у окольничего у князь Дмитрея Петровича Лвова.

И марта в 9 день князь Лаврентей послан в тюрьму с истопником».

В 1650 г. бил челом государю царю и вел. кн. Алексею Михайловичу всеа Руси князь Иван Волконской Хромой на жильца на Гаврила Богданова сына Карпова, а в челобитной его написано: «В нынешнем во 158 году безчестил его князя Ивана на Постельном Крыльце Гаврила Карпов, а называл его *ведуном и чародеем*, и про то сыскивал стряпчей с ключом Федор Михайлович Ртищев. И тот Гаврило Карпов Федору Махаилловичу сказал, будто де его князь Иваново заговорное письмо объявилось в судном деле в Большом Приходе, что искал брат его родной, князь Тимофей Волконской, безчестья его, князя Иванова, на подъячем на Воинке Якунине. И в том де судном деле и нигде его заговорного письма нет и небывало, а есть де в том судном деле заговорное письмо на него князь Ивана Воинковы руки Якунина; а Воинка де сказал про то письмо, что писал он не на него князь Ивана Хромово, а писано на дядю его князя Ивана Волконского, что сидел в Холопье Приказе, и в том письме он Воинка пытан. А подал де то письмо в суд брат его князь Тимофей и государь бы его князь Ивана пожаловал велел в Большой Приход послать память». По справке оказалось:

«В Приказе Большого Приходу в судном деле, каково судное дело за рукою судии Мурзы Шипова 149 году, как искал на Туле князь Тимофей Волконской вместо брата своего князь Ивана Волконского Хромова на подъячем на Воинке Якунине князь Иванова безчестья, и в том судном деле *заговорное письмо*, а подал то письмо на суде князь Тимофей Волконской, а сказал, что то

письмо рука Воинкова и в том письме написано: «Боже милостив человек лебедь взгляни на меня раба Божия Мину князь Иван Волконской ангельскими очима материным сердцем, а тому б Костентину тетеревина голова язык тетеревин воловья губа, не умел бы против меня искать; а как пойдешь из двора, попадетца первое лычко и то поднять да в руках смять; да как станешь к суду, и то лычко под него подкинуть: как то лычко смялось, и у того лычка ни ума ни памяти нет, так бы у того Костентина к суду ни путяб ни памяти не было». А на князь Ивана Хромово Волконсково или на князь Ивана княж Федорова сына Волконского то заговорное письмо писано, того в том письме имянно не росписано».

Да в том же суде князь Тимофей Волконской подал на Воинка Якунина роспись, а в той росписи написано его Воинсково всякое воровство и обида и насильства и продажа ко многим людям; и как был в приводе и сидел в чеши и в железях. А Воинко Якунин на суде ж князь Тимофея и брата его князь Ивана Волконских уличал словесно и подал писменую ж роспись, а в той росписи написано Волконских ко многим людям обида ж и насильства и налоги и продажа, и у кого поместною землею и угоды и людьми крестьяны завладели насильством; и как его Воинковых людей и крестьян били и в болота сажали; и ко вдовам малопоместным приезжали и били и мучили и вымуча крепости, землями завладели ж, а их с поместей согнали. А про ведовство и про коренье в том судебном деле писменных и словесных упрек на Волконских не объявилось. И в нынешнем во 158 году против того заговорного письма Воинко Якунин спрашиван и пытан, а в роспросе и с пытки Воинко сказал: то заговорное письмо рука его, писал с робячества, по сказке Донского казака Федора Александрова; а писано то письмо Приказу Холопья суда на судью, на князь Ивана княж Федорова сына Волконского прозвище Лося, потому быть было перед ним у него Воинка с толмачом с Костентином суду в подговорной в беглой его жонке; и тем писмишком обернуты были всякие крепости, а крепости были в сундуке, и тот сундук с платьем и с крепости покрали тати из паперти церкви Всех Святых, что на Кулишках; и то писмишко пропало в то же пору. И февраля в 15 день боярин князь Ив. Никит. Хованской да думной дворянин Богд. Федор. Нарбеков да дьяки Ив. Патрикеев да Арт. Хватов по тем Воинковым пыточным и роспросным речем докладывали бояр и бо-

яре, слушав докладной выписки, приговорили того Воинка, пытав, сослать в Сибирские города.

В 1651 г. жаловался Андрей Чубаров: «Бьет челом холоп твой Ондрюшка Чубаров. В нынешнем, государь, во 160-м году октября в осмый день пришел я холоп твой на Постельное Крыльцо и учал меня, холопа твоего, бранить и называл меня, холопа твоего, *вором* и *разбойником* Ондрей Петров сын Зиновьев; и будто я холоп твой за воровство приведен был к плахе; и будто он Ондрей ведает про то, у кого я от плахи откупился; а я холоп твой на разбое не бывал и к плахе не приваживан и ни у кого от плахи не откупывался. И тем меня холопа твоего он Ондрей обезчестил. Да он же Ондрей октября в 7. день бранил меня, холопа твоего, матерны в сенех перед Грановитою Полатою. И в то время меня холопа твоего он Ондрей обезчистил же. А как он Ондрей ныне меня, холопа твоего, на Постельном Крыльце обезчестил и в сенех перед Грановитою Полатою бранил, и в то время слышали многие люди. Милосердый государь! пожалуй меня холопа твоего вели, государь, про ту брань сыскать кому ты, государь, укажешь. Царь государь смилуйся!»

В то же почти время Михайло Кутузов бранился с князем Григорьем Козловским, который не замедлил пожаловаться. «Бьет челом холоп твой Гришка Козловской, жалоба государь мне на Михайла Васильева сына Кутузова: в прошлом государь в 160-м году обезчестил он меня холопа твоего на *Постельном Крыльце у перегородных дверей*, называл меня *пьяным князем* и иными словами меня безчестил. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего вели государь про то мое безчестье сыскать, которые про то на Постельном Крыльце слыщали; и тем государь подам имянную роспись, кому про то мое безчестье по твоему великаго государя указу указано будет сыскать. Царь государь смилуйся!»

По сыску, произведенному постельничим в 1651 году октября 13-го, свидетели показали: сказал Иван Перфильев сын Образцов, по святой Христовой непорочной евангельской заповеди: князь Григорей Козловской с Михаилом Кутузовым бранился ли или нет, того я не ведаю, на Постельном Крыльце, то моя и сказка. — Ска-

зал Петр Кокорев: по святой Христовой евангельской заповеди, как был шум на Постельном Крыльце у Михайла Кутузова с князь Григорьем Козловским и князь Григорей говорил Михайлу Кутузову: *красная де у тебя искра в лице мерн...де ты Михайла человек.*—По святой и непорочной Христовой евангельской заповеди сказал Матвей Кокорев: говорил князь Григорей Козловской Михайлу Кутузову: *есть де у тебя в лице искра пьяная*, а он Михайла Кутузов, называл его *аньтоном*, князь Григорья Козловского; то моя и сказка. — По святой непорочной евангельской Христовой заповеди сказал князь Михайло Ухтомской: на Постельном Крыльце Михайло Кутузов князь Григорья Козловскаго называл, што у него ус мокр, а назвал его пьяным: *а каков беш у тебя ба-тюшко был*; и говорил Михайло же князь Григорью: помнишь-лискать, как в Троицком походе, как де ты с камнем ганивал, и хотели де тебя на вехах повесить.— По святой непорочной евангельской заповеди сказал князь Иван Ухтомской: Михайло Кутузов князь Григорья Козловскаго пьяным называл, а иные слова ему безчестные говорил; а как говорил, того я не упаметую, то моя и сказка.

В 1653 г. жаловался Никифор Нерыбин: «Жалоба государь мне на Ивана Волкова: в нынешнем государь во 162-м году декабря в девятый день называл он Иван меня холопа твоего своим озорничеством на Постельном Крыльце вором, и тем он Иван меня безчестил; и при ком он Иван своим озорничеством *вопил на Постельном Крыльце шумко* и называл меня холопа твоего вором, и тех имена под сею челобитною. Милосердый государь, пожалуй меня холопа своего, вели государь про то его Иванова озорничество сыскать и по своему государеву указу и по сыску свой государев указ учинить. Царь государь смилуйся пожалуй! — Государь пожаловал велел указ учинить Постельничему Федору Михайловичу Ртищеву».

В 1674 г. в Коломенском поссорились стольники Салтыковы с стряпчим Фустовым и тотчас же принесли на него жалобу, сначала словесно, а потом подали на письме челобитную, в которой объясняли: «Быют челом холопи твои Федка да Алешка Салтыковы: в нынешнем,

государь, во 183-м году октября в 6 день в селе Коломенском безчестил отца нашего боярина Петра Михайловича и нас холопей твоих и весь род наш Никифор Захарьев сын Фустов *всякою неподобною лаею*. Милосердый государь! пожалуй нас холопей своих, вели, государь, про то сыскать и по сыску свой великаго государя милостивой указ учинить. Царь государь смилуйся пожалуй!»

При этом Федор Салтыков подал ссылочную *ропись* и писал: «В сенях стал ему говорить Микифору Иван Бутурлин: за что ты Федора и Алексея безчестишь? и он Микифор ему сказал: не велит де государь за воров повесить. На крыльце на нижнем слышали, как он Микифор нас безчестил, князь Иван Волконской, князь Иван Гагарин, Илья Дмитриев, князь Михайла Крапоткин, Василий Рагозин. За воротами слышали, как он Микифор нас безчестил: Микита Пушкин, Тимофей Чоглоков, Дмитрий Лихорев.

Государь указал сыскать постельничему Федору Алексеевичу Полтеву, походными стольники и стряпчими, против росписи, и стряпчаго Микифора Фустова спросить. И по указу великаго государя постельничей Федор Алексеевич Полтев против ссылочной росписи стольников и стряпчих, и стряпчаго Микифора Фустова допрашивал. И походные стольники и стряпчие и Микифор Фустов подали сказки:

Сказал князь Иван Волконской: в нынешнем во 183-м году октября в 6 день говорил мне князь Ивану в селе Коломенском, у нижнего крыльца, Микифор Захарьев сын Фустов: нападают де на меня Федор да Алексей Салтыковы и приехав де они на двор к Ивану Кирилловичу Нарышкину, *называли меня сумазбродным и пьяницею при человеке моем*; а я де ведаю, иной Салтыков в соборной церкви у образа Одигитрея Богородицы *жемчюг ободрал и в Польшу отъехал*; а иной деи Салтыков у князь Никиты Ивановича Адоевскаго на дворе *жемчюг украл и за то бит батоги*, и то де записано на Казенном Дворе. А как их Салтыковых зовут и про то мне не сказал, то моя и сказка.

Сказал князь Иван Гагарин: в нынешнем во 183-м году октября в 6 день в Коломенском, на Государеве дворе, у крыльца, говорил Микифор Захарьев сын Фустов: *пропадал де я от воров от Ляпуновых, а ныне де пуше тех воров насели на меня Федор да Алексей Салтыковы*: только де я тех и сам выношу, скажу де про их Салты-

ковых, как украл Салтыков у князя Никиты Ивановича Адуевского одиннадцать золотников жемчугу и приведен де на Земской Двор и бит на Земском Дворе батоги, и то де записано на Казенном Дворе. Да их же де Салтыков ободрал образ Пречистыя Богородицы и побежал де в Литву и его де изымали и за ту вину четвертовали, руки и ноги отсекли.

Сказал Иван Бутурлин: Микифор Фустов бранил Ляпуновых и говорил про них, что он Ляпунов грабил соль великаго государя, иных ворами называл глухо; кого называл того не ведаю; а Салтыковых на имя не называл, называл глухо ворами; а про Салтыковых ничего не слышал; а те его слова в сенех были и на крыльце.

Сказал Илья Дмитриев: говорил мне Микифор Фустов, что человеку его говорил Федор Салтыков, не ведая того, что Микифора человек, што Микифор будто с ума сшел; и Микифор говорил: я де ведаю то, што иной Салтыков украл у Богородицына образа жемчуг и отъехал в Польшу и в Польше голову отсекли; а которой именем не сказал; а иной де Салтыков украл у князь Никиты Ивановича Адуевского жемчуг, и за то Салтыкова били батоги и записано то на Казенном Дворе; а которой Салтыков именем, того не сказал; а говорил на нижнем крыльце,

Сказал Васка Рогозин по евангельской заповеди Господней: как Микифор Фустов называл Ляпуновых, что оне на Москве на карауле стрельцов побили, то я слышел, что он Микифор говорил; а как с Федором Петровичем Салтыковым учинилась ссора, и я в то число на дворе не был и ничего не слышал.

Сказал Мишка Кропоткин по святой непорочной евангельской заповеди: у Микифора Фустова с Федором Салтыковым вчерашняго числа какая ссора была и где, того я не ведаю, и про Салтыковых какия безчестныя слова говорил ли Микифор Фустов, того я сам не слышал и тут не был; а Ляпуновых Микифор Фустов ворами называл, то я слышал; только не в те поры как у него ссора была с Федором Салтыковым, а называл Ляпуновых ворами, что де Григорей Ляпунов великаго государя соль разбил, а Якова де Ляпунова ныне привел я в Стрелецкой Приказ и во многом де воровстве Яков Ляпунов объявился, а про Салтыковых про Федора и Алексея я вчерашняго числа от него Микифора никаких слов не слышал.

Сказал Тимошка Чеглоков по евангельской заповеди

Господни, еже ей ей, в правду: Микифор Фустов Ляпуновых ворами и кореншиками и подпищиками называл; а Салтыковых ворами изменниками называл; родители де их в соборе образ Богородицы ободрали и в Литву сбежали; и прадеду де их руки и ноги обсекли за воровство; а говорил он на крыльце.

Сказал Никита Пушкин, в нынешнем во 183-м году октября в 6-м числе в селе в Коломенском у ворот лаял Микифор Захарьев сын Фустов матерны Салтыковых, а кого именем того не говорил, а сказывал: иной де Салтыков *цату оторвал у Богородицына образа* и отъехал в Польшу, то моя и сказка.

Сказал Дмитрий Лихарев: в нынешнем во 183-м году октября в 6 день в селе Коломенском перед Государевым двором, у ворот, Никифор Захарьев сын Фустов говорил мне: разорили де меня воры Яков да Василий Львовы дети Ляпуновы, а кто де за них стоит и те де им же подобны; и я его спросил, кто за них стоит? и Никифор сказал: Федор де да Алексей Салтыковы; и я де знаю и то: иной Салтыков икону Пресвятые Богородицы ободрал и отъехал в Польшу, а иной де Салтыков украл жемчугу у князь Никиты Ивановича Адуевского и за то де бит батоги и записано на Казенном Дворе; да и у меня де в *царственной книге написано*; а матерны при мне того числа не лаивал.

Сказал Микишка Фустов: октября в 6 день, будучи за великим государем в походе в селе Коломенском, били челом великому государю на меня спальники Федор да Алексей Петровичи Салтыковы в безчестьи своем, будто я их безчестил всякими словами, и я их не безчестил, а изволил мне говорить Федор Петрович про Ляпуновых, и я говорил про Ляпуновых, как они Ляпуновы приведены были в Стрелецкой Приказ; а про них Федора да Алексея никаких слов не говаривал и в том шлюсь на аспод своих на походных стольников, на всех без выбору, кроме их (Салтыковых) свойственников, дядьев и племянников, — то моя и сказка, а сказку писал я Микишка своею рукою».

В том же 1674 г. бил челом государю стряпчий Иван Хрущов на стряпчего Александра Протасьева, «что он Александр, на его великого государя дворе *прошиб у него Ивана Хрущова кирпичом голову*. Государь указал сыскать думному дворянину и ловчему московско-

го пути Аф. Ив. Матюшкину; а по сыску Протасьев, вместо кнута, бит батоги нещадно, за то, что он ушиб Хрущова на его государеве дворе, перед ним великим государем. Да на нем же Александре велено доправить Хрущову безчестья вчетверо».

В 1675 г. поссорился Евсигней Неелов с Романом Цымармановым. «Бьет челом холоп твой Евсигнейка Неелов на Романа Цымарманова и на сына его Ивана: в нынешнем, государь, во 183-м году марта в 1 день Роман и сын его Иван на твоём государеве Постельном Крыльце у переграды при многих людех безчестили меня холопа твоего; и называли Роман и сын его Иван *вором и зершиком и бунтовщиком*, и будто, государь, в Иноземном Приказе указано меня холопа твоего бить кнутом, безвинно. Тогож, государь, числа Роман и сын его Иван в Стрелецком Приказе меня холопа твоего били и сын его Иван хотел зарезать ножом; и дьяк Федор Кузмищев подъячим и денщиком велел меня проводить из Приказу и убить до смерти не дал. Роман же *поклепал* меня холопа твоего *изменою*, будто я холоп твой с ворами и с бунтовщиками приходил в село Коломенское к тебе, великому государю, пойман и приведен, из за пристава ушол. Да он же Роман *поклепал* меня холопа твоего смертным убийством, будто я холоп твой твоего государева дворцового села Танинского крестьянина Афоньку Андреева убил до смерти. А в твоём, великаго государя указе и в Соборном Уложеньи напечатано: кто кого на твоём великаго государя дворе обезчестит словом и *за твою великаго государя честь двора*, по сыску, и кто кого обезчестит, посадить его на две недели в тюрьму, а кого обезчестит и ему доправить безчестье. Милосердый государь, пожалуй меня холопа своего вели, государь, про то озорничество Романа Цымарманова и сына его Ивана, что безчестили меня холопа твоего, на твоём государеве Постельном Крыльце, у переграды, вели государь сыскать, кому ты, великий государь, укажешь и по сыску свой, великаго государя, указ учинить; а которые, государь, люди на Постельном Крыльце у переграды были и слышали, как Роман и сын его Иван меня, холопа твоего, обезчестили, и я холоп твой тем людям подал роспись. Царь государь смилуйся пожалуй! — 183 г. марта в 3 день государь пожаловал велел про то сыскать и указ учи-

нить по Уложению постельничему Федору Алексеичу Полтеву».

В 1683 г. боярин князь Троекуров разбил царского печатника Дементия Минича Башмакова в самом Верху, т.е. у Комнат государей, среди верховых домовых государевых церквей, и к тому же в день царского тезоименитства, именно в именины Петра. Обиженный Башмаков писал в челобитной царям Ивану Алексеичу и Петру Алексеичу: «В нынешнем, государи, во 191 году июня в 29 числе, на праздник Святых Верховных Апостол Петра и Павла, безчестил меня холопа вашего боярин князь Иван Борисович Троекуров у вас великих государей в Верху меж соборная церкви Воскресения Христова и где Гроб Господень *непристойными словами*. А как государи он боярин князь Иван Борисович меня холопа вашего теми непристойными словами безчестил и в то время были и слышали окольничей Петр Тимофеевич Кондырев, думный дворянин Аврам Иванович Хитрово, стольник Андрей Петров сын Измайлов. Милосердые государи! пожалуйте меня холопа своего, велите, государи, про то сыскать, а по сыску свой великих государей указ учинить. Цари государи смилуйтесь!» — Думный дьяк Федор Шакловитый после доклада царям пометил: «191 г. июня в 30 день государи пожаловали велели про то по Уложению сыскать и по тому сыску доложить себя государей постельничему Кирьяку Ивановичу Самарину».

Дело, однако ж, не двигалось, потому что указанные свидетели по требованию постельничего сказок не давали, так что 8 июля он докладывал об этом царям, прося разрешения, как поступить. Видно, на сторону Башмакова никто не тянул, может быть, потому, что он был дьячей породы, а дьячество, как мы видели, не слишком уважалось дворянством, ибо именем дьяка они даже ругались. Башмаков, однако ж, не оставлял своего бесчестия и подал еще две челобитные, одну 20 июля, другую 28 августа, на которых была повторена теми же словами помета. Чем дело кончилось, мы не знаем.

Спустя несколько дней, также в Верху у государей, перед Теремами, князь Борятинской выбрал стряпчего Андрея Дашкова, который тотчас же бил челом: «В нынешнем государи в 191 году июля в 8 день в Верху

у церкви Всемилоствяго Спаса на площади, где ему невелено ходить, князь Яков княж Семенов сын Бортинской называл меня холопа вашего *бездушником*: а кто государи слышали, и я холоп ваш подам роспись тем людем. Милосердые государи! пожалуйте меня холопа своего, велите государи, про то, розыскать и в моем безчестьи свой государев милостивой указ учинить. Цари государи смилуйтея! — Имена, которые слышали, как называл бездушником: думной дворянин Иван Богданович Ловчиков, стольник судья Судного Дворцоваго Приказа Михайло Борисов сын Челышев. — 191 года июля в 17 день государи пожаловали велели про то розыскать и указ учинить постельничему Кирьяку Ивановичу Самарину с товарищи».

В то же самое время побранились стольники Свиный с Колычовым, причем обезчещенный Свиный подал жалобу: «Бьет челом холоп ваш Ивашко Смирново сын Свиный. В нынешнем государи во 191 году июля в 4 день, перед вашими государскими хоромы за переградюю и на Постельном Крыльце безчестил меня холопа вашего и бранил Иван Яковлев сын Меншой Колычов. Называл *небылицею* и *сынчишком боярским*. Милосердые государи! пожалуйте меня холопа своего велите государи в таких безчестных словах розыскать. А кто государи в то время были, и я холоп ваш к розыску принесу именам их роспись. Цари государи смилуйтея пожалуйте! — Роспись, которые были в то время, как меня Ивана Свинына обезчестил Иван Яковлев сын Меншой Колычов: боярин князь Михайло Андреевич Голицын, окольничей князь Матвей Веденихтович Оболенский». — «191 г. июля в 21 день государи пожаловали велели сыскать постельничему Кирьяку Ивановичу Самарину с товарищи».

Мы видели, что расходившихся и разбиженных царедворцев ничто не могло унять, когда они считались и бранились между собою. Мало останавливала их статья Уложения, сулившая тюрьму и денежную *бесчестную пеню*, статья, которая со своей стороны, служит самым ярким и убедительным свидетельством, что царский дворец очень часто оглашался неистовою бранью от своих же ближайших слуг-бесстрашников, что вообще закон явился как неизбежная мера против буйных нравов царедворства. То же свидетельствуют и указы последующего времени. В 1683 г., генваря 4-го, объявлено

общее подтверждение, чтобы стольники, стряпчие, дворяне, жильцы, всякий в свое дневанье, сидели в указных палатах смиренно и меж себя бесчинства и шума никакого и брани не чинили, а кто будет бесчинствовать и шуметь и меж себя браниться и тех велено присылать в Разряд. Даже бóльшие, приближенные люди нисколько не отличались в своих поступках от младших, *площадных* людей. Их точно так же не останавливала ни близость царских покоев, где они, впрочем, постоянно и находились, ни близость особы государя. Часто в его присутствии начиналась брань. Так, в 1652 г., ноября 22-го, сидел государь с бояры в Думе: боярин и оружейничий Гаврила Пушкин и брат его окольный Степан Пушкин бранились, в его присутствии, с боярином князь Юрьем и окольным князь Дмитрием Долгорукими за то, что им Пушкиным меньше их Долгоруких быть не можно; за что, разумеется, и посланы были в тюрьму. Но о местнических счетах мы не говорим. Сила их была так велика, что нередко и страх государственой опалы ничего не мог сделать против подобных споров и протестов. Здесь, по крайней мере, буйный протест оправдывался официальным значением местнических счетов, так что протестовавший иногда оставался правым. Но привыкшие стойко и всегда грубо считаться о местах, искать своего права, бояре с тем же буйством вели себя и в случае простых личных оскорблений, которые они всегда умели связать с оскорблением всему роду, и грубое слово, сказанное лицу, распространяли на бесчестье отцов и дедов, братьев и племянников. Впрочем, необходимо заметить, что и противники, в своих ругательствах, пользовались всяким случаем, чтоб припомнить и как можно сильнее задеть какие-либо родовые старые грешки, бесчестившие весь род поголовно. Так, в 1691 г., брань возникла между двумя самыми знатными и значительными лицами, между знаменитым впоследствии князь Яковом Долгоруким и князем Борисом Алексеевичем Голицыным, дядькою Петра, любимым и влиятельным человеком. Желябужский рассказывает в своих Записках: «Побранился князь Яков Федорович Долгорукой в Верху с боярином князь Борисом Алексеевичем Голицыным, называл он князь Яков его князь Бориса Алексеевича *изменничьим правнуком*, что при Розстриге прадед его князь Бориса Алексеевича в *Яузских воротех был проповедником*. И за те слова указано на нем князь Якове Долгоруком

боярину князю Борису Алексеевичу Голицыну и отцу его боярину князю Алексею Андреевичу Голицыну и братьям его всем (доправить безчестье); а *за безчестье полатное*, что он князь Яков говорил в государевой Полате при боярех, послан он князь Яков был в тюрьму; и не довели его князь Якова до тюрьмы, воротили от Спаских Ворот».

В таком виде, вероятно, ходил об этом слух по городу. Подлинное дело, впрочем неполное, рассказывает этот случай таким образом: 1692 г., генв. 28-го, боярин князь Борис Алексеевич Голицын бил челом вел. государям словесно, что «28 числа в хоромех вел. государя (т.) Петра Алекс. комнатные стольники князь Яков да князь Григорей княж Федоровы дети Долгорукие его боярина бранили и всякими скверными и неподобными словами безчестили. Да в тож время безчестили они отца его, боярина кн. Алексея Андреевича», и просил, чтоб в. государи пожаловали, велели б про то бесчестье свидетельми, кто в то время были, сыскать и по сыску указ учинить. Расследовать дело поручено было боярину Тих. Никит. Стрешневу, который на другой день, генв. 29-го, сделал допросы свидетелям.

Стольник Сергей Аврамов сын Лопухин сказал: «Генваря 28 числа в комнате у вел. гос. Петра (т.) боярина кн. Б. А. Голицына стольники кн. Яков и кн. Григорей Долгорукие словами-безчестили и называли ево пьяным и говорили: напрасно брат наш *кнот* посадил в живот Дмитрею Мертвому, посадить было *кнот* тебе в живот; напився ты пьян и за собою пьяных полк возишь и их тешишь, а нас ругаешь».

Федор Опраксин сказал: «Сего генв. в 28 д. в комнате у в. гос. Петра Ал. стольники кн. Яков да кн. Григорей княж Федоровы дети Долгоруково боярина кн. Б. А. Голицына безчестили и говорили: «Для чего ты велел бить держальнику своему Дмитрею Мертвому брата нашего кн. Бориса? И боярин кн. Бор. Ал. говорил: что ты на меня нападаешь, я бить брата твоего не веливал. И против того кн. Яков Д. говорил: побей нас здесь. Мы бы из тебя пьянство то твое збили. И не Дмитриево то дело класть *кноты*-те тебе». И пьяным называли многожды: „Пьяных ты возишь атаманов и велишь нас бить”».

Стольники кн. Юрья княж Яковлев сын Хилков сказал: «Генв. 28 в комнате у в. гос. Петра Ал. стольники кн. Я. и кн. Г. Долгорукие боярина кн. Б. А. Го-

лицына безчестили и говорили: для чего де ты велел бить держальнику своему Дмитрею Мертвому брата нашего кн. Бориса? И боярин кн. Б. Ал. Гол. говорил: что де ты на меня нападаешь, я де брата вашего бить не веливал. И кн. Яков Д. говорил: побей нас здесь, мы из тебя пьянство то твое собьем; и не Дмитреево дело было класть кноты-те тебе». И пьяным называли его многожды: «Пьяным ты атаман и велишь нас бить: поди переведайся с братом нашим кн. Борисом: он тебя дожидается у Спаса».

То же почти слово в слово показали: Тимофей Юшков и Федор Фед. Плещеев. Стольник Михайло Петров Измайлов сказал, что ссоры не слышал, приехал поздно, после той их ссоры.

Стольник Иван Большой Иванов сын Бутурлин сказал: «Генв. 28 в комнату у в. гос. Петра Ал. боярина кн. Б. А. Голицына стольники кн. Яков и кн. Григорей Долгорукие какими словами безчестили, того он не слышал, потому что он в то время в комнате не был. А как он Иван того числа приехал в Верх и пришел в Переднюю и в Передней кн. Яков и кн. Григорей Долгорукие с стольником с кн. Дмитрием княж Михайловым сыном Голицыным считались и говорили они кн. Яков и кн. Григорей про боярина кн. Бориса Алекс. и называли его пьяным и теперь де он пьян. И говорил же он кн. Яков: кабы он за ево князь Яковлев хотя за один волос приелся и мы бы из него и прошлогоцкие дрозжи выбили. А иных никаких слов от них кн. Якова и кн. Григорья в то время не было и боярина кн. Бориса Ал. при том их счете в Передней не былож. А прежде того его боярина они какими словами безчестили, и в то де время в Верху в хоромех он Иван не был».

Василей Соймонов сказал: «Как он шол чрез комнату (с) стряпнею, и в то число боярин кн. Б. А. Голицын с стольники с кн. Яковом да с кн. Григорьем говорили шумко; а что говорили, того он не слышал».

Комнатный истопник Иван Михайлов сказал: «Генв. 28 числа в Комнате у ц. Петра Ал. стольники кн. Яков и кн. Гр. Долгорукие с бояр. со кн. Б. А. Голицыным, стоя, говорили меж собою. А какие слова говорили, того он не слышал, потому что в то время он шел чрез комнату мимо их в Среднюю Комнату вскоре; а подле их не стоял и речей их не слушал».

Окольничий Иван Афанасьевич Матюшкин сказал: «Генв. 28, Стольники Долгорукие в Комнате у в. гос. ца-

ря Петра Ал. боярина Б. А. Голицына безчестили, называли пьяным и «откудава де ты пьяный князь взял то себе, что призвав к себе в дом своего брата и велел держальнику своему бить? Напрасно брат наш держальника твоего поколол. Колоть было тебя. Лутчеб ты кноты-те в себя клал, а не в держальника, чем ты держальника тово заставляешь нас бить. Задери ты нас здесь. Мы б из тебя и прошлогоцкие пьяные дрожжи выбили». А иные какие слова они говорили, того он не упомнит.

«Да тогож генваря в 29 боярин кн. Борис Ал. о безчестье своем, какими словами кн. Яков и кн. Григорей Долгорукие безчестили ево, подал писмо, а в писме пишет: (начала нет)... скверными и неподобными словами меня князь Бориса стольники кн. Яков да кн. Григорей Долгоруков, а называл пьяницею и будто таких же, собрав пьяных, и вожу с собою; и будто, напоя держальников своих, таких же пьяных, что и сам, велю бить брата их кн. Бориса; и будто я их вожу, ту пьяную станицу, не в причинныя места, куды и возить не надобно. Да ониж говорили: «Напрасно де эте кноты кладут в Мертвова, тем было кнотам ходить в тебя; да и так де полно увернулся за сани; быть было в тебе ножу». Да ониж говорили: «Поди теперво! Вон брат князь Борис дожидается у Спаса в Верху. Подери его за волосы, так из тебя и оходы вырежет. А се подь сюды, мы скорее вырежем оход и выпустим кишки, и лучше (?) из тебя годовалые дрожжи выьем! Ты весь налит вином». Да ониж говорили: «Се налив белма об угол не ударишься. Чем брата нашего за волосы драл, ты бы отца своего за бороду драл». Да ониж говорили: «Не дорожи делом, ныне не старая пора, с мечами стоять не велите».

И генв. в 30 д. по указу в. г-рей велено по вышеописанному писму боярина кн. Бориса Ал. про те слова, чего в сказках свидетелей не написано, тех свидетелей допросить же. Свидетели показали, что иное из тех слов не слышали, а остальное слышали и двое прибавили следующие подробности:

Февр. 2-го, стольник Фед. Опраксин показал, что Долгорукие говорили: «Поди, брат кн. Борис, приехав, дожидается тебя у Спаса; изволь ево подрать за волосы, так он из самого из тебя печень вырежет; или нас изволь подрать, мы из тебя из самого пьянство-то выьем!» Да они же без него боярина Б. А. считались с стольником со кн. Дмитрием Голицыным, и говорил он кн. Григорей: «Напившись брат твой пьян об угол головою не ударил».

ся; кабы он постарее брата нашего, отца за бороду поимал». Да князь Яков говорил боярину кн. Борису Ал.: «Не старая вам пора с мечами нас ставить; пора вам в себе и осмотритца».

Окольничий Ив. Афанасьевич сказал: того, что будто он бояр. кн. Борис Голицын возит пьяную станицу не в причинные места, куды и возить не надобно, он не слышал, а говорили он (Долгорукие), что он пьяных атаман и, собрав пьяных, водит короводом и их нами тешит. А те речи, что «и так де толко увернулся за сани, быть было в нем ножу», он слышал, что: быть было в нем вилкам, а про нож не слышал. А из тех слов, что, поди де теперво, брат кн. Борис дожидается у Спаса в Верху, подери де его за волосы, так де из него и оходы вырежет; а се поди суды, мы скорее вырежем оход и выпустим кишки, — слышал он только, что: «Поди к Спасу, брат де кн. Борис дожидаетца. Он де гостинцы с тобою разделит. У него неуйдешь». Или: «Поди де к нам, мы из тебя скорее пьянство вышебем». А что «де он весь налит вином и налив бельма об угол не ударишься, — и что не дорожи де делом, ныне не старая пора, с мечи стоять не велите», — те слова он слышал. А что те слова: чем де брата нашего за волосы драл, он бы де драл отца своего за бороду — говорил про него боярина кн. Бориса Ал. князь Григорей Долгорукой брату ево стольнику кн. Дмитрею Голицыну без него боярина».

Как видно, боярин настаивал на том и просил государей, чтоб оскорбители его чести были наказаны примерно. Об этом свидетельствует челобитная Долгоруких, в которой они объясняют: «Учинилась у нас ссора на словах и в сыску, которые допрашиваны и из них иные, ища с ним боярином дружбы и опасаясь его, сказали то, чего мы не говаривали. А в той ссоре (и Голицыны) нас бранили и словами безчестили. И по тому сыску боярин бьет челом на нас о странном и необыкновенном указе, хотя нами образец учинить и исполняя злобу свою, хотя нас обругать напрасно. А у нас с ними ссора учинилась не странная, брань такая, какия всегда между нами за недружбы бывают. И на такая брани свидетельствует указ (царя Алексея Мих.); у кого учинится с кем брань в ваших государских хоромех, в Уложеньи напечатано в 3 главе 1 и 2 статьи; а кто кого обезчестит и за то указы не такие, о чем он боярин бьет челом, хотя исполнить по злобе намерение свое. А свидетельствует на то указ

в Уложении в 10 главе 27, 30 до 91 статьи: за безчестье патриарха велено отсылать головою, за митрополитов — велено сажать в тюрьму, а за безчестье бояр, не токмо на нашей братье и на людях самых низких чинов и на городских детях боярских велено править безчестье. И тот указ и доднесь стоит нерушим и на обновление против того указу новоуказных статей никаких нет, а вершать и до ныне все такие дела тем указом. И в нынешнем (1692 г.) по докладу из Приказу Большаго Дворца боярину кн. Мих. Алегук. Черкасскому за бранное безчестье на Андрее Бахметеве велено доправить безчестье, а иного ничего ему Андрею не учинено. А он боярин (Голицын) челобитьем своим указывает на примерные дела, в которых указы чинены кроме Уложения, в отеческих делах, также за жестокое и дерзкое вам государям челобитье. А по вашему указу указано дела по примерам вершить такие, о которых в Уложении не напечатано и в новоуказных статьях нет. А о сем нашем деле ясный указ отца вашего (ц. Алексея). А он боярин бьет челом о указе чрез Уложение, хотя показать силу свою, видя нас перед собою упавших. Милосердые государи! велите сыскать по Уложению и не велите чрез указ отца вашего и за службы и крови и за смерти сродников наших и за наши службишки чрез Уложение безвинно обругать, чтоб нам вашим государским Богоподрожательным правосудием и истиною не предатися в руки сильнаго и безвинно обруганным не быть». Неизвестно, чего именно просил Голицын. В деле также не находится указания на то, о чем именно говорит Желябужский, что Яков Долгорукий бранил Голицына изменничьим правнуком.

«1692 г., марта 2, в. государи, слушав сего дела в Комнате, указали: по сыску свидетелей, стольников кн. Яков и кн. Григорья Долгоруких, за безчестье бояр кн. Алексея Андр. и сына его кн. Бориса Ал. Голицыных, что они в его в. государя Комнате их бояр бранили всякими скверными и неподобными словами безчестили, — послать в тюрьму. Да на них же за безчестье им боярам взять денежные их оклады сполна. А что они довелись по Уложению за честь их государскаго Двора послать в тюрьму, и в. государи пожаловали, за то их в тюрьму посылать не указали...

И для взятья по окладам их денег в Розряд посланы и из Розряду к ним (Долгоруки.) на дворы подъячие многоряды и по тем посылкам они тех денег в Розряд не при-

слали. И июля 13 для правезу тех денег взято в Розряд людей с двором их по 2 челов. и поставлены на правезе. А июля 30 они били челом, что им тех денег заплатить нечем и чтоб в. государи пожаловали их, велели им те деньги по Уложению собрать в перевод. Но в Розряде указу в. государей о том не состоялось¹. А люди их стоят на правезе 1692 г. июля с 13, декабря по 10 число 1693 г., итого год 5 месяцев и 27 дней. А в боярской книге 200 г. боярину Алексею Андр. денежной оклад с придачами 800 р.; а Борису Ал. в кравчих и в боярах денежного окладу не учинено. И по окладу доведется взять по 800 р., итого 1600 р. И в том против окладу люди их (Долгоруких) на правезе указные месяцы с 13 июля 200 г. ноября по 13 нынешняго 202 г., итого год 4 м-ца выстояли. А буде боярину Борису Ал. оклад учинить против кравческой чести 350 р. и к тому новичному окладу придачи ему справить заслуженные в той же чести, итого будет 790 р.; и доведется взять за безчестье на Долгоруких по 790 р. и того 1580 р.; и людем их на правезе доведется стоять дек. с 10 числа 202 года 7 недель и 3 дни. Итого за безчестье бояром Голицыным на Долгоруких доведетца взять 3180 р. А буде боярину Борису Ал. учинить денежной оклад отца его 500 р. и по тому окладу доведется на правезе стоять 10 месяцев, итого за безчестье 2600 р.»

Но Долгорукие, как ими объяснено, не могли уплатить такой суммы и по Уложению гл. 10, ст. 91 следовало их бить кнутом, чего вначале, может быть, и искал их соперник, кн. Голицын. Дело, однако, тянулось и окончилось со стороны Голицыных отказом от взыскания по случаю смерти Голицына-отца. Уже чрез три года Голицын-сын подал к делу следующее челобитье:

«Бьет челом холоп ваш Бориско Голицын. По вашему в. государей указу, по делу в Розряде указано отцу моему боярину кн. Алексею Андр. и мне на кн. Якове да на кн. Григорье Долгоруких безчестье; и отец мой при кончине своей приказал мне, того безчестья на них имать не велел и велел о том принести к делу челобитную. Так же и я холоп ваш о своем безчестье на них потому делу вам в. государям не челобитчик. *На обороте:* 203 г. мая в 8 день по указу в. государей боярин Тих.

¹ На правезе за каждые сто рублей по Уложению следовало стоять целый месяц. *Переводом* называлось, когда по просьбе ответчика переводили взыскание и на другой месяц, т. е. позволяли стоять два месяца. Но больше тянуть дело не дозволялось (Гл. 10. Стб. 261),

Никит. Стрешнев приказал се челобитье записать в книгу, а челобитную взять к делу. *Собственноручно*: Бориско Голицын по указу родителя своего боярина князь Алексея Андреевича завещаном, яко волею о своем; акожде и моем безчестии неимания, волею ево родительскую, рукою поткрепил».

Если такие знатные и почтенные особы позволяли себе бесчинствовать в царских палатах, то меньшим людям нельзя и в грех ставить их частые побранки на Постельном крыльце, где всегда собиралось много молодежи и где, следовательно, по многолюдству и по незрелости лет ссоры были делом самым обыкновенным. Еще меньше должны мы требовать от низших служителей дворца, разных истопников, сторожей и т. д.; людей простых, не знатных и не богатых, между которыми, разумеется, происходили еще большие бесчинства. Где им было учиться вежеству и тихим нравам, когда со стороны царедворцев они никогда и ничего подобного не видали. Вот черта царедворческих отношений к этим меньшим дворовым людям:

В 1649 г. постельный истопник Демка Клементьев бил челом государю: «Жалоба, государь, мне на стольника на Романа Федорова сына Бабарыкина; в нынешнем государь во 157-м году июня в 15 день в твоём государеве походе в селе Покровском, на твоём *государеве дворе*, стоял я холоп твой на крыльце; а тот Роман тут же на крыльцо пришол и учал меня холопа твоего он Роман посылать по квас на Сытной дворец; и я холоп твой его не послушал, по квас не пошол, потому что я холоп твой в Передней дневал; и он Роман за то меня холопа твоего спихнул с лестницы и убил меня до полусмерти; и лежал я холоп твой на земле, обмертвев, долгое время; и оттерли меня холопа твоего товарищи мои льдом; и от тех побой ныне я холоп твой стал увечен. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего, вели государь про тот мой бой сыскать, и про увечье, и по сыску свой государев указ учинить; а безчестышку государь моему и увечью, что ты государь укажешь. Царь государь смилуйся пожалуй! — Роспись, которые видели, как истопника Дему Клементьева с лестницы убил Роман Федоров сын Бабарыкин: князь Иван Борисович Репнин, князь Афонасей Борисович Репнин, Федор Лодыженской, Юрь Левонтьев, Иван Соковнин, Яков Жу-

ков, Абрам Связев, Борис Змеев, государев крестовой поп Василей Климантов.

И постельничей Михайло Алексеевич Ртищев, слушав сей челобитной и росписи стольников и стряпчих про Демкин бой, по государеву крестному целованью, в объезде в селе Покровском на крыльце допрашивал. И постельничему Михайлу Алексеевичу Ртищеву стольники и стряпчие и голова стрелецкой сказали, по государеву крестному целованью: князь Иван Репнин, Юрья Левонтьев, Яков Жуков, Абрам Связев, Борис Змеев, крестовой священник Василий Климонтов, сказали по священству: в нынешнем де во 157-м году июня в 15 день в объезде в селе Покровском видели де они постельного истопника Демку Клементьева на нижнем крыльце, что он лежит ушибен, а кто его с крыльца пихнул, того они не видали; а от людей слышали, что пихнул его с крыльца стольник Роман Бабарыкин. Да в речех прибавил Яков Жуков: видел де он, как истопник Демка Клементьев с лестницы летел и Юрья Левонтьева в голову зашиб. — Князь Афонасей Репнин, Федор Соковнин, Михайло Еропкин, сказали, по государеву крестному целованью: Роман Бабарыкин постельного истопника Демку Клементьева с крыльца пихнул. Да в речех своих прибавил князь Афонасей Репнин: посылал де его Роман не ведомо по што и он де его не послушал и за то де его Роман с крыльца спихнул. Федор Лодыженской сказал, по государеву крестному целованью, что в то время Федор на крыльце не был и от людей про Демку, как его Роман с крыльца спихнул, не слышал. — Голова стрелецкой Михайло Зыбин сказал, по государеву крестному целованью: видел де он, что *истопник Демка с лестницы кубарем летел*; а кто его пихнул, того де он не видал; а от Юрья Левонтьева слышал, что говорил Юрья Роману Бабарыкину: для чего де ты истопника на меня пихаешь?»

Для характеристики подобных же поступков и нравов между дворовыми людьми приведем несколько случаев. В 1652 г. бил челом государю, а постельничему Федору Михайловичу Ртищеву подал челобитную постельной сторож Куземка Еремеев, а в челобитной пишет: «В нынешнем государь во 160-м году генваря с 31-го числа в вечеру, часу в пятом ночи, сошелся со мною в *жилецком подклете* постельной истопник Яков Быков

и бранил меня всякою позорною бранью и ушиб меня кулаком и вышиб левой мне глаз и тем меня изувечил. Милосердый государы! пожалуй меня холопа своего, вели, государь, про тое мою брань и про бой сыскать теми людьми, кои тут были, и по сыску свой царской указ учинить. Царь государь смилуйся! —

И постельничей Федор Михайлович Ртищев его Куземку допрашивал, кто в ту пору был, как его Яков Быков в жилецком подклете бил? И Куземко сказал: были де в ту пору в жилецком подклете: постельной истопник Архип Соколов да сторожи Гриша Клементьев да Петрушка Нефедов. И постельничей Федор Михайлович Ртищев постельных истопника и сторожей допрашивал, и постельной истопник Архип Соколов сказал, по государеву крестному целованью: видел де он то, как Яков Быков сторожа Куземку в глаз зашиб; а за что де у них стало, и он де того не ведает. Гришка Клементьев да Петрушка Нефедов сказали, по государеву крестному целованью: пришли де они в жилецкой подклет и Куземка де пьет вино из кубышки: а Яков де Быков прошал у него вина; и Куземка де ему вина пить не дал, а говорил ему: я де государево жалованье сам пью, и Яков де его за то ударил кулаком и вышиб у него глаз».

В 1666 г. июня в 20 день была челом государю золотного дела мастерица Федосья Кашинцова словесно, государыни царицы Марии Ильичны чину на сына боярского, на Федоса Новашина о безчестьи, что называл де ее Федосью *безпелюхою*; а кто про то слышал и тем людем имена подала роспись в Верху окольнічему Василью Михайловичу Еропкину да дяком Ивану Взимкову да Ивану Яковлеву. Шлюсь государь на детей боярских на Уласа Пестова, да на Федора да на Дмитрия Кривцовых, да на подкляшника на Василья Горюшкина, как меня при них *безпелюхою* называл сын боярской Федос Новашин и они то слышали; в том государь на них и шлюсь. И против той ее росписи сыскивано: 174-го июня в 20 день против словесного челобитья золотного дела мастерицы Федосьи Кашинцовой Кормового дворца подкляшник Василей Иванов сын Горюшкин сказал, по евангельской заповеди Господнии: тому де дни с три, шол он Василей после кушенья на Светличное крыльцо и мастерица де Федосья сыну боярскому Федосу Новашину говорила, что подговорил он у ней жонку и чтоб

де, сыскав, ей отдал; и Федос де ей мастерице говорил: я де твоей жонки не подговаривал, и называл ее Федосью *небылицею* и *безпелюхою*, ты де на меня затеваешь напрасно; а Федосья де ему Федосу против слов его говорила: ты де уличен, подговорных людей лицом отдаешь. Того ж дни государыни царицы чину дети боярские Федор да Дмитрий Гавриловы дети Кривцовы, по евангельской заповеди Господнии, сказали: тому де назад пятой день, в субботу, стояли они с матерью своею на Светличном крыльце до столоваго кушенья, и в те де поры золотнаго дела мастерица Федосья Кашинцова считалась с сыном боярским с Федосом Новашиным и говорила ему Федосу, ты де у меня жонку подговорил; и Федос де ей Федосье, против тех ее речей говорил: я де у тебя жонки не подговаривал, а тех слов от Федоса, что он ее Федосью называл *безпелюхою*, не слышали, а называл ли он Федос ее Федосью такими словами, до нас или после нас, того мы не ведаем. — Тогож дни тогож чину сын боярский Влас Пестов, по евангельской заповеди Господнии, сказал: дневал де он на Светлишном крыльце в субботу и пришел де на крыльцо сын боярский Федос Новашин к жене, и в тож время вышла на крыльцо мастерица Федосья Кашинцова и учела говорить Федосу: ты де у меня жонку подговорил; и Федос де ей говорил: я де у тебя жонки никакой не подговаривал; и Федосья де ему Федосу говорила: ты де ведомой подговорщик, лицом де ты жонку да девку отдал Варваре Бахтеяровой; и Федос де против тех ее слов назвал ее Федосью *безпелюхою*.

В 1670 г. бил челом государю постельной сторож Кондрашка Захарьев: «Жалоба государь мне на истопника Костянтина Чулкова; в нынешнем государь во 178-м году генваря в 27 день на твоем государеве дворе против Постельного Крыльца, ухватя меня холопа твоего, он, Костянтин, поперег, переломил у меня ногу, левую ногу берцо, на двое; и ныне я от того увечен. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего, вели государь о том свой государев указ учинить. Царь государь смилуйся! Помета: 178-го генваря в 31 день сыскать ссылочными людьми».

В 1693 г., августа 3-го, бил челом государям Мастерской палаты государынь цариц и царевен подьячий Василий Клушин. «Сего де числа был он в Мастерской

Полате, сидел за столом, где они подъячие садятся; и в то де число приход в Мастерскую Полату закройщик Яков Матвеев и сидел за поставцем, где делают платье. И издеваясь, говорил ему Василью: *добр де подъячей, да язык высуня, пишет*; еслиб де я, шод, и сзади его ударил, и язык де бы ему пришиб. И иные многие издевательские слова ему говорил. Да в тех же де речах молвил ему Василью: *не поможет де тебе и царевна, что я над тобою сделаю*. А которая именем, того не молвил. И про иных, его братью, подъячих, говорил, безчестя его Василья и иных его братью подъячих: что будто и в холопи к нему иной подъячей бьет челом. И он де Василий ему Якову запрещал и унимал, чтоб он неприличных слов не говорил, и его Василья и иных его братью подъячих не безчестил. А слышали де те его слова портные мастера Андрей Якимов, Андрей Моисеев, Афонасий Селуянов; чеботники Селиверст Филипов, Андрей Иванов. И чтоб великие государи пожаловали его, велели про те его Яковлевы слова розыскать и свой государев указ учинить. И против того его словесного челобитья в Мастерской Полате закройщик Яков Матвеев допрашиван, а в допросе сказал: подъячей де Василий Клушин говорил ему Якову, что будто он Яков не по делом на них подъячих находит и называл его чортом и бранил матерны. И он де Яков, против его Васильевых слов, что добр де подъячей, да язык высуня, пишет: и если б де он шол и сзади его ударил и язык бы де пришиб — говорил. А что: не поможет де тебе и царевна, что я над тобою сделаю, — таких слов он Яков ему Василью не говаривал. А про подъячего ж де, что в холопи к нему бьет челом, он Яков говорил же. А опричь де тех слов он Яков ему Василью не говорил, и в том де он Яков шлется на тех людей, которые в словесном его Васильеве челобитье написаны. А затеял де Василий на него Якова, что будто говорил он Яков про царевну; за то: будучи он Яков в походе в селе Коломенском говорил им подъячим Ивану Протопопову и ему Василью, чтоб они людей своих и иных лишних людей в Мастерскую Полату не пускали, для того, что он Яков застал их в Полате и из Полаты высылал вон; и в том де он Яков шлется на мастеровых людей, которые в то время были».

Весьма любопытное и по речам бесчестья совсем уголовное дело возникло в 1649 г. по случаю не только

оскорбительной лично, но и очень важной клеветы на окольного Богдана Матв. Хитрово, впоследствии самого приближенного к государю лица, получившего звание боярина, оружейничего и дворецкого и со славою управлявшего дворцовым ведомством и при царе Алексее Михайловиче и при его сыне Федоре Алексеевиче. Надо упомянуть, что дело возникло спустя с небольшим только год после известного Московского мятежа в июне 1648 г. Окольный Хитрово обвинялся именно как один из заводчиков мятежа. Обвинение было страшное, и потому Хитрово поспешил подать государю следующую челобитную:

«Царю государю и в. к. Алексею Михайловичу всеа Руси, бьет челом холоп твой Богдашко Хитрово. В нынешнем государь во 157 году июля в 11 день, как ты, государь, был у панахиды у Архангела Михаила, и в то, государь, время лаял и безчестил и позорил и дураками называл племянников моих Ивана Богданова сына да Ивана Савостьянова сына Хитрово, Ефрем Юрьев сын Бахметев. Да в то же, государь, время он же Ефрем Бахметев у Архангела Михаила и на Постельном крыльце меня, холопа твоего, лаел и безчестил и называл меня гильшиком и заводчиком и сказывал, что будто я холоп твой, будучи на твоей государеве службе, на Азовской степи, на Синбирском, завод заводил в убийстве боярина Бориса Ивановича Морозова; и будто писал я холоп твой грамотки к боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому и к дядьям своим о заводе дурном и о убийстве боярина Бориса Ивановича. И я холоп твой такого заводу дурного не заваживал и боярину князю Алексею Никитичу и к дядьям своим о таком деле грамоток не присылывал; а дядей, государь, у меня холопа твоего, кроме постельничего Михайла Алексеевича Ртищева, никого нет; а прежде, государь, сего родители наши служили вам великим государем и в измене, и в гильшиках, и в заводчиках нигде не бывали; а отец, государь, его Ефремов Юшка Бахметев вам, государем, изменял и с Польскими и с Литовскими людьми под Москву приходил; а в то, государь, время дядя мой родной постельничий Михайло Алексеевич Ртищев вам великим государям служил и в тюрьме сидел, а в измене и в гильшиках нигде не бывал. Да он же государь Ефрем Бахметев при многих людях мне холопу твоему грозил, что мне быть разорену и сослану. Милосердый государь (т.), пожалуй ме-

ня холопа своего, вели, государь, про то дело сыскать стольники и стряпчими и дворяны Московскими и жильцы и всяких чинов людьми, которые в то время тут были, как он меня холопа твоего у Архангела в церкви и на Постельном крыльце лаял и безчестил и гильшиком называл и разореньем и ссылкой грозил, своему государеву боярину, кому ты, государь, укажешь; и по сыску, государь, на такого изменничья (сына) вели мне холопу своему дать оборон по своему государеву милостивому рассмотрению, чтоб впредь таким изменничьим детям неповадно воровать и нашу братью безчестить и гильшиком называть. Царь государь смилуйся! —

И государь (т.), слушав челобитные окольного Богдана Матвеевича Хитрово, указал про то сыскать и стольников и стряпчих и дворян Московских и жильцов распросить боярину Илье Даниловичу Милославскому да думному дьяку Семену Заборовскому. И тогож дни стольник Иван Богданов сын Хитрово боярину Илье Даниловичу Милославскому да думному дьяку стольникам и стряпчим и дворянам Московским и жильцам подал имяны за своею рукою таковы: имена при ком говорил Ефрем Юрьев сын Бахметев у церкви Архангела Михаила и на Постельном крыльце про окольного про Богдана Матвеевича Хитрово: князь Данило Мышетцкой, Кузьма Трусов, Василий Панин, Иван Лихарев, Григорий Вердеревский, князь Семен Болховский, Федор Сомов, Петр Вердеревский, князь Федор Юсупов, Артемий Камынин, Еремей Пашков, Петр Лодыженский, Матвей Шишкин, Иван Рышкеев, Семен Лаврентьев сын Совин, Матвей Исленьев, Петр да Любим Бахметевы, Микита Тургенев. *Помета*: «157 июля 12 день, подал Иван Хитрой».

И по государеву (т.) указу боярин И. Д. Милославский да думный дьяк, стольников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов расспрашивали всех порознь по государеву (т.) крестному целованью. И стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы боярину да думному дьяку в расспросе сказали: «Кузьма Андреев сын Трусов сказал: июля де в 11 день, как государь был в церкви у Архангела у понахиды и Ефрем де Бахметев окольного Богдановых племянников Матвеевича Хитрово, Ивана, а другому имя не ведает, называл дураками, а говорил: «Грозишь де ты мне Богданом, а я де Богдана не боюсь, боярин де Борис Иванович на Богдана меня не променит»; а больши де того он

Кузьма никаких речей не слышал. А на Постельном Крыльце он не был. — Артемий Богданов сын Комынин сказал: июля в 11 день, как государь был в церкви у Архангела у понахиды и в то де время говорил в церкви Ефрем Бахметев: «Приходя де ко мне Богдана Матвеевича Хитрово племянник Иван Богданов сын Хитрово и угроживает Богданом, а Богдан де кем и в люди вышел и того отступился, и хочет де меня Богдан отлучить от милости боярина Бориса Ивановича, и ему де и самому вперед двора его не знать». Да Артемий же слышал от Василья Панина, что говорил де Ефрем Бахметев, что отпускал Богдан от себя из полку к Москве детей боярских, а те де дети боярские на Москве были в гильшиках, а больши де того он Артемий ничего не слышал. — Иван Петров сын Лихарев сказал: «Как государь был в церкви у Архангела у понахиды, и в то де время бранились меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Хитрово: «Вы то де хотите у меня отнять поместье, я де о том поместье бью челом государю год; а вы де какие слуги, и лутчей де ваш Богдан Хитрой и того де столько службы нет, что моей». И Иван де Хитрой молвил: «Запиратца де тебе Ефрем». И Ефрем де молвил: «Не запиратца, я де ведаю про Богдана и пуще того; разве де Богдан служил тем, как с Атемара присылал к Москве к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому, с отписками, как убить боярина Бориса Ивановича», а кого присылал с отписками и Ефрем де называл именем, только де он Иван того не упомнит». — Василий Никитин сын Панин сказал: как государь был у Архангела у понахиды и в то де время в церкви бранился Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым и говорил Ефрем: «Вы де бьете челом государю на меня о поместье: за что де у меня у слуги отнять и вам не слугам отдать; и лутчей де у вас Богдан, и тот не слуга, только де его и службы, что присылал он от себя из полков к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому, как убить боярина Бориса Ивановича Морозова». — Князь Данила Мышетцкий сказал: как государь от понахиды прошел к себе в хоромы и на Постельном де крыльце говорил Ефрем Бахметев: «Хитрые де ходят за мною скопом и хотят убить; а ныне де скопом и заговором ходить не велят». Да тут же де пришел к Ефрему Иван Хитрой и говорил ему: «Напрасно де ты Ефрем тем нас безчестишь и лаеш, помниш ли де, как родители ваши в Тушино изменяли». И Ефрем де Ивану говорил: Здесь де вам меня

не убить; едва де я от вас и с площади на Постельное крыльцо ушел». А больше де того он князь Данило никаких речей от них не слышал. А ныне де, июля в 12 день, шел он князь Данило в Верх и у Красного де крыльца у Благовещенской поперти стоял — Ефрем Бахметев и говорил: «Бил де челом государю на меня окольничий Богдан Матвеевич Хитрово о вчерашнем деле и по его челобитью велено сыскать, и говорят де про меня Хитрые, что я говорил вчерась не о своем уме, а я де и ныне помню, что вчерась говорил. Чем де много сыскивать сторонними людьми, вели де государь его и меня принять и за мною де будет теж речи, да еще де и сверх того прибавлю, которых вчерась не говорил и тот де сыск будет подлиннее и к делу ближе». А про кого Ефрем такая речи говорил, того он князь Данило не ведает. — Микита Григорьев сын Тургенев сказал: вчерась де меж Ефрема Бахметева и Ивана Хитрово брани и никаких речей он Микита не слышал, а ныне де июля в 12 день, стоял Ефрем Бахметев у Благовещенския паперти на рундуке и говорил (те же речи, что приведены выше). А про кого Ефрем такие речи говорил, того он Микита не ведает. — Матвей Захарьев сын Шишкин сказал: вчерась де июля в 11 день, как государь от панахиды прошел к себе в хоромы, бранился на Постельном Крыльце Ефрем Бахметев с Иваном да с Данилом Хитрыми и называл Ефрем Ивана и Данила худяками и не слугами. «Вы то де хотите у меня поместье сильно отнять и ходите де за мною семьею и грозите мне Богданом, я де Богдана вашего не боюсь, не променяет де меня боярин Борис Иванович, на Богдана, и знают де меня в Арзамасе с вами, как де я приду в съезжую избу — и вас де тут и не пустят, а в иное де время и вон из избы вышлют». — Еремей Афонасьев сын Пашков сказал: вчерась де как государь от панахиды прошел к себе в хоромы розчитались меж себя на Постельном крыльце Ефрем Бахметев с Иваном Хитрово и говорил Иван Ефрему: «Запиратца де тебе в давешнем деле», и Ефрем говорил: «Что де ты Иван грозишь мне отпискою, я де в том не запрусь, кем де свет видит, того же де велел убить». А к кому такая речи Ефрем говорил, того он Еремей не ведает. — Князь Федор Юсупов сказал: вчерась де, как государь от панахиды прошел к себе в хоромы, рассчитались на Постельном крыльце Ефрем Бахметев с Иваном и с иными Хитрыми, и говорил Ефрем: «Знают де меня с вами, каков я и каковы вы;

что де ходите за мною скопом и заговором все родом, или де хотите убить, только де я вас не боюсь». — Григорий Иванов сын Вердеревский сказал: как государь был у панихиды у Архангела и в церкви де бранились Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым, и говорил Ефрем: «Что де ты Иван говоришь мне Богданом Матвеевичем, Богдан де присылал от себя из полков челобитчиков к Москве и велел кричать и гиль заводить; кем де он жив — боярином Борисом Ивановичем — и того велел убить». — Петр Иванов сын Вердеревский сказал: слышел он от брата своего от Григорья, что Ефрем Бахметев бранился в церкви у Архангела с Иваном Хитрово и говорил, будто присылал окольныйчии Богдан Матвеевич от себя из полков к Москве челобитчиков и велел кричать и гиль заводить и убить боярина Бориса Ивановича. — Матвей Степанов сын Исленьев сказал: как государь был у Архангела у понахиды и в церкви де бранились Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым и говорил Ефрем Ивану: «Обычный де ты человек, знали де тебя и в те поры как у тебя и алтына не было, а ныне де ты, приходя в Поместный Приказ, похваляется надежою своею Богданом Матвеевичем; и я де того не боюсь, у меня де и у самого есть, и стану де на тебя бить челом государю и бояром Борису Ивановичу, да Илье Даниловичу; а будет де тебе надобно ведать про свою старину и батька де мой вашу старину допряма знает, каковы были наперед сего». — Федор Иванов сын Сомов сказал: как государь от понахиды прошел к себе в хоромы и в то де время на Постельном крыльце бранились Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым и говорил Ефрем Ивану Савостьянову сыну Хитрово с лаею и называл их не слугами и лутчий де вам слуга летось в бунт писал к Москве к дядьем своим грамотки и присылал с отписки, а к кому имянем к дядьем грамотки писал и с отписки присылал, того Ефрем имянно не говорил; да Ефрем же де говорил — и лутчая де надежа у Богдана и он де и на того помыслил, а на кого, и что помыслил, и про то Ефрем имянно не говорил же. — Петр да Любим Александровы дети Бахметева сказали: как государь был у панахиды у Архангела и в церкви де розсчитались меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым о поместье, и говорил де Иван Ефрему: я де бью челом государю о поместье. И Ефрем де говорил: ты де научил бить челом о поместье Савостьяновых детей, а они де и говорить не умеют, а о том де поместье

бью челом государю я и подписная де челобитная мне подписана, что того поместья мимо меня никому не отдать да и очная де ставка с Петром Очиным-Плещеевым о том поместье у меня была, за што де у меня поместья отнять и неслугам отдать? И Иван де Ефрему говорил: кто де неслуги и кого неслугами называешь? И Ефрем де говорил: и лутчий де у вас Богдан и тот неслуга, только де Богданова и добра: которые Арзамасцы Дмитрий Нетесов, да Иван Исупов, да Понкрат Нечаев, на боярина на Бориса Ивановича завод заводили и про смертное убойство говорили — и он де, ведая за ними тот завод, отпускал их к Москве с отпискою; а с какою отпискою отпускал того они не слышали и обычными де людьми Ефрем Хитрых называл. — Петр Муралеев сын Лодыженский сказал: как государь от понахиды прошел к себе в хоромы, и в то де время на Постельном крыльце разсчитались меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Богдановым сыном Хитрово и называл де Ефрем худыми людишками, и против де того молвил Иван Савостьянов сын Хитрово: а ты де Ефрем кто? И он де ему говорил: с тобою де я и говорить не хочу, что ты худ и глуп и ни к чему не надобен; а в Арзамасе де, где я в избе сижу и ты де тут и войти не смеешь, дай де мне дождатся боярина: то де вам не прежний гиль; я де вас выучу. А кто боярин, того Ефрем имянно не говорил. — Князь Семен княж Микитин сын Болховской сказал: как государь был у Архангела у понахиды и в церкви де разсчитались меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Хитрым, и называл Ефрем Хитрых обычными людьми, везде де вы похваляетесь надежным своим Богданом и будет де вам надобно, я де скажу, какие вы люди. А больше де того он князь Семен никаких речей от них не слышал, потому что пришел поздно. — Иван Васильев сын Рышкеев сказал: как государь был у понахиды у Архангела и в церкви де разсчитались меж себя Ефрем Бахметев с Иваном Хитрово; и говорил Ефрем Ивану: бьете де челом вы государю о поместье за моим челобитьем и за очною ставкою, а как де я на очную ставку не пошел и вы де на очную ставку не ходили и от дела прочь отступились. И Иван де Ефрему говорил: тебе де одному того поместья не дадут же, за тобою де и опричь того две дачи. И Ефрем де говорил: за что де у слуг отнять да вам не слугам отдать. И лутчий де ваш Богдан — и тот не слуга, будет де то его служба, что он присылал от себя к Москве детей боярских с отпискою

к боярину гиль заводить на Бориса. А к которому боярину присылал и на котораго Бориса гиль заводить, того Ефрем имянно не говорил. А как де государь от понахиды прошел к себе в хоромы, и на Постельном де крыльце говорил Ефрем Бахметев: заводит де Богдан казачьи круги, ходит де брат его Иван с Вердеревскими да с Паниным хотят де его убить, а он де в том надежен на боярина на Бориса Ивановича, не променит де его боярин Борис Иванович и не на Богдана. — Семен Лаврентьев сын Совин сказал: как государь от понахиды прошел к себе в хоромы, и Ефрем де Бахметев, идучи от Архангела к Благовещенью, рассчитались с Иваном и с иными Хитрыми и говорил Ефрем Хитрым, что они люди недорогие и служба их обычная, кто де у них и лутчий и тот де человек обычной, не по прежнему де гиль заводить.

И июля ж в 18 день, государь (т.) слушав сыскных речей, указал Ефрема Бахметева против сыскных речей роспросить. И по государеву (т.) указу боярин Илья Данилович Милославский да думный дьяк Семен Заборовский Ефрема Бахметева розспрашивали: июля в 11 день, как государь был у Архангела у понахиды и он Ефрем, бронясь с Иваном Хитрым в церкви и на Постельном крыльце, говорил, что окольниковый Богдан Матвеевич Хитрово присылал к Москве к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому и к дядьям своим с грамотки, как бы убить боярина Бориса Ивановича, и то он говорил ли, что боярин Борис Иванович его, Ефрема, на Богдана Матвеевича не променит, и чтоб государь велел окольникового Богдана Матвеевича и его Ефрема принять, а он Ефрем скажет, как к делу ближе, и он бы сказал правду. И Ефрем Бахметев в розпросе сказал: говорил де ему Иван Хитрой во многих местех, о котором де поместье бьет челом государю он, Ефрем, и того де поместья ему Ефрему не дадут; а Июля де в 11 день, как государь был у Архангела у понахиды, и в церкви де Иван же Хитрой говорил ему Ефрему: ведают де они на кого он Ефрем надежан, только де того поместья ему Ефрему не дадут и на него плюнут; и Богдана де Матвеевича на него не променяют. И он де Ефрем против того говорил Ивану, что окольниковый Богдан Матвеевич к тем не добр и не жалует, которых жалует боярин Борис Иванович, а жалует тех, которые на боярина на Бориса Ивановича посягают; как де окольниковый Богдан Матвеевич был в Синбирском и весть учи-

нилась, что на Москве смятенья, и Арзамасцы де Дмитрий Нетесов, Иван Исупов, Ондрей Чемесов, которые на боярина на Бориса Ивановича посягают, били челом Богдану Матвеевичу, чтоб их отпустил к Москве в челобитчиках, и Богдан де Матвеевич отпустил их к Москве, и те де Арзамасцы, будучи на Москве в челобитчиках, говорили про боярина про Бориса Ивановича неистовыя слова и про смертное убойство; и к тем же его Ефремовым речам пристали Василий Панин, да Иван Лихарев и говорили ему, Ефрему, будто он окольникового Богдана Матвеевича безчестит и называет бунтовщиком, и говорил будто, что окольниковый Богдан Матвеевич велел убить боярина Бориса Ивановича. И он де, Ефрем, слыша от них такая слова, пошел прочь, а таких де речей он Ефрем не говаривал, что окольниковый Богдан Матвеевич писал к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому и к дядьям своим о убойстве боярина Бориса Ивановича; и того не говаривал, что боярин Борис Иванович на окольникового на Богдана Матвеевича его Ефрема не променит; да и того де он Ефрем не говаривал же, чтоб государь велел окольникового Богдана Матвеевича и его Ефрема принять, и неслугую де Богдана Матвеевича он не называл и ничем не безчестивал; а грозили де ему Иван Хитрой, да Василий Панин, да Иван Лихарев окольниковым Богданом Матвеевичем, и он де к тем их словам говорил, что он Богдана Матвеевича не боится, а больше де того он Ефрем не говаривал; а что де он Ефрем говорил и те де все его речи записаны. И июля ж в 27 день, Ефрем Бахметев сыскными людьми (имена) с очей на очи ставлены, и сыскные люди на очной ставке сказали по государеву (т.) крестному целованью те же речи, что и наперед сего кто что в своей сказке сказал; а Ефрем Бахметев сыскными людьми на очной ставке допрашиван, такая речи он говорил ли, что про него обыскные люди сказали; и Ефрем Бахметев в распросе сказал, что он говорил наперед сего, то и ныне, а сыскные де люди, что хотели, то и сказали».

157 августа в 1 день «сего дела государь слушав, указал и бояра приговорили: бить Ефрема Бахметева кнутом на козле за боярское безчестье и за окольниково, что он боярина и окольниково обе(зче)стил своимн безумными словами».

В то же время последовала справка о присланных в Москву арзамасцах и об отписке Богдана Хитрово, ни-

чего заговорного не открывшая, а потому в исполнение упомянутого приговора было повелено: «Сказати Ефрему Бахметеву: Ефрем Бахметев! Государь царь (т.) повелел тебе сказать: в нынешнем во 157 году июля в 11 день, бранился ты в соборной церкви у Архангела Михаила окольного Богдана Матвеевича Хитрово с племянники, с Иваном Богдановым сыном да с Иваном Савостьяновым сыном Хитрово и говорил, что в прошлом году, как было на Москве смятенье, окольной Богдан Матвеевич Хитрово присылал к Москве из Синбирскаго Арзамасцов детей боярских гиль заводить и писал к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому, как бы убить боярина Бориса Ивановича Морозова; да ты ж Ефрем окольного Богдана Матвеевича называл неслогою; а у разспросу ты в том во всем запырался. И по государеву указу про то дело сыскivano стольники, и стряпчими, и дворяны, и в сыску стольники, и стряпчие, и дворяня, и жильцы сказали, что ты окольного Богдана Матвеевича Хитрово неслогою называл и такие речи говорил, что в прошлом году в мирской мятеж окольный Богдан Матвеевич присылал к Москве из Синбирскаго детей боярских и писал к боярину ко князю Алексею Никитичу Трубецкому, как бы убить боярина Бориса Ивановича, — и ты, Ефрем, такие слова говорил воровством, затеев на окольного на Богдана Матвеевича, и теми словами боярина князя Алексея Никитича Трубетцкаго и окольного Богдана Матвеевича Хитрово обезчестил. И государь (т.) указал за то твое воровство и за бесчестье боярина князя Алексея Никитича Трубетцкаго и окольного Богдана Матвеевича Хитрово, указал тебя на козле бит кнотом». И Августа в 21 день, Ефрему Бахметеву наказанье учинено перед Розрядом, бит на козле кнотом».

Мы передавали приведенные случаи нарушения чести государева двора подлинными словами документов с сохранением некоторых форм и обрядностей розыска, а потому и с неизбежными повторениями, дабы в полноте и с точною достоверностию ознакомить читателя с теми делами и теми вопросами, какими очень часто занимался и сам государь, а особенно его постельничий, обязанный в подробности разобрать каждое дело, найти правого и виноватого и доложить обо всем государю.

Это домашнее, патриархальное разбирательство царедворческих ссор и побранок дает самое ближайшее понятие о вотчинническом характере отношений государя к своим дворовым и служит наиболее прямым подтверждением тому, что мы говорили вообще по поводу этих отношений в первой главе.

Кроме того, приведенные подробности имеют для исследователя особую цену в том смысле, что дают возможность вслушаться в склад живой разговорной старинной речи, раскрывают склад понятий и нравов тогдашнего общества, вводят нас именно в те мелочные житейские отношения, которые всегда останутся самыми оживляющими чертами при изучении и изображении старинной жизни, старинных людей, их типов и характеров.

Примечания

Орфография и пунктуация данного издания во многом осовре-
менены.

- С. 38. *«Предисловие к третьему изданию».* — В основу настоящего издания книги И. Е. Забелина «Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. (В 2-х т. Т. I, ч. 1, ч. 2): Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» положено ее четвертое (т. 1, ч. 1 — 1862, 1872, 1895) издание, вышедшее в 1918 г. в Москве в типографии А. Д. Ступина. Вторая часть первого тома была выпущена в свет двумя изданиями (1862, 1915).
- В четвертом издании книги публикуется предисловие, написанное И. Е. Забелиным к третьему (и последнему прижизненному) изданию его труда, осуществленному в 1895 г. Первое издание после предварительной публикации отдельных частей в журнале «Отечественные записки», начиная с 50-х гг. XIX в., было выпущено в свет в 1862 г.
- С. 45. *«Московские ведомости»* — одна из ведущих московских газет. Издавалась в 1756—1917 гг. В 40-е гг. XIX в. придерживалась либерального курса. С 1863 г. — стала реакционной.
- С. 45. *Оружейная палата.* — Возникла в XVI в. как мастерская и хранилище царского оружия, предметов дворцового обихода, позднее крупнейший русский музей и архивохранилище.
- С. 45. *Московская Дворцовая контора* — одно из центральных учреждений России XVII в. Занималась делами царского дворца.
- С. 45. *Коломенский дворец* — загородный царский дворец, сооруженный в 1667—1668 гг. в подмосковном с. Коломенском. По отзывам современников, был «осьмым чудом света». Образец русского деревянного зодчества, разобран в 1768 г.
- С. 46. *«Строгановские хоромы» в Сольвычегодце* — дворец Григория Дмитриевича Строганова (1656—1715), видного представителя династии Строгановых — крупнейших купцов, предпринимателей (позднее баронов, графов) России. Образец русской деревянной архитектуры XVII в.
- С. 48. *Императорское Московское общество сельского хозяйства* — одно из старейших научно-исследовательских и научно-популяризаторских обществ России. Основано в 1819 г.
- С. 48. *Голицын* — Голицын Василий Васильевич (1643—1714), видный государственный деятель России 80-х гг. XVII в., князь, боярин, фаворит царевны Софьи, правительницы России. Подвергнут опале и ссылке Петром I в 1689 г.
- С. 48. *Зимовой патриарший двор в Астрахани* — административный и хозяйственный центр владений московских патриархов в Астраханском уезде и в Северном Прикаспии в XVII в.
- С. 49. *Смутное время. Московская Разруха.* — События начала XVII в. в России, связанные с воцарением Лжедмитрия I, польско-шведской интервенцией, народными движениями, в первую очередь движением под руководством И. И. Болотникова, борьбой народных ополчений против интервен-

гов, закончившейся освобождением Москвы от поляков в 1612 г. и избранием Михаила Романова на царство.

- С. 49. *Михаил Федорович (1596—1645)* — первый русский царь из династии Романовых. Время правления 1613—1645 гг.
- С. 49. *Алексей Михайлович (1629—1676)* — русский царь, сын царя Михаила Федоровича. Время правления 1645—1676 гг.
- С. 49. *Федор Алексеевич (1661—1682)* — русский царь, сын царя Алексея Михайловича. Время правления 1676—1682 гг.
- С. 49. *Царевна Софья (1657—1704)* — дочь царя Алексея Михайловича от первой жены Марии Ильиничны Милославской. После смерти старшего брата Федора Алексеевича в 1682 г. взяла власть в руки при официальных малолетних царях — Иване Алексеевиче и Петре Алексеевиче. Была свергнута Петром I в результате переворота 1689 г.
- С. 49. *Чтливость* — уважительность, от древ.-рус. чтить — уважать, почитать.
- С. 49. «*Земство*». — В данном случае И. Е. Забелин понимает под земством — «земцев» — кормильцев, все трудовое население страны.
- С. 50. ...«*варяжские походы на Царьград*». — Имеются в виду походы Древнерусского государства на Византию в 860, 907, 941 гг., которые русская историография XIX в. связывала с русскими князьями-варягами — Аскольдом и Диром, Олегом и Игорем.
- С. 50. И. Е. Забелин ошибается, когда пишет, что «тип великого князя» не был резко очерчен на Руси. Титул великого князя определился четко еще в Древней Руси X в. В период феодальной раздробленности он временно утратил свое значение, а затем утвердился по мере возвышения Москвы и объединения вокруг нее русских земель.
- С. 51. ...«*древний Ярослав*». — Ярослав Владимирович Мудрый (978—1054), великий киевский князь, сын Владимира I. Время правления 1019—1054 гг.
- С. 51. *Святополк Владимирович (980—1019)*, по прозвищу Окалинный, — киевский князь, правил в 1015—1019 гг., сын Владимира I.
- С. 51. *Князь Юрий* — великий князь владимиро-суздальский Юрий (Георгий) Всеволодович (1187 или 1188—1238). Время правления 1212—1238 гг.
- С. 51. *Князь Довмонт Псковский* (ум. в 1299 г.) — Довмонт — псковский князь с 1266 г., крупный военачальник, организовавший оборону Пскова от немецких рыцарей в 1269, 1272, 1299 гг.
- С. 52. *Цата* — подвеска, украшение.
- С. 63. *Прогость* — содержание во время пребывания в Москве.
- С. 63. *Маскевич* — Маскевич Самуил (ум. в 1619 г.) — польский офицер, очевидец и участник событий польско-шведской интервенции против России начала XVII в. Автор воспоминаний об этих событиях.
- С. 64. *Междоусьствие*. — Имеются в виду события Смутного времени.
- С. 66. *Ходаковский* — литературное имя польского историка и археолога Адама Чарноцкого (1784—1825). Положил начало изучению истории русской культуры, русской старины в польском обществе.
- С. 68. «*Отний*» — отцовский.

- С. 68. *Мщение Ольги* — убийство древлянских послов в Киеве в ответ на убийство великого киевского князя Игоря, мужа Ольги, древлянами.
- С. 68. *Владимир I Святославич* (ум. в 1015 г.) — великий киевский князь, в 988—989 гг. ввел христианство на Руси. Время правления 980—1015 гг.
- С. 68. *Ярополк I Святославич* (ум. в 980 г.) — киевский князь. Время правления 972—980 гг. Был убит в междоусобной борьбе братом Владимиром Святославичем.
- С. 68. *«поставил кумиры своих богов»*. — Имеется в виду языческая реформа Владимира I, пытавшегося создать в Киеве пантеон языческих богов и поставившего статуи этих богов вне дворцовой части Киева.
- С. 72. *Владимир Андреевич* (1353—1410) — удельный князь серпуховской, двоюродный брат Дмитрия Донского, один из видных русских полководцев второй половины XIV в., участник Куликовской битвы, командовал засадным полком.
- С. 73. *Афонская гора*. — Имеется в виду православный монастырь на горе Афон в Северо-Восточной Греции.
- С. 73. *Василий Дмитриевич*. — Василий I (1371—1425), великий московский князь. Время правления 1389—1425 гг.
- С. 73. *Великий князь Андрей* (ум. в 1304 г.) — третий сын Александра Невского, князь городецкий, костромской, боролся за великое княжение с братом Дмитрием. Захватил престол после 1293 г. при помощи татар.
- С. 73. *Великая княгиня Софья Фоминична*. — Софья Палеолог (ум. в 1503 г.), жена Ивана III Васильевича, племянница последнего византийского императора Константина XI.
- С. 73. *Андрей Васильевич* (1446—1493) — угличский удельный князь, третий сын Василия II, погиб в борьбе за власть со своим братом Иваном III.
- С. 75. *Вершок* — русская мера длины, равная 4,45 см.
- С. 75. *Пошва, подзавалье* — древ.-рус., почва, основание.
- С. 81. *Стамик* — древ.-рус., подпорки или ножки у комнатных лавок.
- С. 81. *Подстрелина* — древ.-рус., косая подпорка, подставка.
- С. 81. *Причелина* — древ.-рус., поддконник, здесь — доска, прикрывающая верхний край.
- С. 87. *Сажень* — русская мера длины, равная 2,1 м.
- С. 92. *«Сын его Василий»* — великий князь Василий III Иванович (1479—1533), сын Ивана III, время правления 1505—1533 гг.
- С. 94. *«вел. кн. Елена»*... — великая княгиня Елена Глинская (ум. в 1538 г.) — вторая жена Василия III, мать Ивана IV Грозного, правительница России в его малолетство в 1533—1538 гг.
- С. 95. *Князь Андрей Иванович Старицкий* (1490—1537) — старший удельный князь, младший сын Ивана III, дядя Ивана IV, в 1537 г. поднял мятеж против правительства Елены Глинской, умер в заточении в этом же году.
- С. 97. *Царь Федор Иванович* (1557—1598) — сын Ивана IV Грозного. Годы правления 1584—1598, последний русский царь из династии Рюриковичей.
- С. 98. *Царица Ирина*. — Ирина Федоровна (ум. в 1603 г.) — жена царя Федора Ивановича, урожденная Годунова, сестра Бориса Годунова.

- С. 98. ...самозванец. — Здесь имеется в виду Лжедмитрий I.
- С. 110. *Крекшин*. — Крекшин Петр Никифорович (1684—1763), автор Записок о времени Петра I.
- С. 114. *Желябужский*. — Желябужский Иван Афанасьевич (1638—1709), русский государственный деятель. Автор Записок о своем времени, заключающих в себе немало подробностей, касающихся отдельных распоряжений Петра I.
- С. 117. *Лещадь* — древ.-рус., колотый и обтесанный камень.
- С. 119. *Ценинный* — древ.-рус., выложенный изразцами, от ценина — фаянс, фарфор, глиняная посуда, поливная керамика.
- С. 124. ...«розметная трава»... — беспорядочно разбросанная.
- С. 128. *Ариши* — русская мера длины, равная 71,12 см.
- С. 129. *Вдовствующая царица Марфа* — Марфа Матвеевна, урожденная Апраксина, вторая жена царя Федора Алексеевича.
- С. 131. *Наводное дело* — искусство полирования.
- С. 132. *Шишак* — древ.-рус., шлем.
- С. 132. *Мисюрка* — вид шлема с железной вершушкой и кольчужной сеткой.
- С. 132. *Ерихон* — стальной наголовник.
- С. 132. *Юшман* — тат., доспех из блях и колец с кольчужными рукавами.
- С. 132. *Бутурлик* — доспех, защищающий ноги всадника.
- С. 132. *Наруч* — часть латных доспехов.
- С. 132. *Бахтерец* — доспех, состоящий из плоских полуколец.
- С. 133. ...«пряженный хлеб»... — хлеб, жаренный на масле или в масле.
- С. 133. *Папошник* — домашний мягкий пшеничный хлеб.
- С. 133. *Помес* (помяс) — слуга, занимающийся мешением.
- С. 133. *Шесник* — древ.-рус., дневальный, рассыльный.
- С. 133. *Куретник* — слуга, ведающий поставкой птицы к столу.
- С. 133. *Засыпка* — засыпающий что-либо.
- С. 134. *Шандан* — вид подсвечника.
- С. 134. ...«с оброчных и данных бортевых ухажьев». — Речь идет о находящихся на оброках и на даях медовых лесных угодьях.
- С. 135. *Котошихин* — Котошихин Григорий Карпович (1630—1667), подьячий Посольского приказа, в 1664 г. бежал в Литву, затем в Швецию, где выпустил книгу «О России в царствование Алексея Михайловича».
- С. 137. ...«мед с гвоздцы»... — с гвоздикой, пряностями.
- С. 137. ...«мед обарный»... — разновидность хмельного напитка из меда.
- С. 137. *дуля* — древ.-рус., особый вид груши.
- С. 137. *бадьян*, *кишнец* — вид растения.
- С. 142. *Киндяк* — древ.-рус., набойная плотная ткань.
- С. 143. *Лубье* — луб, лубки.
- С. 143. *Сереборинник* — шиповник.
- С. 144. *Аспид* — мрамор.
- С. 144. *Гзымс* — карниз.
- С. 145. *Творило* — древ.-рус., ящик для земли, садовый ящик.
- С. 146. *Карбасы*, *ошняки*, *шняги*, *стружож*, *комаги* — различные типы небольших речных судов, лодок.
- С. 147. *Темьян*, *марьян* — пряные растения.
- С. 147. *Гривенка* — русская мера веса, равная фунту, или 400 г.
- С. 148. *Скрут*, *аркат* — сорта яблок.
- С. 148. *Груши сарские*, *волоские* — южные сорта груш,

- С. 149. *Маерам* — пряное растение майоран.
- С. 149. ...д. — деревьев.
- С. 149. *Пилта* — пихта.
- С. 149. *Слетье* — сбор.
- С. 162. *Косящатый камень* — камень, выложенный углом, косяком.
- С. 163. *Шаф* — шкаф.
- С. 172. *Кафельные украшения* — кафельные, изразцовые украшения.
- С. 182. *Левкас* — грунтовка, состоящая из мела с клеем.
- С. 182. *Мурамленные печи* — печи, отделанные зелеными изразцами.
- С. 183. *Царица Евдокия* — Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина (1669—1731); первая жена Петра I, в 1698 г. пострижена в монахини.
- С. 183. *Полсть* — плотное полотно.
- С. 186. *Царица Прасковья* — Прасковья Федоровна, урожд. Салтыкова, жена царя Ивана V Алексеевича, брата и соправителя Петра I с 1682 по 1696 г.
- С. 189. *Обинное сукно* — грубое сукно.
- С. 190. *Царевич Алексей Алексеевич* — сын царя Алексея Михайловича. Умер в 1670 г.
- С. 190. *Стамедная завеса* — шерстяная завеса.
- С. 191. *Аксамит* — древ.-рус., драгоценная ткань с золотыми и серебряными нитями, плотная, ворсистая.
- С. 191. *Кайма с истками* — с незатканными концами.
- С. 206. *Св. Владимир* — киевский князь Владимир I Святославич, св. Борис, св. Глеб — его сыновья Борис и Глеб, убитые по наущению их старшего брата Святополка Окаянного в 1015 г.
- С. 214. *Дмитрий Иванович Углицкий, сын Ивана III* — имеется в виду внук Ивана III.
- С. 216. *Бакан* — багряная краска.
- С. 216. *Ярь* — зеленая краска.
- С. 220—221. *Ярослав Всеволодович (1191—1246)* — сын Всеволода III
- Большое Гнездо, великий князь владимирский с 1238 г., отец Александра Невского.
- С. 221. *Данило Александрович (1261—1303)* — московский князь, годы правления 1276—1303.
- С. 221. *Иван Калита* — Иван I Данилович Калита (ум. в 1340 г.), князь московский с 1325 г., великий князь владимирский с 1328 г., начал собирать русские земли вокруг Москвы.
- С. 222. *Кунган* — от тат. кумган, кувшин с носиком.
- С. 227. *Царица Агафья Семеновна* — Агафья Семеновна Грушецкая, первая жена царя Федора Алексеевича.
- С. 232. ...«миро»... — благовонное масло, употребляемое при крещении.
- С. 233. ...«нозе»... — ноги.
- С. 236. *Обнизь* — здесь: по низу.
- С. 239. *Уена* — глина.
- С. 239. *Окрутный* — быстрый, проворный.
- С. 239. *Обернение* — от «обернуть».
- С. 241. *Алтобас* — (алтабас) парча.
- С. 241. *Червчатый* — древ.-рус., багряный.
- С. 242. *Бархат таусинный* — древ.-рус., темно-синий.
- С. 243. *Серебро басемное* — тонкое, листовое серебро.

- С. 257. *Щеть* — древ.-рус., частокол, щетина.
- С. 259. ...«иноземец *Анбурские земли*... — из Гамбурга.
- С. 263. *Царевна Мария Иоанновна* — одна из дочерей царя Ивана V Алексеевича.
- С. 264. *Кильбургер* — Кильбургер Иоганн Филипп (ум. в 1721 г.), немецкий коммерсант; в 1673—1674 гг. посетил Москву в составе Шведского посольства. Составил описание русской торговли сер. XVII в.
- С. 266. «*Голанский князь Вилим*». — Имеется в виду Вильгельм III Оранский (1650—1703), штатгальтер Нидерландов с 1674 г., английский король с 1689 г.
- С. 267. *Объерми* — плотная шелковая ткань, муар.
- С. 267. *Пка* — древ.-рус., доска.
- С. 268. *Накр*. — древ.-рус., бубен, литавры.
- С. 268. *Варган* — народный музыкальный инструмент.
- С. 270. *Смазни* — поддельные ценные камни.
- С. 270. *Сканый* — от древ.-рус., скань — филигрань, вид ювелирной техники.
- С. 270. *Скрыны* — древ.-рус., ящичек.
- С. 270. ...*часы сделать скрынкою*... — опраить ящичком с крышкой.
- С. 272. *Капкан* — здесь: капеллан, монах ордена августинцев.
- С. 275. *Лябры* — возможно, растение лябренник.
- С. 278. *Царица Евдокия Лукьяновна* — Евдокия Лукьяновна, урожденная Стрешнева, жена царя Михаила Федоровича.
- С. 278. *Налеп* — налепленная вещь; здесь — поставленные большие свечи.
- С. 280. «*Перед Святой*» — перед пасхальной неделей.
- С. 283. *Мусат* — стальная полоска для точки ножей.
- Рылец* — лопаточка.
- С. 285. *Тавлеи* — шашечница, игра в кости.
- С. 287. *Ставик* — вид сосуда.
- С. 288. *Скльшиечка* — возможно, вид ящичка, коробочки.
- С. 289. *Чемер* — здесь: боль в желудке.
- С. 289. *Лядвея* — бедро, ляжка.
- С. 292. *Лентий* — греч., полотенце, ручник.
- С. 296. *Касия* — корица.
- С. 307. ...«*делана лучонками*»... — лучами.
- С. 308. ...«*подложены кутнями*»... — полушелковой восточной тканью.
- С. 310. ...«*спорты безинные*»... — сделанные из бязи.
- С. 312. *Канютель* — канитель — золотая, серебряная нить.
- Бакан турецкий* — турецкая багряная краска.
- С. 315. *Лековый* — требующий лечения.
- С. 315. *Ступочный* — разложенный ступками, ступочками, столбиком.
- С. 317. *Перья струцово* — страусово.
- С. 319. *Облый* — круглый.
- С. 323. *Герберштейн* — Герберштейн Сигизмунд (1486—1566), посол «Священной Римской империи» в России в первой четверти XVI в. Автор «Записок о Московии».
- С. 332. *Отпуск* — церемония прощания с иностранным посольством в средневековой России.
- С. 384. *Зерщик* — игрок в зернь (в кости или в зерна).
- С. 388. *Кнот* — фитиль, устройство для поджигания заряда.
- С. 390. ...«*коходы вырежет*»... — т. е. органы пищеварения.
- С. 399. (т.) — титул,

А. Н. Сахаров. «Светлый русский ум» 5

Предисловие к третьему изданию 38

Глава I. Государев двор, или дворец. Вступление: значение имени государь в Древней Руси. Политическое развитие этого значения; великий государь Московский. — Значение Москвы, как вотчинного города московских князей. — Место первого их заселения в Москве. — Общее понятие о князем дворе в Древней Руси. — Дворец первых московских князей. — Общий обзор древних хоромных построек. — Способы построек и плотничное дело. — Состав деревянного государева дворца. — Дворец Коломенский, как тип древних хоромных построек. — Каменный Кремлевский дворец и история его первоначальной постройки. — Его расположение в начале XVI в. — История дворца при царе Иване Васильевиче и его преемниках. — Запустение дворца в Московскую разруху. — Его обновление и новые постройки при царе Михаиле. — Новые украшения дворца при царе Алексее. — Распространение и украшение дворца при царе Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи. — Расположение дворца и его состав в конце XVII ст. — Красное крыльцо и большие палаты. — Теремный дворец. — Верховые сады. — Башенные часы. — Набаты. — Запустение и постепенное разрушение дворцовых зданий в XVIII ст.

Глава II. Государев двор, или дворец. Внешний вид дворца и наружные украшения зданий. — Резное деревянное и каменное дело древнерусское. — Немецкая фигурная резьба, вошедшая в употребление при ц. Алексее. — Расписывание наружных украшений красками. — Иконы на дворцовых воротах. — Внутренний наряд хором: наряд плотничий и вообще строительный: мосты, или полы, лавки, коники и пр. — Резные подволоки. — Полы. — Лавки. — Устройство окон и оконниц. — Оконный и дверной прибор. — Печи. — Наряд хоромный шатерничий, обои суконные и других материй. — Золотые и серебряные сожы. — Полавочки. — Бумажники, тюфяки, завесы. — Особенное богатство хоромного наряда. — Палатная и хоромная живопись, или стенное и подволочное письмо. — Стенопись сеней Золотой палаты. — Ее значение. — Стенопись Золотой палаты. — Стенопись Грановитой. — Золотой Царицной. — Подволочное письмо Столовой избы, звездотечное небесное движение и беги небесные. — Такое же письмо загородных Столовых. — Письмо Постельных хором. — Хоромное стенное письмо. — Описание комнатной стенописи в хорамах царевен. — Хоромное письмо в Коломенском дворце. — Общий характер хоромного письма. — Царские места, или престолы. Общая характеристика дворцового великолепия. — Меблировка хором: столы. — Скамьи, стулья,

кресла. — Зеркала. — Картины живописные. — Парсуны, или портреты. — Фряжские листы, эстампы. — Чертежи. — Часы. — Органы. — Казенки, поставцы, шафы, скрини и другая мебель. — Паникадила, подсвечники, шенданы. — Свечи. — Курения. — Чистота. — Частный обзор комнат: Передняя. — Комната. — Письменный стол. — Поставцы с дорогою и затейливою посудою. — Редкости и драгоценности. — Хоромные птицы: попугай и пр. — Крестовая. — Молебный иконостас и святцыя. — Свечи, налои, четки, лестовицы. — Крестовые попы и дяки. — Спальня: кровати. — Постели. — Белье. — Уборные зеркала. — Гребни и гребенки. — Мыло, готовальни. — Румяна, белила и пр. духи. — Опахала. — Будильники. — Мыленка.

Глава III. *Государев двор, или дворец.* Значение и честь государева двора. — Приезд. — Кто пользовался свободным входом. — Запрещение входить во дворец меньшим чинам. — Запрещение входить с оружием и в болезнях. — Нарушение чести государева двора непригожим словом. — Караул. — Значение царских палат в отношении обрядов, приемов, собраний и в домашней жизни государя. — Значение Грановитой. — Золотой. — Царицыной Золотой и Столовой. — Панихидной. — Ответной. — Государевой Передней и Комнаты или Теремного дворца. — Значение крылец. — Встречи. — Дневальные записки о погоде и дворцовом карауле. — Постельное крыльцо, как площадь или сборное место дворянства. — Дела о нарушении чести государева двора и о дворянском бесчестье.

Примечания 409

ИВАН ЕГОРОВИЧ ЗАБЕЛИН

Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях

Книга первая

Государев двор, или дворец

Рук. группы А. Н. Казакевич

Редактор Н. Л. Стебаева

Технический редактор В. Л. Юняев

Корректор Л. В. Петрова

ИБ № 1905

Сдано в набор 15.01.90. Подписано в печать 26.04.90. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Литературная. Бумага нмп. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84.
Усл. кр.-отг. 22,26. Уч.-изд. л. 25,10. Тираж 300 000 экз. Изд. № 4832. Заказ
№ 481. Цена 4 р.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50
Владимирская типография Госкомитета СССР по печати,
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.

И. Е. ЗАБЕЛИН

“Таким образом, царский московский дворец в XVII ст. уподоблялся во многом своим древнейшим идеалам – дворцам библейским и особенно константинопольскому, как более близкому по времени и по обычаям. Его великолепие изумляло современников, и многие из них, пораженные блеском золота и красок, богатством, торжественностью, несказанным сиянием и блистанием всего окружавшего, иногда видели даже более, чем было на самом деле”.

И. Забелин

· КНИГА ·

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

И. Е. ЗАБЕЛИН